

Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина.

Лехович Д.В.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М Воскресенье 1992г. 368 с.с ил, карт. твердый переплет

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ ЕГО КНИГИ

Исторические события, их истинный смысл и правда оказались жертвой господствующей идеологии в бывшем Советском Союзе. В то же время за границей, где находилось и находится много ценного архивного материала в публичных и университетских библиотеках, имелась реальная возможность ознакомиться с подлинным историческим материалом.

Эта ситуация коснулась таких исторических явлений, как деятельность Столыпина, русская аграрная политика, деятельность партии меньшевиков, судьба последнего русского императора и его семьи, гражданская война. А также отразилась на изучении таких личностей, как Ленин, Троцкий, Сталин, Бухарин и Хрущев.

Поэтому в своей книге «Белые против красных» мне хотелось пролить свет истины на некоторые факты не такой уж давней истории моей родины.

Семнадцатилетним юношей, оставив учебу в императорском Александровском лицее в Петрограде, я вступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина, а затем генерала П. Н. Врангеля. Два года служил, был ранен, болел сыпным тифом.

В Соединенных Штатах, окончив Колумбийский университет в Нью-Йорке и пройдя длинный путь деловой жизни, я вышел в отставку и занялся всегда интересовавшим меня вопросом — подробное изучение гражданской войны, результатом чего явилась моя книга.

Теперь, достигнув весьма преклонного возраста (мне 91 год), я с радостью узнал, что газетно-журнальное объединение «Воскресенье» предлагает издать мою книгу на родном русском языке, чтобы русский писатель смог ближе познакомиться с бескорыстной и благородной личностью Антона Ивановича Деникина.

Шлю наилучшие пожелания читателям моей книги.

Димитрий Лехович

*Нью-Йорк
август 1992г.*

ОТ АВТОРА

В бумагах вдовы генерала Деникина имеется любопытное письмо к ней от Вильяма Генри Чемберлина. В начале 20-х годов он сочувствовал коммунистическому эксперименту в России. Но, проведя в Советском Союзе двенадцать лет (с 1922 по 1934 год) корреспондентом журнала "The Christian Science Monitor" и наблюдая, как применялись там на практике теории Карла Маркса, он переменял свое отношение к коммунизму. Его двухтомный труд «Русская революция. 1917—1921», опубликованный в 1935 году, был одной из первых серьезных попыток за границей дать продуманное и уравновешенное исследование той сложной эпохи.

Много лет спустя, в марте 1965 года, Чемберлин писал госпоже Деникиной, что, изучая труд ее мужа «Очерки русской смуты» и другие исторические источники, он проникся глубоким уважением к личности генерала Деникина и к его доблестной попытке отстаивать подлинную ценность культуры и цивилизации от надвигающейся заразы коммунизма. Чемберлин выражал вдове генерала свое искреннее восхищение безупречным патриотизмом Деникина и свое сожаление, что белое движение потерпело неудачу, ибо, писал он, история не только России, но и Европы была бы гораздо счастливее, если бы поход Деникина увенчался успехом.

Деникин, противник самодержавия и убежденный сторонник конституционного строя, типа британского, не искал власти, тяготился ею и смотрел на нее как на тяжкий крест, возложенный судь-

бой. Свою «диктатуру» периода гражданской войны он считал чисто временной — переходной фазой на пути к народовластию, то есть к подлинному демократическому государственному строю, в возможность установления которого в России он искренне верил.

Белое движение генерала Деникина потерпело неудачу, а грандиозные события, происходившие после второй мировой войны, совершенно затмили имя человека, на которого в свое время в России и вне ее одни смотрели с надеждой, другие — с ненавистью.

Познакомиться с генералом и довольно близко его узнать мне пришлось только в последние два года его жизни, когда после конца второй мировой войны он переехал из Франции в Соединенные Штаты. Беседы с ним открыли мне эпизоды из жизни Антона Ивановича, о которых я и не подозревал. А когда после его кончины вдова генерала Ксения Васильевна любезно разрешила мне ознакомиться с содержанием его архива, у меня появилось твердое убеждение, что биография генерала Деникина заслуживает самого серьезного внимания не только как глава из истории чрезвычайно важной эпохи, но и как описание яркой и в то же время трагической жизни незаурядного человека.

Все бумаги генерала после его смерти были переданы вдовой на хранение в Русский архив Колумбийского университета с оговоркой, что пользование ими в полном объеме без особого на то разрешения предоставляется лишь с 1980 года.

А потому я глубоко признателен Ксении Васильевне Деникиной за данное мне право использовать весь архивный материал мужа, а также ее личный архив и впервые привести в печати не опубликованные прежде исторически ценные документы генерала Деникина, его письма к жене, ее дневники, переписку Антона Ивановича с друзьями и знакомыми и целый ряд написанных им, но не напечатанных статей, памфлетов и исторических справок.

Книга моя предназначалась для англо-американского читателя и в конце сентября 1974 года была опубликована издательством W. W. Norton Co., Inc., в Нью-Йорке под заглавием "White Against Red. The life of General Anton Denikin".

Дав в мое полное распоряжение весь обширный и неопубликованный материал по биографии своего мужа, вдова генерала Деникина поставила лишь одно условие: она желала, чтобы биография ее мужа была написана не только на английском, но и на русском языках, чтобы близко познакомить русского читателя с личностью человека, о котором во многих случаях создавалось извращенное представление.

Повинуясь желанию Ксении Васильевны Деникиной, я написал свой труд и на русском языке. В известной степени он расширяет и дополняет английский текст моей книги деталями и эпизодами, которые могут представлять бóльший интерес и иметь большее значение для русского читателя, чем для иностранца. В книге моей, опубликованной на английском языке, я привел с благодарностью длинный список лиц, которые так или иначе оказали мне любезное и очень ценное содействие в работе. Хочу лишь подчеркнуть еще раз свою глубокую признательность Ксении Васильевне Деникиной (скончавшейся в марте 1973 года) за доверие, оказанное мне, а также выразить сердечную благодарность покойному профессору Philip E. Mosely, давшему мне возможность изучать без всякого ограничения различные документы периода гражданской войны, хранящиеся в Русском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке; дочери генерала Деникина, Марине Антоновне Chiарре, за то, что любезно поделилась со мной воспоминаниями о своем отце, связанными с ее детством и юностью.

Но русскому тексту биографии А. И. Деникина я больше всего обязан моей покойной жене и верному другу Евгении Сергеевне Лехович, урожденной княжне Урусовой, скончавшейся от рака 7 января 1975 года. Своими советами, критикой и неизменной моральной поддержкой она помогла мне довести начатое дело до конца. Даже в период самой мучительной фазы своей болезни, перед самым уходом из жизни она торопила меня закончить обработку моей русской рукописи. А потому с величайшей признательностью за ее душевную щедрость и одновременно со жгучим чувством понесенной утраты я посвящаю русский текст моей книги ее светлой памяти.

Нью-Йорк

В книге все события и документы дореволюционной России и белого движения помечены юлианским календарем, а все советские документы и ссылки на западноевропейские источники датированы согласно григорианскому календарю. В тех случаях, где возможно недоразумение, дается ссылка на тот или иной календарь.

С момента приезда генерала Деникина в Англию в апреле 1920 года все даты указаны по григорианскому календарю.

I ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

«Сим с приложением церковной печати свидетельствую, что в метрической книге Ловичской приходской Предтеченской церкви за 1872 год акт крещения младенца Антония, сына отставного майора Ивана Ефимова Деникина, православного исповедания, и законной жены его, Елисаветы Федоровой, римско-католического исповедания, записан так: в счете родившихся мужеска пола № 33-й, время рождения: тысяча восемьсот семьдесят второго года, декабря четвертого дня. Время крещения: того же года и месяца декабря двадцать пятого дня.

На подлинном подписал: Настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Веньямин Скворцов».

Этим казенным языком отмечено было появление на свет и крещение в православную веру Антона Ивановича Деникина, будущего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, чье имя неразрывно связано с началом борьбы против большевизма.

Хотя Деникина крестили в Ловиче, родился он во Влоцлавске, уездном городе Варшавской губернии, входившей в те времена в состав Российской империи.

Влоцлавск был тихим, захолустным местом, с польским и еврейским населением, не превышавшим двадцать тысяч человек, без культурной и общественной жизни, даже без городской библиотеки. Но было там реальное училище, куда впоследствии и поместили юного Деникина. Русское население состояло из небольшого числа военных и гражданских служащих.

Детство Деникина прошло не только в бедности, но и в беспроветной нужде. Отец его, Иван Ефимович, из крепостных крестьян Саратовской губернии, родился в 1807 году, за пять лет до наполеоновского нашествия на Россию. Двадцати семи лет от роду он был сдан помещиком в рекруты.

В суровую эпоху императора Николая I солдаты служили 25 лет. За этот долгий срок, переменяя много полков, Иван Ефимович потерял связь с родной деревней и со своей семьей. Родители его давно умерли. Были брат и сестра, но, куда они девались, Иван Ефимович не знал. Лишь раз, будучи солдатом, попал он в город, где жил тогда брат. Иван Ефимович с радостью пошел его навестить, и тут случилось глубоко оскорбившее его событие: брат, оказывается, «вышел в люди» и давал в тот день званый обед. Ивана Ефимовича на этот обед не пригласили. Жена брата вынесла ему еду на кухню, но в покои не пустила. Иван Ефимович ушел не простившись из негостеприимного дома своего брата. Больше он с ним никогда не встречался.

Поступив на военную службу лишь со знанием грамоты, Иван Ефимович, по словам своего сына, «кое-чему на службе подучился». Он участвовал в Венгерском походе (1849 год), в Крымской кампании (1854—1855 годы) и в усмирении Польского восстания (1863 год). В 1856 году он был произведен из фельдфебелей в прапорщики и назначен на службу в бригаду пограничной стражи в Польшу. В 1869 году Иван Ефимович вышел в отставку в чине майора, а через два года, шестидесяти четырех лет от роду, женился вторым браком на польке-католичке Елизавете Федоровне (Францисковне) Вржесинской. От этого брака и родился в 1872 году сын Антон.

Елизавета Федоровна происходила из семьи обедневших мелких землевладельцев, и ко времени знакомства с Иваном Ефимовичем единственным ее заработком на жизнь было шитье. Зарботок приносил гроши, и на них она старалась содержать себя и своего старого отца.

«Помню нашу убогую квартирку во дворе на Пекарской улице (во Влоцлавске), — писал впоследствии Антон Иванович, — две комнаты, темный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приема гостей, она же столовая, рабочая и проч.; в другой, темной комнате — спальня для нас троих, в чуланчике спал дед (отец матери), а на кухне — нянька. Нянька моя Аполония, в просторечье Полоса, поступив к нам вначале в качестве платной прислуги, постепенно вращалась в нашу семью, сосредоточила на нас все интересы своей одинокой жизни, свою любовь и преданность и до смерти своей с нами не расставалась. Я похоронил ее в Житомире, где командовал полком».

Семья Деникиных — пять человек, включая деда и няньку, — существовала на пенсию Ивана Ефимовича в 36 рублей в месяц. Пенсии, конечно, не хватало. Но отец ухитрялся раздавать кое-какие гроши еще более нуждающимся — в долг, но обыкновенно без отдачи... Это выводило из терпения мать, оберегавшую свое убогое гнездо. Сыпались упреки: «Что же это такое, Ефимыч, ведь нам самим есть нечего...»

И читая эти строки из незаконченной автобиографии А. И. Деникина «Путь русского офицера», диву даешься, что в 1966 году издательство Московского университета сочло возможным выпустить книжку «Крах деникинщины», где автор А. П. Алексашенко с апломбом невежды утверждает, что Деникин был «выходцем из курских помещиков». Факт в том, что Антон Иванович Деникин — один из вождей борьбы против коммунизма — был, несомненно, более «пролетарского происхождения», чем его будущие противники — Ленин, Троцкий и многие другие.

Но вернемся к детству Деникина и к тем эпизодам его юности, которые сыграли роль в формировании характера и взглядов и так или иначе оказали влияние на дальнейший ход его жизни.

Несмотря на натянутые русско-польские отношения того времени, жизнь в семье Деникиных шла мирно и дружно. Отец всегда говорил дома по-русски, мать — по-польски. Не было недоразумений и в вопросе религии: отец ходил в православную церковь, мать — в костел. Сына воспитывали «в русскости и православии». Отец был глубоко верующим человеком, не пропускал церковных служб и сына всегда водил с собой в церковь. С детства Антон Иванович стал прислуживать в алтаре, петь на клиросе, бить в колокол, а впоследствии читать Шестопсалмие и Апостола. Но иногда, чтобы порадовать мать, отправлялся с ней в костел. В скромной полковой церкви воспринимал он православное богослужение как «свое, родное, близкое», католическое же богослужение осталось у него в памяти лишь как интересное зрелище.

Бывали случаи, когда русско-польские трения все же врывались в семью Деникиных. Однажды — и этот эпизод запал в душу девятилетнего мальчика — мать вернулась из костела чрезвычайно расстроенная, с заплаканными глазами. Отец допытывался, в чем дело, и под конец выяснил, что ксендз не допустил его жену к причастию, потребовав, чтобы впредь она тайно воспитывала сына в католичестве и польскости.

Узнав об этом, отец — человек прямой и горячий — «крепко выругался» и пошел к ксендзу. Произошло бурное объяснение, в результате которого напуганный ксендз просил отца «не губить его». Дело это, конечно, никаких последствий не имело, но «попытка к совращению» могла печально отразиться на жизни ксендза, ибо приемы власти в русской Польше в те годы были весьма крутые.

«Не знаю, — писал на старости лет Антон Иванович, — как происходили дальнейшие исповеди матери, ибо никогда более родители мои к этой теме не возвращались... С этого дня я, по какому-то внутреннему побуждению, больше в костел не ходил».

Нет сомнения, что Антон Иванович искренне любил своего отца и глубоко был к нему привязан. Несомненно также, что от отца он унаследовал многие черты своего характера.

Вот как он описывает их отношения:

«Меня отец не поучал, не наставлял. Не в его характере это было. Но все, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ясность, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко запали в мою душу».

Мать часто жаловалась на судьбу, беспросветную нужду, отец — никогда. В сундуке лежал его последний военный мундир, пересыпанный от моли нюхательным табаком. Отец хранил его как зеницу ока «на предмет непостыдных кончины — чтоб хоть в землю лечь солдатом».

И вот еще воспоминание сына об отце:

«Когда происходила русско-турецкая война (1877—1878), отцу шел уже семидесятый год. Он заметно для окружающих заскучал. Становился все более молчаливым, утрюмым и не находил себе места. Наконец, втайне от жены, подал прошение о поступлении вновь на действительную службу... Об этом мы узнали, когда спустя много времени начальник гарнизона прислал бумагу: майору Деникину прибыть в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым ему надлежало отправиться на театр войны».

Слезы и упреки матери: «Как ты мог, Ефимыч, не сказав ни слова... Боже мой, ну, куда тебе, старику...»

Плакал и я. Однако в глубине души гордился тем, что папа мой идет на войну».

Но на войну идти не пришлось. Война кончилась, и формирования прекратились.

Молодой Деникин воспринимал бедность своей семьи как нечто вполне естественное. Одним из немногих случаев, где подсознательно он ощутил социальную несправедливость, произошел, когда шести лет босым играл он с ребятами на улице. Проходил мимо инспектор реального училища и увидел, как один из великовозрастных семиклассников дружески возился с Антоном и подбрасывал его в воздух, что доставляло ребенку большое удовольствие. Инспектор остановился и сделал семикласснику замечание: «Как вам не стыдно возиться с уличными мальчишками!»

«Я свету Божьего не взвидел от горькой обиды, — вспоминал этот эпизод Антон Иванович. — Побежал домой, со слезами рассказал отцу. Отец вспылел, схватил шапку и вышел-из дому: «Ах, он, сукин сын! Гувернантки, видите ли, нет у нас. Я ему покажу!»

Пошел к инспектору и разделал его такими крепкими словами, что тот не знал, куда деваться и как извиняться».

Русской грамоте Антось, так молодого Деникина звали дома, выучился четырех лет. А в 1882 году, в возрасте девяти лет, он выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища.

Это было важным событием и большой радостью для родителей. Впервые в жизни повели они своего сына в кондитерскую и угостили его шоколадом и пирожными.

Реальные училища, созданные в Германии в XVIII веке, начали прививаться в России с конца

30-х годов прошлого столетия. В противовес классическим гимназиям это были общеобразовательные учебные заведения, преследовавшие практические цели. Вместо преимущественного изучения классицизма, древних языков и писаний латинских и греческих классиков реальные училища выпускали молодежь с хорошим знанием математики, физики, химии, космографии, естественной истории, рисования и черчения. Они готовили компетентные кадры к поступлению в высшие специальные учебные заведения, инженерные училища.

Всегда здоровый и крепкий, Иван Ефимович в последние годы жизни стал страдать болями в желудке. Оказался рак. К весне 1885 года он уже не покидал постели. В дни великого поста молясь вслух, он говорил: «Господи, пошли умереть вместе с Тобой...» Молитва была услышана, желание исполнено: он умер в страстную пятницу и похоронен на третий день Пасхи. На могильной плите сослуживцы отца составили следующую надпись: «В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

После смерти отца пенсию сразу сократили. Мать стала получать лишь 20 рублей в месяц. Антону Ивановичу — тринадцатилетнему ученику реального училища, пришлось подрабатывать репетиторством.

Через два года материальное положение стало настолько невыносимым, что на семейном совете, состоявшем из матери, сына и старой няньки, решено было просить директора реального училища разрешить держать «ученическую квартиру», то есть пансион для учеников. К великой радости Деникиных, директор дал разрешение на квартиру для восьми учеников с платой 20 рублей в месяц с человека за стол и помещение. К этому времени за молодым Деникиным установилась репутация хорошего ученика, и он был назначен старшим по квартире.

Переехали в новое помещение. Это было первым проблеском в беспросветной нужде.

Будучи сыном русского отца и польской матери, он рано почувствовал абсурдность «нелепой, тяжелой и обидной для поляков руссификации», проводимой русским правительством в Привисленском крае. В русской Польше, например, строжайше запрещалось говорить по-польски не только в школе, но даже на «ученических квартирах», то есть в пансионах. Виновные в нарушении этого правила подвергались наказаниям.

Невзирая на это, Антон со школьными товарищами-поляками говорил по-польски, с русскими — по-русски.

В седьмом классе, когда Деникин жил уже вне дома, учился в Ловичском реальном училище, его снова назначили старшим на «ученической квартире». «Должность старшего, — пишет Антон Иванович, — представляла скидку — половину платы за содержание, что было весьма приятно; состояла она в надзоре за внутренним порядком, что было естественным, но требовала заполнения месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: «уличенные в разговоре на польском языке». Это было совсем тягостно, ибо являлось попросту доносом. Рискую быть смещенным с должности, что на нашем бюджете отразилось бы весьма печально, я всякий раз вносил в графу: «таких случаев не было».

Так длилось три месяца, но в один прекрасный день Антона Деникина вызвали к директору училища.

— Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было.

— Да, господин директор.

— Я знаю, что это неправда. Вы хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны замирить и обрусить этот край...

«Был ли директор твердо уверен в своей правоте и целесообразности такого метода «замирения» — не знаю. Но до конца учебного года в моем отчете появлялась сакраментальная фраза — «таких случаев не было», а с должности меня не сместили».

Этот малозначительный эпизод на «ученической квартире», свидетельствующий, казалось бы, лишь о том, что Деникин был хорошим товарищем, приобретает более общий интерес в виду последующих русско-польских отношений в период гражданской войны, когда генерал Деникин возглавлял белое движение на Юге России и когда глава Польского государства Пилсудский видел в нем врага Польши. Это суждение повторяли потом многие историки, и оно было совершенно несправедливо.

О том, как Деникин относился к Польше, видно из его письма к одному из своих старых товарищей по реальному училищу во Влоцлавске. Письмо написано было в 1937 году. В нем имеются следующие строки: «...и память моей покойной матери-польки, и детские и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу».

В те далекие времена русские молодые люди в поисках «правды» часто отходили от церкви и искали разрешение вопроса: в чем смысл жизни — в антирелигиозных учениях.

Не избежал этих исканий и молодой Деникин. «Больше всего, — писал он на склоне лет, —

страстнее всего занимал нас вопрос религиозный, не вероисповедный, а именно религиозный — о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии народу с Ренаном и другой «безбожной» литературой... Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

Человек — существо трех измерений — не в силах сознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего!»

Несмотря на успешное окончание реального училища, выбор карьеры предопределился окружающей обстановкой. С раннего детства, под влиянием рассказов отца, Антон Деникин пристрастился к военной жизни. С местными уланами ездил он на водопой и купание лошадей, ходил на стрельбища стрелковых рот, за случайно перепавший пятак покупал у солдат боевые патроны, сам их разряжал, а порох употреблял для закладки и взрывания фугасов. Одним словом, военная служба была его мечтой. Стал он также хорошим гимнастом и отличным пловцом, одним из лучших среди ребятшек, полоскавшихся в Висле.

Предварительно записавшись вольноопределяющимся, то есть рядовым, в один из стрелковых полков, Антон Деникин поступил осенью 1890 года в незадолго до того открывшееся Киевское юнкерское училище (с военно-училищным курсом).

Началась суровая солдатская жизнь: еда — солдатская, казенное обмундирование и белье — солдатское, и получал он солдатское жалованье в размере 22 $\frac{1}{2}$ копеек в месяц (!!).

На подобное жалованье раскрутиться было трудно. Не хватало даже на табак... Из скудной пенсии и ничтожного заработка мелким вышиванием мать посылала сыну 5 рублей в месяц.

После окончания двухлетнего курса в училище А. И. Деникин в 1892 году был произведен в офицеры. Вышел он подпоручиком во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду, расквартированную в городе Бела Седлецкой губернии, в 159 верстах от Варшавы.

Дворянский состав русского офицерства сохранился лишь в гвардии. В армии он быстро сходил на нет — демократизация шла полным ходом.

«Выросло новое поколение людей, — писал А. И. Деникин, — обладавших менее блестящей внешностью и скромными требованиями жизни, но знающих, трудолюбивых, разделяющих достоинства и недостатки русской интеллигенции».

К этой категории он, несомненно, причислял самого себя.

Людам, незнакомым с русской военной историей, покажется почти невероятным, что в старой императорской русской армии к началу первой мировой войны офицерство на 60 процентов состояло из разночинцев, людей недворянского происхождения.

И в то время как разночинцы в литературе и других свободных профессиях часто приносили с собой ненависть к существовавшему строю, разночинцы, попавшие в корпус офицеров, в большинстве своем явились оплотом русской государственности — генералы Алексеев, Корнилов и Деникин первыми подняли оружие против захвативших власть большевиков.

Город Бела, куда попал Деникин, в культурном отношении вряд ли многим отличался от Влоцлавска. Вспоминая свое пребывание здесь, А. И. Деникин говорил, что это была типичная стоянка для большинства войсковых частей, заброшенных в захолустья Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов.

По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства. Быть может, потому в компании своих сверстников он был не слишком разговорчив, но пользовался большим авторитетом и всеобщим уважением. К его мнению прислушивались, «на него» приглашали — «приходите сегодня, посидим, поговорим — Деникин будет». Немало таких свидетельств дошло до нас от людей, знавших его в молодости.

Он был содержательным человеком, стремившимся анализировать явления жизни. Обладая незаурядным ораторским талантом. Тогда, в молодости, он выражался лишь в «застольных речах», приветствиях тем, кого чествовали, прощальных словах тем, кто уходил, а иногда и в речах на злободневные военные вопросы. После революции 1917 года имя Деникина, как яркого и бесстрашного оратора, стало широко известно в России.

Голос у него был низкий и звучно покрывал большое пространство. Роста он был ниже среднего, скорее низкого, крепкого, коренастого сложения, склонен к полноте. Густые нависшие брови, умные пронизательные глаза, открытое лицо, большие усы и клином подстриженная борода. Впоследствии, когда волосы стали редеть, Деникин начал брить голову наголо.

Осенью 1895 года, после нескольких лет подготовки, Антон Иванович выдержал конкурсный экзамен в Академию Генерального штаба, окончание которой — при наличии способностей и удачи — сулило офицеру возможность большой военной карьеры.

После детства и юности, проведенных в глухой провинции, жизнь в Петербурге повернулась к

Деникину совершенно новыми для него сторонами. Впервые пришлось ему видеть императора Николая II, впервые быть на придворном балу в Зимнем дворце. Академия Генерального штаба получила туда 20 приглашений, и одно из них досталось Деникину. «Я и двое моих приятелей держались вместе, — вспоминал Деникин. — На нас, провинциалов, вся обстановка бала произвела впечатление невиданной феерии по грандиозности и импозантности зала, по блеску военных и гражданских форм и дамских костюмов, по всему своеобразию придворного ритуала. И вместе с тем в публике, не исключая нас, как-то не чувствовалось никакого стеснения ни от ритуала, ни от неравенства положений».

Впервые также столкнулся Деникин с петербургской интеллигенцией разных толков, со студентами и курсистками, с нелегальной литературой, печатавшейся левыми эмигрантами того времени за границей и переправлявшейся в Россию. Все это было ново, все интересно, обо всем хотелось составить собственное суждение.

Нелегко было ему совместить наплыв новых впечатлений с академическими занятиями. Один из товарищей по академии, знавший Деникина с его первого офицерского чина, оставил интересное свидетельство на эту тему:

«В академии Антон Иванович учился плохо; он окончил ее последним из числа имеющих право на производство в Генеральный штаб. Не потому, конечно, что ему трудно было усвоение академического курса. Да и курс этот вопреки существовавшему тогда в армии и обществе мнению не был труден. Он был очень загроможден. Академия требовала от офицера, подвергнутого строгой учебной дисциплине, всего времени и ежедневной регулярности в работе. Для личной жизни, для участия в вопросах, которые ставила жизнь общественная и военная вне академии, времени почти не оставалось. А по свойствам своей личности Антон Иванович не мог не урывать времени у академии для внеакадемических интересов в ущерб занятиям. И если все же кончил ее, то лишь благодаря своим способностям».

Однако в Генеральный штаб он попал не сразу, хотя имел на то полное право. Этот факт сыграл настолько важную роль в жизни Деникина, что следует на нем остановиться.

В академии, к моменту ее окончания Деникиным, произошла большая перемена. Начальник академии, генерал Леер, известный не только в русских, но и в европейских военных кругах как выдающийся лектор в области стратегии и философии войны, был смещен. На его место был назначен генерал Сухотин, человек, по-видимому, сумбурный, властный и грубый, но бывший другом военного министра. Он открыто критиковал своего предшественника, его методы, систему обучения и сразу же начал их ломать.

Достаточно сказать, что список офицеров, назначенных в Генеральный штаб, перед самым их выпуском из академии менялся Сухотиным совершенно произвольно четыре раза. В два первых списка имя Деникина было включено, но в два последних не попало.

Это было нарушением всех правил. Вскоре выяснилось, что, минуя конференцию академии и непосредственное начальство, а также пользуясь своей близостью к военному министру Куропаткину, Сухотин отвозил ему доклады об «академических реформах» и привозил их обратно с надписью: «Согласен».

Примириться с подобным произволом Деникин не мог. Годы лишений, упорного труда, приобретенные знания, широкий кругозор, надежды на будущее — все это сразу сводилось на нет властной волей одного человека. И он прибег к единственному законному способу, предусмотренному дисциплинарным уставом, — к жалобе.

«Так как нарушение закона и наших прав, — писал он впоследствии, — совершено было по резолюции военного министра, то жалобу надлежало подать на него — его прямому начальству, то есть Государю Императору... Я написал жалобу на Высочайшее имя...»

В военном быту, проникнутом насковзь идеей подчинения, такое восхождение к самому верху иерархической лестницы являлось фактом небывалым.

Деникин предложил своим товарищам по несчастью последовать его примеру, но они не решились.

В бюрократическом Петербурге сей эпизод быстро превратился в большое событие. О нем говорили, его обсуждали, делали догадки, чем «этот скандал» кончится. Казалось невероятным, что молодой человек, Бог знает откуда взявшийся, без имени, без связей, без протекции, посмел вдруг ополчиться против всемогущей бюрократии. Штабс-капитан — против военного министра! Педагогический персонал и все товарищи Деникина по академии были на его стороне. Произошла большая несправедливость, и они всячески старались проявить к нему внимание и сочувствие. Начальник же академии, генерал Сухотин, хотел придать жалобе Деникина характер «крамолы». Военный министр приказал собрать академическую конференцию для обсуждения этого вопроса. Конференция вынесла решение: действия начальника академии незаконны. Но решение положили под сукно. Военное начальство всеми способами пыталось замять дело, но так, чтобы не осрамиться, чтобы не попасть в глупое положение. В результате Деникина и трех других неудачников вызвали в академию, «поздра-

вили»с ваканциями в Генеральный штаб. Однако Деникину сообщили, что он будет причислен к Генеральному штабу лишь в том случае, если возьмет обратно свою жалобу, заменив ее заявлением, что, мол, хоть прав он никаких на то не имеет, «но, принимая во внимание потраченные годы и понесенные труды, просит начальнической милости...».

Однако академическое начальство не учло психологии Деникина. Он возмутился и вспылал: «Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву».

Так впервые открыто проявились две черты деникинского характера: гражданское мужество и твердость.

Но слишком много впутано было в эту историю бюрократического самолюбия. Деникина не причислили к Генеральному штабу за характер!

Через некоторое время пришел ответ из «Канцелярии прошений, на Высочайшее имя подаваемых». Жалобу Деникина решено было оставить без последствий.

Таким образом, поднятый шум пошел впрок лишь трем его товарищам, жалобы не подавшим, сам же Деникин остался в проигрыше.

Любопытное наблюдение по этому поводу записал один из близких к Деникину людей:

«Обиду несправедливостью молодой капитан Деникин переживал очень болезненно. Повидимому, след этого чувства сохранился до конца дней и у старого генерала Деникина. И обиду с лиц, непосредственно виновных, перенес он — много резче, чем это следовало, на режим, на общий строй до самой высочайшей, возглавляющей его вершины».

Так или иначе, все происшедшее оставило в душе Деникина горький осадок и «разочарование в правде монаршей». «Каким непроходимым чертополохом, — думал он, — поросли пути к правде!» Это его собственные слова.

Итак, делать было нечего: все надежды рухнули. Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою артиллерийскую бригаду в город Бела. Там снова начались томительные будни.

Два года спустя, когда страсти улеглись, написал он из своей провинции личное письмо военному министру генералу Куропаткину и спокойно изложил ему «всю правду о том, что было».

Куропаткин, прежде смотревший на эту историю лишь глазами генерала Сухотина, на этот раз сам проверил все факты и убедился в своей неправоте. К чести Куропаткина, во время ближайшей аудиенции у государя он «выразил сожаление, что поступил несправедливо, и испросил повеления»на причисление Деникина к Генеральному штабу.

Пять лет (в общей сложности), проведенных Деникиным в городе Бела, не прошли для него бесследно. В свободное время он начал писать. Его рассказы из военного быта и статьи военно-политического содержания печатались в течение ряда лет, вплоть до первой мировой войны, в журнале «Разведчик»и одно время, до 1904 года, в «Варшавском дневнике». Псевдоним он взял себе «И. Ночин». В своих «Армейских заметках» Деникин умудрялся, несмотря на дисциплинарные требования, хлестко обрисовывать отрицательные стороны армейского быта и отсталость командного состава. Это было началом его литературной деятельности.

Там же, в Беле, жил некий Василий Иванович Чиж. Недавно еще сам офицер-артиллерист, он был местным податным инспектором. С ним и его женой Антон Иванович подружился. В год производства Деникина в офицеры у супругов Чиж родилась дочь Ася. Три года спустя Антон Иванович подарил ей на Рождество куклу, у которой открывались и закрывались глаза. Девочка запомнила этот подарок на всю жизнь,

В январе 1918 года в Новочеркасске, перед уходом Добровольческой армии в свой знаменитый первый поход, она стала женой генерала Деникина.

Потеряв после окончания академии два года, Деникин летом 1902 года был наконец переведен в Генеральный штаб. Служба его проходила сперва в штабе 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске; затем для ценза командовал он в Варшаве ротой 183-го пехотного Пултусского полка; а потом, осенью 1903 года получил опять назначение в Варшаву, в штаб 2-го кавалерийского корпуса на должность офицера Генерального штаба. Здесь в чине капитана и застала его русско-японская война.

Непродуманная и легкомысленная русская политика на Дальнем Востоке столкнулась в начале нынешнего века с захватническими устремлениями Японии, где уже тогда зарождались грандиозные планы доминирования на азиатском континенте. Подготовившись сама к войне, Япония знала, что Россия не сможет отразить вооруженное вторжение здесь, на Востоке, за тысячи километров от центра. Без объявления войны Япония внезапно, в ночь на 27 января (ст. ст.) 1904 года, напала на русскую эскадру в Порт-Артуре и вывела из строя два русских броненосца «Ретвизан» и «Цесаревич»и крейсер «Палладу». Этот пиратский налет сразу дал японцам превосходство на море и возможность беспрепятственно перевозить войска на материк.

Русское общественное мнение мало интересовалось Дальним Востоком, и война с Японией явилась для него полной неожиданностью. Война была непопулярна. По мнению Деникина, единственным стимулом, оживившим чувство патриотизма и оскорбленной национальной гордости, было

предательское нападение на Порт-Артур.

Деникин очень остро переживал японскую агрессию и считал своим долгом возможно скорее попасть на фронт.

Войска Варшавского военного округа, где он служил, не подлежали отправке на Дальний Восток. Они оставались заслоном на русской границе с Германией и Австро-Венгрией. Несмотря на болезнь (порванные связки на ноге в результате несчастного случая), Деникин сразу же подал рапорт о командировании его в действующую армию.

На японскую войну Деникин попал в чине капитана. На фронте боевая деятельность быстро выдвинула его в ряды выдающихся офицеров Генерального штаба.

Попав сначала на должность начальника штаба одной из бригад Заамурского округа пограничной стражи, Деникин затем стал начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии под командованием генерала Ренненкампа и закончил войну в конном отряде генерала Мищенко — начальником штаба Урало-Забайкальской дивизии.

По своей природе он не слишком любил штабную работу. Его всегда тянуло на более активную роль командира боевого участка на фронте. Эту роль он несколько раз отлично совмещал с должностью начальника штаба.

В историю русско-японской войны вошли названия нескольких сопок, где особенно ярко проявился русский героизм. «Деникинская сопка», близ позиций Цинхеченского сражения, названа в честь схватки, в которой Антон Иванович штыками отбил наступление неприятеля.

Например, в ноябре 1904 года во время Цинхеченского боя генерал Ренненкампа, по просьбе Деникина, послал его в авангард заменить командира одного из казачьих полков. Деникин блестяще выполнил свою миссию и штыками отбил японские атаки.

За отличие в боях Деникина быстро произвели в подполковники, затем в полковники. В те времена производство в полковники на тринадцатом году службы свидетельствовало об успешной карьере.

Сочетание боевых качеств Мищенко и Деникина принесло известность отряду. В мае 1905 года, совершив конный набег в тыл противника, отряд истребил японские склады и транспорты, испортил подвозной путь и телеграфное сообщение, захватил пленных. Но главное следствие этого рейда — моральный подъем в армии, не слишком избалованной успехами.

Деникин уважал и ценил генерала Мищенко. О совместной работе с ним Деникин запомнил, между прочим, следующее:

«Когда бой становился жарким, генерал Мищенко со своим штабом неизменно шел впереди с солдатами в стрелковой цепи. «Я своих казаков знаю, — говаривал он, — им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится».

Еще до японской войны недовольство правительством в левых кругах интеллигенции проявлялось в различных выступлениях и даже в политических убийствах. (Были убиты министр народного просвещения Боголепов и министр внутренних дел Сипягин). Но военные просчеты дали повод открыто пойти на разрыв с непопулярным правительством.

Каждая новая неудача на фронте увеличивала раздражение и критику, которые затем перешли в беспорядки. Начались террористические акты, аграрные волнения, крестьяне сводили счеты с помещиками, жгли и громили их усадьбы. В Петербурге и других городах образовались Советы рабочих депутатов — предвестники Советов 1917 года. И впервые там промелькнула беспокойная фигура Льва Троцкого. Волна забастовок прокатилась по России. В октябре 1905 года всеобщая политическая забастовка, включая железные дороги, парализовала на время жизнь страны. Прошли военные бунты, вспыхнуло вооруженное восстание в Москве. Хаос анархии охватил всю страну.

Начиналась первая русская революция — прелюдия к тому, что произошло в 1917 году.

В создавшихся условиях правительство не могло продолжать войну. В сентябре 1905 года был заключен Портсмутский мир.

С дальневосточной окраины по Сибирскому пути внутрь России двинулась волна демобилизованных солдат. В эту волну попал и Деникин.

В то время как действующая армия каким-то чудом сохранила свою дисциплину, солдаты запаса быстро разлагались под влиянием антиправительственной пропаганды. Они буйствовали, бесчинствовали по всему армейскому тылу. Не считаясь ни с чем, требовали немедленного возвращения домой. Военное начальство растерялось. Не организовав ни продовольственных пунктов вдоль Сибирского пути, ни охрану этой бесконечно длинной дороги, командование приказало выдавать в Харбине кормовые деньги запбсным сразу на все путешествие. Затем их отпускали одних без вооруженной охраны поездов. Результат легко можно было предвидеть: деньги пропивались тут же, а потом голодные толпы солдат громили и грабили все, что попадало под руку. А вдоль магистрали тем временем как грибы после дождя выросли вдруг различные «республики»: Иркутская, Красноярская, Читинская и т. д. В отличие от петербургского Совета рабочих депутатов советы этих «респуб-

лик»включали также группы солдатских депутатов.

Впервые пришлось Деникину близко наблюдать «выплеснутое из берегов солдатское море».

Самое бурное время первой революции провел он на Сибирской магистрали. Из-за забастовок газет на пути не было, достоверных сведений о том, что происходило в России, тоже не поступало.

А запасные продолжали бушевать, безобразничать и захватывать силой паровозы и поезда, чтобы вне очереди пробираться в европейскую Россию. Поезд, в котором ехал Деникин, набитый солдатами, офицерами и железнодорожниками, пытался идти легально, то есть по какому-то расписанию и соблюдая очередь. Но ничего из этого не получалось, Делали они не больше 150 километров в сутки, а иногда, проснувшись, видели, что их поезд стоит на том же полустанке, так как ночью запасные проезжавшего эшелона отцепили и захватили их паровоз.

Наконец потеряв терпение, Деникин и еще три полковника образовали небольшую вооруженную часть из офицеров и солдат. Комендантом поезда объявили старшего из четырех полковников, отобрали паровоз у одного из бунтующих эшелонов, назначили караул и с вооруженной охраной двинулись в путь полным ходом. Сзади за ними гнались эшелоны взбунтовавшихся солдат, впереди их ждали другие, чтобы преградить дорогу, в любую минуту грозила кровавая расправа. Но при виде организованной вооруженной команды напасть никто не решался. Ехали они большей частью без путевок, передавая иногда с дороги распоряжение по телефону начальникам попутных станций, «чтоб путь был свободен».

Как ни странно, это фантастическое путешествие закончилось благополучно. Деникин этот эпизод хорошо запомнил. Он понял, что при безвластии и государственной разрухе даже маленький кулак — сила, с которой считаются.

До Петербурга добрался он в начале января 1906 года, проведя недели две в Харбине и свыше тридцати суток в дороге.

Правительство, вынужденное под давлением событий идти на уступки, формально признало конец неограниченной монархии. Манифестом 17 октября 1905 года оно обещало даровать населению конституцию, свободу слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности. Более правая часть оппозиции, умеренные либералы из имущих классов, уже достаточно напуганные общественными эксцессами, перешли тогда на сторону правительства.

Еще в августе 1905 года был издан манифест об учреждении Государственной думы. Но этот манифест никого не удовлетворил, ибо Дума трактовалась в нем как учреждение «совещательного» характера при самодержавной власти. Манифест же 17 октября объявлял незыблемое правило: никакой закон не может войти в силу без одобрения Государственной думы. Он тоже обещал, что народным избранникам будет дана возможность участвовать в контроле над законностью действий властей.

Новый русский парламент должен был состоять из двух палат: Государственной думы и Государственного совета.

Избирательное право в Думу давало преимущества цензовому элементу и имущим классам. Но даже в этом урезанном виде сам факт привлечения народных представителей к участию в государственном управлении был чрезвычайно важным шагом вперед.

Государственный совет, существовавший уже со времен императора Александра I (с 1801 года), был преобразован в «верхнюю палату»с половиной своих членов по выборам, а с другой половиной — по высочайшему назначению.

Законы, принятые Думой, должны были быть одобрены Государственным советом и лишь затем утверждались государем.

Деникин, считавший, что «самодержавно-бюрократический режим России являлся анахронизмом», приветствовал Манифест 17 октября 1905 года. Для него этот манифест, хотя и запоздалый, был событием огромной исторической важности, открывшим новую эру в государственной жизни страны. «Пусть избирательное право, — говорил он, — основанное на цензовом начале и многостепенных выборах, было несовершенно... Пусть в русской конституции не было парламентаризма западноевропейского типа... Пусть права Государственной думы были ограничены, в особенности бюджетные... Но со всем тем этим актом заложено было прочное начало правового порядка, политической и гражданской свободы и открыты пути для легальной борьбы за дальнейшее утверждение подлинного народоправства».

В самом конце 1905 года правительство очнулось от состояния прострации и стало принимать меры к подавлению анархии. Были арестованы члены Совета рабочих депутатов, сурово подавлено восстание в Москве. Для наведения порядка на Сибирской магистрали навстречу друг другу двинулись два воинских отряда. Один шел из Харбина на запад, другой — из Москвы на восток. К середине февраля 1906 года движение на Сибирском пути постепенно восстановилось.

Но беспорядки «слева»вызывали беспорядки «справа». Контрреволюционная деятельность монархистов крайне правого толка с помощью тайной полиции была направлена против революционной

интеллигенции, евреев, а также конституции 17 октября. Во многих городах и местечках произошли погромы.

Революционное движение 1905—1906 годов, широкое в смысле недовольства существующим строем, включало в себя людей со слишком различным подходом к конечной цели. Не было ни ярко выраженного вождя, ни объединяющего начала, кроме разве общего желания свергнуть самодержавие. Политические партии, лишь недавно появившиеся на русском горизонте, не успели еще окончательно выработать свои программы; среди них происходили постоянные ссоры и расколы по вопросам тактики.

И хотя большевики приписывают теперь себе руководящую роль в событиях того времени — это неправда. Левые политические группировки являлись тогда скорее активными подстрекателями к народному мятежу, чем руководителями организованного движения.

Какие же политические взгляды исповедовал в то время А. И. Деникин? На этот вопрос он ответил так:

«Я никогда не сочувствовал «народничеству»(преемники его — социал-революционеры) с его террором и ставкой на крестьянский бунт. Ни марксизму, с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма.

В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям:

1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

Политические взгляды Деникина сложились в его академические годы в Петербурге.

Активного участия в политике он никогда до 1917 года не принимал, но в те годы (после первой революции) уйти от нее было почти невозможно. Возникали вопросы, над которыми раньше он не задумывался, и пытливая мысль искала на них ответ. Для офицера того времени Антон Иванович, несомненно, был человеком с левым уклоном. Но революцию он категорически отрицал, так как на примере того, что видел в 1905—годах, убедился: победа революции выльется в уродливые и жуткие формы, где лозунг — «Долой!» —своей разрушительной силой подорвет все устои государства. «Приняв российский либерализм в его идеологической сущности», он хотел верить, что кадетская партия, ближе других отражавшая его мировоззрение, пойдет на сотрудничество с исторической властью, искавшей тогда поддержку в либеральной общественности, и что совместная работа сможет привести Россию путем серии назревших реформ к конституционной монархии британского типа. Но кадетская партия отвергла руку, протянутую правительством. К такой партийной политике Деникин отнесся чрезвычайно отрицательно. Он чувствовал, что кадеты, не желавшие революции, своей обостренной оппозицией к правительству способствовали созданию в стране революционных настроений. Он ясно отдавал себе отчет в том, что близорукая политика кадетской партии объективно поддерживала стремление социалистов подготовить вторую революцию.

В 1905 году правительство проявило растерянность; и если русская монархия была спасена в момент кризиса, то это произошло в значительной степени благодаря усилиям двух незаурядных и ярких людей, обладавших инициативой, воображением и силой воли: С. Ю. Витте и П. А. Столыпин.

Деникин высоко ценил государственные заслуги Витте, его способности отделять важное от второстепенного, находить прямой путь к достижению намеченной цели. Мы уже знаем, что Деникин горячо приветствовал разработанный Витте Манифест 17 октября 1905 года как первый шаг на пути крупных преобразований, направленных к утверждению в России подлинного конституционного строя. И тем не менее в памяти и в чувствах Деникина Витте занимал несравненно меньшее место, чем Столыпин, который после отставки Витте сменил его на посту Председателя Совета Министров.

В Столыпине Деникин видел одного из очень немногих государственных деятелей России за последний век императорского режима, сумевших властной рукой направить ход исторических событий в то русло, которое казалось ему желательным.

II МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Перед отъездом Деникина с Дальнего Востока в Петербург Ставка Главнокомандующего телеграфировала из Маньчжурии в главное управление Генерального штаба о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии. Однако вакансий не оказалось. Деникин согласился временно принять низшую должность штаб-офицера при 2-м кавалерийском корпусе в Варшаве. Свободного

времени у него там было достаточно, и он посвятил его чтению докладов о русско-японской войне в различных гарнизонах Варшавского военного округа и публикации в военных журналах статей военно-исторического и военно-бытового характера. Печатным словом старался он влить в военное дело живую струю новых знаний и методов, отвечающих требованиям времени. Воспользовался он также своей стоянкой в Варшаве, чтобы взять заграничный отпуск и побывать в Австрии, Германии, Франции, Италии и Швейцарии как турист. Это было его первым и единственным до эмиграции путешествием за границу. Оно произвело на него большое впечатление.

Временное назначение в Варшаву длилось, однако, около года, и Деникин решил напомнить о себе управлению Генерального штаба. Напоминание, как признается Деникин, было сделано в не слишком корректной форме, и реакция на него оказалась резкой: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка».

Принудительных назначений в Генеральном штабе никогда не было, и потому Деникина подобный подход взорвал. Он ответил рапортом в три слова: «Я не желаю».

Вместо дальнейших неприятностей, которых он ожидал, из Петербурга пришло предложение принять штаб 57-й резервной бригады в Саратове, на Волге. Резервная бригада состояла из четырех полков, и потому служебное положение Деникина было такое же, как начальника штаба дивизии. Это предложение он принял.

В Саратове Деникин пробыл с января 1907 до июня 1910 года.

После столыпинских мер по борьбе с беспорядками жизнь в Саратове, как и в других городах, постепенно стала укладываться в старые нормы. Однако для военной среды «нормы» Казанского военного округа, куда входил гарнизон Саратова, были весьма отличны от условий жизни в других военных округах империи.

Дело в том, что во время первой революции Поволжье более других было охвачено аграрными беспорядками. Для усмирения края правительство назначило туда командующим войсками некоего генерала Сандецкого, энергично подавившего в 1905 году восстание в Екатеринославе, где он тогда командовал пехотной дивизией. Человек грубый и некультурный, Сандецкий, по словам Деникина, «наложил свои тяжелые руки одну — на революционное Поволжье, другую — на законопослушное воинство».

По своей несурзности, а иногда и глупости поступки Сандецкого имели порой анекдотический характер. Например, командир одного из местных полков дал своему ротному командиру отличную аттестацию, где говорилось, что «досуг свой он посвящает самообразованию». Аттестация, от которой зависело все дальнейшее служебное продвижение офицера, вернулась с резолюцией Сандецкого:

«Объявить предостережение за то, что свой досуг не посвящает роте».

Не мудрено, что при таком начальнике Деникину пришлось столкнуться с неприятностями,

Петербург того времени благосклонно прислушивался к критике в военной печати и даже поощрял ее. В своих статьях в военном журнале «Разведчик» Деникин, касаясь самых разнообразных вопросов военного дела, не раз затрагивал авторитет высоких лиц. И тем не менее он никогда не испытывал на себе цензурного гнета или давления. Но Сандецкий реагировал на критику по-иному, особенно когда увидел, что Деникин упорно продолжает вести в печати борьбу против порядков, установленных в Казанском военном округе, и почувствовал, что в столице против него постепенно накапливается недовольство и раздражение.

«Приехав однажды в Саратов, — рассказывал Деникин, — генерал Сандецкий после смотра отозвал меня в сторону и сказал:

— Вы совсем перестали стесняться в последнее время — так и сыплете моими фразами... Ведь это вы пишете «Армейские заметки» — я знаю.

— Так точно, ваше превосходительство, я.

— Что ж, у меня одна система управлять, у другого — иная. Я ничего не имею против критики. Но Главный штаб очень недоволен вами, полагая, что вы подрываете мой авторитет. Охота вам меня трогать.

Я ничего не ответил».

Ссылка на Главный штаб явилась, конечно, импровизацией, придуманной тут же для пушного устрашения. Но Деникина трудно было запугать.

Неудачи войны с Японией сильно ударили по национальному самолюбию корпуса русских офицеров. Стало очевидным, что высший командный состав жил преданьями старины глубокой и что следовало немедленно произвести радикальные перемены в подходе к вопросам современной военной науки и тактики. Началась лихорадочная работа по реорганизации армии, по переводу иностранной военной литературы на русский язык. Изучение германской военно-морской программы определенно указывало на неизбежность большой европейской войны; русский диагноз того времени определил ее

начало — к 1915 году. Оставалось мало времени, надо было торопиться...

Деникин считал, что «никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали. Усилилась потребность в самообразовании, значительно возрос интерес к военной печати».

В армии и во флоте образовались полуофициальные кружки. Они состояли из энергичных и образованных молодых офицеров, целью которых было воссоздание разбитого в японскую войну флота и возрождение армии. За членами этих кружков, основанных в Петербурге, установилось шутовское прозвище «младотурки». Их деятельность нашла поддержку и в Военном и в Морском министерствах, а также в III Государственной думе, вернее сказать, в ее комиссии по государственной обороне.

Деникин, служивший тогда в провинции, прямого участия в кружках не принимал, но искренне сочувствовал их деятельности. Обменом мнений, опытом, приобретенным в японской войне, своими статьями в военной печати он всячески старался содействовать их успеху.

Начиная с 1906 года были проведены реформы по омоложению и улучшению командного состава, повышению его образовательного ценза. Все старшие начальники должны были пройти проверку военных знаний. Это выразилось в принудительном увольнении многих и в добровольном уходе тех, кто боялся проявить свое невежество. «В течение 1906—1907 годов было уволено и заменено от 50 до 80 процентов начальников, от командира полка до командующего войсками округа». Это подсчеты Деникина.

Среди моряков организатором и председателем военно-морского кружка в Петербурге был молодой капитан 2-го ранга, имевший уже тогда значительную известность как талантливый гидролог и специалист по магнитному делу, написавший несколько солидных научных трудов по океанографии и гидрологии. Это был Александр Васильевич Колчак, впоследствии адмирал, командующий Черноморским флотом, а во время гражданской войны — Верховный правитель белого стана.

В короткий срок между концом японской войны и началом мирового конфликта в 1914 году не удалось, конечно, обновить весь командный состав армии и флота. Сохранились устаревшие кадры среди старшего генералитета. Но молодое русское офицерство накануне первой мировой войны находилось на высоком уровне. Это признали во время войны и союзные с Россией державы, и советские военные писатели, не слишком щедрые на похвалу, когда дело касалось офицеров старой армии.

Что касается Деникина, то он считал, что горечь поражения в войне с Японией и сознание своей ужасной военной отсталости толкнули русскую армию на чрезвычайно интенсивную и плодотворную реорганизацию. «Можно сказать с уверенностью, — писал генерал Деникин, — что, не будь тяжелого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы первой мировой войны».

В Саратове, как и в Варшаве, служба оставляла Деникину достаточно времени для размышлений. Он пытался проанализировать причины многих важных политических процессов. Однако ни Деникин, ни кто другой не могли предвидеть все причины, ошибки и случайности, которые несколько лет спустя привели Россию к катастрофе. Даже Ленин в те годы думал, что окончит свой век политическим эмигрантом, так и не дождавшись настоящей революции.

В июне 1910 года полковника Деникина назначили командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка, расположенного в Житомире и входившего в Киевский военный округ.

К тому времени служба в Саратове настолько ему приелась, что он с радостью принял новое назначение. Да и Архангелогородский полк, основанный Петром Великим, имел прекрасную боевую историю, включая переход с Суворовым через Альпы у Сент-Готарда.

С увлечением отдался Деникин работе по воспитанию полка, учитывая свой опыт в русско-японской войне.

Отбросив в сторону парады, он уделял главное внимание практическим занятиям: стрельбе, маневрам, ускоренным переходам, переправам через полноводные реки, без мостов и понтонов.

С сослуживцами Антон Иванович общался в офицерском собрании. У себя на квартире сборищ не устраивал и вообще избегал принимать гостей. Его мать и старая нянька всюду следовали за Деникиным. Обе понимали по-русски, но говорили лишь по-польски, и все попытки Деникина научить их русскому языку не увенчались успехом. Поэтому мать стеснялась принимать гостей в роли хозяйки. Оберегая ее, сын вел замкнутый образ жизни. Бывали у него дома лишь два-три близких человека. Мать обожала сына, и он с ней всегда был во всем предупредителен и трогательно заботлив. В Житомире скончалась нянька Полоса. После ее смерти единственным человеком, с кем мать могла отводить душу, был сын.

Если и случались тогда у Антона Ивановича увлечения, то боязнь ввести в свою семью чужого для матери человека являлась для него основательным препятствием к женитьбе.

В начале сентября 1911 года в Киеве было торжественное открытие памятника императору

Александрю II. На эти торжества прибыли из Петербурга государь с императрицей и великими княжнами Ольгой и Татьяной. Приехали также Председатель Совета Министров Столыпин, многие другие министры и видные государственные и общественные деятели.

Программа празднеств кроме концертов, оперы включала царские маневры и царский смотр под Киевом, в которых принимал участие и полк Деникина.

«Я был свидетелем, — вспоминал потом Антон Иванович, — того энтузиазма, почти мистического, который повсюду вызывало появление царя. Он проявлялся и в громких безостановочных криках «ура», и в лихорадочном блеске глаз, и в дрожании ружей, взятых на караул, и в каких-то необъяснимых флюидах, пронизывавших офицеров, генералов и солдат — народ в шинелях... Тот самый народ, который через несколько лет с непостижимой жестокостью обрушился на все имеющее отношение к царской семье и допустивший ее страшное убийство...»

Но тогда, в сентябре 1911 года, судьба была милостива к государю. Однако беда стояла рядом. Убит был Столыпин.

Произошло убийство в киевском театре на оперном спектакле «Царь Салтан». Во время второго антракта, когда Столыпин стоял у своего кресла в первом ряду спиной к барьеру оркестра, обернувшись лицом к залу, к нему по проходу быстро направился высокий человек в черном фраке и на расстоянии нескольких шагов в упор два раза выстрелил из браунинга. Одна пуля, попав в правую сторону груди, пробила как раз в середине ордена Св. Владимира, висевший в петлице форменного белого кителя. Другая пуля прострелила кисть правой руки.

«Медленными и уверенными движениями, — рассказывал один из свидетелей, — он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желал сказать — все кончено. Затем грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидев государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял левую руку и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал стоять на том же месте, и Столыпин на виду у всех благословил его широким крестом».

Возмущенная публика в театре чуть не убила злоумышленника на месте. Он оказался Дмитрием Богровым, бывшим социалистом-революционером, затем анархистом и в то же время агентом тайной полиции, которая и выдала ему театральный билет для охраны высоких гостей. Подробности того, как готовилось покушение, не были опубликованы. Однако служба Богрова агентом тайной полиции и общая небрежность в охране Столыпина в Киеве вызвали толки о попустительстве департамента полиции в этом преступлении.

Столыпин умер сорока девяти лет от роду в конце четвертых суток после ранения. Перед смертью в разговоре с профессором медицины Г. Е. Рейном он сказал, что на лице приближавшегося к нему убийцы — Богрова — он заметил быструю смену выражений; страха, волнения и вместе с тем как бы сознания исполненного долга.

Смерть Столыпина вызвала радость у тех, кто, включая Ленина, мечтал о «великих потрясениях». Она глубоко опечалила Антона Ивановича Деникина. В Столыпине он видел большого патриота, умного и сильного человека. Его аграрная реформа продолжала успешно развиваться и после его смерти. Она была тем шагом, который, по мнению Деникина, направил старую Россию к возможности разрешить самый больной и самый острый вопрос крестьянского землевладения.

Не только либералы типа Деникина придерживались такого взгляда. В сороковую годовщину февральской революции известный марксист Борис Николаевский, всю жизнь находившийся в противоположном от Столыпина политическом лагере, писал: «Реформа, проведенная Столыпиным, в сильной мере изменила лицо русской деревни. Она уже во многом стала иной, чем была в 1905—1906 годах, и если бы не было войны, Россия возможно пошла бы путем, на котором не было бы места для аграрной революции типа «Черного передела». Но война пришла и на буксире потащила за собой революцию, Эта революция тотально уничтожила старый аппарат управления, в несколько дней разбила всю огромную машину, которую старая Россия строила столетиями.

Слева Столыпина считали реакционером, справа — опасным революционером. Ирония судьбы заключалась в том, что Столыпин, так много сделавший для укрепления трона, к моменту своей смерти попал в немилость при дворе и что вопрос об его отставке уже был предreshен.

По свойствам своего характера монарх не ценил в министрах твердой воли, ярко выраженных независимых взглядов и ясно намеченной программы реформ.

В период гражданской войны многие из борющихся с большевизмом искренне жалели, что в их рядах не было человека столыпинского масштаба.

Аграрная реформа Столыпина играла далеко не последнюю роль в расчетах германского Генерального штаба. Готовясь к войне, немцы уделяли одинаковое внимание как стратегическим соображениям, так и расчетам на внутреннюю неустойчивость России. К своему неудовольствию, они могли констатировать факт, что за период столыпинского правления основательный процент кре-

стьянских семей, выйдя из общины, обзавелся частной земельной собственностью. Это укрепляло социальную базу государства. Из крестьянского пролетариата, в прошлом всегда готового участвовать в аграрных беспорядках, крестьяне-собственники постепенно превращались в тех «кулаков», с которыми так беспощадно расправлялась в начале 30-х годов коммунистическая власть.

Экономическое и индустриальное развитие России двигалось вперед с чрезвычайной быстротой. Становилось очевидным, что через каких-нибудь 10—15 лет расчет на возможность революции в России мог не оправдаться.

В международном отношении ослабление России после японской войны способствовало сближению между Россией и Англией. Одной из причин этого было взаимное опасение агрессивной немецкой политики и угрозы ее военных и морских сил. Военно-оборонительный союз между Россией и Францией был заключен еще в августе 1892 года.

Немецкие правящие круги и германский Генеральный штаб давно уже приняли решение выдвинуть Германию на первое и доминирующее место в Европе. Задолго до появления Гитлера они убедили себя в превосходстве германской расы над всеми другими. Они считали своей исторической миссией перекроить в свою пользу карту мира, намечали пути германской экспансии, о чем откровенно писал один из известных немецких военных писателей Генерального штаба генерал Бернгарди. Его записки впоследствии имели сильное влияние на мышление Гитлера. На Деникина в свое время они тоже произвели большое впечатление. Он увидел в них угрозу России и Франции и в своей книге «Путь русского офицера» привел следующую цитату из «Военных заповедей» Бернгарди:

«С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, война, которая уничтожила бы навсегда ее роль как великой державы и привела бы к ее окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Добиться желанной цели можно было лить войной. К ней немцы были теперь готовы. Оставалось выбрать подходящий момент и соответствующий предлог.

В июне 1914 года Деникин был произведен в генерал-майоры и утвержден в должности генерала для поручений при командующем войсками Киевского округа. Через месяц вышел указ об общей мобилизации вооруженных сил России.

Предшествовали ему отчаянные попытки государя предотвратить войну и оградить страну от этого несчастья. Попытки, как известно, не увенчались успехом.

1 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, заняв накануне своими войсками Люксембург. 4 августа немцы вторглись в Бельгию. Днем позже Англия объявила войну Германии.

Началась первая мировая война, подтолкнувшая Россию к революции, в корне изменившей весь социальный, политический и экономический облик страны.

III ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Франко-русский план войны зависел от того, нападет ли Германия своими главными силами сперва на Россию или на Францию. Таким образом, было два варианта совместных действий, которые всецело зависели от немецкой инициативы — ударит ли Германия вначале на запад или на восток. Время шло. Грандиозный размер германской военной программы волновал и Париж, и Петербург. Разгром французской армии в 1870—1871 годах был еще свеж в памяти французов. Возможность главного немецкого удара против Франции их пугала. Они всячески толкали русских дать обещание, что наступление начнется возможно скорее, настаивали, чтобы срок начала решительных действий был заранее предрешен и указан.

И под давлением французов русский Генеральный штаб обещал от имени России начать наступление против Германии почти одновременно с французами: французы на десятый день, а русские на пятнадцатый день своей мобилизации.

Подобное обещание шло вразрез с имеющимися возможностями. Из-за огромных расстояний и недостаточной сети железных дорог Россия могла закончить свои военные приготовления, подвоз и сосредоточение войск к западным границам и быть в полной боевой готовности лишь на двадцать девятый день после объявления общей мобилизации. Решение начать крупные операции на пятнадцатый день являлось в лучшем случае авантюрой.

Русская граница с Германией и Австро-Венгрией — от Балтийского моря до румынской границы — превышала две тысячи километров. В области русской Польши она вдавалась широким клином во владения центральных держав: с севера ей угрожала Восточная Пруссия, на западе она упиралась в Силезию, а с юга ее охватывала австрийская Галиция. Движение неприятеля крупными силами

навстречу друг другу с юга на север или с севера на юг грозило немедленной потерей большей части русской Польши.

Главные силы немцев, как известно, были направлены на Запад. Когда под давлением германского напора Франция стала требовать, чтобы Россия выполнила данное обязательство, обе армии русского Северо-Западного фронта были немедленно брошены против Восточной Пруссии на пятнадцатый день мобилизации.

Эти обстоятельства, пишет историк генерал Головин, «принудили Россию начинать решительные действия тогда, когда только одна треть ее вооруженных сил могла быть развернута. Это представляло собой крупнейшую стратегическую ошибку, заставившую дорого заплатить себя кровью войск». В русском плане войны Головин видел еще одну, не менее крупную ошибку. «Вместо того, — писал он, — чтобы сосредоточить все свои усилия против одного из наших врагов с тем, чтобы, разбив его, перебросить главную массу войск для одержания победы над другим, Сухомлинов и его сотрудники задаются целью сразу же наносить решительные удары по австро-венгерским армиям, сосредоточившимся в Галиции, и по немецким силам, оставленным в Восточной Пруссии, то есть по двум расходящимся операционным линиям... Эта разброска сил привела к катастрофе в Восточной Пруссии и уменьшению стратегического результата нашей победы в Галиции... Такая переоценка своих сил русским Генеральным штабом привела к естественному следствию: наши союзники — французы сразу же стали предъявлять России совершенно непосильные требования».

Наступление в Восточную Пруссию закончилось для русских катастрофой под Танненбергом. Но слово было сдержано, и русская жертва спасла французскую армию от разгрома. Немцы перебросили два армейских корпуса на русский фронт, и это дало возможность французам одержать победу на Марне.

Опрокинув планы и первоначальные расчеты стратегов всех воюющих стран, масштаб первой мировой войны быстро унес надежду на скорое ее окончание. Из маневренной она превратилась в позиционную, и окопы вдоль линий различных фронтов растянулись на много тысяч километров. Стало очевидным, что, растягиваясь во времени, война потребует таких усилий индустриального производства, на которые Россия того времени была неспособна.

В то время как драма в Восточной Пруссии завершалась немецкой победой, действия русских армий на Юго-Западном фронте дали России большое моральное удовлетворение: четыре австро-венгерские армии были разбиты в Галиции. Русские заняли Львов и почти всю восточную Галицию, захватили сотни тысяч пленных, множество орудий и боевых припасов, австро-венгерские войска катились к Кракову и к Карпатам. Из четырех русских армий Юго-Западного фронта одной из самых активных была 8-я. Ею командовал генерал Брусилев. Деникин был у него в штабе генерал-квартирмейстером. Но штабная работа его не удовлетворяла и, узнав в самом начале военных действий, что открылась вакансия на должность начальника 4-й стрелковой бригады, он упросил, чтобы его перевели туда. 6 сентября 1914 года генерал Деникин был назначен начальником этой бригады, входившей в состав 8-й армии. Еще со времени русско-турецкой кампании она заслужила прозвище «Железной бригады».

Под командованием Деникина Железная бригада, развернутая в 1915 году в дивизию, приобрела широкую известность и славу, как одна из лучших и самых доблестных дивизий русской армии.

«В течение двух лет, — писал Деникин, — шла она со мной по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись великой войны. Увы, их нет в официальной истории. Ибо большевистская цензура, получившая доступ ко всем архивам и историческим материалам, препарировала их по-своему и тщательно вытравила все эпизоды боевой деятельности бригады, связанные с моим именем».

Репутация, приобретенная Деникиным в боях, высшие награды, полученные им, — Георгиевское оружие, два Георгиевских креста — четвертой и третьей степеней и, наконец, «Георгиевское оружие, бриллиантами украшенное» — вознесли его на вершину военной иерархии.

Среди офицеров 8-й армии оказались те, вокруг которых впоследствии образовалось белое движение: Каледин, Корнилов, Деникин, Марков. Генерал Алексеев, чье имя тоже нераздельно связано с началом белой борьбы, был в то время начальником штаба Юго-Западного фронта.

Одно из первых больших сражений, в которых генерал Деникин участвовал в 1914 году, началось 6 сентября, в день, когда он принял бригаду. Австро-венгерский главнокомандующий пытался тогда окружить тремя своими армиями (одна из них была перебросена с Сербского фронта) две русские армии — 3-ю и 8-ю — около города Гроддек в Галиции. Главный удар неприятеля пришелся по 8-й армии. Она была почти окружена, атаки следовали одна за другой, и положение казалось критическим. Но на помощь пришли две соседние русские армии — 4-я и 5-я. Совместными силами они опрокинули австрийцев. Неприятель стал отходить, преследуемый по пятам русскими. Отступление скоро превратилось в паническое бегство. Сражение кончилось большой русской победой. Австрийцы потеряли 326 тысяч человек и 400 орудий. В этом бою — отличились своей храбростью и инициативой

начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал Каледин (впоследствии командующий 8-й армией, а после революции атаман Войска Донского), начальник 48-й пехотной дивизии генерал Корнилов (впоследствии Верховный Главнокомандующий и инициатор белого движения) и начальник Железной бригады — генерал Деникин.

А. И. Деникин был награжден Георгиевским оружием. В октябре 1914 года, когда война приняла позиционный характер, австрийские войска, приведенные в порядок и подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. Русский фронт в Галиции был сильно растянут, и 8-й армии пришлось ввести в бой все свои резервы. И тут снова генерал Деникин проявил талантливую инициативу. За смелый маневр своей бригады он получил Георгиевский крест 4-й степени. Вот как описывает он этот случай:

«24 октября я заметил некое ослабление в боевой линии противника, отстоявшей от наших окопов всего на 500—600 шагов. Поднял бригаду и без всякой артиллерийской подготовки бросил полки на вражеские окопы. Налет был так неожидан, что вызвал у австрийцев панику. Наскоро набросав краткую телеграмму в штаб корпуса («Бьем и гоним австрийцев»), я пошел со стрелками полным ходом в глубокий тыл противника, преодолевая его беспорядочное сопротивление. Взяли селение Горный Лужек, где, как оказалось, находился штаб группы эрцгерцога Йосифа. Когда я ворвался с передовыми частями в село и донес об этом в штаб корпуса, там не поверили, потребовали повторить — «не произошло ли ошибки в названии».

Не поверил сразу и эрцгерцог. Он был так уверен в своей безопасности, что спешно бежал со своим штабом только тогда, когда услышал на улицах села русские пулеметы. Заняв бывшее его помещение, мы нашли нетронутым накрытый стол с кофейным прибором, на котором были вензеля эрцгерцога, и выпили еще горячее австрийское кофе...»

В течение ноября 1914 года на фронте 8-й армии шли непрерывные бои. Цель русских заключалась в захвате горных перевалов через Карпаты, австрийцы же стремились добиться деблокады Перемышля, осажденного русскими войсками. Генерал Брусилов приказал двум корпусам своей армии перейти в наступление, чтобы овладеть Бескидским хребтом Карпатских гор от перевала у Лупкова до перевала у Ростока. В состав войск, предназначенных для этой операции, входила дивизия генерала Корнилова и бригада генерала Деникина. Погода в те дни стояла жуткая: сильный мороз, ледящий пронизывающий ветер и снежная выюга. На участке Железной бригады дорог через горы не было. Чтобы облегчить положение соседних войск и дать им доступ к шоссе, Деникин решился на весьма рискованный шаг. Оставив свою артиллерию и обоз под прикрытием одного батальона, он двинул всю остальную часть бригады по склонам гор, по крутым, скользким тропинкам, где лишь дикие козы бродили по скалам. За людьми шли лошади, навьюченные мешками с патронами и сухарями. И, несмотря на все препятствия и трудности, бригада Деникина перевалила через Карпаты, вторглась в Венгрию в тыл австрийским войскам, захватив город Мезо Лаборч, 3 730 пленных, 9 орудий, много оружия и другие трофеи.

Этот эпизод произвел большое впечатление. Генерала Деникина засыпали телеграммами, приветствиями, благодарностями, а также поздравлением от Верховного Главнокомандующего и от генерала Брусилова.

«Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон, — телеграфировал Брусилов Деникину, — и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой Железной бригады живут в героических полках и впредь поведут их к победе и славе».

В начале февраля 1915 года Железная бригада была переброшена на помощь сводному отряду под командованием генерала Каледина. Было это у местечка Лутовиско в направлении на Ужгород.

«Это был один из самых тяжелых наших боев, — вспоминал генерал Деникин. — Сильный мороз, снег — по грудь; уже введен в дело последний резерв Каледина — спешенная кавалерийская бригада.

Не забыть никогда этого жуткого поля сражения... Весь путь, пройденный моими стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными человеческими фигурами с зажатými в руках ружьями. Они — мертвые, застыли в тех позах, в которых их застала вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти. Бригада таяла... Рядом с железными стрелками, под жестоким огнем, однорукий герой, полковник Носков, лично вел свой полк в атаку прямо на отвесные ледяные скалы высоты 804...

Во время этих же февральских боев к нам неожиданно подъехал Каледин. Генерал взобрался на утес и сел рядом со мной; это место было под жесточайшим обстрелом. Каледин спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь нашими действиями и потерями. И это простое появление командира одобрило всех и возбудило наше доверие и уважение к нему».

Так же, как Каледин, и по тем же причинам Деникин пользовался уважением и доверием своих офицеров и солдат. Они знали, что их командир строг, требователен и скуп на слова. Но они тоже знали, что в минуту опасности он всегда с ними, на первой линии огня, подставляя свою голову наравне с другими под вражескую пулю. «Полководчество без честолюбия — немыслимо», — говорил Деникин. Но честолюбие, свойственное всякому военачальнику, никогда не переходило у него в погоню за славой. И что особенно ценилось в армейской среде, генерал Деникин был безупречен в соблюдении военной этики. Всякий солдат, как бы он ни был безграмотен, чутьем своим понимал, что сумрачный на вид и угрюмый начальник в случае нужды станет за него горой.

Однако это доверие появилось не сразу. Вначале Железная бригада отнеслась к своему новому командиру скорее с чувством неприязни. Дело в том, что предшественник Деникина, генерал Боуфал, с ранней молодости провел всю свою служебную жизнь в бригаде. Для офицеров и солдат он был во всех отношениях своим человеком. И когда на смену ему пришел генерал со стороны, да еще из офицеров Генерального штаба, которым в строю дали тогда насмешливое прозвище — «момент», то офицеры бригады решили между собой, что этот «момент» проскользнет на их горизонте как метеор, растреплет бригаду и уйдет, сделав себе карьеру и нахватав за их счет боевые отличия.

Однако когда с первых же боев стрелки увидели генерала Деникина в передовых цепях, то лед стал быстро таять. Когда же они узнали, что в начале 1915 года Деникину было предложено повышение — принять в командование дивизию и что он отказался, не желая расставаться с Железной бригадой, то, по свидетельству одного из старших офицеров бригады: «Антон Иванович стал наш. Наш железный стрелок, и точка».

Любопытная подробность: в то время, как в русской офицерской среде вообще легко переходили на «ты» с сослуживцами, Деникин был на «ты» лишь с друзьями детства и со своими товарищами ранней молодости по 2-й артиллерийской бригаде. Ни в Академии Генерального штаба, ни в дальнейшем продвижении по службе он эту невидимую грань между «вы» и «ты» не переходил. Даже с людьми, к которым впоследствии он был безгранично привязан (генералы Марков и Романовский), даже с ними, при большой душевной близости, оставалась та же наружная отдаленность.

За февральские бои генерал Деникин был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

То, что произошло на русском фронте в 1915 году, отразилось на жизни и психологии всей страны. И чтобы понять дальнейший ход событий, с которыми через два года окончательно переплелась судьба генерала Деникина, необходимо отметить и запомнить наиболее значительные события этого тяжелого года.

К концу 1914 года русская армия начала испытывать острый недостаток артиллерийских снарядов, ружей и патронов. Запасы, наивно рассчитанные на краткую войну, были израсходованы, а производство внутри страны не могло удовлетворить огромные требования фронта.

И тем не менее в начале 1915 года воинский дух русской армии был еще на высоком уровне. В марте 1915 года пал Перемышль, и русские захватили там 9 генералов, 2500 офицеров, 120000 солдат, 900 орудий и громадное количество других военных трофеев. Победа была велика, но большой расход артиллерийских снарядов при осаде Перемышля приблизил надвигающийся кризис. И тут германское командование, хорошо осведомленное о нуждах русской армии, к лету 1915 года решило сделать попытку вывести Россию из строя. Центр немецких военных действий был перенесен с запада на восток. Уже в мае германская армия генерала Макензена была переброшена на помощь австрийцам против русского Юго-Западного фронта. Борьба с технически превосходящим противником была не под силу. Вскоре началось «великое отступление 1915 года», чтобы путем уступки территории спасти русскую армию от окружения и разгрома. К концу лета неприятельские войска заняли всю русскую Польшу, Литву, Белоруссию и часть Волыни. Потери немцев были ничтожны, русские же потери за это лето — грандиозны.

Моральный удар оказался чрезвычайно велик. Пошли слухи об измене, стали искать виновников. В июне сменили военного министра Сухомлинова. Недовольство против него в армии и в общественном мнении достигло крайних пределов. Среди офицеров особенно негодовало поколение Деникина, вложившее всю свою душу в реорганизацию армии после неудач японской войны. Через некоторое время образовалась особая комиссия для выяснения виновников плохого снабжения армии для предания их суду. Имя Верховного Главнокомандующего всеми русскими армиями великого князя Николая Николаевича не было затронуто этими событиями и продолжало быть популярным в войсках и народе. В неудачах на фронте и «превышении власти» винили генерала Янушкевича, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а также генерала Данилова, генерала-квартирмейстера Ставки. Причина «превышения власти» Ставкой крылась в высочайше утвержденном 29 июля 1914 года «Положении о полевом управлении войска в военное время». Согласно этому Положению Верховному командованию давались диктаторские полномочия на огромной территории, прилегавшей к фронту. Площадь империи, подчиненная военным властям, включала тогда Польшу, Финляндию, Прибалтийский край, Кавказ, а кроме того, Архангельск и Владивосток (порты, откуда могли посту-

пать в Россию заграничные заказы) и даже столицу государства — Петроград.

В 1915 году, когда фронт покотился назад, диктаторская власть Ставки стала распространяться с невероятной быстротой на обширные области внутри России. Все правительственные учреждения, находившиеся там, автоматически должны были подчиняться военным властям. О своих решениях и действиях в области гражданского управления Ставка сплошь и рядом не уведомляла правительство. Получалась полная неразбериха, часто двоевластие и, главным образом, произвол местного военного начальства. Правительство теряло престиж.

Главное командование стремилось опустошить оставленные неприятелю земли. То, что проделал с Россией Сталин при отступлении во время второй мировой войны, не было внове. Поджоги и разрушения в подобных случаях практиковались с давних времен.

Военное начальство насильно гнало от наступающего врага миллионы людей внутрь России, с запада на восток. Эти беженцы — голодные, оборванные, измученные, озлобленные — шли со своим скарбом толпами куда глаза глядят, топча на пути своем посевы, луга, опустошая от продовольствия не только ближний, но и глубокий тыл армии. Часть этой людской массы бежала добровольно, опасаясь немецких зверств. Но большинство людей выселялось по приказу военных властей. На глазах у них поджигали жилища, оставшиеся запасы и имущество. Среди этих беженцев — поляков, русских, белорусов, украинцев — было много евреев. Их доля оказалась чрезвычайно печальной: в начале войны немецкие сионисты (с одобрения германского министерства иностранных дел) образовали «Комитет для освобождения русских евреев». Немецкий Генеральный штаб тоже хотел использовать евреев в своих целях, а именно для восстания в тылу русских армий. И хотя ничего, конечно, из этого не получилось, еврейская беднота в Галиции и в русском юго-западном крае мечтала лишь о том, чтоб ее оставили в покое, чтобы война возможно меньше ее коснулась, яд сомнения отравил умы русского командования. Весьма вероятно, что это была умышленная провокация со стороны немцев, чтобы вызвать осложнения в прифронтовой полосе, но русские военные власти попались на немецкую удочку. Они насторожились и в евреях заподозрили пособников неприятеля. Тут патриотическое рвение с примесью юдофобства дошло до абсурда: началось выселение в глубь России не только своих, но также австрийских евреев из Галиции. Тысячи этих несчастных, попав в чужую страну, двигались на восток с волной беженцев, встречая на своем пути недоброжелательство и злобу местного населения. Приток беженцев создавал повсюду продовольственные кризисы, увеличивал дороговизну жизни, нес с собой эпидемии заразных болезней. В среде же беженцев, и особенно среди еврейской массы, озлобление против власти и революционное настроение росло с неудержимой быстротой.

Трагедия людей переплеталась с экономической катастрофой государства. Куда их девать? Чем кормить? Где поселить?

В августе 1915 года на заседании Совета Министров, где обсуждался вопрос об экстренном кредите на нужды беженцев, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин с возмущением говорил, что устраиваемое Ставкой «великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели».

Критикуя Ставку, Совет Министров добивался увольнения генералов Янушкевича и Данилова. Сменивший Сухомлинова новый военный министр генерал Поливанов, обрисовав безотрадное положение на фронте, вкрадчиво добавил: «Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси». Поливанов любил, по-видимому, употреблять образные выражения. Но положение, несомненно, было грозное.

Блеснув красноречием и колкостями в адрес Ставки, члены правительства неожиданно для себя добились того, чего совершенно не ожидали. Их критика приблизила не только отставку генерала Янушкевича, но и удаление великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего. Несмотря на военные неудачи, великого князя продолжали ценить на фронте и в тылу. Никто из министров не желал его отставки.

Однако к тому времени императрица Александра Федоровна под влиянием своего окружения и главным образом Распутина без всякого к тому основания заподозрила великого князя в желании узурпировать царскую власть. С болезненной и страстной настойчивостью добивалась она в письмах к мужу отставки Николая Николаевича, с тем чтобы государь сам принял на себя Верховное командование армиями. В сентябре 1915 года неожиданно для своего правительства государь объявил себя Верховным Главнокомандующим, а великого князя назначил заместителем и главнокомандующим на Кавказ.

Тогда эта неожиданная перемена приписывалась исключительно интригам при дворе. Впоследствии стало известно, что посторонние влияния лишь укрепили царя в собственном решении. Он считал своим долгом, своей «священной обязанностью» быть в момент опасности с войсками и с ними либо победить, либо погибнуть. При таком чисто мистическом настроении и понимании «царского служения» никакие доводы не могли изменить задуманного царем шага,

Как только решение императора стало известно, все министры, за исключением двух, послали

коллективное «всеподданнейшее» письмо государю, умоляя его изменить свое решение, которое, писали они, «грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями».

Подобное письмо было явлением совершенно небывалым, Это был жест отчаяния. Тут перемешались различные мотивы, но главное — страх за будущее, страх, что отсутствие военной подготовки у государя плачевно отразится на работе Ставки, страх, что Ставка превратится в центр придворных интриг, страх, что дальнейшие неудачи на фронте окончательно подорвут авторитет монарха, страх, что государь не сможет совместить военное командование с управлением государством, опасение реакции в народе, где давно уже появилось суеверие, что царь незадачлив, что его преследуют несчастья: Ходынка, японская война, первая революция, неизлечимая болезнь единственного сына... Наконец, существовали опасения, что увольнение великого князя произведет крайне неблагоприятное впечатление на союзников, которые в него верили и не верили в твердость характера государя и боялись влияния его окружения.

Мало кому приходила тогда в голову такая возможная ситуация: отсутствие государя в столице толкнет его настойчивую, мистически настроенную супругу на еще более упорное вмешательство в дела государственного управления, она будет руководить мужем в выборе разных, случайных и часто недостойных людей для назначения их на высшие должности в империи. Эта непредвиденная возможность — при полном отсутствии какой-либо правительственной программы, способствовала быстрому падению царского престижа и приблизила конец монархии.

В то время как общественное мнение отнеслось резко отрицательно к перемене в Верховном командовании, армия в своей массе, судя по словам генерала Деникина, приняла его скорее философски.

«Этот значительный по существу акт, — писал Деникин, — не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: кто будет начальником штаба?»

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее несколько смущало одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев».

Как мы знаем, генерал Алексеев начал войну начальником штаба Юго-Западного фронта. Затем был Главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Летом 1915 года на этот фронт пришелся главный удар германских войск. Трудную задачу отступления при отсутствии боевых припасов главнокомандующий провел с большим умением, заслужив общее уважение не только в военных, но и в думских кругах. В нем видели умного, опытного и образованного генерала. Кроме того, знали, что Алексеев — человек исключительно работоспособный, спокойный, независимый и упорный в достижении поставленных целей. Много лет спустя в одной из своих книг Черчилль приравнял генерала Алексеева по стратегическим дарованиям к маршалу Фошу и генералу Людендорфу.

Но как бы ни был одарен генерал Алексеев, вопрос успеха на фронте зависел в конечном счете от боеспособности армии. В войсках же к тому времени, то есть к осени 1915 года, огромный процент старого кадра офицеров и солдат был уничтожен в боях. За год войны русская армия превратилась в вооруженный народ, переодетый в серые военные шинели. Маячил призрак наступающей деморализации. Войска устали от отступления, росло возмущение недостатком боевых припасов. Только большой приток военного снабжения и победа над врагом могли бы вселить в эту массу серых шинелей подлинный воинский дух.

Но Железная дивизия сумела воинский дух сохранить. Несмотря на огромные потери офицеров и солдат, деникинская бригада (в апреле 1915 года переформированная в дивизию), приобрела большую известность. В тяжелый момент на фронте Железная дивизия всегда выручала. Заслужив почетное звание «пожарной команды» армии, она все время перебрасывалась с одного участка на другой, туда, где трудно, где прорыв, где угроза окружения. Когда задание было выполнено, дивизию отзывали в резерв командующего армией, а через день или два снова бросали ее, как говорил генерал Деникин, «на чью-либо выручку в самое пекло боя».

Много сохранилось свидетельств этих эпизодов. Все они говорят о высоких боевых заслугах и чрезвычайной выносливости как начальника, так и его офицеров и солдат. Деникин с честью выполнял директивы штаба генерала Брусилова. Но какой ценой!

«Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти, — писал он, — великая трагедия русской армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Из дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжелые переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная, то робкие надежды,

то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... одиннадцать дней страшного гула немецкой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены одним огнем... Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батарее ей подвезли 50 снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам; и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...»

Даже при отступлении и при отсутствии снарядов дивизия Деникина умудрялась наносить неприятелю весьма болезненные удары.

В середине сентября 1915 года, когда русская армия несла тяжелые потери убитыми и ранеными, на линии Луцк—Ровно противник превосходил своими силами русских почти в три раза. Вводя в бой все новые войска, неприятель старался охватить правый фланг 8-й армии. Чтобы облегчить положение соседнего с Железной дивизией корпуса, штаб Брусилова приказал генералу Деникину отвлечь на себя неприятельский огонь и в течение ночи вести стрельбу всеми батареями Железной дивизии. Деникин не одобрил это решение. С чувством досады на подобный расход снарядов он выполнил приказание, заранее зная, что оно обнаружит противнику расположение скрытых деникинских батарей. К положение могло стать трагичным. Спасая других, Деникин распоряжением начальства вызывал на себя всю силу удара. Ночью он пригласил командиров своих полков и, обрисовав обстановку, сказал: «Наше положение пиковое. Ничего нам не остается, как атаковать!» — и тут же приказал своей дивизии с рассветом атаковать город Луцк.

Атака была полной неожиданностью для неприятеля. Железная дивизия захватила в плен 158 офицеров и 9 773 солдат. По словам Деникина, это количество равнялось составу всей его дивизии.

«Деникин, — писал генерал Брусилев в своих воспоминаниях, — не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк одним махом, взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк». За это лихое дело Деникин был произведен в генерал-лейтенанты.

Не менее героический эпизод имел место в середине октября того же года. Немецкие войска, пришедшие на помощь австрийцам, заняли древнее местечко Чарторыйск. Это угрожало 8-й армии быть отрезанной от остальных частей русского Юго-Западного фронта, и Брусилев возложил на Деникина задачу — выбить противника из Чарторыйска. 16 октября Железная дивизия развернулась против Чарторыйска и Новосёлков. В ту же ночь переправилась через реку Стырь и через три дня завершила прорыв неприятельского фронта: 18 километров в длину и 20 километров в глубину. Приходилось драться фронтом на три, а иногда и на все четыре стороны. С. Л. Марков, впоследствии герой белой армии, командовал тогда одним из полков Железной дивизии, и полк его в этой операции оказался на самом пике сражения. «Очень оригинальное положение, — доносил он по телефону генералу Деникину, — веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!»

Чарторыйск был взят дивизией Деникина. Железная дивизия двинулась дальше, чтобы очистить от противника окрестные деревни и хутора.

«Неприятно было пробуждение австрийцев, заночевавших в злополучных хуторах, — рассказывает очевидец этого боя Генерального штаба полковник Б. Н. Сергеевский. — Только начинало светать, как леса кругом них ожили. И ожили каким-то невероятным для войны XX века образом.

С севера гремел, надвигаясь все ближе и ближе, русский военный оркестр. На западе и юге ему вторили полковые трубачи. И когда на опушку с трех сторон одновременно стали выходить русские колонны — австрийская бригада стояла в строю впереди деревенских домишек подняв вверх руки. Стрелковый оркестр прошел, продолжая играть, вдоль фронта врага, поворачивая на восток по дороге в Чарторыйск.

Галопом наскочил на австрийское начальство полковник С. Л. Марков.

— Церемоньялмарш! — скомандовал он австрийцам. — Нах Чарторыйск!»

В этом сражении, как и в других своих боевых эпизодах, генерал Деникин проявил отличное понимание военной психологии. Прорвав неприятельский фронт, он рисковал в любой момент быть отрезанным от своих. В такой критический момент нужна была большая военная смекалка, чтобы использовать в тылу у неприятеля психологический эффект полковых трубачей и военного оркестра. Обнадеживая своих, спокойно-уверенный грохот барабанов и русской военной музыки сбивал с толку противника и сеял растерянность в его рядах.

В самом начале 1916 года мать генерала Деникина, Елизавета Федоровна, тяжело заболела воспалением легких, осложнившимся плевритом. От болезни своей больше не оправилась. Жизнь ее медленно угасала. Восемь месяцев она лежала, не вставая с постели, часто бывала в беспамятстве и скончалась в октябре 1916 года семидесяти трех лет от роду. Ее длительная болезнь и смерть стали

большим горем для сына. Он был далеко от нее, на фронте, и только дважды до ее смерти, по телеграфному вызову врача, приезжал к ней и неотлучно проводил свой печальный отпуск у кровати умирающей. Осенью, когда снова по вызову врача он приехал к своей «старушке», она была уже мертва... С ее уходом из жизни рвалась последняя связь с детством и юностью, хотя тяжелыми и убогими, но близкими и дорогими по воспоминаниям. Жила Елизавета Федоровна в Киеве в квартире сына на Большой Житомирской улице, 40. Он нанял эту квартиру весной 1914 года, перевез туда свою мать из Житомира, где командовал полком. Натерпевшись в свое время вдоволь горя и нужды, она провела свои последние годы в покое и уюте. Перспектива смерти матери пугала сына полным одиночеством. Да и возраст его — сорокатрехлетнего мужчины — казался непреодолимым препятствием для: женитьбы и новой жизни. Впереди маячило беспросветное одиночество.

Была у него, правда, еще одна привязанность в жизни, но о ней. Антон Иванович боялся тогда даже мечтать. Это была Ася Чиж. Из ребенка маленькая Ася превратилась в очаровательную женщину, Ксению Васильевну. Окончив незадолго до войны институт благородных девиц в Варшаве, она училась в Петрограде на курсах профессора Платонова. На этих курсах готовили преподавательниц русской истории для женских учебных заведений. Был у нее жених, молодой офицер одного из гусарских полков, но его убили на войне. Родители ее развелись; мать вторично вышла замуж, отец вторично женился; родной город Бела был в руках неприятеля. Она чувствовала себя так же одиноко, как Антон Иванович. Он знал ее с момента рождения, видел ее ребенком, затем подростком, навещал в институте, стыдил за пальцы, вымазанные чернилами. Он наблюдал, как она постепенно превращается в привлекательную девицу, и... решил просить ее руки.

Письма генерала Деникина с фронта с описанием окружающей его обстановки, собственных мыслей и переживаний, к счастью, не потеряны. 96 таких писем, никогда еще не опубликованных, аккуратно пронумерованных, начиная с 15 октября (ст. ст.) 1915 года до конца августа 1917 (то есть до момента ареста генерала Деникина Временным правительством и заключения его в Бердичевскую тюрьму по обвинению в участии в «мятеже генерала Корнилова») сохранились. в семейных бумагах его вдовы, Ксении Васильевны. Приведенные ниже с ее разрешения выдержки из писем Антона Ивановича освещают духовный облик замкнутого человека, не любившего пускать посторонних в свой внутренний мир.

15 октября 1915 года

Жизнь моя так полна впечатлениями, что их хватит на всю жизнь. Горишь, как в огне без отдыха, без минуты покоя, испытывая острое ощущение боли, скорби, радости и внутреннего удовлетворения.

Славная дивизия, которой — судьба улыбнулась — я командую 14 месяцев, создала себе исключительное положение: неся огромные потери, исколесив всю Галицию, побывав за Карпатами — везде желанная, то растаявшая, то вновь возрожденная пополнениями, исполняет свой долг с высоким самоотвержением... Здоровье — лучше, чем в мирное время. Самочувствие — отлично. Но нервы истрепаны. И не раз » редкие минуты затишья в тесной и грязной полесской лачуге мечтаешь о тех благодатных днях, когда кончится война (победоносно, конечно, не раньше) и получишь нравственное право на отдых. Только отдых полный, ничем не омраченный; море, солнце, покой — как хорошо! Счастье? Его почти не было. И будет ли? Но на покой я, кажется, имею право.

13 ноября 1915 года

Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном районе. Вместо смелых набегов, кровавых боев — нудная позиционная война с ее неизбежными атрибутами для стрелков; заплывшие водой окопы и сырые холмные землянки. Ненадолго, впрочем. Последний успех в ряду непрерывных боев моей дивизии — прорыв неприятельской линии и разгром австро-германцев... Непосредственно чувствуя пульс боя, мы видим, что в рядах противника нет и тени той нравственной силы, с которой он (германец) начал кампанию: бегство, сдача в плен — явления заурадные; вместо гордой осанки — обтрепанный вид, утомленные физиономии пожилых бюргеров. В отобранных дневниках — апатия, усталость и желание конца. Он не близок, он далек еще; но ясно чувствуется фатальная неизбежность поражения австро-германцев. И настанет новая светлая эра, если только... кормчие сумеют уберечь страну нашу от внутренних потрясений.

16 декабря 1915 года

Вот уже четыре месяца не имею своего угла. В одной комнате 3-4 человека. Конечно, пользуюсь привилегиями начальническими, мог бы устроиться лучше, но зато стеснил бы до крайности других. А тут хочется побыть одному и нельзя, Сосредоточиться, подумать, наконец просто ни о чем не

думать... Кругом кричат телефонисты; шум, смех, говор моей штабной молодежи, всегда веселой и жизнерадостной. Впрочем, меня это стесняет лишь в дни безделья-затишья, когда становишься сердитым и ворчливым. Когда же начинаются бои, все эти мелочи жизни совершенно бледнеют, и весь с головой и сердцем уходишь в дело,

Пишу ужасно нескладно. Потому что шесть глаз смотрят под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже четвертую страницу?

6 февраля 1916 года

10-го (января) заболела тяжело моя мать воспалением легких. 24-го удалось вырваться в отпуск. До 5 февраля просидел возле нее. Устал нравственно и физически. Исход неопределенный. Иногда надежда, иногда нет. Впереди жуткая пустота и подлинное одиночество. У меня ведь никого нет, кроме нее.

12 февраля 1916 года

Мечтал об отпуске. Пришел он раньше времени, но не на радость: 2 недели у постели больной матери безвыходно, неделя в командировке. Был второй кризис, почти агония; длилось так дня четыре. И пошло на улучшение. Правда, явилось осложнение — плеврит. Возраст почтенный — года, все это тяжело очень переносится. Чувствую себя совершенно разбитым физически и уставшим нравственно. Еду в великолепную санаторию — свою дивизию. Там все пройдет быстро.

4 марта 1916 года

2 марта ранен навывлет легко в левую руку осколком шрапнели; кость не задета, сосуд пробит, но, молодчина, сам закрылся. Даже температура не подымается выше 37,4. Ложиться не надо. Продолжаю командовать.

27 марта 1916 года

Доктор вызвал меня телеграммой в Киев, считая положение матери безнадежным. Повидимому, он ошибся во времени. Идет медленное умирание, но определить конец нельзя. Мне не придется закрыть глаза бедной старушке, так как через 4—5 дней возвращаюсь в дивизию. В исходе третий месяц тяжелого, беспомощного положения ее. А кругом кипит жизнь, светит яркое солнце и надвигается радостный праздник. Никакое неверие не может развенчать обаяния этого праздника весны, Воскресения, возрождения. Встретим Пасху на позиции, в маленькой церковке, укрытой в лощине, но привлекающей изрядно внимание австрийцев.

А мысль будет далеко, далеко, разделенная между двумя дорогими образами — догорающим и тем другим, который так близко вошел в мою жизнь.

В письмах той, о ком он все больше и больше думал, с кем все чаще и чаще переписывался, кто «так близко вошел в его жизнь», Антон Иванович искал «ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные».

«Я не хочу врываться непрошеным в Ваш внутренний мир», — говорил он ей в одном из своих писем в марте. Но полупризнания не передавали на бумаге его чувства, добиться письменного ответа на мучивший его вопрос было невозможно. Он это отлично сознавал и хотел лишь уловить в ее письмах те оттенки мыслей, которые дали бы ему мужество письменно просить ее руки.

4 апреля он решился на этот шаг и затронул наконец «тот не высказанный, но давно уже назревший вопрос». Опасался он двух возможных препятствий: своего холостого прошлого, в котором считал нужным покаяться, но которое доверить бумаге казалось ему трудным. «Затем, — писал он ей, — Вы большая фантазерка. Я иногда думаю: а что, если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному Вашим воображением идеализированному лицу, а не ко мне, которого Вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для Вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением... Письмо придет к Пасхе, — заканчивал он. — Христос Воскресе! Я хотел бы, чтобы Ваш ответ был не только символом христианского праздника, но и доброй вестью для меня».

Казалось бы, вся предыдущая переписка с Антоном Ивановичем должна была подготовить Ксению Васильевну не только к возможности, но даже к неизбежности того, что произошло. И тем не менее предложение для нее явилось неожиданностью.

Генерал Деникин был другом семьи, из поколения ее родителей; все это как-то не вязалось с романтической натурой Ксении Васильевны. Она глубоко ценила его как верного друга, как человека безупречной честности. Она гордилась расположением к себе боевого генерала, доблесть которого стала широко известна, знала, что на него можно положиться во всем. Но подобные чувства были далеки от влюбленности.

Получив письмо, она не отказала, но просила повременить, чтобы, свыкнувшись с мыслью о

возможности брака, лучше узнать Антона Ивановича и только тогда прийти к окончательному решению.

«То, что я написал 4-го, я не говорил еще никому ни разу в жизни, — писал он ей в ответ. — Вы поймете мое нетерпение, с каким я ждал ответа, хотя и условного; мое волнение, с каким я вскрывал Ваше письмо. Письмо от 12-го... такое осторожное и такое рассудочное. Быть может, так и надо. Я же, обычно замкнутый, недоверчивый, немножко отравленный анализом, я изменил себе, открыв Вам душу».

Потребовалось несколько недель упорных письменных уговоров, чтобы склонить Ксению Васильевну дать свое согласие стать невестой, а затем связать раз и навсегда свою жизнь с судьбой генерала Деникина. Но пока этот вопрос решался, генерал переживал «такое напряженное настроение, как во время боя, исход которого колеблется».

Потом было решено факта жениховства пока что не оглашать, временно даже скрыть его от ее родных. Однако к лету 1916 года жениховство от семьи уже не было секретом. Тогда же решили — по настоянию Антона Ивановича — венчаться не сразу, а лишь по окончании войны. Нелегко далось ему решение, но, думая прежде всего о своей невесте, он считал — поступить иначе было бы неблагоприятно.

С конца 1916 года письма генерала Деникина к своей невесте полны надежд на яркое и радостное будущее. Моментами появляются сомнения, но они быстро рассеиваются.

«Пробивая себе дорогу в жизни, — писал он ей 24 апреля, — я испытал и неудачи, разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было; — счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье — это нечто нереальное, призрак. И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней. Надеюсь... Думаю о будущем. Теперь мысли эти связнее, систематичнее, а главное, радостней. Теперь я уже желаю скорого окончания войны (прежде об этом не думал), но, конечно, постольку, поскольку в кратчайший срок можно разбить до основания австро-германцев. Иначе не представляю себе конца. В одном только вопросе проявляю недостаточно патриотизма, каюсь: когда думаю об отдыхе после войны, тянет к лазурному небу и морю Адриатики, к ласкающим волнам и красочной жизни Венеции, к красотам Вечного города. Когда-то, 10 лет тому назад, я молчаливо и одиноко любовался ими — тогда, когда мой маленький друг Ася была с бабушкой на Рейне. Вы помните? Вы одобряете мои планы?»

Вот еще выдержки на эту тему из последующих писем к невесте.

«Никогда еще жизнь не была так заполнена. Кроме дела, у меня появилась личная жизнь. Иногда я задумываюсь над не разрешенным еще вопросом наших отношений (собственно, один остался) и гложет меня сомнение. Все о том же. Мне ли Ваша ласка или тому неведомому, которого создало Ваше воображение?»

«Если в нашей жизни счастье в очень большой степени будет зависеть от меня, то оно почти обеспечено. Ни перевоспитывать, ни переделывать Вас, моя голубка, я не собираюсь. Сумею ли подойти — не знаю, но кажется мне, что сумею, потому что, потому что я люблю Вас. И в думах одиноких, острых и радостных я вижу Асю женой и другом. Сомнения уходят и будущее светлеет».

«Вся моя жизнь полна Вами. Получила новый смысл и богатое содержание. Успех для нас. Честолюбие (без него полководчество немислимо) — не бесцельно. Радости и горе — общие. Я верю в будущее. Я живу им. Совершенно сознательно».

Но одновременно с радостью почти во всех письмах Антона Ивановича к своей невесте за летний период 1916 года видна глубокая грусть по поводу состояния здоровья матери.

27 октября 1916 года, уже после смерти матери, на похороны которой приехала и Ксения Васильевна, Антон Иванович, уезжая обратно из Киева на фронт, писал с дороги своей невесте:

«Последние недели имели огромное значение в моей жизни, положив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. И неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи».

Попутно, касаясь своих личных чувств и мыслей, генерал Деникин дает интересное описание окружающей его жизни на фронте:

«Пасху встретили неожиданно торжественно. Приехал архиерей с духовенством. И среди чистого поля в огромном, созданном из ничего — прекрасном и величественном зеленом храме (ель и сосна), среди полной тишины, словно замершего боевого поля, среди многихтысяч стрелков вооруженных, сосредоточенных и верующих — началось торжественное пасхальное архиерейское служение. Обстановка весьма необычная для него и для нас. Впечатление большое».

«Между делом читаю, и довольно много. Без системы, без выбора, что случайно привезут отпусковые. Такая масса расплодилась литературного хлама. Прочтешь, и ничего не остается ни в уме, ни в памяти».

С осени 1915 года на русском фронте против австро-германцев наступило затишье. Войска с обеих сторон фронта зарылись на зимние месяцы в окопы. Газетные бюллетени Ставки, за исключе-

нием боев в декабре и марте, сводились к лаконичной фразе: «Перестрелка и поиски разведчиков». Это затишье было использовано Россией для накопления военного снабжения и для пополнения войск. Произошли большие перемены в военном министерстве. Новые люди, не в пример Сухомлинову, искали сотрудничества с общественными организациями, земскими и городскими союзами, чтобы совместными усилиями расширить в стране производство для нужд армии. Сотрудничество оказалось плодотворным. Была проведена мобилизация промышленности для военных нужд. Образовано «Особое совещание для объединения мероприятий по обороне государства», создан Военно-промышленный комитет.

С помощью крупных правительственных субсидий и при поддержке военного министерства частная инициатива энергичных деловых людей привела к значительным успехам. Повысилось производство артиллерийского вооружения, а также патронов и ружей. Военные и дипломатические представители союзных стран с радостным удовлетворением сообщали своим правительствам о неожиданных и больших достижениях русской промышленности в области боевого снабжения. Начался давно ожидавшийся и быстро возрастающий приток снабжения из-за границы. Наступил перелом. Появилась надежда.

В этом переломе большую роль сыграли деловые люди и общественные деятели (А. И. Гучков, князь Г. Е. Львов, А. И. Коновалов, М. В. Челноков, М. И. Терещенко и другие). Но беспокойная инициатива тех же деловых и общественных группировок сыграла, пожалуй, еще большую роль в систематическом подрыве авторитета монарха. К этому вопросу мы вернемся позже.

Тем временем в декабре 1915 года на межсоюзной конференции в Шантильи было решено начать наступление против Германии и с запада и с востока в середине июня 1916 года. Главный удар должен был наноситься союзниками в районе Соммы. Но планы быстро изменились: неожиданно для союзников в феврале немцы перешли в сильнейшую атаку для прорыва фронта у Вердена. Вместо помощи России союзники стали требовать помощь от России. В ответ на это требование, невзирая на весеннюю распутицу и бездорожье тающих снегов, русские войска Северного и Западного фронтов сразу (в марте месяце) были брошены против немцев.

Деникин со своей дивизией по-прежнему находился на Юго-Западном фронте и в этом наступлении не участвовал. Он кратко суммировал то, что там произошло, следующей фразой: «Операция эта, наспех организованная и плохо проведенная... буквально захлебнулась в грязи и окончилась полной неудачей».

И тем не менее атаки на Верден временно прекратились. Но вскоре настал другой критический момент для союзников, и снова посыпались настойчивые требования русской помощи. На этот раз не только призыв, но крик отчаяния шел из Рима.

Италия вступила в войну против своей вчерашней союзницы Австрии в мае 1915 года. Вена горела желанием отомстить. Весной 1916 года австрийцы перебросили крупные силы с русского фронта на свой фронт против Италии. Разбив итальянцев в середине мая у Трентино, они двинулись в общем направлении на Верону. Предвидя катастрофу, итальянское командование при поддержке генерала Жоффра стало требовать, а затем умолять Ставку немедленно начать наступление против Австро-Венгрии, чтобы отвлечь на себя австрийские силы с итальянского фронта.

И снова, как писал потом Черчилль, «в соревновании боевого товарищества, которое было отличительной чертой царской армии», русские предприняли новый и на этот раз грандиозный удар против неприятеля.

С рассветом 22 мая (4 июня н. ст.) вся линия русского Юго-Западного фронта взорвалась сильнейшим артиллерийским огнем. Снарядов не жалели. После артиллерийской подготовки русские части по всему фронту длиной в 350 километров перешли в наступление против австрийцев. Атака была настолько неожиданна для неприятеля, что, несмотря на сильные укрепления, воздвигнутые в период зимних месяцев, австрийцы не выдержали. Их опрокинули, и фронт был прорван. Операция эта была поручена генералу Брусилову, незадолго до того принявшему пост Главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В состав фронта входили четыре армии. С севера к югу они шли в следующем порядке: 8-я, 11-я, 7-я и 9-я.

8-я армия, которой раньше командовал Брусилов, перешла к генералу Каледину. В ее состав по-прежнему входила Железная дивизия. Оба генерала хорошо друг друга знали, и у Каледина не было сомнений насчет стойкости Железной дивизии. Он знал, что Деникин не подведет.

Все четыре армии Юго-Западного фронта ударили по неприятелю одновременно. В этом заключался новый, до тех пор нигде, ни в одной армии еще не испробованный стратегический прием генерала Брусилова. Вместо того, чтобы сконцентрировать свою атаку на одном участке и дать возможность неприятелю направить туда на выручку резервы, Брусилов — одновременным ударом по широкому фронту — добился прорыва неприятельской линии в нескольких местах. «Эта форма прорыва, — по словам одного из его участников, — имела то преимущество, что лишала противника возможности определить место главного удара и маневрировать резервами; поэтому наступательная сто-

рона могла полностью применить внезапность удара, скрыв свои намерения, и держать скованными силы противника на всем фронте все время операции».

Нанести главный удар выпало армии генерала Каледина, а в его армии — на дивизию Деникина. Удар был направлен на город Луцк. Деникин хорошо знал этот город: в сентябре 1915 года, как известно со слов генерала Брусилова, Деникин «бросился на Луцк одним махом и взял его». С тех пор Луцк снова перешел в руки неприятеля, и здесь Деникину пришлось вторично брать его, сильно за это время укрепленный противником.

Еще в марте генерал Деникин был ранен осколком шрапнели в левую руку, но остался в строю. И несмотря на не совсем зажившую рану, руководя атакой, он шел со своими войсками в передовых цепях.

За доблесть, проявленную при захвате Луцка в мае 1916 года, генерал Деникин получил весьма редкую награду — «Георгиевское оружие, бриллиантами украшенное». Награда эта давалась не только за личный подвиг, но и когда он имел большое общественное значение.

Брусиловское наступление 1916 года, получившее также название Луцкого прорыва, продолжалось около четырех месяцев. «Тактические результаты этой битвы, — писал историк Головин, — были громадными. Взято было в плен 8 924 офицера, 408 000 нижних чинов, захвачено 581 орудие, 1 795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25000 квадратных километров. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 годах».

Последствия брусиловского успеха превзошли все ожидания. Италия была спасена. Австро-венгерские войска попали в катастрофическое положение. Чтобы выручить своего союзника и спасти его от окончательного разгрома, немцы перебросили из Франции 18 дивизий на русский фронт. Кроме того, союзники России получили облегчение на своем фронте у Салоник, откуда 3¹/₂ германские и 2 наиболее стойкие турецкие дивизии тоже были перебросены на русский фронт. Румыния, долго выжидавшая, куда подует ветер, чтобы присоединиться к победителям, неожиданно решила, что немцев бьют, и 27 августа объявила войну германо-австрийскому блоку. Переполох в Германии был велик. Если даже расчетливая Румыния отважилась начать войну с Германией, то это означало, что немецкие акции на международном рынке пали невероятно низко. А главное, Россия, которую германский Генеральный штаб после лета 1915 года включил в категорию полной инвалидности... И вдруг такая боевая инициатива! Кто-то, несомненно, в расчетах сильно, ошибся! В высшем немецком командовании генерала фон Фалькенхайна сменил фельдмаршал фон Гинденбург. Фактическим распорядителем на всех немецких фронтах стал его начальник штаба генерал Людендорф.

Эти события отразились и на судьбе генерала Деникина. В начале сентября 1916 года он был назначен командующим 8-м армейским корпусом и вскоре после этого отправлен на помощь румынам.

Многие в России были против вступления Румынии в лагерь стран, воюющих с Германией. Среди них был и генерал Деникин. Он считал, что в роли нейтральной державы Румыния более полезна Антанте, чем в роли союзницы, и оказался прав. Немцы, решив дать румынам хороший урок и доказать сомневающимся, что германская карта далеко еще не бита, заняли к концу декабря 1916 года большую часть румынской территории, включая Бухарест. А России, чтобы помочь новой союзнице, пришлось перебросить на Румынский фронт 20 дивизий.

Несмотря на повышение по службе, Деникин с большой и искренней грустью расставался со своей Железной дивизией. Два года он жил интересами своих стрелков. Его личная судьба переплелась с судьбой Железной дивизии. Его руководство, ее победы — все это связывалось в одно чувство дружного боевого товарищества, глубокой взаимной привязанности. На склоне лет, вспоминая боевое прошлое, генерал Деникин говорил, что два года, проведенные с «железными» стрелками, были самыми лучшими в его жизни.

Генерал Брусилов, после Октябрьской революции перешедший на службу к большевикам и с тех пор враждебно относившийся к генералу Деникину, в своих воспоминаниях, написанных в Советском Союзе, все же воздал ему должное.

«4-я стрелковая дивизия (железная), — писал он, — всегда выручала меня в критический момент, и я неизменно возлагал на нее самые трудные задачи, которые она каждый раз честно выполняла».

«Деникин, который играл такую большую роль впоследствии, был хороший боевой генерал, очень сообразительный и решительный».

Но затем в угоду Советскому правительству и чтобы застраховать себя с точки зрения политической благонадежности, Брусилов счел нужным значительно разбавить свою похвалу генералу Деникину. Неверной и сознательно ложной оценкой Деникина он пытался бросить тень на моральный облик безупречно честного человека, выставить его в роли карьериста, склонного приписывать себе

чужие боевые отличия. Характерной чертой Деникина было полное отсутствие какой-либо склонности к интриге и чувство справедливости в отношении к военным успехам и достижениям своих собратьев по ратному делу.

Характеристику Антону Ивановичу Деникину как боевому генералу дал один из офицеров, близко знавших его по совместной службе в 8-й армии:

«Не было ни одной операции, которой он (Деникин) не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого бы он не выиграл бы. Я в то время был начальником оперативного отделения и генерал-квартирмейстером в штабе Брусилова. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами...

Перед войсками он держал себя просто, без всякой театральности. Его приказы были кратки, лишённые «огненных слов», но сильные и ясные для исполнения. Он был всегда спокоен во время боев и всегда лично был там, где обстановка требовала его присутствия. Его любили и офицеры, и солдаты... Он никогда не ездил на поклон к начальству. Если его вызывали в высокий штаб по делам службы, то он держал себя со своими высшими командирами корректно, но свободно и независимо. Он не стеснялся в критике отдававшихся ему распоряжений, если они были нецелесообразны, но делал это мягко, никого не задевая и не обижая... Деникин всегда расценивал обстановку трезво, на: мелочи не обращал внимания и никогда не терял духа в тревожную минуту, а немедленно принимал меры для парирования угрозы со стороны противника. При самой дурной обстановке он не только был спокоен, но готов был пошутить, заражая других своей бодростью. В работе он не любил суеты и бессмысленной спешки... В частной жизни генерал Деникин был очень скромен, никогда не позволял себе никаких излишеств, жил просто, пил мало — рюмку, две водки, да стакан вина. Единственным его баловством было покурить хорошую сигару, в чем он понимал толк... В товарищеском кругу он был центром собрания... так как подмечал в жизни самое существенное, верное и интересное и многое умел представить в юмористической форме».

Со своим 8-м армейским корпусом Деникин попал на Румынский фронт, когда две немецкие армии, одна под командой Макензена, другая под начальством Фалькенхайна, одновременным наступлением с разных сторон резали Румынию на части.

Директива, данная генералу Деникину, предписывала: «двигаться по бухарестскому направлению до встречи с противником и затем прикрыть это направление, привлекая к обороне отступающие румынские части».

В течение нескольких месяцев, ведя бои у Бузеу, Рымника, Фокшан, имея в своем подчинении одновременно два румынских корпуса, А. И. Деникин так впоследствии формулировал свое впечатление о румынских войсках: «Полное игнорирование румынской армией опыта протекавшей перед ее глазами мировой войны; легкомысленное до преступности снаряжение и снабжение армии; наличие нескольких хороших генералов, изнеженного... корпуса офицеров и отличных солдат».

Несмотря на суровую жизнь последних двух лет, тяжелые условия на Румынском фронте превзошли все опасения генерала Деникина. То, что осталось от Румынии, было в состоянии полной прострации; подвоз снабжения и продуктов из России затруднялся не только расстройством русских железных дорог, но и хаотическим состоянием румынских путей сообщения. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог, без теплого белья и заболели тысячами. Не мудрено, что при создавшемся положении Румыния не очаровала Деникина.

«Неприветливая страна, неприветливые люди и порядочный хаос, — писал он своей невесте, — общее убеждение: ругали свои порядки, но чужие многим хуже».

Но в конце декабря 1916 года настало несколько дней затишья, и, пользуясь тем, что в Россию отправлялся в командировку верный боевой спутник и денщик Николай, генерал Деникин отправил с ним длинное письмо своей невесте. Письмо шло с верной оказией, а потому, не стесняясь ограничениями военной цензуры, можно было обрисовать в нем общую картину положения в Румынии откровенно, так как его понимал и видел генерал Деникин:

«Немцы сосредоточили против Румынии большие силы, и операция начала развиваться с необыкновенной быстротой. Наши войска прибывали поздно. Маленькая страна при полном напряжении своих железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашиным шагом, по суткам простаивая на маленьких станциях. К тому же хаотический беспорядок, бездельность, иногда, вероятно, продажность румынской администрации. Бухареста дни были уже сочтены. В числе войск, брошенных на помощь, были и мои. Но мы опоздали. Я встретил уже разбитые румынские армии. И, вкрапленные между ними, в постоянной опасности неустойки с их стороны, держивали сколько было возможно немцев, отходя к северу. Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. Но успех немцев несомненный. И, между прочим, в занятой стране они захватили огромные запасы продовольствия, большое облегчение для их насытых желудков. А нам при отходе, по

причинам политическим, запрещали жечь запасы... Теперь главнокомандующий соединенными армиями — король Фердинанд (в том числе нашей), а ответственным помощником его — генерал Сахаров.

Король, дрожа за судьбу династии, готов на всякие компромиссы. Правительство упорствует. А между тем единственный выход из положения — милитаризация страны (дорог и т.д.), вывод армии, обучение ее русскими инструкторами и, вообще, передача власти в русские руки... В общем, узнали-таки страну, где беспорядок государственный и социальный больше нашего... Приехала, наконец, комиссия из английских офицеров, которая уничтожает в ближайшей к противнику полосе запасы керосина, бензина, зерна, которые нельзя вывозить. Румыны уверенно высчитывают стоимость убытков от каждого разрушенного завода, моста, здания. Говорят: за все заплатят англичане! Оптимисты. Быть может заплатят, но... учтя цену присоединяемой Трансильвании».

Генерал Деникин не упомянул в своем письме о том, что в Румынии, до ее вступления в лагерь Антанты, была весьма сильная прогерманская группировка и что территориальные аппетиты румын включали не только австро-венгерскую Трансильванию, но и русскую Бессарабию. Военные неудачи, вполне естественно, играли на руку тем, кто рассчитывал на победу Германии и кто критически относился к России. А потому вопрос о «передаче власти в русские руки», с точки зрения румын, являлся совершенно недопустимым.

В одном из своих писем, касаясь успеха Юго-Западного фронта, Деникин выражал надежду, что этот успех повлечет за собой более широкое наступление и что, быть может, и союзники «встрепенутся».

В общественном мнении России отношение к союзникам за годы войны прошло разные фазы. Вначале был восторг и готовность жертвовать собой для достижения общей цели. Затем восторг охладил, но сохранилось твердое решение безоговорочно выполнять свои союзные обязательства, не считаясь ни с трудностями, ни с риском. И наконец, как отметил Головин, видя, что союзники не проявляют такого же жертвенного порыва, чтоб оттянуть на себя германские силы, как это делала русская армия, — в русские умы постепенно стало закрадываться сомнение. Оно перешло в недоверие.

Когда австрийцам приходилось плохо, немцы всегда шли им на выручку. Когда того требовали союзники, русские войска всегда оттягивали на себя силы неприятеля. Однако в критические моменты на русском фронте союзники ни разу не проявили должной военной инициативы. Неудачная их попытка в Галлиполи в расчет не принималась. Их начали винить в эгоизме, а среди солдат на фронте (возможно, что не без участия германской пропаганды) все сильнее слышался ропот: союзники, мол, решили вести войну до последней капли крови русского солдата. В солдатской массе это притупляло желание продолжать борьбу.

Следует отметить, что генерал Деникин, хоть и искренне желавший более деятельной стратегической помощи от союзников, никогда не бросал обвинения в том, что русскими руками они хотели ослабить Германию. Наоборот, до самого конца, даже в период русской междуусобной смуты, когда Россия вышла из войны, а Германия еще продолжала ее на западе, — он неизменно оставался верен идее союза.

Но еще серьезнее недоверия к союзникам было недоверие к собственной власти. Осенью 1915 года, с отъезда государя из столицы в Ставку, императрица с невероятной настойчивостью стала вмешиваться в дела государственного управления. По совету своих приближенных она выставляла кандидатов на министерские посты, и, за редким исключением, государь одобрял ее выбор. Кандидаты — люди бесцветные, не подготовленные к ответственной работе, часто недостойные — вызвали резкое неодобрение в общественном мнении и в Думе, где с осени 1916 года начались бурные выпады не только против членов правительства, но и против личности императрицы и «темных сил» вокруг трона. Авторитет власти и династии падал с невероятной быстротой. От патриотического единения между правительством и законодательными палатами периода начала войны не осталось и следа. Постоянная смена состава министров ослабляла и без того непопулярное и беспрограммное правительство.

Прогрессивный блок, образованный в 1915 году из представителей кадетской партии, октябристов и даже консервативных элементов Думы и Государственного совета, настаивал на министерстве общественного доверия, готового сотрудничать с законодательными палатами в проведении определенно разработанной программы деятельности. К этим требованиям все больше и больше склонялись умеренно-консервативные круги и члены императорского дома. Многие из великих князей, видя угрозу династии и родине, откровенно и настойчиво высказывали государю свои взгляды на необходимость перемен. Но царь упорно отклонял все подобные советы. Имя Распутина, с его влиянием при дворе, стало объектом ненависти, особенно тех, кто не желал свержения монархии. С думской трибуны Милюков винил правительство и императрицу в «глупости или измене»; представитель монархистов Пуришкевич требовал устранения Распутина. Убийство Распутина с участием великого князя Дмитрия Павловича, Юсупова, женатого на племяннице государя, и монархиста Пуришкевича окончательно изолировало царскую семью. Государь и императрица остались в полном одиночестве.

Тем временем Гучков, князь Львов и другие представители земских и городских! союзов, Во-

енно-промышленного комитета и т. д., сыгравшие большую роль в мобилизации русской промышленности для нужд войны, настаивали не только на министерстве общественного доверия, но на министерстве, ответственном перед Думой. Потеряв надежду на возможность сотрудничества с царем, они решили от него избавиться и широко пользовались своими связями в армии и общественных кругах в целях антиправительственной пропаганды. Думские выпады против режима, цензурой запрещенные в печати, распространялись ими по всей стране в виде литографированных оттисков.

Распространялись также заведомо ложные слухи об императрице, о ее требованиях сепаратного мира, о ее предательстве в отношении британского фельдмаршала Китченера, о поездке которого в начале июня 1916 года в Россию на крейсере » она якобы сообщила немцам. В армии эти слухи, увы, принимались на веру, и по словам генерала Деникина, «не стесняясь ни местом, ни временем» среди офицеров шли возмущенные толки на эту тему. Деникин считал, что слух об измене императрицы сыграл впоследствии «огромную роль в настроении армии, в отношении ее к династии и к революции».

После революции, несмотря на желание найти подтверждение подобному обвинению, особая комиссия, назначенная Временным правительством, установила полную необоснованность этих слухов. Они оказались злостной клеветой. Императрица — немка по рождению — была верна России и не допускала мысли о сепаратном мире.

Тем не менее влияние ее на ход событий, предшествовавших революции, было, несомненно, отрицательным и пагубным.

Брусиловское наступление, не поддержанное русскими Западным и Северо-Западным фронтами, не поддержанное и союзниками, закончилось к сентябрю 1916 года. Оно принесло больше пользы союзникам, чем России.

Антиправительственные речи, рассылавшиеся Гучковым и его сотрудниками во все концы страны и армии, доходили и до генерала Деникина в далекой Румынии. В одном из своих писем к невесте он кратко, без комментариев, отметил факт их получения:

«Думские речи (боевые) читаю в литографированных оттисках». (Письмо от 27 декабря 1916 года).

«На родине, — писал он в другом письме, — стало из рук вон худо. Своеручно рубят сук, на котором сидят спокон веку». (Письмо от 12 января 1917 года).

«Какие же нравственные силы будет черпать армия в этой разрухе? Нужен подъем. Уверенность...» (Письмо от 7 января 1917 года).

Строго держась вне политики, не принимая участия в закулисных интригах против правительства, Деникин болел душой за то, что происходило внутри страны. Он видел, что царский режим стоит на краю пропасти, что как бы назло самому себе этот режим «своеручно рубит сук, на котором сидел спокон веку». И, опасаясь потрясения во время войны государственных устоев, генерал Деникин с волнением думал о тех последствиях, которые мог вызвать в армии развал в тылу.

Наступал 1917 год, год страшной расплаты за прошлые грехи, ошибки и неудачи, год, который выдвинул генерала Деникина на ту роль, которую ему пришлось затем играть в период гражданской войны.

IV ГОД РАСПЛАТЫ

Несмотря на грозные тучи на горизонте, начало 1917 года не предвещало грандиозного размаха надвигавшихся событий.

Жизнь генерала Деникина на Румынском фронте шла своим обычным военно-походным порядком, понять ее помогут письма Антона Ивановича того времени к Ксении Васильевне.

2 января 1917 года

Вот и праздники прошли. Вяло, скучно, тоскливо. Как будто их и не было. В особенности великолепна (была) встреча Нового года: продукты, выписанные к праздникам, не успели, встречать было нечем, и часов в 11 — по военному в 23 часа — залег в постель, вооружившись историей Востока (читаю систематически историю). Не правда ли оригинально! Встреча Нового года и история Востока и Ассирии! Да здравствует чистая наука и да накажет небо румынских железнодорожников!

7 января 1917 года

Напоминает доброе старое время кавказских войн, когда с Россией сносились только оказиями. Русские армии защищают остатки державной Румынии, но подлые бюрократы ведут спор о какой-то почтовой конвенции, и наша почта ходит с оказией или нарочным.

12 января 1917 года

Отношения с союзниками налаживаются плохо. Друг другу не слишком верим. И нет в нас той немецкой самонадеянности, с которой они наложили свой тяжелый кулак на политику, экономическую жизнь и стратегию своих слабейших союзников.

К концу 1916 года жених и невеста в своей корреспонденции перешли на «ты». Однако в большинстве случаев и тогда, и во все последующие годы своей семейной жизни Ксения Васильевна продолжала обращаться к Антону Ивановичу на «вы» и называть его по имени-отчеству, а иногда, в зависимости от настроения, просто: Иванович.

17 февраля 1917 года

Ты недовольна, что мало пишу об окружающей обстановке. Это верно. Но в отношении большинства вопросов действий, жизни армии и даже страны, вопросов, которые могли бы иметь интерес, мы связаны «соблюдением военной тайны». И не столько сущностью и пользой дела, сколько усмотрением господ цензоров, из которых много людей невежественных. Я раньше получал много задержанных писем по причинам самым нелепым. Так, например, когда мы стояли в болотах Полесья, часто присылали мне «для соответствующего распоряжения» солдатские письма, в которых встречались такие «преступные» фразы: «в окопах вода»!! Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что об этом узнал бы немец, сам в воде плавающий. По тем же причинам чужого любопытства избегаю характеристик. Потому письма мои бледны и малосодержательны. И в отношении вопросов, совершенно нейтральных — сердца и души, — не слишком приятно, когда в них копаются чужая и не всегда чистая рука.

Военная цензура, как бы необходима она ни была во время войны, никогда и нигде не пользовалась популярностью.

Наконец грянул гром, и раскаты его из столицы разнеслись по всей России: в Петрограде произошла революция!

«События развернулись с неожиданной быстротой и с грозной силой, — писал Деникин 4 марта. — Дай Бог счастья России!»

«Перевернулась страница истории, — писал он четыре дня спустя. — Первое впечатление ошеломляющее благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

- 1) возврат к прежнему немыслим;
- 2) страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию;
- 3) конец немецкому засилью, и победное продолжение войны. Моим всегдашним искренним желанием было, чтобы Россия дошла до этого путем эволюции, а не революции. Надежды не оправдались. Темные силы, старавшиеся в безумии своем «повернуть к обдурам», ускорили развязку.

Теперь только одного нужно бояться, чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны... Какое счастье было бы для России, если бы «круг времен» замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений».

В частном письме генерала Деникина сказала неосведомленность в быстро менявшихся настроениях Петрограда, в котором оказался оторванный от столицы командный состав армии. Политические события в центре, как снимки на экране кинематографа, мелькали перед глазами с невероятной поспешностью, и 8 марта, когда Деникин писал свое письмо, настроения в столице настолько изменились, что надежда на возможность в России конституционной монархии рухнула навсегда.

3 марта в Петрограде опускался занавес последнего акта царствования в России дома Романовых. Великий князь Михаил Александрович, после того как Николай II подписал манифест о своем отречении за себя и за сына в пользу брата, отказался принять престол.

В тот же день было обнародовано заявление Михаила Александровича, что он воспримет верховную власть лишь в том случае, если она будет предложена ему Учредительным собранием. Великий князь призывал «всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству».

Первые дни в армии после свержения монархии очень живо обрисовал генерал Деникин:

«Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов, Ни радости, ни горя. Тихое сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю произвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...»

«Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархиче-

ского строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи.

Мне известны три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления мятежа. Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно были. Но сдерживающим началом для всех них явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие: и второе — боязнь междоусобной войны открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть».

Настроения, описанные генералом Деникиным, преобладали главным образом среди офицеров и известного процента старых, кадровых солдат. Настроение же солдатской массы, по мнению Деникина, «слишком темной, чтобы разобраться в событиях, и слишком инертной, чтобы тотчас реагировать на них, тогда не вполне еще определилось».

Из писем генерала Деникина, цитированных в начале этой главы, мы знаем, как он воспринял переворот.

Деникин не был поклонником старого строя, отлично отдавал себе отчет в его ошибках и бездарности. Считая необходимым создание во время войны сильной национальной власти, опирающейся на доверие широких кругов населения, он с беспокойством и растущим возмущением наблюдал, как царское правительство своими неразумными поступками и отсутствием творческой мысли настраивало против себя даже законопослушный элемент.

«Безудержная вакханалия, — писал он, — какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты».

И тем не менее до самого момента переворота он принимал только путь устранения отживших принципов и методов управления постепенным путем эволюции, а не революции. Хорошо изучив историю своего народа и близко столкнувшись с анархией 1905 года, генерал Деникин понимал невозможность внедрения в отсталой России наиболее прогрессивных форм демократии и политических свобод. А потому он знал цену мечтаниям умеренных социалистов, наивно веривших, что падение царского режима чуть ли не сразу водворит эру неограниченной свободы в стране, являвшейся почти на три четверти темной и необразованной. И немудрено, что его первая реакция на события в Петрограде сводилась к опасению, «чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны». Он хотел бы видеть в России конституционную монархию британского типа, но форма правления не играла в его мышлении доминирующей роли. На первом месте стояла Родина, которой грозила смертельная опасность от внешнего врага — германского империализма. А потому он считал необходимым продолжать войну. Временное правительство, придерживалось того же взгляда, и Деникин безропотно и чистосердечно подчинился ему. Как и весь командующий генералитет, он проявил полную лояльность в отношении нового правительства.

Но вскоре Антон Иванович увидел, что в столице параллельно с официальной властью появилась новая, неофициальная, но напористая власть Совета рабочих и солдатских депутатов, взгляды и стремления которого в корне расходились с его личными убеждениями. Он понял, что революция, уничтожив весь огромный правительственный и административный аппарат старой России, поставила Временное правительство в беспомощное положение, без исполнительного аппарата на местах, и что там, в провинции, на всем огромном пространстве страны эта образовавшаяся пустота быстро заполнялась влиянием Советов.

Наконец с возмущением и болью в сердце генерал Деникин готовился вступить в открытую борьбу с развалом вооруженных сил России. Ведь шло время, и он отчетливее сознавал, что на своем пути Россия дошла до одного из тех редких исторических перекрестков, где привычные понятия морали, закона и порядка неизбежно и со страшной силой столкнутся с несущимся вперед хаосом новых утопических идей, и что никому не удастся избежать последствий этого жуткого столкновения.

Нутром своим он чувствовал, что февральская революция, которую с гордостью тогда называли великой и бескровной, «родила бурю и вызвала злых духов из бездны».

В таких вопросах характер Деникина не допускал колебаний. Гражданский долг указывал ему

лишь на один выход. И, приняв решение, генерал с твердостью держался его до конца.

V НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

18 марта Деникин получил телеграмму с вызовом немедленно приехать в Петроград для переговоров с военным министром Временного правительства. Причина вызова и цель переговоров не были указаны. Предположения, догадки и неизвестность волновали Антона Ивановича. Он выехал в столицу в ту же ночь. По дороге, проезжая Киев, он с изумлением услышал на железнодорожной станции выкрики газетчика: «Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного Главнокомандующего».

Приехав в Петроград, Деникин сразу же отправился к новому военному министру А. И. Гучкову, с которым он прежде не был знаком и никогда не встречался. В разговоре Гучков сообщил, что среди членов Временного правительства и Временного комитета Государственной думы были разногласия по вопросу о выборе кандидата на пост Верховного Главнокомандующего. Одни предлагали генерала Алексеева, другие — генерала Брусилова. Родзянко и другие были против Алексеева. Однако вопрос все же был решен в пользу генерала Алексеева. Тем не менее, считая Алексеева «человеком мягкого характера», новое правительство решило «подпереть Верховного Главнокомандующего боевым генералом в роли начальника штаба», и выбор пал на генерала Деникина.

«Несколько подготовленный к такому предложению отделом «Вести и слухи»киевской газетки, — рассказывал генерал Деникин о своем свидании с Гучковым, — я все же был и взволнован, и несколько даже подавлен теми широчайшими перспективами работы, которые открылись так неожиданно, и той огромной нравственной ответственностью, которая была сопряжена с назначением. Долго и искренне я отказывался от него, приводя достаточно серьезные мотивы: вся служба моя прошла в строю и в строевых штабах; всю войну я командовал дивизией и корпусом, и к этой боевой и строевой деятельности чувствовал призвание и большое влечение. С вопросами политики, государственной обороны и администрации — в таком огромном, государственном масштабе — не сталкивался никогда...»

В разговоре выяснилось, что Гучков высказал генералу Алексееву мотивы назначения Деникина и поставил вопрос об этом назначении довольно ультимативно. Генерал Деникин оказался в весьма щекотливом положении и потому выговорил себе право, прежде чем принять окончательное решение, поговорить с генералом Алексеевым. Разговор этот произошел в Ставке 25 марта.

Алексеев принял своего будущего начальника штаба вежливо, но в разговоре чувствовались натянутость и обида. Деникин повторил все доводы, приведенные им Гучкову против своего назначения; просил генерала Алексеева, как своего старого профессора по академии Генерального штаба, откровенно высказаться по этому вопросу, ибо без его чистосердечного согласия и одобрения, он, Деникин, считал невозможным для себя принять новую должность.

Алексеев отвечал уклончиво и сухо. «Ну что ж, раз приказано...» Характер Деникина не допускал такой постановки вопроса. Он сказал Алексееву, что отказывается принять назначение, но, дабы оградить Верховного Главнокомандующего от дальнейших трений с Петроградом, сообщит Гучкову, что отказ от должности явился его самоличным решением. И тут генерал Алексеев, переменяя тон, искренне просил Антона Ивановича не отказываться. «Будем работать вместе, — говорил он, — я помогу вам; наконец, ничто не помешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, уйти в первую открывающуюся армию».

Деникин согласился. Началась совместная работа. И тем не менее в отношениях между двумя генералами легла некоторая тень. В полупринудительном назначении своего ближайшего помощника Алексеев вполне естественно почувствовал опеку правительства. Но ближе узнав Деникина, увидел, что в сношениях с Петроградом новый начальник штаба всячески оберегал его от столкновений и неприятностей. Он понял, что Деникин, чуждый интригам, прямо и открыто шел на борьбу с разлагающими армию действиями новой власти. В своем помощнике генерал Алексеев нашел верного сотрудника и единомышленника, перед гражданским мужеством которого он вскоре стал преклоняться. «Со временем, — вспоминал потом Деникин, — я установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его смерти».

Какие же причины так неожиданно выдвинули Деникина на одну из высших должностей в военной иерархии?

Причин, по-видимому, было несколько.

Несомненно, главную роль играла его блестящая репутация боевого генерала, его доблесть, твердость, находчивость. Но политический элемент в расчетах Временного правительства тоже играл

не последнюю роль. Генерала Деникина считали человеком левых взглядов. Новый военный министр Гучков, хотя лично и не встречал Деникина, но по своей прошлой деятельности в Государственной думе, связанной с вопросами обороны страны, был в курсе того, что писалось в военной печати, и хорошо знал Деникина как критика военной бюрократии и устаревших устоев. Оглядываясь на Совет рабочих и солдатских депутатов, новые правители рассчитывали найти в Деникине не только приятие революции, но даже некоторую ее идеализацию и готовность следовать по пути демократизации армии. Да и крестьянское происхождение отца генерала, выдвигаемого на верхушку служебной пирамиды, не могло служить препятствием буржуазному Временному правительству в его заискиваниях перед растущим влиянием Советов.

Не знали они тогда, что, осуждая во многом старый режим и приняв февральскую революцию всецело и безоговорочно, Антон Иванович в то же время не допускал и мысли о революционизировании вооруженных сил, и считал, что попытка их демократизации внесет в армию демагогию и развал. Таким образом, с самого начала намечался конфликт между политикой, принятой новым военным министром под давлением Советов, и взглядами Ставки, где генерал Деникин действительно оказался «подпорой» Верховного Главнокомандующего, но в области, совершенно неожиданной для Петрограда. Если правительство и имело мысль в лице Деникина учредить нечто вроде политической опеки над Ставкой, то расчет этот оказался неудачным,

Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) оставил большой след в жизни генерала Деникина. Он сыграл чрезвычайно важную роль в истории первой мировой войны, в отречении последнего императора, в возникновении белого движения на Юге России. Памяти Алексеева посвящено много статей, памфлетов и кратких жизнеописаний. Но, к сожалению, нет пока подробного исследования его жизни и деятельности, вызвавших к себе различное отношение. Эту двойственность в оценке его деятельности должен был признать искренне расположенный к Алексееву Антон Иванович Деникин.

Со слов тех, кто, мало зная генерала Алексеева, записали первое о нем впечатление, ясно обрисовывается фигура человека невысокого роста, плотного телосложения, в круглых очках, с небольшими глазами, один из которых сильно косил, скромного, очень умного, ученого специалиста своего ремесла. В наружности Алексеева было мало военного. При первой встрече с ним располагала большая простота и доступность в обращении с людьми.

Генерал Алексеев, как и генерал Деникин, был человеком скромного происхождения. Оба они росли в бедности и пробили дорогу упорным трудом и природными дарованиями. Без малейшей протекции получили они заслуженное признание, никогда ни перед кем не заискивая и всегда сохраняя достоинство. Оба отличались глубокой внутренней порядочностью, у обоих было искреннее уважение к личности человека, что особенно ценилось подчиненными. В беседах с посторонними оба генерала были немногословны. Эти черты взаимного сходства располагали друг к другу.

Старше Деникина на пятнадцать лет, Алексеев выдвинулся на руководящие посты при царском режиме. Участник русско-турецкой кампании, войны с Японией, профессор Академии Генерального штаба (которую сам окончил в 1890 году), начальник штаба Киевского военного округа, командир 13-го армейского корпуса, генерал Алексеев на войну 1914 года попал начальником штаба Юго-Западного фронта. Успехи этого фронта в Галиции приписывались стратегии Алексеева. В марте 1915 года он был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, где в тяжелых условиях отступления с честью вывел свои войска из «польского мешка» и окружения, которое готовил ему Людендорф. С момента, когда император принял на себя Верховное командование, генерал Алексеев оказался его ближайшим сотрудником. В то время как Деникин еще далеко стоял от вершины военной иерархии, Алексеев, уже фактический руководитель вооруженными силами России, постоянно соприкасался с вопросами государственного значения и размаха. Он не мог отгородиться от внутренней политики. Помимо его желания она вторгалась с разных сторон в круг его деятельности.

Алексеев, несомненно, был сложной натурой, и возможно, что именно в этом отсутствии цельности, которой отличался Антон Иванович Деникин, крылась причина его колебаний и не всегда твердого проявления воли.

Но гражданским мужеством Алексеев обладал. С его слов Антон Иванович записал несколько любопытных тому примеров.

Вскоре после того, как государь принял Верховное командование, в Ставку приехала императрица Александра Федоровна. Гуляя по саду с Алексеевым, она взяла его под руку и стала говорить о Распутине. «Несколько волнуясь, — описывал этот эпизод генерал Деникин, — она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что старец — чудный и святой человек, что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье... Алексеев ответил, что для него это вопрос — давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

— Это ваше окончательное решение?

— Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым. Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношения к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.

Несколько раз,—писал далее Деникин,—когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и о военном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ:

— Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверял Алексееву».

Во время службы с Алексеевым в Ставке А. И. Деникин тоже узнал кое-какие подробности о подпольных шагах, которые осенью 1916 года предпринимались некоторыми общественными группировками с целью устроить в «безболезненной для государства форме» дворцовый переворот сверху и таким образом избежать ужасных последствий революции снизу. Мысль заговорщиков (а конспиративных ячеек, не связанных друг с другом, было несколько) сводилась к простой формуле: тот, кто совершит переворот, получит власть и силу.

Во время длительной и серьезной болезни генерала Алексеева (с начала ноября 1916 года до середины февраля 1917 года) приехали к нему в Крым, где он тогда находился, представители некоторых думских и общественных кругов. «Они совершенно откровенно заявили, — пересказывал это событие Деникин, — что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета. Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, и так не слишком твердо держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Имена общественных деятелей не были упомянуты Деникиным. Но со временем стало очевидным, что здесь были замешаны и Гучков, и князь Львов, на которого определенно указывает историк русской революции С. П. Мельгунов.

Тот факт, что генерал Алексеев не донес о заговоре государю, как того требовал долг присяги, свидетельствует о степени недоверия к старой власти, возможности сдвинуть ее с мертвой точки. Эта глубокая тревога коснулась даже высшего командования, даже ближайшего помощника императора в Ставке. Вопрос в конце концов ставился ребром: что выше — верность престолу или родине? Алексеев служил не той или иной форме правления, он служил родине. По-видимому, у Алексеева опускались руки от сознания безнадежности вырвать царя из вредного окружения и изолировать его от пагубного влияния императрицы. Получался какой-то заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода.

Возможно, что Алексеев, утратив веру в старое правительство, решил молчать, опасаясь пагубных последствий, которыми разгром организаций Гучкова и князя Львова грозил армии. В случае разоблачения подпольной работы руководителей Военно-промышленного комитета, земских и городских союзов разгром этих организаций был неизбежен. При всей своей слабости царское правительство не могло не реагировать на такой заговор.

Но это лишь догадки и предположения.

Осторожный генерал Алексеев не оставил истории ключа к тайне своих мыслей и переживаний. Однако нет сомнения, что внутренняя борьба сложных чувств, принципов и понятий глубоко потрясла душу старого солдата. И, быть может, последний этап жизни генерала Алексеева — когда после захвата власти большевиками он решил зажечь факел сопротивления, «чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившего Россию мрака», — явился тем путем, который он сознательно избрал для искупления ошибок вольных и невольных, ибо сказано в Писании: кому много дано, с того много взыщется, а Алексеев был человеком глубоко верующим и религиозным.

Когда отрекшийся царь вернулся на несколько дней из Пскова в Могилев, чтобы проститься с чинами Ставки, генерал Алексеев встретил его с уважением и вниманием, подобающими императору. Он отдал распоряжение, чтобы в эти дни в Ставке жизнь шла по-прежнему, чтобы царские портреты остались на прежних местах. В почтительном обращении с бывшим императором не промелькнуло и тени заискивания перед новой революционной властью в столице.

Во время прощального приезда государя в Ставку произошел чрезвычайно любопытный случай, который А. И. Деникин записал со слов генерала Алексеева.

«Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II — отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

— Я передумал. Прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком государь написал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: в стране и армии объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексеев, чтобы не смущать умы, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя Верховное командование. Этот интересный для биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки».

У некоторых историков в среде русской эмиграции сообщение это вызвало недоумение. Высказывались предположения, что свидетельство генерала Деникина было основано на недоразумении или ошибке, что, может быть, документ, который он видел и о котором говорил ему Алексеев, являлся бумагой, подписанной государем еще 2 марта в Пскове и не отправленной в Петроград, когда еще до отречения за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича Николай II сперва составил отречение в пользу сына Алексея. Однако этим догадкам противоречат очень веские соображения. Генерал Деникин обладал отличной памятью. Он отчетливо запомнил поразившую его здесь нерешительно-изменчивую черту в характере бывшего монарха, в характере, так трагично отразившемся на судьбах России. Бумагу, написанную государем, он видел лично и сам передал ее бывшему генерал-квартирмейстеру Ставки — генералу Юзефовичу на хранение в пакете секретных бумаг Ставки. В передаче сведений, сообщенных ему Алексеевым, особенно ввиду их исторического интереса, Антон Иванович действовал с щепетильной точностью и с полным сознанием своей ответственности перед историей. Наконец, что очень важно, свидетельство генерала Деникина подтвердил потом совершенно посторонний человек, полковник Д. Н. Тихобразов, бывший тогда помощником начальника оперативного отделения Ставки и случайно оказавшийся свидетелем этого происшествия. Неопубликованные воспоминания его находятся в архиве Колумбийского университета. В них Тихобразов не только подробно описывает разговор Николая II с Алексеевым, но и определенно указывает, что разговор этот имел место в Могилеве 4 марта, то есть двумя днями позже подписания в Пскове документов об отречении.

Неотправленная телеграмма последнего императора никогда и нигде в печати не цитировалась.

Исчезла ли она? Была ли уничтожена? Так или иначе, дальнейшая судьба этого таинственного документа неизвестна.

Генерал Алексеев не оставил записок, разъясняющих свои отношения с теми, кто готовил дворцовый переворот. Но и они, участники подпольной работы, предпочли обойти этот вопрос молчанием. Почему?

Ответ на этот вопрос кроется в той резкой перемене, которая произошла в психологии многих действующих лиц и свидетелей февральской революции. Сперва революцию широко приветствовали. На участии в ней многие пытались делать политическую и административную карьеру. Но когда осенью 1917 года надежды февраля завершились катастрофой и провалом, то среди русских либералов началась переоценка ценностей. О своей деятельности, направленной когда-то к свержению царского режима, люди стали замалчивать. В воспоминаниях, написанных в изгнании, многие политические эмигранты умышленно заматали следы того, чем когда-то гордились и хвастались. Оглядываясь на прошлое, историческую правду очень часто обходили молчанием.

Могилев, где находилась Ставка, был небольшим, тихим, живописным губернским городом, расположенным по обоим холмистым берегам Днепра. Название свое, по преданию, он получил от множества окружающих его могил и курганов, раскопки которых обнаружили древние и весьма редкие арабские монеты. До революции, с переездом Ставки в Могилев, небольшой и скромно обставленный дом местного губернатора был резиденцией государя. После отречения императора в этот дом переехали генералы Алексеев, Деникин, их адъютанты и секретарь. Водворилась там патриархальная простота без всякого церемониала.

В Могилеве генерал Деникин прослужил всего два месяца. Но здесь обозначилась та историческая роль, которую впоследствии ему пришлось играть.

Приняв новую должность, он всецело погрузился в сложную и кропотливую работу начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Огромный размах новой деятельности вначале ошеломил его. Приходилось изучать историю множества возникавших военных, политических и экономических вопросов, обдумывать текущие дела, разрабатывать планы военных действий, слушать чужие доклады и подготавливать свои, принимать важные решения, участвовать в различных приемах; самому при-

нимать в своем кабинете несметное число людей: военных, штатских, делегатов вновь народившихся революционных учреждений, просителей, уволенных или смещенных новой властью, всяких дельцов и вообще самого разнообразного элемента честных, а порой и не совсем честных посетителей Ставки.

Несмотря на добрые отношения, установившиеся между генералами Алексеевым и Деникиным, Антона Ивановича беспокоила одна черта в характере Алексеева: он не умел или не желал распределять среди своих главных сотрудников оперативную работу. Фактически он делал эту работу сам. Стратегические директивы и другие решения принимались единолично генералом Алексеевым. Он сам приготавливал и писал их своим мелким бисерным почерком и старался держать в своих руках все отрасли управления, что при грандиозных масштабах работы было невыполнимо.

Деникин, привыкший к самостоятельной работе и ответственности, имел со своим начальником откровенную беседу по этому поводу.

Генерал Алексеев искренне удивился упреку:

— Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе, что вы, Антон Иванович!

Результат беседы генерал Деникин суммировал следующим образом: оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не решили.

Работать приходилось Антону Ивановичу по 17 часов в сутки. Несмотря на невероятную нагрузку, на нервный темп работы, трудоспособный Деникин быстро освоился с непривычной деятельностью. Но он не мог освоиться и примириться с тем, что стало тогда известным под названием «демократизация армии». Ему претили военные реформы, как из рога изобилия сыпавшиеся из революционной столицы. Решения, необдуманые и подрывающие устои воинской дисциплины, принимались в Петрограде без согласия Ставки и даже без предварительного с ней совещания.

При царизме Ставка занимала доминирующее положение во всех вопросах, касающихся военного дела. Но к моменту вступления генерала Деникина в должность обстановка радикально изменилась. За первые три недели после революции Ставка потеряла свою силу и власть. Она превратилась в орган, подчиненный военному министру.

Новый военный министр Александр Иванович Гучков (1862—1936) был и первым штатским человеком, занимавшим этот пост. Монархист по убеждению, один из основателей партии октябристов, Гучков тем не менее презирал династию, а затем возненавидел монарха. Как мы уже знаем, во время войны он проявил кипучую деятельность в снабжении фронта. Такую же кипучую работу проявил он и в подрыве авторитета трона. В огромных по тем временам масштабах распространял он по всей стране антиправительственную пропаганду, одновременно готовя в столице дворцовый переворот. Не только в кругах старого правительства, но и в Думе Гучкова считали авантюристической натурой и человеком с непомерным самолюбием. В молодости он пошел добровольцем сражаться против англичан в Бурской кампании, где был ранен. Затем оказался замешанным в Македонском восстании в 1903 году, а до этого, в момент армянского погрома турками, оказался в Малой Азии. С началом японской войны он проявил незаурядную способность организатора, возглавляя русский Красный Крест на театре военных действий. Человек, несомненно, храбрый, он как будто нарочно, так говорили о нем современники, искал случая поспорить и вызвать человека на поединок. Вздорный характер Гучкова создал ему репутацию бретёра. Один из тех, кому он послал вызов на дуэль, был лидер кадетской партии Милюков, но дуэль не состоялась.

В 1908 году Гучков был избран председателем Государственной думы третьего созыва, поддерживал политику Столыпина, но затем с ним разошелся и в 1911 году отказался от председательского кресла в Думе. Там же, в Думе, начались его выпады против лиц царского дома. Репутация энергичного и решительного организатора, с крупными связями в военных кругах, с обширным знанием нужд армии давала, казалось бы, основания предполагать, что этот человек, по примеру французской революции и Карно с его Комитетом общественного спасения проявит полезную деятельность в области обороны и организации вооруженных сил. Но деятельность Гучкова в роли военного министра оказалась не конструктивной. Он не оправдал возлагавшихся на него надежд, и офицерство и либеральная общественность глубоко в нем разочаровались. Не в силах бороться со стихийным движением слева, вместо мер к поддержанию дисциплины в армии он начал сдавать одну позицию за другой и, поплыв по течению, стал подлаживаться к солдатской массе. Наконец, поняв свою беспомощность, усталый и разбитый, ушел со сцены в начале мая 1917 года, оставив по себе горькую и недобрую память в офицерской среде.

Под лозунгом — дорогу талантам, демократизация армии началась с чистки ее командного состава. Военный министр Гучков сразу после революции забрал в свои руки назначения и смену старшего генералитета. Делал он это без ведома и одобрения Ставки, что шло вразрез со здравым смыслом и установившимся обычаем. По словам генерала Деникина, в течение нескольких недель после февральского переворота было уволено в резерв до полтора года старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

В этом вопросе Гучков руководствовался списком, составленным группой доверенных лиц из

своего окружения. Лица эти, в свою очередь, не всегда брали в расчет наличие военных способностей у тех или иных генералов, преобладали личные и политические мотивы.

Гучковым была образована особая комиссия для разработки реформ в военном ведомстве, ответствующих новому строю. Для демократизация армии она одобрила учреждение выборных комитетов во всех воинских частях, ввела институт комиссаров и, наконец, провозгласила «Декларацию прав солдата». 12 марта правительство отменило смертную казнь, были упразднены военно-полевые суды, и смертный приговор уже не угрожал за тяжкие преступления, в том числе связанные со шпионажем и изменой.

К началу апреля комитеты, советы и всякого рода солдатские организации охватили широкой сетью все части вооруженных сил страны. Бывали, конечно, исключения, но в большинстве случаев комитеты вмешивались во все детали армейской жизни, создавая полный сумбур в отношениях между офицером и солдатом.

И Деникин был прав, когда с возмущением указывал на то, что правительство, невзирая на войну, давало свою санкцию на превращение армии в арену политической борьбы.

Комитеты вскоре добились права смещать офицеров и выбирать на их место удобных себе людей.

«Итак, — писал Деникин, — в русской армии вместо одной появились три разнородные, взаимно исключают друг друга власти: командир, комитет, комиссар. Три власти призрачные. А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью — власть толпы».

Но это было не все. 9 мая появился приказ по армии и флоту, известный под названием «Декларации прав солдата».

Даже Гучков, заискивающий перед солдатами, отказался его подписать. Всего два месяца прошло с начала февральских событий, но Гучков, обычно самоуверенный, потерял веру в себя, в свои возможности и, по мнению близко знавших его людей, в глубине души считал все дело буржуазной революции проигранным. Он предпочел выйти в отставку, не желая, как он выразился, дальше разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творился в отношении Родины. Однако не может быть сомнения, что и сам Гучков принял в этом «грехе» немалое участие.

Германский Генеральный штаб за время войны потратил немало усилий и средств на русскую революцию. О ней особенно мечтал генерал Людендорф, и, когда революция наступила, «огромная тяжесть свалилась у меня с плеч», — писал он в своих воспоминаниях.

И вот еще выдержки из воспоминаний Людендорфа:

«Посредством пропаганды надо было развить в русской армии тяготение к миру в непосредственной и резкой форме».

«Нашей первой задачей являлось внимательно следить за процессом разложения России, действовать ему и идти навстречу ее попыткам найти почву для заключения мира».

«Мы с уверенностью учитывали, что революция понизит боеспособность русской армии, наши предположения осуществились».

«На всем огромном протяжении фронта постепенно установились оживленные отношения между неприятельскими и нашими окопами. Мы продолжали укреплять в русской армии жажду мира».

С момента переворота германский Генеральный штаб систематически проводил политику братания на русском фронте. Методичные немцы выработали соответствующие инструкции для своего командного состава, посылали в русские окопы надежных людей, знавших русский язык. Пропаганда мира шла по определенному трафарету — говорилось о беспечности войны. Пораженческая литература, изготовленная в Германии, сотнями тысяч экземпляров распространялась в русских окопах. Немцы утверждали, что война выгодна лишь Временному правительству и генералам. А потому, чтобы ликвидировать войну, следовало ликвидировать и правительство, и русский корпус офицеров. Одним словом, проповедовался мир на фронте и война в тылу. Одновременно происходила тщательная разведка русских сил и позиций.

Ту же идею — превращения внешней войны и замену ее классовой борьбой внутри России — проводил с невероятной энергией приехавший из Швейцарии через Германию в «запломбированном вагоне» Ленин.

«Отправлением в Россию Ленина, — писал генерал Людендорф, — наше правительство возложило на себя огромную ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: «Россия должна была пасть!»

Перед отъездом из Швейцарии Ленин произнес в Цюрихе прощальную речь, назвал Керенского предателем революции, а меньшевика Чхеидзе, председателя Петроградского Совета, изобразил как человека, вступившего на путь предательства. И тем не менее Чхеидзе от имени Совета приветствовал Ленина ночью 3 апреля на Финляндском вокзале, где под звуки «Марсельезы» выставлен был

ему почетный караул и собралась большая толпа единомышленников, сочувствовавших и просто любопытных.

В медовый месяц русской свободы Временное правительство не противилось приезду человека, который боролся за его свержение.

На следующий день, 4 апреля, Ленин формулировал свои знаменитые Апрельские тезисы. Вкратце содержание их сводилось к следующему: республика, появившаяся в результате февральской революции, — не наша республика, война — не наша война. Цель большевиков — свергнуть империалистическое правительство и, начав классовую борьбу, превратить мировую войну в мировую революцию и добиться диктатуры пролетариата. Конфисковать земли частных владельцев, провозгласить национализацию всех земель в стране и т. д.

То, что сказал Ленин, ошарашило не только умеренных социалистов, но сконфузило даже его единомышленников. Противники Ленина с удовольствием потирали руки. Считая его проповедь бредом сумасшедшего, они надеялись, что он окончательно себя скомпрометировал.

Среди офицеров приезд Ленина вызвал возмущение. Возмущались, собственно, не Лениным с его выпадами против правительства, с его предательским поведением во время войны и призывом к гражданской расправе. Возмущались правительством, давшим Ленину право вернуться в Россию. На Ленина в те апрельские дни одни смотрели как на платного немецкого агента, другие — как на лунатика, марксистского начетчика, фанатика и маньяка. Никто не понял опасность угрозы, исходившей от него.

А то, что говорил Ленин, не было гласом вопиющего в пустыне. Он оказался глашатаем и неоспоримым вождем движения, которое ложными и несбыточными обещаниями гальванизировало доверчивых людей до предельной глубины. Как ураган, ворвалось оно в мировую историю, направив ход ее в новое русло и оставив неизгладимый отпечаток на дальнейшем ее развитии.

VI РАЗЛОЖЕНИЕ

Почти одновременно с уходом Гучкова распался первый состав Временного правительства. Из него вышел министр иностранных дел П. Н. Миллюков, самый упорный представитель его буржуазной части, лидер кадетской партии и известный историк.

В области внешней политики Миллюков не мог мириться с социалистической формулой мира без аннексий и контрибуций. Против него началась травля Совета, и он принужден был подать в отставку.

Князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший председатель Всероссийского земского союза, который, как и Гучков, приобрел во время войны репутацию дельного организатора, временно остался на посту Председателя Совета Министров и министра внутренних дел. Как и Гучков, после революции он оказался не на высоте положения.

В 1920 году, когда А. И. Деникин, покинув Россию, жил несколько месяцев в Англии, в разговоре с Миллюковым, принимавшим деятельное участие в формировании Временного правительства, он спросил его: почему, собственно, безликий князь Львов стал премьером. На что Миллюков откровенно ему ответил:

«Выдвигались два кандидата: один — заведомая жопа, а другого хорошо еще не знали».

Этим не совсем научным, но зато образным определением качеств первого премьера Временного правительства (записанным в неопубликованной рукописи А. И. Деникина) профессор Миллюков осветил любопытную историческую подробность.

Как мы знаем, февральская революция явилась неожиданностью для всех. Однако еще с начала 1916 года и Миллюков, и другие члены прогрессивного блока намечали состав министерства общественного доверия, которое, по их расчетам, должно было без революции сменить отжившее и негодное старое правительство. Список кандидатов, как писал историк С. П. Мельгунов, «не был устойчивым и твердым — он зависел от конъюнктуры дня». Но когда 1 марта под давлением событий пришлось наконец всерьез задуматься над составом Временного правительства, то на помощь пришли заранее составленные списки кандидатов, где князь Львов намечался на пост Председателя Совета Министров. И здесь, на примере князя Львова, становится очевидной та необдуманная беспечность, с которой русские либералы подошли к кардинальному для них вопросу о выборе подходящих членов нового правительства.

Павел Николаевич Миллюков (1859—1943) — ученый-историк, свидетель и участник больших событий, внес своими многочисленными печатными трудами чрезвычайно ценный вклад в русскую историческую и мемуарную литературу.

Но Милюков в роли политика проявил весьма мало дальновидности. Не желая падения монархии, а стремясь лишь к ее изменению в строго конституционном направлении, своими думскими речами в 1916 году Милюков больше, чем другие, способствовал подрыву авторитета трона. А когда расшатанный трон наконец повалился, он бросился поддерживать его и уговаривать брата отрекшегося царя не отказываться от престола.

Заранее обдумывая и намечая преемников старой власти, он выставил на роль Председателя Совета Министров и министра внутренних дел кандидатуру почти неизвестного ему князя Львова, которого сам Милюков впоследствии обозвал человеком «гамлетовской нерешительности, прямо противоположным тому, что требовалось от революционного премьера».

Когда давление слева и надвигавшаяся волна анархии стали размывать шаткие устои буржуазного Временного правительства, то, несмотря на все происшедшие в стране перемены и на начавшийся развал Российской империи, Милюков, предаваясь нереальным мечтаниям, упрямо продолжал настаивать на Константинополе и проливах, на том, чтобы они отошли после войны к России согласно секретным договорам между союзниками и царским правительством.

В 1918 году, за несколько месяцев до полного крушения центральных держав, Милюков, решив, что Германия выйдет из войны победительницей, явился проповедником германской ориентации.

Такие же неожиданные политические изгибы проделывал Милюков и в период своей долгой жизни в эмиграции. До самого конца он мнил себя опытным политиком и реалистом-практиком. На самом же деле в этой области он оказался не профессионалом, а наивным любителем. И нашумевший на всю Россию вопрос, брошенный им с укором царскому правительству в Думе осенью 1916 года: глупость или измена? — с ударением на слово глупость, — в конечном счете обернулся бумерангом против политической репутации того, кто эту крылатую фразу пустил в ход.

А потому неудивительно, что непродуманная акция Милюкова и других русских либералов — людей благих намерений, но без практического опыта в государственных делах — свелась к молниеносной сдаче всех позиций напористому давлению Совета рабочих и солдатских депутатов.

Оглядываясь на прошлое и думая, по-видимому, о близких себе по духу либеральных кругах, Антон Иванович Деникин высказал в своих «Очерках русской смуты» верную мысль:

«Революцию ждали, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок. И революция пришла в ночи, застав их всех как евангельских дев, со светильниками погашенными. Одной стихийностью событий нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не сделал заблаговременно общего плана каналов и шлюзов для того, чтобы наводнение не превратилось в потоп»

После ухода Гучкова и Милюкова в начале мая образовалась первая правительственная коалиция с социалистами. В правительство вошло шесть социалистов (три социалиста-революционера, два меньшевика и один народный социалист).

Самым видным из министров-социалистов был Александр Федорович Керенский. В марте 1917 года, когда он стал министром юстиции, ему еще не было 36 лет.

Генерал Деникин, издали наблюдавший перемены в Петрограде, отметил, что в Ставке к назначению Керенского на пост военного министра отнеслись без предубеждения. «Керенский, — писал он, — совершенно чужд военному делу и военной жизни, но может иметь хорошее окружение: то, что сейчас творится в армии, — просто безумие, понять это не трудно и невоенному человеку».

Керенский считал необходимым начать наступление. Но при развале армии это могло осуществиться лишь путем возбуждения в солдатах «революционного патриотизма». И Керенский взял на себя возбуждение этого чувства в разлагающихся войсках. Начались его бесконечные поездки по линии фронта и ближайшего тыла.

«Он говаривал, — писал о Керенском Милюков, — что массы не умеют признавать власть «в пиджаке». Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремевший голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую рубленую речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях».

В этот сложный период, когда множество людей, выбитых революцией из привычной колеи жизни, кривили душой, подлаживаясь к новым политическим настроениям, Антон Иванович Деникин сохранил полное душевное равновесие. В его цельной натуре мысль не шла вразрез со словом и делом. В его письмах к невесте мы находим те же размышления и взгляды, которые он открыто высказывал строителям новой государственной жизни в Петрограде.

Выдержки из этих писем публикуются впервые.

5 апреля 1917 года

Политическая конъюнктура изменчива. Возможны всякие grimасы судьбы. Я лично смотрю на свой необычный подъем не с точки зрения честолюбия, а как на исполнение тяжелого и в высшей

степени ответственного долга. Могу сказать одно: постараюсь сохранить доброе имя, которое создали мне «железные стрелки», и не сделаю ни одного шага против своих убеждений для устойчивости своего положения».

Говоря затем об утомительной и нервной рутине своей жизни в Ставке, Антон Иванович заканчивал письмо следующей фразой: «Все это пустяки. Если... только волна анархии не зальет армии».

3 мая 1917 года

Безропотно несущ крест. Иногда тяжело. И не столько от боевой обстановки, сколько от пошлости и подлости людской. Политика всегда не честна. Пришлось окунуться в нее, и нужно выйти незапачканным.

14 мая 1917 года

Медленно, но верно идет разложение. Борюсь всеми силами. Ясно и определенно опорочиваю всякую меру, вредную для армии, и в докладах и непосредственно в столицу. Результаты малые. Одно нравственное удовлетворение в том, что не пришлось ни разу поступиться своими убеждениями. Но создал себе определенную репутацию. В служебном отношении это плохо (мне, по существу, безразлично). А в отношении совести — спокойно. ...Редкие люди сохранили прямоту и достоинство. Во множестве — хамельоны и приспособляющиеся. От них скверно. Много искреннего горя. От них жутко.

Члены Петроградского Совета, не стесняясь, высказывали в разное время и при различных обстоятельствах свое враждебное отношение к офицерству. Например, некий Иосиф Гольденберг прямо сказал французскому публицисту Клоду Анэ: «В тот день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим старой армии, то она подавит революцию. Нам приходилось выбирать между армией и революцией. Мы не колебались. Мы выбрали революцию и пустили в ход — я смею сказать — гениально необходимые средства».

Среди затянувшегося перезвона февральских колоколов, радостно твердивших Бог весть в который раз о свободе и завоеваниях революции, Антон Иванович Деникин был одним из первых, который на всю Россию ударил в набат.

Многие нашли моральную опору в нем, в человеке, имевшем гражданское мужество называть вещи своими именами. А гражданское мужество в те дни сопряжено было с немалым риском. При бессилии власти свобода слова приняла своеобразный характер: открыто давалась возможность бросать в народ демагогические лозунги, а малейшая критика действий Совета справа тотчас вызывала обвинение в контрреволюции, что грозило расправой со стороны разнузданной толпы.

Но Деникина эта угроза пока миновала.

Уход Алексева с поста Верховного Главнокомандующего предрешил судьбу генерала Деникина в Ставке. В Петрограде косо смотрели на его явное несочувствие демократизации армии. Прямота, с которой Деникин высказывал взгляды, не нравилась левым кругам. Его присутствие в Ставке мозолило глаза Исполнительному Комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Назначение же генерала Брусилова на смену Алексееву устраняло возможность каких-либо колебаний: с Брусиловым Антон Иванович работать не желал. Слишком широка была пропасть, разделявшая их взгляды и принципы.

Генерал Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) оказался одним из немногих старших начальников, сразу после революции перекрасившихся в республиканцев.

Бывший паж, воспитанный в традициях старой императорской армии, начальник офицерской кавалерийской школы, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант последнего царя, талантливый, строгий и требовательный военачальник, Брусилов, шестидесяти четырех лет от роду, решил делать революционную карьеру. Подлаживаясь к солдатским комитетам и Советам, он проявил себя после переворота крайним оппортунистом. Между Деникиным и Брусиловым не могло быть ничего общего. Оглядываясь на прошлое генерала Брусилова, на его политический пируэт после февраля 1917 года, Антон Иванович, не без чувства брезгливости, высказал свое мнение: нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Назначение Брусилова Верховным Главнокомандующим и приезд его в Ставку живо описаны генералом Деникиным. Этот эпизод, сам по себе, быть может, незначительный, интересен, однако, как картинка жизни того времени, как характеристика двух выдающихся русских генералов, пути которых так резко разошлись.

«Назначение генерала Брусилова, — писал А. И. Деникин, — знаменовало собой окончательное обезличие Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишали командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке.

Могилев принял нового Верховного Главнокомандующего необычайно сухо и холодно. Вместо обычных восторженных оваций, так привычных «революционному генералу», которого толпа носила по Каменец-Подольску в красном кресле, пустынный вокзал и строго уставная церемония. Хмурые лица, казенные фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкие, но характерные эпизоды еще более омрачили наше настроение. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным, израненным командиром их полковником Тимановским и офицерами и долго жал руки солдат — посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые на караул... Передал мне написанный им собственноручно приветственный приказ армиям для: посылки... на предварительное одобрение Керенскому...

...Мой образ действий, также как и генерала Алексева, не соответствовал видам Временного правительства, да и совместная работа с генералом Брусиловым, вследствие полного расхождения во взглядах, была немыслима. Я предполагаю, что еще в бытность на Юго-Западном фронте Брусилов дал согласие Керенскому, предложившему на должность начальника штаба генерала Лукомского, и поэтому меня удивил диалог, который произошел между мною и Брусиловым в первый день его приезда:

— Что же это, Антон Иванович! Я думал, что встречу в Вас своего боевого товарища, что будем вместе работать и в Ставке, а вы смотрите на меня волком...

— Это не совсем так: мое дальнейшее пребывание во главе Ставки невозможно, да, кроме того, известно, что на мою должность назначен уже Лукомский.

— Что? Как же они смели назначить без моего ведома?! Больше ни я, ни он к этому вопросу не возвращались. Я в ожидании заместителя продолжал работать с Брусиловым дней десять. Признаюсь, мне была тяжела в нравственном отношении эта работа. С Брусиловым меня связывала боевая служба с первого же дня войны. Первый месяц в должности генерал-квартирмейстера штаба его 8-й армии, потом два года в качестве начальника 4-й стрелковой дивизии (вначале бригады) в той же славной армии и командиром 8-го корпуса на его фронте. Железная дивизия шла от одной победы к другой и вызывала к себе трогательное отношение со стороны Брусилова и постоянное высокое признание ее заслуг. Вместе с Брусиловым я пережил много тяжелых, но еще более радостных дней боевого счастья — никогда не забываемых, и теперь мне было тяжело говорить с ним, с другим Брусиловым, который так нерасчетливо не только для себя, это неважно, но и для армии терял все обаяние своего имени. Во время докладов каждый вопрос, в котором отстаивание здравых начал военного строя могло быть сочтено за недостаток «демократичности», получал заведомо отрицательное решение. Было бесполезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусилов прерывал текущий доклад и взволнованно говорил:

— Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю,

Вопрос о моем назначении его занимал более, чем меня. Я отказался высказывать свои пожелания, заявив, что пойду туда, куда назначат. Шли какие-то переговоры с Керенским. Брусилов мне раз сказал: они боятся, что, если вас назначить на фронт, вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся:

— Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану!

Я не придавал никакого значения этому полушутливому разговору, но в тот же день через секретаря пришла телеграмма Керенскому приблизительно такого содержания: переговорил с Деникиным. Препятствия устранены. Прошу о назначении его Главнокомандующим Западным фронтом».

В очередном письме к невесте генерал Деникин коснулся этого вопроса:

«Ныне отпускаеши... хоть и не совсем. Временное правительство, отнесясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее. Ухожу я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно: я горжусь этим. Считаю, что хорошо. Мало гибкости? Гибкостью у них называется приспособляемость и ползание на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушивать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».

Тем не менее назначение генерала Деникина все же состоялось. Он стал Главнокомандующим Западным фронтом.

Перед самым его отъездом из Могилева приехала туда навестить генерала Ксения Васильевна Чиж. В своем дневнике она писала, что в Ставке всем сразу стало известно о приезде невесты начальника штаба Верховного Главнокомандующего и что «молодые офицеры умирали от любопытства». А Антона Ивановича «до боли смущало положение жениха, которое ему казалось неуместным в его годы, при его сединых и солидном положении».

В характере Антона Ивановича совершенно отсутствовал тот трудно поддающийся определению элемент, который современные психиатры называют обобщающим словом «комплекс». Отсутствовало в нем и ложное самолюбие, а мысль о том, что о нем говорят за спиной, — не слишком его

беспокоила. Но к вопросу о своем женовстве генерал Деникин относился, как мы видим из записи его будущей жены, с чрезвычайной застенчивостью. Этого бесхитростного человека мучительно стесняло положение стареющего жениха молодой и привлекательной девицы.

Хотя политические акции непокорного генерала, упрямо шедшего против течения, стояли чрезвычайно низко, — военные дарования твердого и настойчивого Деникина выдвигали его на первый план. Кроме того, Брусиллову, а через него Керенскому (который с Брусилловым тогда советовался и с мнением его считался) было известно то, что А. И. Деникин верил в возможность начать наступление на германском фронте и Керенский в эту возможность верил. Это решение было принято.

Потом, оглядываясь на прошлое, Антон Иванович писал:

«Я утверждаю убежденно, что одно это решение, даже независимо от приведения его в исполнение, оказало союзникам несомненную пользу, удерживая силы, средства и внимание врагов на русском фронте. Этот фронт, потеряв свою былую грозную мощь, все же оставался для врагов неразгаданным сфинксом».

Много лет спустя, в пятом томе своего труда «Мировой кризис», Черчилль с восхищением и благодарностью признал ту огромную помощь, которую Россия даже после падения монархии рыцарским образом оказала союзникам в их борьбе с Германией во время первой мировой войны.

Можно было соглашаться с генералом Деникиным или оспаривать его мнение — наступление завершилось катастрофой, и критиков впоследствии нашлось достаточно, но для биографа Антона Ивановича Деникина интересно то, что в этой ситуации проявились главные черты его духовного облика, наложившие свой отпечаток на дальнейшую его деятельность.

Верность долгу и чести!

Голос совести, превалирующий над другими мотивами и при разборе сложных вопросов руководящий в выборе окончательного решения!

Готовность идти на большой риск, не поддаваясь соблазну плыть по течению или сидеть сложа руки!

Кроме вопроса о наступлении или отсиживании в окопах была еще одна мучительная проблема: соблазн начать переговоры с неприятелем помимо союзников, чтобы ликвидировать войну возможно безболезненней и заключить между Россией и центральными державами сепаратный мир. Пропаганда идеи сепаратного мира шла пока от небольшого круга большевиков и других крайне левых группировок.

И тем не менее к людям, которых нельзя было упрекнуть в отсутствии патриотизма, приходила мысль, «что сколько-нибудь успешное ведение войны было просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось осуществлять».

Эти люди думали, и не без основания, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать.

Но для Деникина одна мысль о сепаратном мире была предательством. Такой мир, говорил он, «дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей. Но проклятие предательства не дает счастья. В конце этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство».

«Я знаю, — писал он, — что в некоторых русских кругах такое прямолинейное исповедование моральных принципов в политике впоследствии встречало осуждение. Там говорили, что подобный идеализм неуместен и вреден, что интересы России должны быть поставлены превыше всякой «условной политической морали»... Но ведь народ живет не годами, а столетиями!.. Да и психология русских военных вождей не допускала таких сделок с совестью... Донкихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми».

И вопрос о донкихотстве явился не случайной и пустой фразой.

Бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, Антон Иванович Деникин в дальнейшем нередко шел по стопам рыцаря, который не мог мириться с людской неправдой и готов был упорно и бескорыстно жертвовать всем в борьбе с окружавшим его злом.

VII БОРЬБА С РАЗВАЛОМ

Деникин, принявший Западный фронт с тем, чтобы подготовить его к наступлению, сразу же наткнулся на почти непреодолимые препятствия. Комитет фронта, комитет одной из армий, Совет рабочих и солдатских депутатов города Минска, где находился штаб Деникина, — все эти революционные учреждения голосовали против наступления. Минский Совет даже выразил недоверие Временному правительству, заявив, что наступление следует считать «изменой революции». Правда, некото-

рые из этих комитетов затем меняли свое решение и допускали мысль о наступлении, но при создавшихся условиях трудно было ожидать удачи. Деникин, не крививший душой, тут же заявил, что между ним и фронтовым комитетом не может быть ничего общего. Отношения обострились, Деникина винили в контрреволюционности; комитеты относились к нему с озлоблением. И все же он продолжал объезжать все части своего фронта, призывая солдат исполнять долг перед родиной; знакомился с офицерами и командным составом и с болью в сердце убеждался в моральном разложении войск. Он чувствовал, что каждый шаг его встречал препятствие, что борьба с темнотой, невежеством и шкурными инстинктами ему не по плечу. Он мог приказывать, стыдить, призывать к патриотизму, но подлаживаться к толпе солдат органически не мог.

С целью «поднять дух войск» приехал к Деникину на фронт и генерал Брусилов. И тут произошло недоразумение. Солдатам, оказывается, сообщили, что их посетит «товариш» Керенский. Когда вместо него появился Брусилов, солдаты возмутились. Они заявили, что их обманывают и что они никуда не двинутся, пока сам Керенский лично не скажет им — наступать. Выхода не было. Деникину пришлось пригласить Керенского.

«Керенский приехал с неохотой, — описывал этот случай Антон Иванович, — уже разочарованный неудачным опытом словесной кампании на Юго-Западном фронте. Несколько дней объезжал он войска, говорил, пожинал восторги, иногда испытывал неожиданные реприманды... Но, окончив объезд фронта и вернувшись в Ставку, решительно заявил Брусилову:

— Ни в какой успех наступления не верю». Не отрицая этой фразы, вернее сказать, умалчивая об ней, Керенский в своих воспоминаниях говорил, однако, что вынес от поездки на Западный фронт впечатление гораздо более благоприятное, чем вынес об ней генерал Деникин. Керенский писал, что был обеспокоен резким тоном Деникина в обращении с членами различных комитетов, в то время как Деникин якобы был шокирован некоторыми выражениями и «истерикой» Керенского.

Антон Иванович действительно был шокирован Керенским.

С самого начала февральских событий он ценил его не слишком высоко. Считал, что капризом судьбы вознесен на неподходящую высоту ничтожный человек, которому ораторский успех вскружил голову. За фасадом трескучих фраз Деникин видел в Керенском пустого, неуравновешенного человека с манией величия и несомненной склонностью к истерике, от которого можно было ожидать множество неуместных слов и поступков.

Деникин терял веру в возможность успеха. Надежда оставалась лишь на какое-то чудо. Но все же с упорством отчаяния, заранее предвидя, что дело обречено на неудачу, он добивался того, чтобы сковать возможно больше вражеских войск на своем фланге и таким образом оттянуть неприятельские силы с русского Юго-Западного фронта, где наступление уже началось.

18 июня генерал Деникин отдал приказ войскам, призывая напрячь все силы и скорее подготовиться к наступлению, чтобы поддержать соседний Юго-Западный фронт. Приказ свой, наперекор всем правилам соблюдения военной тайны, он умышленно поместил в газетах.

«Не знаю, — писал он потом, — поняли ли всю внутреннюю драму русской армии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Вся стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел хотя бы ценой обнаружения своих намерений удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта и отправляемые против Юго-Западного и против союзников».

7 июля началась артиллерийская подготовка; 9 — началось наступление, «а через три дня, — вспоминал Антон Иванович, — я возвращался из 10-й армии в Минск с отчаянием в душе и с явным сознанием полного крушения последней тлевшей еще надежды на... чудо».

Февральский переворот коренным образом нарушил все планы военных действий. Первоначально наступление русских армий было намечено на май. Психологически выполнить эту задачу оказалось невозможным. Тогда, отбросив планомерный подход к стратегии, Ставка решила предоставить инициативу отдельным фронтам по мере их готовности. По существу план войны сводился тогда к импровизации. Руководящей мыслью русского командования была все та же идея верности союзникам: удержать вражеские войска на своем фронте, не дать возможность немцам получить перевес против французов, англичан, итальянцев и недавно вступивших в войну американцев.

Русское наступление летом 1917 года началось на Юго-Западном фронте 16 июня. Затем 7 июля зашевелился Западный фронт, 8 июля — Северный фронт и 9 июля — Румынский.

Промежуток времени между 16 июня и 7 июля дал возможность германцам, сосредоточив свои войска, нанести удар по Юго-Западному фронту. Удар этот опрокинул все надежды на возможность вернуть армии воинский дух.

Ужас происшедшего передавала телеграмма, которую комиссары одной из армий Юго-Западного фронта отправили 9 июля Временному правительству.

«Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в невероятное

бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России... Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Положение требует самых крайних мер... Сегодня главнокомандующий с согласия комиссаров и комитетов отдал приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и предаёт Россию и революцию».

Моральный разгром русского фронта открылся во всем своем потрясающем размере.

Ирония судьбы заключалась в том, что к моменту своего морального разложения русская армия оказалась обильно снабженной артиллерией, снарядами, ружьями и патронами. Боевой запас снаряжения, накопленный во время войны невероятными усилиями русского артиллерийского ведомства, достался затем советской власти. Этого запаса хватило большевикам на ведение гражданской войны в течение трех лет! Те пополнения, которые советская власть с трудом выкачивала из попавших к ней в руки военных заводов, в условиях смуты и разрухи были буквально ничтожны. Дрались большевики против Деникина, Колчака, Юденича, Миллера и Врангеля, а потом против Польши почти исключительно военным снаряжением, которое заготовлялось к весне 1917 года для того, чтобы совместно с союзниками разбить германскую армию.

16 июля по инициативе Керенского в Ставке было созвано совещание главнокомандующих и министров, чтобы, выяснив состояние фронта после разгрома, сформулировать направление новой военной политики.

Кабинет министров фактически был представлен лишь двумя лицами: Керенским и министром иностранных дел Терещенко. Но к моменту совещания Керенский занимал уже три министерских поста, с уходом князя Львова он только что стал премьером, сохранив за собой должности военного и морского министров. Присутствовал также комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков, уже назначенный тогда на подчиненный Керенскому пост управляющего военным министерством.

Из старшего генералитета принимали участие в совещании Верховный Главнокомандующий генерал Брусилов, Главнокомандующий Западным фронтом генерал Деникин, Главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский, генералы Алексеев и Рузский — оба не у дел, генерал Лукомский. Генерал Корнилов, о котором речь будет впереди, только что принял командование Юго-Западным фронтом и ввиду разразившейся там катастрофы приехать не мог. Он прислал в Ставку на совещание свои письменные соображения.

Настроение у собравшихся было нервное и напряженное. Первое слово предоставлялось генералу Деникину. Не считаясь с условностями, он развернул на совещании истинную картину состояния армии во всей ее неприглядности. Отбросив карьерные соображения, с огромным гражданским мужеством, он смело произнес длинную, умно построенную и волнующую речь. Доклад его касался мероприятий, приведших армию к развалу.

«...Третьего дня я собрал командующих армиями и задал им вопрос — могут ли их армии противостать серьезному наступлению немцев? Получил ответ: нет! Общий голос: у нас нет пехоты.

Я скажу более: у нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее».

Речь Деникина была обращена лично к новому Председателю и военному министру. Нервное напряжение среди присутствовавших достигло своего апогея. Керенский не мог смотреть Деникину в глаза. Склонившись над столом, он опустил голову на руки. В таком положении и оставался до конца деникинского доклада. Эти минуты душевного смятения живо описал полковник Генерального штаба Д. Н. Тихобразов, обязанностью которого было ведение дословной записи доклада.

«Не удивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться, У министра иностранных дел М. И. Терещенко из глаз катились слезы.

А Деникин все громил и громил».

С нескрываемым волнением он закончил свою речь такими словами:

«Ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше, Но есть родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними, если в вас есть совесть!»

Все сидели в зачарованном оцепенении. Первым очнулся Керенский. Он встал и с протянутой рукой подошел к Деникину:

— Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово.

Сам Деникин настолько был взволнован, что просил на четверть часа оставить совещание, чтобы привести свои нервы в порядок.

В своем дневнике генерал Алексеев записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня».

Впоследствии Керенский объяснял свой жест пожатия руки Деникина желанием избежать скандала и в то же время как подчеркнутый знак уважения ко всякому независимому взгляду, хотя бы идущему вразрез с точкой зрения правительства. Керенский говорил потом, что «генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущей военной реакции».

В целях сохранения «военной тайны» речь Деникина не была приведена в газетах. Но содержание ее не могло остаться в секрете. Слишком большое впечатление произвела она на тех, кто ее слышал.

Гражданское мужество Деникина выдвигало его в первые ряды открытой оппозиции к действиям Временного правительства и главы его — Керенского. Но в речи Деникина не было и тени каких-либо реставрационных вожелений или «будущей военной реакции». Был лишь протест против отсутствия борьбы с разрушительными силами надвигавшейся анархии, давалась также суровая формула тех мер, которые в понятии Деникина могли вернуть армии ее боеспособность».

VIII СТАВКА НАМЕЧАЕТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Брусилова сместили с поста Верховного Главнокомандующего. Его преемником назначили генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Деникин был прав, когда в речи 16 июля бросил упрек Керенскому, что «высшие начальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются как домашняя прислуга».

В жизни Антона Ивановича никто не сыграл такой огромной роли, как генерал Корнилов. Обаяние его суровой личности с невероятной силой ворвалось в душу Деникина, обычно уравновешенную, а тогда измученную, оскорбленную и мятущуюся, и, найдя в ней горячий отклик, связало судьбу двух выдающихся русских людей в одном порыве: бороться за возрождение России.

На первый взгляд наружность Корнилова казалась непривлекательной. Не было в ней ничего величественного, героического. Небольшого роста человек, худощавый, с кривыми ногами. Лицо монгольского типа, и это особенно сказывалось в глазах, скулах, в желтоватом оттенке кожи, в усах и жидкой бороде, едва прикрывавшей подбородок. Руки маленькие, с худыми, нервными и длинными пальцами, голос с резкими нотками. Но и некрасивое лицо его было оригинально. Поражал он случайного посетителя внутренним зарядом энергии и силы воли, скрытыми за фасадом сухой и хмурой фигуры. Говорил мало. Речь, всегда простая, без лишних фраз, сразу располагала слушателя своей искренностью и честностью. Чувствовался бесхитростный и горячий патриот, человек исключительно прямой и решительный, волевой и твердый. По натуре своей Корнилов, несомненно, был вождем, в присутствии которого люди весьма не робкого десятка ступеньвались. Прекрасный боевой генерал, Корнилов в делах политики был чрезвычайно неискушенным и наивным. Доверчиво принимал он окружающих, плохо разбирался в людях.

У него были честолюбие и властность, а со славой появилось и убеждение, что именно ему — генералу Корнилову — суждено вывести Россию из революционного тупика на путь возрождения. Но вера в собственную судьбу шла не из мелочных побуждений, Любовь к родине стояла у него на первом месте, и миссию свою он видел лишь в служении ей.

В глазах буржуазно-либеральных кругов и значительной части офицерства колоритная фигура Корнилова ассоциировалась с обликом одного из тех революционных генералов, которые, обуздав эксцессы революции, закрепляли ее лучшие достижения. Было известно, что к старому строю в России Корнилов относился отрицательно и о реставрации не помышлял.

С Деникиным его связывали первые месяцы войны. Дивизия Корнилова и бригада Деникина входили тогда в состав того же 24-го армейского корпуса. В течение четырех месяцев их части действовали рука об руку, и совместная работа сблизила обоих генералов.

Новый Верховный Главнокомандующий, как и генерал Деникин, был сыном простого крестьянина, дослужившегося в армии до офицерского чина. На два года старше Деникина, он был из сибирских казаков, родился в Усть-Каменогорске, уездном городе Семипалатинской области, при впадении реки Ульбы в Иртыш. Так же, как у Деникина, детство Корнилова прошло в большой бедности. Оба они вышли из «армейских низов». Деникин был единственным ребенком в семье, у Корнилова же были младшие братья и сестры. С детских лет пришлось ему за ними присматривать, помогая матери по хозяйству. В 1883 году его приняли в Омский кадетский корпус, а по окончании корпуса — в Ми-

хайловское артиллерийское училище в Петербурге. И корпус, и училище он окончил первым и вышел офицером в одну из артиллерийских бригад в Туркестане. Как и Деникин, он делился скудным жалованьем с семьей, в свободное время готовился к поступлению в Академию Генерального штаба. Кроме того, Корнилов занялся изучением туркменского языка, что впоследствии принесло ему большую пользу. Окончив академию, Корнилов — офицер Генерального штаба — в 1898 году вернулся на службу в Туркестанский военный округ. И тут началась та серия блестящих военных разведок-приключений, которые вскоре принесли молодому офицеру большую известность.

Однажды, переодевшись туземцем, рискуя быть пойманным, а потому рискуя жизнью, Корнилов верхом отправился через афганскую границу раздобыть сведения о вновь построенной афганской крепости на реке Аму-Дарья. Через три дня капитан Корнилов, преодолев 400 верст, доставил своему начальству фотографии крепости, составив подробное описание дороги и кроки всей местности.

Изучая области, прилежавшие к азиатской границе России: район Кушки, китайский Туркестан, восточную часть Персии и Белуджистан, Корнилов приобрел известность как путешественник-исследователь, преодолевший в своих скитаниях невероятно трудные препятствия, безводные пустыни, а также стал знаменит и как автор научного труда «Кашгария и Восточный Туркестан».

Война с Японией принесла Корнилову боевую славу и Георгиевский крест 4-й степени. Вскоре после японской войны его назначили военным агентом в Китай. И там, по старой привычке, Корнилов объездил верхом всю Монголию и большую часть Китая. В скитаниях по Азии монгольские черты лица и знание туркменского языка позволили ему не привлекать к себе излишнее внимание местного населения.

Войну 1914 года Л. Г. Корнилов начал командиром бригады и через месяц получил в командование 48-ю пехотную дивизию. В апреле 1915 года, прикрывая Брусиловское отступление в Карпатах, дивизия генерала Корнилова была окружена. Героическими усилиями своего командира она сдерживала противника, пытаясь одновременно прорваться к своим, однако огнем неприятеля была вся почти уничтожена. Сам Корнилов, тяжело раненный, с остатком своего войска попал в плен.

Оправившись от ранения, Корнилов составил план бегства. При помощи сообщников ему повезло раздобыть одежду, шинель австрийского солдата и фальшивые документы.

Корнилов затерялся в поезде, набитом солдатами и шедшим на восток. Но, боясь быть опознанным (телеграммы о его побеге были разосланы по всей Австро-Венгрии), он решил оставить поезд и пробираться дальше пешком.

Румыния еще не вступила в войну, и Корнилов решил двигаться к румынской границе. Днем он скрывался в полях и лесах, питаясь чем попало, а ночью по звездам двигался на восток. Наконец, уже вблизи границы Корнилов наткнулся на пастухов. Эта встреча могла для него закончиться катастрофой. Но, к счастью, пастухи оказались не австрийцами и не венграми. Он рассказал им придуманную историю, что якобы он дезертир, бежит из Австрии и пробирается в Румынию, и пастухи показали, как лучше пробраться через границу, избежав встречи с пограничными войсками.

Фантастический план побега удался. Генерал Корнилов вернулся в Россию в июле 1916 года. Он стал не только знаменитостью, но и народным героем. За доблесть получил орден Св. Георгия 3-й степени и вскоре был назначен командиром 25-го армейского корпуса.

После резолюции ему было предложено стать во главе Петроградского военного округа. 2 марта, минуя Ставку и генерала Алексеева, М. В. Родзянко послал телеграмму непосредственно Корнилову:

«Необходимо... для спасения столицы от анархии назначение на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом Ваше Превосходительство, как известного всей России героя. Временный комитет просит вас, во имя спасения Родины, не отказаться принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде».

Корнилов предложение принял. Но небывалый факт назначения на высокий военный пост, минуя Верховное командование, оскорбил генерала Алексеева. Покоробило его также и то, что Корнилов без разрешения Ставки дал свое согласие. Не желая вступать в пререкания, но считая нужным подчеркнуть свое неодобрение, Алексей отдал приказ: «Допускаю ко временному главнокомандованию войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Корнилова».

А. И. Деникин, близко знавший обоих генералов, отметил, что этот случай был первым из целого ряда эпизодов, повлиявших впоследствии на взаимоотношения между Алексеевым и Корниловым.

Генерал Корнилов приступил к исполнению новых обязанностей. Но гарантии, данные Временным правительством гарнизону Петрограда, не посылать его на фронт, оставить в столице для «защиты революции» помешали ему навести порядок. Разогнать гарнизон он не имел права, а привлечь его на свою сторону мог только демагогическим приемом, что шло вразрез с его натурой. Боевому генералу, не искушенному в политике, была чужда разлагающая атмосфера столицы. Ему пре-

тило растущее влияние Совета на аморфное правительство. И когда в конце апреля Петроградский Совет запретил солдатам и офицерам выходить из казарм с оружием без его разрешения, Корнилов решил распрощаться со столицей. Подчиняться такому запрету он не пожелал.

Перед уходом с поста военного министра А. И. Гучков пытался устроить Корнилову назначение на должность Главнокомандующего Северным фронтом на место уволенного со службы генерала Рузского. Гучков считал желательным, как говорил потом генерал Деникин (бывший тогда начальником штаба Верховного Главнокомандующего), «оставить Корнилова в непосредственной близости к Петрограду, ввиду всяких политических возможностей в будущем». Однако этому категорически воспротивился генерал Алексеев. Он указывал «на неудобство обходить старших начальников и на недостаточный командный опыт Корнилова».

В начале мая Корнилов получил в командование знаменитую 8-ю армию, которая за время войны дала громкие имена Брусилу, Каледину, Деникину и самому Корнилову. Но зараза, шедшая из Петрограда, коснулась к тому времени и 8-й армии. Тем не менее в конце июня Корнилов повел эту армию в наступление. 28 июня прорвал австрийский фронт.

Через несколько дней произошла катастрофа. В ночь на 8 июля Корнилов был срочно назначен заменить уволенного Главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Вступив в новую должность, он немедленно потребовал восстановления смертной казни на фронте, 11 июля он телеграфировал правительству:

«Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство-человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жертвы ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

В этой же телеграмме Корнилов требовал немедленного прекращения наступления на всех фронтах «для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах старой дисциплины».

Не дожидаясь ответа, Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей. Одновременно он сформировал ударные батальоны из добровольцев и юнкеров. Их целью была борьба с безобразиями на фронте. В районе военных действий он запретил митинги и оружием разгонял их.

Переживший только что ужас разгрома на своем фронте, генерал Деникин с одобрением следил за действиями Корнилова. «Мероприятия, — писал он, — введенные генералом Корниловым самочинно, его мужественное прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия — все это чрезвычайно подняло его авторитет в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия армии, оглушенная и подавленная трагическим оборотом событий, в первое время после разгрома увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения».

Два сильных человека — Деникин и Корнилов, хорошо знавшие друг друга, в эти страшные дни почувствовали, что судьбы их перекрестились и направились по одному и тому же тяжелому крестному пути. В офицерской среде Деникин фактически был предтечей Корнилова. К требованиям Деникина Корнилов отнесся с восторгом. «С искренним и глубоким удовольствием, — писал он, — я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести (до конца) дело воссоздания родной армии и восстановить ее боеспособность».

В служении Родине личные мотивы Деникин всегда отодвигал на задний план. Добровольно и безоговорочно уступил он первенство Корнилову. С чувством долга старого солдата подчинился ему, с верностью и любовью шел за ним; и сменил его лишь тогда, когда вражеской гранатой Корнилов был убит в начале гражданской войны.

12 июля, на следующий день после телеграммы Корнилова, правительство восстановило смертную казнь на фронте.

16 июля состоялось совещание в Ставке. В ту же ночь, возвращаясь из Могилева в Петроград, Керенский решил сменить Брусилова.

В поезде с Керенским ехал Борис Савинков — комиссар Юго-Западного фронта.

Бывший террорист присмотрелся к Корнилову на фронте. Он пришел к заключению, что «именно Корнилов, и, быть может, единственно он, был способен в этот период времени возродить боевую способность армии».

Имя Корнилова было известно Керенскому с юных лет. Ребенком он переехал из Симбирска,

где родился, в Ташкент, куда отца его, Федора Михайловича Керенского, назначили в 1889 году главным инспектором школ Туркестанского учебного округа. Керенскому исполнилось 17 лет, а весь русский Туркестан заговорил о Корнилове и об его отважных разведках и приключениях. Затем война, доблесть на фронте, легендарный побег из австрийского плена. Все это создало ореол героя вокруг имени Корнилова.

Правда, Корнилов не слишком ласково (то есть попросту очень холодно) принял Керенского, когда тот перед наступлением объезжал с восторженными речами войска 8-й армии. Но настойчивое давление Савинкова все же решило вопрос в пользу Корнилова. Положение на фронте было катастрофично. Во главе войск надо было немедленно ставить человека решительного и смелого. По командному стажу и широкому опыту в Ставке генерал Деникин больше других подходил к этой роли. Но его резкая прямолинейность настроила против него Петроградский Совет, а также министров-социалистов. Речи Деникина, несомненно, задели самолюбие главы правительства. Характер же Корнилова (а именно то, что он готов идти напролом) был тогда Керенскому еще неизвестен.

Возможно, что Керенский надеялся использовать Корнилова как рычаг, для того чтобы остановить разложение армии, тем самым укрепить свое собственное положение, а затем отделаться от генерала, как удалось избавиться от его предшественников. Но такая иллюзия, если она действительно была (как это многие предполагали), рассеялась в тот самый момент, когда Корнилов вступил в Верховное командование. Корнилов сразу же послал ультимативную телеграмму правительству, где докладывал, что примет командование лишь при следующих условиях:

1. Ответственности перед собственной совестью и всем народом.
2. Полного невмешательства в его оперативные распоряжения поэтому в назначение высшего командного состава.
3. Распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все местности тыла, где расположены пополнения армии.
4. Принятие его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.

«Прочтя в свое время в газетах эту телеграмму, — писал генерал Деникин, — я был немало удивлен содержанием первого пункта требований, устанавливавшего весьма оригинальную государственно-правовую форму суверенитета Верховного командования впредь до Учредительного собрания. И ждал с нетерпением официального ответа».

Нетерпение генерала Деникина, находившегося тогда со своим штабом в Минске, разделяли многие. Все насторожились и ждали ответную реакцию правительства. Хотелось понять: готово ли оно идти в ногу с Верховным командованием к твердой власти или, по примеру прошлого, следовать по стопам Петроградского Совета.

Происходила сложная закулисная игра, и по всем признакам в отношениях между правительством и Корниловым не все обстояло благополучно. А на самом деле произошло следующее.

Получив первое требование Корнилова, Керенский пришел в бешенство. Он хотел тут же отстранить его от командования. Но этому воспротивились Борис Савинков и некоторые другие члены правительства.

Следует отметить, что Савинков импонировал Керенскому своими революционными заслугами. В партии эсеров Керенский был новичком. Савинков же — ветеран — насчитывал свои политические аресты, ссылки и бегства из царских тюрем, начиная с конца девяностых годов прошлого века. Террористической деятельностью он занимался с 1903 года и, по собственному признанию, принимал участие в убийстве министра внутренних дел Плеве, в убийстве великого князя Сергея Александровича, в подготовке покушения на адмирала Дубасова и во многих других террористических актах, в том числе в нескольких неудачных покушениях на Николая II.

При назначении Савинкова на пост управляющего военным министерством Керенским, несомненно, руководило желание застраховаться. С одной стороны, военное министерство было в твердых «революционных» руках; с другой — в случае надобности независимый Савинков не постеснялся бы принять решительные меры против контрреволюции, откуда бы она ни исходила. Левое крыло Петроградского Совета это отлично понимало. Оно не любило Савинкова, не слишком ему доверяло, но тем не менее относилось к нему с почтительной опаской. Таким образом, участие Савинкова в правительстве должно было служить, по крайней мере в теории, сдерживающим началом как справа, так и слева.

По настоянию Савинкова, Керенский частично уступил Корнилову. Умалчивая о других пунктах корниловских требований, он телеграфно признал за генералом право выбора высшего командного состава. Но одновременно с этим Корнилов узнал, что без его ведома заместителем его на Юго-Западном фронте назначен генерал Черемисов.

В конце июля пост Главнокомандующего Юго-Западным фронтом был предложен Ставкой генералу Деникину. Для Антона Ивановича это явилось полной неожиданностью. Он хотел знать причину своего перемещения с одного фронта на другой. Начальник штаба генерала Корнилова заверил Дени-

кина, что назначение его связано исключительно с новой стратегической операцией, предполагавшейся на Юго-Западном фронте.

По дороге к месту назначения Антон Иванович остановился в Могилеве. Сопутствовал Деникину его верный друг и ближайший помощник генерал Сергей Леонидович Марков. Следуя по пятам за Деникиным, этот блестящий офицер Железной дивизии попал сперва в Ставку на должность второго генерал-квартирмейстера. С Деникиным он перешел на Западный фронт, где был его начальником штаба, а теперь перебирался на ту же должность в Бердичев, уездный город Киевской губернии, где находился штаб Главнокомандующего Юго-Западным фронтом.

Произошла встреча с генералом Корниловым. О разговоре с ним Антон Иванович оставил интересную запись,

«...Корнилов... тихим голосом, почти шепотом, сказал мне следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал Н. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича; что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовым не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советом и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают что хотят: я устраняюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере.

...Мы сердечно обняли друг друга и расстались, чтобы встретиться вновь... только в Быховской тюрьме».

IX ПЕРЕХОДНАЯ ФАЗА

Деникинское командование Юго-Западным фронтом длилось меньше месяца.

В Петрограде после июльских дней большевики временно притихли. Но на Юго-Западном фронте, особенно в Бердичеве, они безнаказанно вели свою пропаганду. Большевистская газета «Свободная мысль», печатавшаяся в Бердичеве, недвусмысленно, по словам Деникина, угрожала офицерам варфоломеевской ночью. С комитетами и комиссарами отношения генерала не налаживались. Наоборот, они обострились.

Пришло письмо от генерала Алексеева. «Мыслью моей сопутствую вам в новом назначении. Расцениваю его так, что вас отправляю на подвиг... Ничего не сделано и после июля главным болтуном России. Власть начальников все сокращают».

Письмо, пропитанное пессимизмом, находило отклик в мыслях генерала Деникина. Но в душе он продолжал надеяться. Ждал, что правительство примет наконец корниловскую программу оздоровления армии. Но правительство, одоббив лишь один ее пункт о невмешательстве в назначения высшего командного состава, об остальных упорно молчало.

Молчала и Ставка. Сведения из внешнего мира доходили до Деникина лишь из газет. Среди офицества нарастало возбужденное ожидание.

В эти напряженные дни Антон Иванович жил догадками.

«Корниловская программа все не объявляется. Несомненно, идет борьба. Есть еще надежда на благоприятный исход в Петрограде. Но как пойдет проведение ее в жизнь? Какое противодействие встретит она на фронте — в войсках, в комитетах?» Эти мысли не давали ему покоя.

А тем временем события назревали с невероятной быстротой.

Деникин знал, что Корнилов дважды ездил в Петроград, сперва 3, а затем 10 августа. Но сведения, доходившие до Бердичева об этих поездках, были отрывочны и туманны. Тем не менее становилось ясно что вопрос, интересовавший Антона Ивановича, натолкнулся на упорное сопротивление, а что сопротивление исходило от Керенского, в этом у Деникина не было сомнения.

Антон Иванович не знал тогда, что в первый приезд Корнилова в столицу его доклад, приготовленный в Ставке, не был представлен правительству на рассмотрение. Савинков, Филоненко, а затем и Керенский, просмотрев доклад, нашли, что редакция его и аргументация составлены в форме, слишком резкой для социалистов, входивших в правительство. С согласия Корнилова решено было приготовить аналогичную записку в военном министерстве в форме, приемлемой для всех заинтересованных сторон. Таким образом, рассмотрение мер, предложенных генералом Корниловым, снова откладывалось. Но, пользуясь присутствием Верховного Главнокомандующего в Петрограде, Керен-

ский предложил ему, не затрагивая «программ», сообщить правительству о положении на фронте.

И тут произошел инцидент, имевший серьезные последствия. Он определил дальнейшее отношение Корнилова к составу Временного правительства.

«Когда он (Корнилов), — свидетельствовал потом Борис Викторович Савинков, — коснулся (на заседании правительства) наших и союзных стратегических планов, я написал Керенскому записку приблизительно следующего содержания: «Уверен ли министр-председатель в том, что сообщаемые здесь Верховным Главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке?» Я написал эти записку, — продолжал Савинков, и — потому что мне было известно, что в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов находились липа, состоявшие в сношениях с противником, и что некоторые из членов Временного правительства общаются с ними *как с* товарищами. Керенский прочел мою записку и передал ее генералу Корнилову. Генерал Корнилов сократил свое сообщение, а после заседания обратился ко мне с вопросом, не имел ли я в виду министра земледелия Чернова».

Свой ответ на этот вопрос Савинков не привел. Но Корнилов вынес определенное впечатление, что и Керенский, и Савинков подразумевали именно Чернова, того самого Виктора Чернова, который до революции был политическим эмигрантом и пораженцем.

Корнилова глубоко возмутил факт, что среди министров Временного правительства мог находиться человек, в лояльности которого сомневались и премьер, и управляющий военным министерством, оба — товарищи Виктора Чернова по партии социалистов-революционеров.

В ту же ночь генерал Корнилов выехал обратно, в Ставку, с тем чтобы вернуться в Петроград через неделю, когда доклад, подготовленный военным министерством, будет представлен правительству на обсуждение.

Но чья-то таинственная рука, имевшая доступ к секретным бумагам правительства, не теряла времени. Уже 4 августа доклад генерала Корнилова, не сообщенный даже членам кабинета, очутился в редакции советского официоза «Известия». А днем позже в «Известиях» появились выдержки из корниловского доклада с ушатами грязи по адресу Верховного командования, с требованием убрать Корнилова.

Таким образом, меры по оздоровлению армии (не без чьего-то умысла) были брошены на улицу, на обсуждение толпы.

Травля Корнилова, слухи об его удалении из Ставки породили волнения среди друзей. Союз офицеров, Союз георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск — все эти военные организации требовали в печати, чтобы генерал Корнилов остался на своем посту. Они протестовали против травли Корнилова «безответственными людьми».

Все эти известия глубоко волновали Антона Ивановича. Ему непонятна была роль Савинкова. Он не мог тогда знать, что за политическими кулисами возникли серьезные трения между Савинковым и Керенским. Савинков быстро убедился, что «военный министр Керенский руководствовался не только интересами армии, но и настроениями и резолюциями Петроградского Совета, состоявшего в значительной степени из людей большевистского и циммервальдовского образа мыслей, чуждых идее родины, любви к отечеству и заботы о сохранении фронта».

В течение нескольких дней Савинков тщетно пытался добиться от Керенского подписи под докладом, подготовленным военным министерством. Подпись Керенского была нужна, так как он являлся военным министром, а Савинков был лишь управляющим военным министерством. Главным пунктом доклада был законопроект о смертной казни в тылу за военные преступления. Керенский всячески тормозил этот вопрос и оттягивал его обсуждение.

«Вообще, — писал Савинков, — с первого же дня моего вступления в должность между мной и Керенским установилось явное разномыслие. Оно касалось не только принципиальных вопросов. Достаточно сказать, что почти ежедневно Керенский возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным Главнокомандующим будет назначен сам Керенский, и почти ежедневно мне приходилось доказывать, что генерал Корнилов — единственный человек в России, способный возродить боевую мощь армии.

8 (августа) ночью... я попросил разрешения поговорить с Керенским наедине. Я сказал ему, что докладная записка уже изготовлена Филоненкой, и спросил, подпишет ли он ее. Он ответил, что никогда и ни при каких обстоятельствах не подпишет законопроект о смертной казни в тылу. Тогда я сказал, что этот его ответ, а также отказ его и Авксентьева (член партии эсеров, министр внутренних дел Временного правительства) подписать составленный военным министерством список подлежащих аресту большевиков убеждают меня, что разногласие между мной и Временным правительством так велико, что я вынужден просить об отставке... Керенский моей отставки не принял».

И как бы угадывая мысли Керенского о смертной казни в тылу, Петроградский Совет начал требовать отмены смертной казни и на фронте, как меры, «преследующей явно контрреволюционные цели».

Вторично Корнилов поехал в Петроград 10 августа.

Из газетных сообщений было видно, насколько Верховный Главнокомандующий не доверял ни правительству, ни тем более Совету.

В Ставке опасались покушения на его жизнь, и генерал Корнилов отправился в столицу с вооруженным конвоем. Сопровождал его отряд верных ему текинцев — уроженцев Туркестана.

В Зимнем дворце, где происходило свидание между Верховным и премьером, текинцы на всякий случай расставили свои пулеметы в вестибюле. Судя по газетным описаниям чисто внешней стороны корниловской поездки в Петроград, можно было предполагать, что и переговоры между главными действующими лицами не отличались особым дружелюбием.

Программа Корнилова продолжала висеть в воздухе.

Третья и последняя встреча Корнилова с Керенским произошла 14 августа на Государственном совещании в Москве.

Керенский, задумавший это совещание, хотел созвать на него представителей всех классов и политических группировок, чтобы «проверить пульс страны». Совещание должно было дать правительству возможность объяснить свои стремления и задачи.

Совещание происходило в Большом театре. Правую половину обширного красно-золотого зрительного зала занимали несоциалистические круги. Там были представители торгово-промышленников, профессорской и писательской интеллигенции, бывшие члены Государственной думы, представители казачества, выдающиеся военные авторитеты. Социалистическое крыло расположилось в левой части театра.

Судя по свидетельству очевидцев, когда хлопала ораторам одна половина театра, другая или молчала или свистела.

Отсутствовали представители крайне правых. Не было и большевиков. Но большевики, присмившиеся после неудачного восстания в начале июля, быстро сообразили, что правительство Керенского продолжало топтаться на месте. Вместо того чтобы избавиться от влияния Совета на правительство, сговориться с военными кругами, найти в них опору против угрозы слева, как того ожидали логично мыслявшие большевики, Керенский по-прежнему проявлял свое пристрастие к словам и фразам. К моменту начала совещания большевики открыто призывали рабочее население Москвы к уличным выступлениям и забастовкам протеста.

По мнению представителя кадетской партии, на московском совещании «правительство делало смотр силам, противопоставляя левым правых и видя в этом средство — самому удержаться посередине», а Керенский «продолжал балансировать между обеими сторонами для сохранения собственной власти».

Керенский знал, что в военных кругах настроение против него быстро накалялось, и с нескрываемой опаской оглядывался на Корнилова, которого буржуазные круги и офицерство выдвигали на роль диктатора. Чувство страха и в то же время желание казаться сильным вылились у Керенского в истерическую риторику и в угрозы.

Милюков, присутствовавший в Большом театре и принимавший участие в совещании, описал поведение Керенского следующим образом:

«Выражением глаз... напряженной игрой рук, интонацией голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота, размеренностью фраз и рассчитанными паузами этот человек как будто хотел кого-то утешить и на всех произвести впечатление силы и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость...»

— Пусть знает каждый, — выкрикивал Керенский, — пусть знают все, кто уже пытался поднять вооруженную руку на власть народную, что эта попытка будет прекращена железом и кровью!.. И какие бы и кто бы ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее.

Кроме железа и крови он угрожал стать твердым и неумолимым, вырвать из души своей цветы и растоптать их, а сердце свое превратить в камень.

И на кликушество Керенского откликнулся в театре истерический вопль какой-то женщины:

— Нет, Александр Федорович, вы этого не сделаете!

А оратор, охваченный порывом страсти — или душевным припадком, — говорил, говорил и не мог закончить речи.

На сцене Большого театра происходило странное зрелище. На виду у всех главный актер и режиссер спектакля, потеряв душевное равновесие, терял то, чего он больше всего добивался, а именно — поддержку как правого, так и левого крыла собравшейся публики.

Приезд генерала Корнилова в Москву на Государственное совещание был обставлен торжественно. Его приветствовали речами, встречали восторженными криками. В этом порыве, казалось, объединились все несоциалистические группировки. Появление его в Большом театре вызвало шумную овацию. Речь генерала, сухая, но сильная, оказалась очень сдержанной. В ней не было резких вы-

падов против правительства.

«С глубокой скорбью я должен открыто заявить, — говорил Корнилов, — у меня нет уверенности, что русская армия исполнит без колебаний свой долг перед родиной... Враг уже стучится в ворота Риги, и если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога в Петроград будет открыта». Он изложил свою программу, подчеркнув, что ее необходимо реализовать безотлагательно. «Невозможно допустить, чтобы решимость... каждый раз появлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для повышения дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги»...

И действительно, 20 августа Рига была занята германскими войсками.

Левая печать, уже требовавшая смещения Корнилова, обвинила его в предательстве. «Ставка, — писали «Известия», — старается запугиванием грозными событиями на фронте заставить Временное правительство принять ряд мер, направленных прямо и косвенно против революционной демократии и ее организаций».

В своей «Истории второй русской революции» П. Н. Милуков обратил особое внимание на ту часть доклада генерала Корнилова где он касался Риги.

«Это — то место речи Корнилова, — писал он, — из которого большевики впоследствии вывели нелепое обвинение, что Корнилов намеренно сдал Ригу немцам, а Керенский хочет сдать Петроград».

К тому, что написал Милуков, нужно добавить следующее; большевики, конечно, сознательно лгали, чтобы очернить политического врага. Но и Керенский не удержался впоследствии от нелепого обвинения Корнилова в намеренной сдаче Риги. Истина же в том, что ни Керенский, ни тем паче Корнилов не могли желать неудачи оружию.

Х «НАСТУПИЛА ДОЛГАЯ НОЧЬ БЕЗ СНА»

Через несколько дней произошло событие, имевшее непредвиденные последствия.

«27 августа вечером, — вспоминал о нем Антон Иванович, — я был как громом поражен полученным из Ставки сообщением об отчислении от должности Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова.

Телеграммой без номера и за подписью «Керенский» предлагалось генералу Корнилову сдать временно должность Верховного Главнокомандующего генералу Лукомскому (начальнику штаба) и, не ожидая прибытия нового Верховного Главнокомандующего, выехать в Петроград. Такое распоряжение было совершенно незаконным и не обязательным для исполнения, так как Верховный Главнокомандующий ни военному министру, ни министру-председателю, ни тем более товарищу Керенскому ни в какой мере подчинен не был».

И действительно, сместить Верховного Главнокомандующего по закону имело право только Временное правительство. Но, как ни странно, на эти детали никто в Ставке не обратил внимания.

Вслед за тем генерал Деникин получил копию телеграммы, отправленной генералом Лукомским министру-председателю Керенскому. В ней Лукомский отказывался принять должность Верховного.

«Ради спасения России, — заканчивал он телеграмму, — вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

Антон Иванович не строил иллюзий по поводу происшедшего разрыва между Корниловым и Керенским.

— Вместе с тем, — говорил он, — я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отождествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным, и поэтому тотчас же послал ему телеграмму следующего содержания: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту Главнокомандующего я понял тогда как осознание Временным правительством своего тяжелого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования («корниловская программа»), могущие еще спасти

страну и армию, смещается с поста Верховного Главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. Деникин».

Подлинник этой телеграммы, вернее сказать черновик ее, написанный рукой генерала Деникина, находится в Русском архиве Колумбийского университета.

Копия, согласно распоряжению генерала Деникина, была разослана всем главнокомандующим, командующим армиями Юго-Западного фронта, а также главному начальнику снабжения. Одновременно были приняты меры, «чтобы изолировать фронт от проникновения туда без ведома штаба каких-либо сведений о совершившихся событиях до ликвидации столкновения». Но в условиях того времени никакие меры предосторожности не могли скрыть от фронта происшедшего разрыва между правительством и командованием армии.

Антон Иванович запросил Ставку, может ли он чем-нибудь помочь генералу Корнилову. «Он знал, — с грустью отметил Деникин, — что кроме нравственного содействия в моем распоряжении нет никаких реальных возможностей, и поэтому, поблагодарив, ничего более не требовал».

В ночь на 28 августа в штабе Деникина стали известны два документа: радиограмма Керенского ко всем начальствующим лицам, комиссарам, войсковым и общественным организациям для немедленного оповещения армии и населения, а в ответ на нее — обращение генерала Корнилова к населению.

Керенский объявлял, что 26 августа Корнилов прислал к нему бывшего члена Государственной думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им (Корниловым) по личному усмотрению будет составлено новое правительство, что действительность полномочий Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре с Керенским по прямому проводу, что, усмотрев в требовании Корнилова желание установить в стране государственный порядок, противоречащий завоеваниям революции, Временное правительство уполномочило Керенского — для спасения родины, свободы и республиканского строя — принять решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоеванные революцией права граждан.

Генералу Корнилову приказывалось сдать должность генералу Клембовскому, Главнокомандующему армиями Северного фронта. Петроград объявлялся на военном положении.

В ответ генерал Корнилов провозглашал:

«Телеграмма министра-председателя во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член первой Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди, великая Родина наша умирает!

Близок час кончины! Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил в Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, — молитесь Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины.

27 августа 1917 года

Генерал Корнилов».

Ставка

Прочтя воззвание Корнилова, Антон Иванович понял, что это был голос отчаяния.

«Наступила ночь, долгая ночь без сна, полная тревожного ожидания и тяжких дум. Никогда еще, — вспоминал эту жуткую ночь Деникин, — будущее страны не казалось таким темным, наше бессилие таким обидным и угнетающим. Разыгравшаяся далеко от нас историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темные тучи, нависшие над Россией. И мы жда-

ли... Эта ночь не забудется никогда».

Было ясно, что произошло что-то непоправимое, что случилось ужасное несчастье. Но разве глава правительства не искал в военных кругах опору против большевиков? Разве между заинтересованными сторонами не шли при посредстве Савинкова какие-то тайные переговоры? Корнилов не бросил бы на ветер обвинение в «великой провокации»? Кто такой Владимир Львов? Какие полномочия имел он и от кого на роль посредника между Керенским и Корниловым? Антон Иванович понимал, что свойства характера главных действующих лиц были несовместимы. Но ведь и они должны были это отлично сознавать! Так что же толкнуло их на разрыв? Недоразумение ли, или чей-то злой умысел, личные честолюбия, непродуманность, легкомыслие, легковерие? Но на эти вопросы ответа пока не было.

На следующий день связь между штабом генерала Деникина и внешним миром оборвалась.

А воинские комитеты Юго-Западного фронта с лихорадочной поспешностью подогревали и без того возбужденное настроение солдатской массы. Они выносили резолюции, обвиняя генерала Деникина в измене, в готовности открыть немцам фронт, в желании восстановить на престоле Николая II. Печатались прокламации с призывом арестовать Деникина и его штаб. Они расклеивались на стенах, разбрасывались по городу. И под влиянием пропаганды толпы солдат на митингах требовали расправы с Главнокомандующим.

Из окон своего дома Антон Иванович наблюдал, как в предместье города, на Лысой Горе, собиралась огромная толпа вооруженных солдат, как она митинговала и, наконец, как с красными флагами и двумя броневыми автомобилями двинулась в направлении, штаба и дома Главнокомандующего.

Дом окружили революционные часовые, а от фронтового комитета в Петроград отправлена была телеграмма: «Генерал Деникин и весь его штаб подвергнуты в его Ставке личному задержанию».

Спротивляться было бессмысленно.

Днем позже, 29 августа, Антону Ивановичу удалось отправить через надежного человека письмо невесте в Киев.

«Дорогая моя, новый катастрофический период русской истории. Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием.

О настроении своем не стоит говорить. Главнокомандование мое фиктивно, т. е. находится под контролем комиссаров и комитетов.

Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца, предписал то же сделать подчиненным начальникам.

Спасают революцию, а армию разрушают, страну губят! Я вновь совершенно открыто заявил Временному правительству, что путь его считаю гибельным для страны и армии. Я не понимаю психологии этих людей. Знают совершенно определенно мой взгляд — не устраняют и вместе с тем не дают работать, как велит долг. физически здоров. Сердце болит. Душа страдает. Конечно, такое неопределенное положение долго длиться не может. Боже, спаси Россию от новых страшных потрясений!

Обо мне не беспокойся, родная: мой путь совершенно прям и открыт.

Деникин».

В тот же день в Петрограде вышел указ Временного правительства правительствующему Сенату:

«Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности Главнокомандующего с преданием суду за мятеж». Подписан указ был министром-председателем Керенским и управляющим военным министерством Савинковым.

А затем, уже в Бердичеве, приказом комиссара Юго-Западного фронта Иорданского генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и генерал-квартирмейстер Орлов были арестованы «за попытку вооруженного восстания против Временного правительства».

Их перевезли на автомобиле в сопровождении броневиков на гауптвахту и разместили по отдельным карцерам. У гауптвахты ждала их с ненавистью и бранью толпа человек в сто.

Началось гнетущее сидение в тюрьме. Длилось оно почти месяц. Каждый день грозил самосудом, расправой. Об этом тяжелом испытании Антон Иванович оставил отчет — жуткий по содержанию и замечательный по своей простоте и силе.

«Камера № 1. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело — рядом зловонное место. По другую сторону — № 2, там — Марков; ходит крупными нервными шагами. Я почему-то помню до сих пор, что он делает по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой делать семь. Тюрьма полна неясных звуков. Напряженный слух разбирается в них и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения. Караул — кажется, охранной роты — люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудит чей-то голос. Откуда? За окном, уцепившись за решетку, висят два солдата. Они смотрят жестокими глазами и истерическим голосом произносят тяжелые ругательства. Бросили в открытое окно какую-то гадость. От этих взглядов некуда уйти. Отворачиваюсь к двери — там в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу так часами. Весь день, один, другой — сменяются «общественные обвинители» у окна и у дверей. Стража свободно допускает всех. И в тесную душную конуру льется непрерывным потоком зловонная струя слов, криков, ругательств, рожденных великой темнотой, слепой ненавистью и бездонной грубостью... Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нет спасения, нет выхода из этого нравственного застенка. О чем они? «Хотел открыть фронт»... «продался немцам»... Приводили и цифру — за двадцать тысяч рублей... «хотел лишить земли и воли»... Это — не свое, это — комитетское. Главнокомандующий, генерал, барин — вот это свое! «Попил нашей кровушки, покомандовал, гноил нас в тюрьме, теперь наша воля — сам посиди за решеткой... Барствовал, раскатывал в автомобилях — теперь попробуй и полежать на нарах, сукин сын. Не долго тебе осталось... Не будем ждать, пока сбежишь, — сами своими руками задушим».

Меня они — эти тыловые воины почти не знали. Но все что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей по чьей-то вине изломанной жизни, — все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью. И чем выше стоял тот, которого считали врагом народа, чем больше было падение, тем сильнее вражда толпы, тем больше удовлетворения видеть его в своих руках. А за кулисами народной сцены стояли режиссеры, подогревающие и гнев, и восторги народные, не верившие в злодейство лицедеев, но допускавшие даже их гибель для вящего реализма действия и во славу своего сектантского догматизма. Впрочем, эти мотивы в партийной политике назывались «тактическими соображениями».

Я лежал закрытый с головой шинелью и под градом ругательств старался дать себе ясный отчет: за что?»

Мысленно Антон Иванович проследил всю свою прошлую жизнь. Решил: «нет, я не был никогда врагом солдату».

«Я сбросил с себя шинель и, вскочив с нар, подошел к окну, у которого на решетке повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства,

— Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь. Если ты не трус, укравшийся в тылу, если ты был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они...

Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю — просто от сурового окрика, который, невзирая на беспомощность узника, оказывал свое атавистическое действие.

В окне и в дверном глазке появились новые лица...

Впрочем, не всегда мы встречали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость наших тюремщиков видно было чувство неловкости, смущение и даже жалость... В случайных заметках Маркова есть такие строки: «Нас обслуживают два пленных австрийца... Кроме них нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский), очень добрый и заботливый человек... Заботы его о нашем питании прямо трогательны... Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут. Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов — ведь еще не всех извели...

Тяжело на душе. Чувство как-то раздваивается. Я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный на гнусное преступление и на высокий подвиг!

Скоро несение караульной службы поручили юнкерам 2-й Житомирской школы прапорщиков. Стало значительно легче в моральном отношении. Не только сторожили узников, но и охраняли их от толпы. А толпа не раз по разным поводам собиралась возле гауптвахты и дико ревела, угрожая самоубийством. В доме наискось спешно собиралась в таких случаях дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что в спокойном и ясном сознании опасности, когда толпа особенно бушевала, я обдумал и свой способ самозащиты: на столике стоял тяжелый графин с водой, им можно проломить череп первому ворвавшемуся в камеру, кровь ожесточит и опьянит «товарищей», и они убьют меня немедленно, не предавая мучениям...

Впрочем, за исключением таких неприятных часов, жизнь в тюрьме шла размеренно, методично... физические стеснения тюремного режима — после тягот наших походов и в сравнении с перенесенными нравственными испытаниями — сушие пустяки.

...Две недели я не выходил из камеры на прогулку, не желая стать предметом любопытства «товарищей», окружавших площадку перед гауптвахтой и рассматривающих арестованных генералов как экспонаты в зверинце... Никакого общения с соседями. Много времени для самоуглубления и размышления.

А из дома напротив каждый день, когда я открываю окно, — не знаю, друг или враг — выводит высоким тенором песню:

Вслед за Деникиным, Марковым и Орловым перевезли в Бердичевскую тюрьму и других генералов: Эрдели, Ванновского и Селивачева. Каждый из них был командующим одной из армий Юго-Западного фронта. Арестовали также генерала Эльснера, главного начальника снабжения фронта, и еще нескольких генералов и офицеров, вскоре затем отпущенных. Старших генералов обвинили в том, что они выразили солидарность с телеграммой, которую генерал Деникин отправил правительству.

Через некоторое время до заключенных в Бердичеве стали доходить газеты. Они узнали об аресте генерала Корнилова, его начальника штаба генерала А. С. Лукомского, генерал-квартирмейстера И. П. Романовского и других офицеров при Ставке и о заключении их в тюрьму в Быхове, уездном городе Могилевской губернии.

Но еще до получения этих сведений началось следствие по делу заключенных в Бердичеве. Арестованных допрашивала следственная комиссия Юго-Западного фронта,

«Мое показание, — вспоминал генерал Деникин, — в силу фактических обстоятельств дела было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям: 1) все лица, арестованные вместе со мной, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали; 2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни в связи с выступлениями генерала Корнилова, исходили от меня; 3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и гибельна для России; но тем не менее восстания против него не подымал, а, послав свою телеграмму № 145, предоставил Временному правительству поступить со мной как ему заблагорассудится».

Комиссар Юго-Западного фронта Иорданский торопил дело. Иорданский участвовал в революционном движении с конца прошлого века. В 1905 году был членом Петербургского Совета от меньшевиков, а к осени 1917 года уже готовился перейти в партию большевиков и в начале двадцатых годов занимал ответственный пост советского полпреда в Италии. Ему хотелось отличиться в ликвидации контрреволюционного заговора и предать арестованных генералов военно-революционному суду.

1 сентября Иорданский запросил правительство, следует ли ему в данном случае руководствоваться политическими соображениями или законом, сообразно с местными обстоятельствами. Он говорил, что им обнаружены документы, доказывавшие наличие заговора. В ответ он получил распоряжение правительства — действовать только по закону... принимая во внимание обстоятельства на местах.

Подход Иорданского к этому делу и казуистика в ответе правительства: «действовать по закону, принимая во внимание обстоятельства на местах», фактически являлись бессовестным издевательством над правосудием. В условиях того времени, фраза: «действовать сообразно с местными обстоятельствами» могла иметь лишь один смысл, а именно — дать возможность толпе вмешаться в судебный процесс и предрешить его исход.

И нет сомнения, что намерения Иорданского сводились именно к этому. Но помешала ему «Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Л. Г. Корнилова», спешно образованная в Петрограде в ночь на 30 августа.

Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен был И. С. Шабловский, главный военно-морской прокурор. До революции он занимался адвокатурой в Риге и после 1905 года выступал защитником по политическим делам в судах Прибалтийского края. Там он познакомился и сошелся с Керенским, также выступавшим в роли политического защитника. В марте 1917 года личное знакомство с Керенским привело гражданского юриста Шабловского к неожиданному назначению на высшую должность в военно-морском судебном ведомстве.

Комиссия, чрезвычайно пестрая по своему составу, благодаря счастливой случайности образовалась из людей высоких моральных качеств. Несмотря на сильное политическое давление слева, все ее члены отнеслись к делу с полнейшей объективностью и вынесли заключения, весьма неожиданные для Временного правительства и его главы.

В первых числах сентября Керенский известил членов комиссии, что комиссар Иорданский просил его согласия на предание военному суду в Бердичеве генерала Деникина и членов его штаба, как соучастников преступления генерала Корнилова. Керенский предлагал комиссии разрешить этот вопрос. Комиссия ответила отказом Иорданскому. Причина отказа была логичной: с точки зрения права, судить второстепенных преступников раньше главных виновников было недопустимо, тем более что виновность их еще не была доказана, так как следствие только начиналось. Кроме того, удовлетворение требования Иорданского влекло за собой, на первый взгляд, мало заметное, но чрезвычайно важное последствие: военно-революционный суд мог вынести лишь один приговор — смертную казнь.

Прошло меньше суток. Керенский снова вызвал Шабловского и сообщил, что комиссар Иор-

данский настаивает на своем требовании предать Деникина и других генералов Юго-Западного фронта военному суду, и притом немедленно. «Иначе он не отвечает за фронт ни на один день». Эта фраза с угрозой, указывали потом члены комиссии, повторялась несколько раз, когда вопрос о жизни и смерти арестованных висел буквально на волоске. Керенский, по их мнению, несомненно, «пробовал оказать давление на Шабловского, чтобы изменить решение комиссии в духе Иорданского».

Мы приведем выдержки из малоизвестного, но очень ценного свидетельства по этому поводу члена комиссии военного юриста полковника Николая Петровича Украинцева:

«Не сумев переубедить Шабловского, Керенский предложил комиссии обсудить этот вопрос совместно с Иорданским, встреча с которым должна была произойти в Могилеве на другой день.

Встреча состоялась на вокзале в Могилеве в вагоне Керенского. Иорданский повторил, что он не может взять на себя ответственность за фронт ни на один день, если не будет удовлетворено требование всего фронта о предании военно-революционному суду преступных генералов. Он делал определенное ударение на том, что он лишь выражает волю всего фронта. В словах Иорданского обращало на себя внимание то, что о сущности преступления командования фронтом почти ничего не было сказано, а то, что говорилось, было облечено в очень туманную форму.

Выступление Иорданского вызвало со стороны каждого из нас ряд возражений. Шабловский вызвал сомнение в том, чтобы так-таки весь фронт требовал предания генералов суду.

Возник спор. Но чем настойчивее был комиссар Иорданский, тем тверже становились мы, и выступление его свелось к тому, что, дескать, я исполнил свой долг, указал вам на опасность, угрожающую фронту, и если вы (обращение к Керенскому) можете эту ответственность взять на себя, то я умываю руки. В общем, Иорданский изобразил дело так, что напрашивался следующий вывод: для фронта, то есть для солдатской массы, самым важным является, чтобы военные суды и смертная казнь, которые только что были введены, применили к тем, кто их ввел. Фронт должен получить доказательство политической честности законодателей.

Керенский с одинаковым вниманием относился к высказываниям обеих сторон... однако чувствовалась его определенная тенденция в пользу Иорданского... что он и сделал, обращаясь непосредственно к Шабловскому приблизительно в таких выражениях:

— Вы хорошо знаете, Иосиф Сигизмундович, что я противник и военно-полевых судов, и смертной казни, и потому вам должно быть понятно, как мне неприятна вся эта история и как мне трудно согласиться с Николаем Ивановичем (Иорданским). Но поймите, могу ли я рисковать стойкостью целого фронта, быть может, судьбой всей страны. Суровая государственная необходимость заставляет нас принять тяжелое решение. Согласитесь на требование Иорданского, и я вам обещаю, что я не утвержу смертного приговора, если он будет вынесен.

Повторяю, — утверждал Н. П. Украинцев, — я точно передаю смысл речи Керенского и тон ее, но, конечно, не дословный текст ее.

Шабловский, как и все мы, сидевший во все время конференции, тут встал и голосом твердым, несколько даже театральным, обратился к Керенскому;

— Александр Федорович, сколько раз мы с вами, выступая на судах, непоколебимо требовали права и отвергали всякие соображения целесообразности и тактики. Неужели сейчас, когда решение находится в наших руках, мы станем на путь, который всегда осуждали? Я не верю, чтобы действительно весь Юго-Западный фронт требовал военного суда для своих командующих, но даже если бы это было так, то долг комиссара правительства не идти навстречу несознательной и возбужденной массе, а разъяснить ей необходимость подчиниться закону. На военно-революционный суд над генералами Юго-Западного фронта я не согласен.

Слова Шабловского смутили Керенского. После продолжительного молчания он предложил нам немедленно выехать в Бердичев, на месте выяснить действительную обстановку и в зависимости от нее вынести решение. Мы на это согласились. Принял предложение и Иорданский.

...Уступку, которую министр-председатель готов был сделать Иорданскому, мы расценивали по-разному, но в одном были вполне единодушны: верить обещанию Керенского не утверждать смертного приговора — нельзя. А в том, что такой приговор военно-революционным судом под влиянием комиссара Иорданского будет вынесен, сомневаться не приходилось. Даже если бы Керенский не захотел утвердить приговор, нашлись бы силы, которые заставили бы его это сделать. То, что дело шло о жизни и смерти арестованных, на которых сосредоточилось внимание всей страны, было абсолютно ясно».

Члены комиссии выехали в Бердичев. Там Иорданский сказал им, чтобы они ждали, пока за ними приедет автомобиль, и чтобы сами по себе в тюрьму не ездили. Время шло. Иорданский несколько раз звонил по телефону, прося ни в коем случае без автомобиля не двигаться. Прошло около пяти часов, пока не появилась, наконец, обещанная машина. Члены комиссии были в бешенстве. Они хотели знать причину возмутительной задержки. Но, подъехав к тюрьме, все поняли. Желая инсценировать «народный гнев», Иорданский использовал это время, чтобы согнать многотысячную толпу

солдат к месту заключения генерала Деникина. Толпа со всех сторон окружила здание. Трудно было пробиться через нее. Угрожающий гул не давал возможности говорить с заключенными. Приходилось кричать, чтобы слышать собственный голос. Положение становилось опасным. Единственно, что сдерживало толпу от штурма гауптвахты, — пулемет. Из входа в тюремное здание он был направлен на улицу, а караул держали юнкера. О допросе арестованных не приходилось и думать. Надо было отложить его на другой день. Но члены комиссии не хотели уйти, не повидав генерала Деникина. Вот их впечатление о встрече с ним.

«Мы зашли к генералу Деникину. Он находился в одиночной камере. У стены стояла железная кровать, аккуратно заправленная, в изголовье висела маленькая иконка. Генерал встретил нас стоя, вся его внешность одновременно говорила о хорошей воинской выправке и чувстве собственного достоинства. Держался он совершенно спокойно.

Шабловский сказал генералу, что у нас было намерение допросить его, но что при данных условиях, создавшихся вокруг тюрьмы, мы не считаем это возможным. Спросил он затем, имеются ли у генерала Деникина какие-нибудь жалобы и пожелания, на что он ответил отрицательно. На нас произвело впечатление полное спокойствие Деникина, так как он отлично слышал рев голосов извне и знал по целому ряду печальных примеров, что может ожидать офицер от возбужденной революцией солдатской толпы.

Пробиться из тюрьмы к автомобилю было еще трудней. Среди солдат распространяли слух о «злостных замыслах комиссии». Толпа так плотно обступила нас, что мы могли только время от времени делать небольшой шаг и очень скоро оказались разделенными друг от друга. Этот многоголовый зверь что-то рычал, ревел, угрожал. Оборачиваясь, я мог видеть бледное лицо Шабловского, пытавшегося улыбнуться. Спокойствие, внушал я сам себе, или мы пропали. Десятки раз как можно более спокойным голосом я повторял облепившим меня возбужденным солдатам, что мы специально приехали затем, чтобы узнать, чего хочет фронт, и что мы просим всех здесь собравшихся явиться завтра на заседание совета, куда явимся и мы и выслушаем требования фронта...

Нужно ли подчеркивать, что вся эта сцена была делом рук комиссара Иорданского? Это была бессовестнейшая провокация, и притом самой грубой, топорной работы».

На следующий день вокруг тюрьмы была полная тишина. Толпа отсутствовала, и допрос арестованных генералов прошел совершенно спокойно.

Прокурор Шабловский объяснил Антону Ивановичу, что у комиссии нет никаких сомнений в необходимости единого общего суда над всеми соучастниками корниловского выступления и в недопустимости отдельного суда над Деникиным и подчиненными ему генералами. Он сказал, что цель комиссии — перевести всех арестованных из Бердичева в Быхов, что настроение толпы в Бердичеве исключает возможность правосудия и угрожает лишь дикой расправой. Шабловский указал, что Иорданский и местные комитеты всячески противятся желаниям его комиссии. А потому он предложил генералу дополнить показания, данные им следственной комиссии Юго-Западного фронта, какими-нибудь фактами, которые еще более очевидно связали бы дело Деникина с делом Корнилова.

Антон Иванович повторил все, что уже прежде сообщил на местном допросе. «Что я мог сказать им нового? — вспоминал он потом. — Только разве о той ориентировке, которую мне дал Корнилов в Могилеве через посланца. Но это было сделано в порядке исключительного доверия Верховного Главнокомандующего, которое я ни в коем случае не позволил бы себе нарушить. Поэтому некоторые детали, которые на другой день я добавил к прежним показаниям, не утешили комиссию».

Затем было заседание в местном Совете. Выяснилось, что в распоряжении Иорданского никаких действительных доказательств «преступления» не оказалось. Были не доказательства, а лишь предположения. Шабловскому с большим трудом удалось убедить Бердичевский совет в необходимости перенести разбор дела в последнюю апелляционную инстанцию: в военный отдел Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

Там предстояло сделать последний и самый важный ход на шахматной доске политики Совета. От него зависела участь заключенных в Бердичеве.

С самого начала своего существования Совет был враждебно настроен к офицерам. И вопрос о генералах, обвиняемых в контрреволюции, вряд ли мог рассчитывать на объективный разбор.

14 сентября он обсуждался в военном отделе Центрального исполнительного комитета в Смольном, куда после июльских дней Совет перебрался из Таврического дворца. В военный отдел входило лишь около десяти человек, и это дало возможность Шабловскому к его сотрудникам установить с ними личные отношения. Изложив суть дела, осветив его с юридической стороны, спокойной логикой они добились желаемого. Большинством голосов военная комиссия Петроградского Совета постановила — суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных перевести из Бердичева в Быхов.

Суд в Бердичеве был отменен. Комиссар Иорданский проиграл. Но за свою неудачу он жестоко отомстил арестованным.

«Итак, — писал Антон Иванович, — организованный суд был устранен. Но в руках революционных учреждений Бердичева был еще другой способ ликвидации бердичевской группы, способ легкий и безответственный — «в порядке народного гнева».

Отъезд в Быхов назначен был на 27 сентября в 17 часов дня с Бердичевского вокзала. И здесь мы предоставим генералу Деникину самому рассказать о том, что произошло:

«Вывести арестованных без огласки не представляло никакого труда... Но такой способ переезда не соответствовал намерениям комиссариата и комитетов... Вокруг этого вопроса искусственно создавался большой шум и нездоровая атмосфера ожидания и любопытства... С утра комиссариат устроил объезд всех частей гарнизона, чтобы получить согласие на наш перевод. Распоряжением комитета был назначен митинг всего гарнизона на 2 часа дня, то есть за три часа до нашего отправления, и притом на поляне, непосредственно возле нашей тюрьмы. Грандиозный митинг действительно состоялся; на нем представители комиссариата и фронтового комитета объявили распоряжение о нашем переводе в Быхов, предусмотрительно сообщили о часе отъезда и призывали гарнизон... к благоразумию. Митинг затянулся надолго и, конечно, не расхотелся. К пяти часам тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропот ее врывался внутрь здания.

Среди офицеров юнкерского батальона 2-й Житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан Бетлинг, служивший до войны в 17-м пехотном Архангелогородском полку, которым я командовал. Бетлинг попросил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Мы все оделись и вышли в коридор. Ждали. Час, два...

Митинг продолжался. Многочисленные ораторы призывали к немедленному самосуду... Истериически кричал солдат, раненный поручиком Клецандо, и требовал его головы... С крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара Костицын и Григорьев. Говорил и милый Бетлинг — несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, нам не было слышно.

Наконец, бледные и взволнованные Бетлинг и Костицын пришли ко мне.

— Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого, только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя.

Я ответил: «Пойдем».

Снял шапку, перекрестился: «Господи, благослови!»

В неопубликованной рукописи Ксении Васильевны Деникиной имеется следующая запись:

«Антон Иванович был убежден, что их никуда не повезут, а растерзают по дороге. И в ставшей душе было только одно желание, чтобы добились скорей, не мучая, не издеваясь долго. И знал, что сил хватит не дрогнуть перед смертью».

«Толпа неистовствовала, — продолжал свой рассказ генерал. — Мы, семь человек, окруженные кучкой юнкеров, во главе с Бетлингом, шедшим рядом со мной с обнаженной шашкой в руке, вошли в тесный коридор среди живого человеческого моря, сдавившего нас со всех сторон. Впереди — Костицын и делегаты (12—15), выбранные от гарнизона для конвоирования. Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа. Она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики и смрадные ругательства... Временами их покрывал громкий, тревожный голос Бетлинга:

— Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!.. Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, своею грудью отстраняют напирющую толпу, сбивающую их жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, заволочло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо, получили удар Эрдели и я — в спину и голову.

По пути обменивались односложными замечаниями. Обращаясь к Маркову:

— Что, милый профессор, конец?!

— По-видимому.

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытных: женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса:

— Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревушем. С огромным трудом провели сквозь него под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон. Рыдающий в истерике и посылающий толпе бессильные угрозы офицер — сын Эльснера, и любовно успокаивающий его солдат-денщик, отнимающий револьвер; онемевшие от ужаса две женщины — сестра и жена Клецандо, вздумавшие проводить его... Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом. Какие пустяки! Переходим в него без помоста. Несчастливого Орлова с трудом под-

саживают в вагон. Сотни рук сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся.

Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!

Керенский пролил слезу умиления самоотвержением «наших спасителей»—так он называл не юнкеров, а комиссаров и комитетчиков:

«Какая ирония судьбы! Генерал Деникин, арестованный как сообщник Корнилова, был спасен от ярости обезумевших солдат членами исполнительного комитета Юго-Западного фронта и комиссарами Временного правительства».

Эту цитату Антон Иванович привел из книги Керенского — «Дело Корнилова».

XI ДЕЛО КОРНИЛОВА

В чем же заключалось корниловское выступление, так отразившееся на судьбе генерала Деникина?

Антон Иванович лишь в общих чертах знал о планах Верховного Главнокомандующего и не был в курсе деталей. Он добровольно подчинился героическому обаянию начальника, с полным сознанием риска, сопровождавшего их общее дело, но с уверенностью, что разработка планов, направленных к оздоровлению армии и страны, находится в надежных руках. В военной среде другого подхода к такому вопросу и не могло быть. Да и Ставка Деникина слишком далеко находилась от ставки Корнилова. Детали, связанные с предполагаемым делом, не допускали ни телеграфных, ни даже письменных сношений. Нормальные способы осведомления легко могли стать достоянием комиссаров и комитетов, следивших за каждым шагом командования, и в особенности за его политической благонадежностью.

Однако предположение генерала Деникина, что дело находилось в надежных руках, не оправдалось.

Антон Иванович оставил интересную характеристику Корнилова, которая до некоторой степени дает ключ к пониманию того, что произошло:

«Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначившимся для чуждого слуха, он в достаточной степени определил свои взгляды на предстоящую ему роль: не претендуя на политическую непогрешимость, он смотрел на себя как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облечивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных... провести эту власть до изъявления подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбиравшийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы мало государственные, а иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм деятельности Корнилова.

Политический облик Корнилова остался для многих неясным. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

...Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какой-либо партийный штамп. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам и убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии.

...Никогда, ни до выступления, ни во время его, ни официально, ни в порядке частной информации, Корнилов не ставил определенной политической программы. Он ее не имел... Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии».

Так говорил самый близкий в духовном отношении сподвижник генерала Корнилова.

Искать у Деникина резкого осуждения личности Корнилова было бы напрасным занятием. Доверив Корнилову раз и навсегда свою судьбу, Антон Иванович до конца жизни говорил, писал и думал о нем с чувством глубокой любви и преданности. Не в характере Деникина было действовать по-иному. Но просчетов корниловского движения Антон Иванович не отрицал и не скрывал, а оши-

бок не оправдывал. За время своего заключения в Быхове, из разговоров с генералами — Корниловым, Лукомским, Романовским, а в последующие месяцы от генерала Алексева и многих других, узнав подноготную дела, он увидел всю безнадежно-непродуманную цепь ошибок, не имевших никакого оправдания.

Корнилов, отличный боевой генерал, человек героического характера, был совершенным ребенком в делах политических. Упрощенным способом, напрямик, как солдат, искал он выхода из того лабиринта сложных вопросов, в котором после революции очутилась Россия.

С присущим ему чувством ответственности перед историей генерал Деникин оставил свое правдивое свидетельство об этой важной странице революционного периода, послужившей прологом к захвату власти большевиками.

Как мы уже знаем предполагаемый удар Корнилова одновременно намечался по трем линиям, сходящимся в Петрограде: ликвидация большевиков, разгон Советов и преобразование Временного правительства в сильную национальную власть.

В то время как по вопросу о первых двух пунктах он мог надеяться на возможность какого-то сговора с главой правительства Керенским, третий пункт возбуждал основательные сомнения, и не только из-за взаимного отталкивания главных действующих лиц. Участие Корнилова в «сильном правительстве, опиравшемся на офицерство и на несоциалистические круги, неизбежно привело бы к тому, что голос Верховного Главнокомандующего приобрел бы решающее значение. Это грозило Керенскому самоупраждением или в лучшем случае второстепенным министерским портфелем. Такая перспектива ему не улыбалась. Керенский с невероятным упорством цеплялся за власть и с ревнивым недоброжелательством смотрел на своего потенциального конкурента. Даже полвека спустя одна мысль, что В. Н. Львов от имени Корнилова посмел предложить ему пост министра юстиции, приводила восьмидесятишестилетнего Керенского в полную ярость.

Мы уже видели серию недоразумений, инцидентов и столкновений между Керенским и Корниловым.

Считаясь с возможностью, что им не удастся договориться, генерал Корнилов, несмотря на свое желание войти в правительство легальным способом, предпринял ряд мер к тому, чтобы в случае необходимости добиться своей цели помимо Керенского.

Но еще до того, как Корнилов принял Верховное командование и стал, по выражению А. И. Деникина, «знаменем движения», некоторые лица и общественные круги образовали сеть тогда еще разрозненных, но впоследствии подчиненных Корнилову конспиративных кружков. Люди, входившие в эти кружки, были различных политических взглядов, но с несомненным неприятием социализма. Их целью в большинстве случаев было установление военной диктатуры. Вопрос о возможности реставрации никогда открыто не поднимался.

Одним из первых начинаний подпольного свойства была офицерская организация на Юго-Западном фронте, основанная генералом Крымовым, тем самым, которого Корнилов в первой половине августа предназначал двигаться во главе 3-го конного корпуса к Петрограду.

Одновременно в Петрограде возникло несколько кружков, враждебно относившихся и к Совету, и к правительству. Без определенной программы, без средств и без руководящего центра, эти ячейки, по словам генерала Деникина, «представляли из себя скорее кружки фрондирующих молодых людей, играющих в заговор».

Со временем эти столичные кружки вошли в одну организацию, которая пыталась, объединив в своих руках деятельность различных ячеек, направить ее к определенной цели. Этой организацией был «Республиканский центр». Образовался он в Петрограде, еще в мае месяце 1917 года с целью оградить страну от большевизма. Будущая форма правления не обсуждалась. Даже название — «Республиканский центр» — явилось как бы случайным.

Не последнюю роль в конспиративной работе играл главный комитет офицерского союза. Хотя задачей его являлось спасение армии от окончательного развала, но члены союза во главе с полковником Новосильцевым отлично понимали, что добиться этого можно было лишь путем установления в стране твердой власти. Они и занялись подготовкой почвы для введения военной диктатуры.

Кто же были представители крупной денежной буржуазии, которые, боясь себя скомпрометировать и держась в стороне от «Республиканского центра», все же его субсидировали?

Среди них оказались имена, широко известные в русских деловых кругах; А. И. Путилов (Русско-азиатский банк), А. Липский и В. В. Тарновский (Сибирский банк), А. И. Вышнеградский (Международный банк), К. В. Николаевский, Н. П. Финисов и другие.

Контора «Республиканского центра» помещалась в большом особняке в Петрограде на Невском проспекте, 104, где также находились правления разных банков, страховых и коммерческих обществ, в которых Липский, Николаевский и Финисов состояли директорами.

В начале мая, сложив с себя обязанности военного министра Временного правительства, А. И. Гучков сразу же окупился в привычную ему подпольную работу. Он снова занял должность председа-

теля Военно-промышленного комитета. Снова, как и до революции, старался наладить конспиративные контакты со старшими военачальниками на фронте. К этому времени относится его затея, о которой мы уже знаем, устроить переворот и возвести на престол великого князя Дмитрия Павловича, одного из участников убийства Распутина. Однако, не встретив в этом начинании сочувствия среди хорошо знакомых ему генералов (Корнилова и Крымова), Гучков согласился возглавить «Общество экономического возрождения России» (ОЭВР), уже организованное Путиловым и другими представителями банковской и торгово-промышленной знати. Еще до того как Гучков стал председателем, инициаторы этого общества, по словам Путилова, в апреле 1917 года «собрали на первых порах четыре миллиона (рублей), а что делать с ними, не знали». На этот вопрос изворотливый Гучков быстро нашел подходящий ответ. Он решил использовать средства, собранные «Обществом экономического возрождения России», для организации противодействия влиянию социалистов и для борьбы против Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одно время «Республиканский центр» обхаживал адмирала Колчака, стараясь поставить его во главе движения. В принципе сочувствуя его целям, адмирал тем не менее остался в стороне, так как пробыл в Петрограде лишь короткий срок: вскоре после своего ухода с поста командующего Черноморским флотом он был командирован в Америку.

Но с момента, как генерал Корнилов вступил в Верховное командование, поиски будущего диктатора прекратились.

Занятый множеством чисто военных вопросов и грандиозной проблемой удержать фронт окончательного развала, генерал Корнилов, очутившись в непривычном для себя деле конспирации, доверил его своему окружению. А окружение это оказалось гибельным для всего движения, которое Корнилов решил возглавить. И здесь мы опять обратимся за справкой к генералу Деникину.

«Наиболее странным и необъяснимым,— писал он,— является то влияние, которое имели на ход событий окружавшие Корнилова (малоизвестные и не внушавшие доверия) политические деятели в лице Завойко (прапорщик, ординарец Корнилова), Филоненко, Аладьина, Добрынского и т. д. ...Появление всех их вокруг Корнилова внесло элемент некоторого авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всем движении, связанном с его именем. Один из членов Временного правительства говорил мне, что когда 27 (августа) на заседании правительства был прочитан список министров с именами Филоненко, Аладьина, Завойко, то даже у лиц, искренне расположенных к Корнилову, опустились руки. Стоит прочесть повествование Владимира Львова, изображающего сцены и разговоры за кулисами корниловского выступления, и если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие «политического окружения».

...Корнилов плохо разбирался в людях. Но это не все. Однажды впоследствии на мой вопрос по поводу бывшего своего окружения он ответил: «У меня никого не было. Этих людей я знал очень мало. Но они по крайней мере хотели и не боялись работать».

И при этом оценивали свою работу не меньше как министерскими портфелями. С большой легкостью Филоненко брал на себя внешние сношения русского государства и только после решительного протеста генерала Лукомского согласился на портфель внутренних дел. Без колебаний Завойко принимал бремя русских финансов.

У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые если не вдохновляли, то во всяком случае всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени, в ожидании результатов борьбы.

Что касается Савинкова, то Корнилов никогда в точности не знал, кому Савинков собирается «воткнуть нож в спину» — ему или Керенскому».

Если правая сторона корниловского окружения пестрила именами никому не известных мелких и ничтожных людей, то на левой стороне, кроме беспринципного комиссара при Ставке Филоненко, выдвигалась стоявшая на голову выше других таинственная и незаурядная фигура Бориса Викторовича Савинкова.

Более, чем другие, этот врожденный конспиратор сыграл действительно роковую роль в том, что случилось.

О Савинкове много писалось, но до сих пор никто не разобрал в полном объеме сложной жизни, психологии, характера и замыслов этого странного человека. Любопытную запись о нем оставил Черчилль в своей книге "Great Contemporaries".

Черчилль познакомился с Савинковым в 1919 году в Лондоне. Эта встреча произвела на него очень сильное впечатление. Романтик в душе, с несомненной жилкой авантюриста, но в лучшем и возвышенном смысле этого понятия, Черчилль подсознательно увлекался Савинковым, который, по-видимому, напоминал ему героя древних английских баллад — Робин Гуда, народного борца с произволом и деспотизмом.

«Вся жизнь Савинкова, — писал Черчилль, — прошла в конспирации. Без религии, как ее учит

церковь; без морали, как ее предписывают люди; без дома и страны; без друзей, без страха; охотник и преследуемый; непреклонный, непобедимый, один...» Фраза Черчилля с особенной меткостью подчеркнула суть дела: «Он был необычайным явлением — террорист с умеренными целями». И действительно, в целях Савинкова не было и намека на утопию. То, чего он добивался динамитом, убийством и кровью, сводилось в конце концов к скромным требованиям свободы и терпимости в той форме, в которой они существовали на Западе. Любопытен также разговор его с Ллойд Джорджем, тогдашним главой британского правительства. Свидание это устроил Черчилль. «В беседе с Савинковым, — рассказывал он, — Ллойд Джордж развивал теорию, что революции, как болезни, проходят через известные фазы, что худшее в России уже позади (это в самый разгар ужасов гражданской войны!) и что после очередных конвульсий появится более сносный политический строй.

— Господин председатель Совета Министров, — ответил Савинков, — позвольте мне заметить, что после падения Римской империи наступило мрачное средневековье».

Этот ответ очень типичен для Савинкова: уже к началу июля 1917 года он глубоко разочаровался в ходе русской революции.

Не менее интересные страницы посвятил Савинкову — особенно в связи с делом Корнилова — профессор Федор Августович Степун во втором томе своих воспоминаний «Бывшее и несбывшееся».

(Ф. А. Степун, окончив Гейдельбергский университет, занимался в России академической работой в области философии. Отбыв в свое время воинскую повинность и выйдя в запас в чине прапорщика, он был призван в армию с начала первой мировой войны и служил в одной из сибирских артиллерийских бригад на Юго-Западном фронте. После революции на том же фронте он начал работать с Савинковым. С ним перебрался в Петроград, где под начальством того же Савинкова занимал ответственный пост начальника политического отделения Военного министерства).

Федор Степун писал о Савинкове, что «ни демократа в русском смысле этого слова, ни народника, ни тем более партийного социалиста я... никогда в нем не замечал. Впоследствии же окончательно убедился в том, что ко времени нашей встречи он был скорее фашистом типа Пилсудского, чем русским социалистом-народником».

На Керенского Савинков смотрел с недоумением. Называл его «самовлюбленным жен-премьером от революции». С нескрываемым отвращением рассказывал он Ф. А. Степуну, как летом 1917 года Керенский показывал «представителям западноевропейских демократий» одну из резиденций бывшего императора и во время разговора со своими гостями небрежно теребил пуговицу царского мундира.

«Отвратительно, доложу я вам,—закончил свой рассказ Савинков. — Царей можно убивать, но даже с мундиром мертвых царей нельзя фамильярничать!»

Для русского революционера, да еще со стажем Савинкова, такая фраза звучала совершенно необычайно! Весьма возможно, что в своей неоформленной политической философии социалист Савинков действительно оказался предшественником других социалистов, которые через несколько лет основали движение, вошедшее в историю под названием фашизма.

В беседе с близкими людьми Савинков говорил о Совете и о «товарищах» с «таким отвращением, как будто бы глотал какую-то кислую мерзость».

И в этом месте мы предоставим слово Ф. А. Степуну:

«Одиноким эгоцентриком, политиком громадной, но не гибкой воли, привыкший в качестве главы террористической организации брать всю ответственность на себя, природный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми, Савинков не столько стремился к внутреннему сближению Корнилова, которого он любил, с Керенским, которого он презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре, дабы не сказать интриге».

С этой оценкой Савинкова сходится и мнение генерала Деникина.

За тридцать лет до Степуна он дал Савинкову следующую характеристику;

«Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали», презиравший и Временное правительство и Керенского, в интересах целесообразности, по своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его — он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение».

Нет сомнения, что Савинков наметил Корнилова именно на роль «могучего тарана», дабы пробить брешь в заколдованном круге всяких Советов и комитетов, облотивших правительство. А чтобы провести эту операцию по возможности безболезненно, он хотел ввести Корнилова во Временное правительство, затем образовать директорию из Керенского, Корнилова и самого себя.

В разговорах со Степуну он говорил, «что обойтись без Керенского нельзя, не скрывая, однако, своей боязни, что Керенский при новом положении будет большой помехой энергичному и последовательному проведению необходимых мероприятий».

Чего Савинков не говорил, но можно предполагать, что он это обдумал: при первой возможности сократить число участников директории путем устранения Керенского и, предоставив генералу Корнилову чисто военную сферу, самому стать во главе руководства жизнью страны.

«Для меня не подлежит сомнению, — писал Степун, — что, ведя с Главнокомандующим переговоры о преобразовании власти, Савинков превышал свои полномочия как заместителя Керенского по военному министерству и тем вводил Корнилова в заблуждение в отношении истинных намерений и настроений Керенского». По мнению Ф. А. Степуна, интрига Савинкова заключалась не в совместном с Корниловым заговоре против Керенского, «но в смысле насильнической попытки во что бы то ни стало своею волею и по своему плану связать Керенского с Корниловым».

Савинков вел очень сложную игру, и как бы осторожно ни относился к нему Верховный Главнокомандующий, он все же создал у Корнилова уверенность, что его планы о переменах в Петрограде имеют полное сочувствие и одобрение Керенского.

20 августа Савинков добился согласия Керенского на посылку в Петроград 3-го конного корпуса, с прибытием которого в столицу связывалось объявление Петрограда и окрестностей на военном положении. Конечной целью этого шага была борьба с большевиками.

24 августа Савинков приехал в Ставку вместе с полковником Барановским — братом жены Керенского и начальником его военного кабинета. Поездка была связана с окончательным оформлением намеченной задачи.

Протокол переговоров управляющего Военным министерством Савинкова с Верховным Главнокомандующим генералом Корниловым был составлен тогда же в Ставке. Копия его находится в архиве Колумбийского университета. Вот выдержки из этого протокола:

«Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку... Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко (комиссар при Верховном Главнокомандующем) высказывались против Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказывали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск.

Генерал Корнилов и генерал Лукомский (начальник штаба Верховного Главнокомандующего) горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами...

...Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, почти дословно сказал следующее: «Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более что еще неизвестно, как к новому закону отнесется Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и предоставлен в распоряжение Временного правительства.

В случае, если кроме большевиков выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций...»

...Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии 3-го конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов, если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов, то таковое же будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не

вышло недоразумения и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и — объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы Временное правительство точно знало, когда надо объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду».

Подлинник протокола был подписан генералами Корниловым, Лукомским и Романовским.

После визита Савинкова у генерала Корнилова появилось чувство большого облегчения. Шаги, предпринятые Ставкой без ведома правительства, вдруг так удачно получили не только санкцию, но и живейшее одобрение министра-председателя и управляющего военным министерством. Вопрос о «легальности» корниловских действий казался почти урегулированным.

Но тут произошло событие, перемешавшее все карты. 22 августа в Зимний дворец к Керенскому явился дружески расположенный к нему Владимир Николаевич Львов. Ни родства, ни свойства у него с князем Г. Е. Львовым не было. Не было и княжеского титула. Член Государственной думы, обер-прокурор Святейшего Синода в первом и втором составе Временного правительства, человек честный, морально чистый, идеалист, но фантазер с репутацией большого путаника, с умом очень ограниченным и сумбурным. Он чувствовал, как и большинство русских либералов того времени, необходимость установить в стране твердую власть. С этой целью он и хотел сделать все возможное, чтобы впрячь «слабого» Керенского и «твердого» Корнилова в одну колесницу, которая — совместными усилиями этих двух людей — вывезла бы Россию из революционных ухабов на прочную дорогу государственного строительства.

При появлении В. Н. Львова в личной императорской библиотеке Зимнего дворца, где А. Ф. Керенский принимал посетителей, произошел забавный случай. Керенский сидел за большим письменным столом, за огромным пупитром, как его описывал Львов. Лицо его посетителю не было видно.

— Александр Федорович, — сказал ему Львов, — что за странным образом вы сидите, я вас не вижу и потому мне неудобно с вами разговаривать. Пересядем на другое место.

— Нет, нет, — отвечал Керенский, — ничего, ничего, — бормотал он.

— Так тогда я встану, — сказал Львов и встал.

«Керенский моментально ко мне подскочил и провел обеими руками по моим карманам, одной рукой по одному карману, другой рукой по другому карману разом. Затем Керенский успокоился. Что за притча, подумал я, неужели он думает, что я пришел его застрелить? Керенский обратился ко мне со словами:

— Всех ли вы распутинцев повыгоняли с церковных кафедр?

— Я не на эту тему пришел с вами разговаривать, — ответил я Керенскому. — Оставим это. Я пришел к вам говорить по очень важному вопросу».

По-видимому, в двадцатых числах августа слухи о заговоре против него так волновали Керенского, что он не удержался и обыскал своего «друга», совершенно безобидного Львова, проехав своими руками вдоль по его карманам.

В разговоре с Керенским, таинственно указывая, что он пришел к нему по поручению, но без права сказать от кого, Львов в туманно путаных выражениях умолял Керенского протянуть руку тем, кого он отталкивал, реорганизовать правительство, оставив в нем социалистов-государственников, а не исключительно представителей Совета.

— Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь? — спрашивал Львов. И, не дожидаясь ответа, продолжал говорить, что Керенский опирается лишь на Петроградский Совет, уже состоящий из большевиков, что общественное негодование на Совет растет и выразится в резне.

— Вот и отлично! — воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. — Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность.

«Обнаружение обстоятельств этого «грехопадения» Керенского, — писал А. И. Деникин, — произвело впоследствии большое впечатление на советские круги, а член следственной комиссии Либер, ознакомившись с ними во время допроса Корнилова в Быхове, схватив себя руками за голову, патетически воскликнул: «Боже мой, ведь это чистая провокация!»

(Михаил Исаакович Либер, он же Гольдман, меньшевик, член Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, член еврейского «Бунда», избранный от Совета быть членом «Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Л. Г. Корнилова», во главе которой стоял Шабловский).

Но вернемся к свиданию Львова с Керенским,

Заинтригованный визитом Львова, который намекнул, что у его друзей имеется реальная сила, напуганный слухами о заговоре, ожидая чьего-то выступления против себя, подозревая Союз офице-

ров и Ставку (о которой в разговоре не упоминалось), но не генерала Корнилова, Керенский решил использовать простодушного Львова в своих личных целях как разведчика.

— Хорошо, я согласен, — сказал он. — Если даже требуется моя отставка, я согласен уйти, но поймите же, что я не могу бросить власть; я должен передать ее из рук в руки.

И, конечно, был прав П. Н. Милуков, когда писал, что «добродушный Львов принял это заявление за чистую монету... Думая, что речь идет о действительной готовности уступить, он тогда перешел к настоящей цели своего посещения.

— Дайте мне поручение войти в переговоры от вашего имени со всеми теми элементами, которые я сочту необходимыми.

И нет сомнения, что Керенский хотя и в туманной форме, но все же дал Львову какие-то полномочия.

— Куда вы едете? — как будто невзначай спросил он на прощание Львова. Но «природный конспиратор» не открыл ему своих карт.

— Я еду туда, откуда я приехал, — сказал Львов, улыбаясь.

«Керенский провожал меня, — описывал он сцену прощания, — и, вышедши за двери кабинета, долго махал мне рукой».

Так или иначе, В. Н. Львов поверил, что может от имени Керенского вести переговоры с не названными друзьями, под которыми он подразумевал генерала Корнилова и Ставку. И в роли посредника, приписывая Керенскому собственные мысли и окончательно перепутав смысл своего разговора с Корниловым, он закончил свою «миссию» грандиозным скандалом.

Явившись к генералу Корнилову, Львов сообщил, что приехал по поручению Керенского, что Керенский не дорожит властью и готов уйти в отставку.

Львова Корнилов знал очень поверхностно. Слышал, что он пользовался репутацией не много, но вполне честного человека. Корнилов знал, что Львов был в Государственной думе вместе с Керенским, что оба они входили в состав Временного правительства. И генералу не могло прийти в голову, что все сказанное Львовым от имени Керенского в такой определенной форме, не допускавшей искажения, фактически являлось фантазией самого Львова. Львов задал ему определенные вопросы, на которые Верховный Главнокомандующий дал свои ответы. Никаких условий Корнилов не ставил, никакого ультиматума не предъявлял.

Но суть в том, что Львов окончательно запутался в том, что ему говорил генерал Корнилов и что он слышал от безответственно хвастливых лиц, облепивших Ставку.

И когда 26 августа в 6 часов вечера он вторично появился в Зимнем дворце у министра-председателя, то, вместо того чтобы точно передать Керенскому свой разговор с Корниловым, подчеркнув, что посредничество между ними он сам взвалил на свои плечи по собственной инициативе, Львов приписал Корнилову слова, слышанные им от других.

На этот раз, выступая как «посланец» Корнилова, он от имени генерала предъявил Керенскому известные «требования». Выслушав их, озадаченный Керенский решил, что или Львов сошел с ума, или случилось действительно что-то очень серьезное.

Корниловские предложения, которые В. Н. Львов передал Керенскому (фактически бывшие лишь закулисной болтовней Завойко), сводились к трем пунктам:

1) Объявить в Петрограде военное положение.

2) Вся военная и гражданская власть должна быть передана в руки Верховного Главнокомандующего.

3) Все министры, не исключая министра-председателя, должны подать в отставку. Временно исполнительная власть должна быть передана товарищам министров впредь до формирования правительства Верховным Главнокомандующим.

При этом, по свидетельству Керенского, В. Н. Львов от имени Корнилова требовал, чтобы условия его были переданы Временному правительству немедленно и чтобы Керенский и Савинков, намеченные на посты министра юстиции и военного министра, в ту же ночь выехали в Ставку.

«Считая заявление, сделанное мне В. Н. Львовым, прямо невероятным, — свидетельствовал Керенский, — я ответил ему, что не считаю для себя возможным передавать такое требование генерала Корнилова Временному правительству голословно. На это В. Н. Львов выразил готовность переданные им мне пункты... изложить письменно и записал их собственноручно на куске бумаги... Приняв это письменное заявление от В. Н. Львова, я все-таки не мог побороть в себе сомнений и уже сам предложил В. Н. Львову вызвать генерала Корнилова к прямому проводу и совместно с ним, Львовым, переговорить с генералом Корниловым с тем, чтобы получить возможное (при переговорах в присутствии третьего лица) подтверждение полномочий Львова. И на это мое предложение Львов согласился».

«Действуя так, — писал Ф. А. Степун, — он (Керенский) не знал, что Львов предлагал ему не с неба свалившийся ультиматум Корнилова, а лишь согласие Верховного Главнокомандующего на те

решительные меры, которые Львов, явившийся в Ставку в качестве посланца от Керенского, самовольно предлагал Корнилову от лица министра-председателя, будто бы готового подать в отставку».

Во время пребывания в Могилеве Львов вынес впечатление, что, хотя генерал Корнилов лично и желал спасти Керенского от возможного на него покушения, окружение же в Ставке, и особенно офицерство, искало случая расправиться с министром-председателем.

«Это последнее обстоятельство, — писал А. И. Деникин, — по-видимому, окончательно нарушило душевное равновесие Львова и отразилось на всем характере второго разговора его с Керенским и в значительной мере повлияло на решение последнего».

«Насколько я был взволнован, — писал Керенский, — это могут подтвердить все меня окружающие. (Пока Львов говорил) я бегал взад и вперед по огромному кабинету, стараясь разобраться, почувствовать, в чем дело, почему Львов и т. д. Вспомнил его заявление в первый приезд о «реальной силе», сопоставил настроения против меня в Ставке и со всеми сведениями о назревшей заговорщической попытке, несомненно со Ставкой связанной, и как только прошло первое изумление, скорее даже потрясение, я решил еще раз испытать и проверить Львова, а затем действовать. Действовать немедленно и решительно. Голова уже работала, ни минуты не было колебаний, как действовать. Я не столько сознавал, сколько чувствовал всю исключительную серьезность положения. Как только он стал писать, исчезли у меня последние сомнения! Было только одно желание, одно стремление пресечь безумие в самом начале... Все предыдущее... все, все осветилось сразу таким ярким светом, слилось в одну такую цельную картину. Двойная игра сделалась очевидной. Конечно, тогда я бы не мог все доказать по пунктам, но сознавал я все это с поразительной ясностью. Мгновения, пока Львов писал, мысль напряженно работала. Нужно было сейчас же установить формальную связь В. Львова с Корниловым, достаточную для того, чтобы Временное правительство этим же вечером могло принять решительные меры».

Разговор со Львовым настолько его взволновал и встревожил, что инстинкт самосохранения и желание тут же собрать улики против Корнилова, чтобы бесспорно установить его виновность, арестовать Верховного Главнокомандующего и судить его за «военный мятеж», заслонили в министре-председателе все остальные соображения.

Отобрав у Львова «кусочек бумаги» с «требованиями» Корнилова, Керенский, перевоплотившись в судебного следователя и сыщика, приступил к следующей фазе своего розыска. По аппарату Юза он вызвал генерала Корнилова, чтобы «в присутствии третьего лица» получить от Верховного подтверждение полномочий Львова, а затем принять решительные меры против Корнилова.

Третьим лицом оказался близко стоящий к Керенскому В. В. Вырубов. Второе же лицо, и притом лицо самое заинтересованное и ответственное за всю катавасию, В. Н. Львов в разговоре не участвовал. Он отлучился из Зимнего дворца на час и, когда вернулся туда с запозданием, то выяснил, что беседа по прямому проводу со Ставкой уже состоялась. В его отсутствие и от его имени Керенский заявил, что он — В. Н. Львов — говорил с генералом Корниловым. Вот текст ленты этого странного разговора.

Керенский. — Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

Корнилов. — У аппарата генерал Корнилов.

Керенский. — Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу с просьбой доложить вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский. — Я — Владимир Николаевич, вас спрашиваю, — то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня Александра Федоровича, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

Корнилов. — Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

Керенский. — Я — Александр Федорович. Понимаю ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов. — Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

Керенский. — Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во вся-

ком случае?

Корнилов. — Во всяком случае.

Керенский. — До свидания, скоро увидимся.

Корнилов. — До свидания».

Комиссар при Ставке М. М. Филоненко невероятно изумился, когда на следующее утро прочел текст ленты этого разговора. Он не мог понять, каким образом Корнилов так легкомысленно мог подтвердить слова Львова, содержание которых было ему неизвестно. Филоненко считал, что... «и форма вопроса А. Ф. Керенского и ответ генерала Корнилова абсолютно недопустимы в каких-либо серьезных деловых сношениях, а тем более при решении дела громадной государственной важности, так как А. Ф. Керенский не обозначил, что же он спрашивает, а генерал Корнилов не знал, на что, собственно, он отвечает».

Суждение генерала Деникина было не менее строго: «Этот разговор изобличает в полной мере нравственную физиономию Керенского, необычайную неосмотрительность Корнилова и сомнительную роль «благородного свидетеля» Вырубова».

Своим комментарием А. Ф. Керенский дал «классический образец» казуистики.

С юридической точки зрения, для Керенского-юриста, участника политических процессов, разговор его с Корниловым не имел никакого оправдания. Он ничего не доказал, ничего не подтвердил, даже не проверил сведений о якобы «ультимативных требованиях» Корнилова. Вся беседа и с той, и с другой стороны могла толковаться как угодно в зависимости от желания. Но, основываясь на догадках, Керенский пожелал тут же использовать ленту своего разговора с Корниловым как доказательство его вероломства.

Недоразумение и путаница, возникшие в силу несуразного вмешательства Львова не в свое дело, принимали угрожающие для государства формы.

Чтобы окончательно округлить работу сыщика и «закрепить в свидетельском показании» третьего лица разговор, который происходил у него со Львовым с глазу на глаз, Керенский спрятал в своем кабинете за портьерой помощника начальника милиции С. А. Балавинского. Ничего не подозревавший Львов добродушно во второй раз отвечал Керенскому на те же вопросы, которые всего лишь два часа назад обсуждались им в том же кабинете.

Цель была достигнута. Балавинский все записал, и на следующий день показания его находились уже в руках судебного следователя.

Впоследствии Львов отрицал версию Керенского о том, что предъявил ему ультимативные требования от имени Корнилова. «Никакого ультимативного требования, — писал Львов, — ему (Керенскому) я не предъявлял и не мог предъявлять, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мною бумагу, как он, Керенский, вырвал у меня и положил в карман».

Вдобавок к своим злоключениям В. Н. Львов, посаженный под арест в Зимнем дворце и охраняемый двумя часовыми, «с негодованием слушал, как за стеной в соседней комнате императора Александра Третьего торжествующий Керенский, довольный успешным ходом своего дела, распевал без конца рулады и... не давал ему спать».

С этого момента, по мнению Милукова, поступками Керенского руководила не логика, не государственные мотивы, а неудержимый порыв страстного борца за собственную власть.

Кроме других побуждений играло роль и мстительное желание унижить Корнилова, посмеявшегося предложить ему пост министра юстиции. «Неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова?» — высокомерно бросил он Львову.

В печати была оглашена радиogramма Керенского. Из предыдущей главы мы знаем, что в этой радиogramме Керенский оповещал «всех», что 26 августа генерал Корнилов прислал к нему бывшего члена Государственной думы В. Н. Львова «с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти»; что действиями Корнилова руководило желание установить в стране государственный строй, противоречащий завоеваниям революции; что для спасения родины, свободы и республиканского строя Временное правительство уполномочило его, Керенского, принять решительные меры против генерала Корнилова и т. д.

Одновременно за подписью Керенского был разослан призыв к железнодорожникам приостановить движение к столице корниловских войск, а в случае надобности разбирать железнодорожные пути и устраивать крушение поездов.

А войскам Петроградского гарнизона был дан приказ, где говорилось, что «генерал Корнилов, заявлявший о своем патриотизме, теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта, ослабив его сопротивление нещадному врагу-германцу, и все эти полки отправил против Петрограда».

На эту тему удачно съязвил Лев Троцкий. «Керенский, — писал он, — благоразумно умолчал о том, что войска были сняты с фронта не только с его ведома, но и по его непосредственному прика-

занию, чтобы расчистить тот самый гарнизон, которому он теперь сообщал о предательстве Корнилова».

Керенский призывал войска доказать верность «свободе и революции» и проявить стойкость в защите «правительства революции».

Курьез положения заключался в том, что, отстранив генерала Корнилова от должности, провозгласив его мятежником, изменником, открывшим фронт немцам, Керенский оставил в руках этого «предателя» оперативное руководство всеми армиями.

Подозревая во враждебных к себе отношениях все несоциалистические круги, Керенский открыто пошел за поддержкой и помощью к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Через несколько дней из тюрьмы был выпущен Троцкий.

«Понимал ли Керенский в эту минуту, — писал Милуков, — что, объявляя себя противником Корнилова, он выдавал себя и Россию с руками Ленину? Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства? Чтобы понять это, нужно было слишком от многого отказаться. Трагизм Керенского, особенно ярко очертившийся в эту минуту решения, состоял в том, что хотя он уже многое понял, но отказаться ни от чего не мог... Если можно сосредоточить в одной хронологической точке, то «преступление» Керенского перед Россией было совершено в эту минуту, вечером 26 августа».

ХІІ ДЕЛО КОРНИЛОВА (продолжение)

В Ставке Верховного Главнокомандующего ночь на 27 августа прошла спокойно, в полной уверенности, что перемены в Петрограде, в той форме, как их хотел генерал Корнилов, получили, наконец, полное одобрение главы правительства. И согласно с решением, принятым в Ставке во время переговоров с Савинковым, Корнилов телеграфировал ему, указав день, когда 3-й конный корпус сосредоточится у Петрограда, чтобы Временное правительство, объявив столицу на военном положении, могло опубликовать корниловскую программу в виде нового закона.

Какие же могли оставаться сомнения у Корнилова после переговоров с Савинковым, со Львовым, и с самим Керенским, который всего несколько часов назад обещал по прямому проводу приехать в Могилев, сказав на прощание: «До свидания, скоро увидимся»?

И не удивительно, что телеграмма Керенского генералу Корнилову, отстранявшая его от должности Верховного Главнокомандующего, ошеломила Ставку.

А когда до Ставки дошли воззвания, приказы и прокламации Керенского, то сомнения в искренности главы правительства сменились уверенностью, что разговоры Львова и обещание Керенского приехать в Могилев были ни чем иным, как провокацией. И на резкие и незаслуженные обвинения в вероломстве, отсутствии патриотизма, в посягательстве на свободу и республиканский строй, в умышленном ослаблении фронта при посылке войск против Петрограда (когда эти меры были санкционированы самим Керенским!) генерал Корнилов возмущенно ответил не менее резким и уже известным нам призывом к населению, где отказывался подчиниться Временному правительству.

Говорить о примирении не приходилось. Трещина между правительством и Ставкой превратилась в непроходимую пропасть.

Заговор с полной возможностью сговора благодаря ряду случайностей вылился в открытое вооруженное выступление против правительства. Но движение генерала Корнилова не преследовало реставрационных целей. Устранив просчеты февральской революции, оно искренне хотело закрепить ее положительные достижения.

Лучше других знал об этом Савинков. А потому бессовестным лицемерием звучала его прокламация от 28 августа:

«Граждане, в грозный для отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства и революции и стал в ряды ее врагов... Со всяким, посягающим на завоевания революции, кто бы он ни был, будет поступлено, как с изменником».

Как мог он назвать «изменником» Корнилова, которого и после смерти генерала он продолжал считать человеком безупречно честным и любящим Россию, «как немногие ее любят»? И с подчеркнутым уважением к Корнилову писать о нем, что он «имел высокую честь знать его лично» и «целиком разделял корниловскую программу»?

Эти непостижимые противоречия Савинков унес с собой в могилу.

По мере приближения к столице корниловские войска с невероятной быстротой морально раз-

лагались и таяли.

Все солдатские комитеты, Советы, железнодорожники, рабочие, и главным образом большевики, поняв опасность, грозившую им в случае успеха Корнилова, набросились на солдат 3-го конного корпуса не с оружием в руках, а с пропагандой и прокламациями: Корнилов идет с помещиками и капиталистами, чтобы вернуть царя, чтобы закабалить крестьян и рабочих.

Своей простотой пропаганда, направленная против Корнилова, становилась сразу понятной даже малограмотному солдату.

Даже горцев Дикой дивизии, почти не говоривших по-русски, встретили распропагандированные представители Мусульманского съезда. На местных наречиях народностей Кавказа они разложили их воинский дух в два счета.

А генерал Крымов, на энергию и твердость которого возлагалось столько надежд, затягивал отъезд из Ставки к своим войскам, разбросанным на огромном пространстве вдоль железнодорожных путей к Петрограду.

В нем произошла большая перемена. По-видимому, Крымова беспокоило влияние на генерала Корнилова всех штатских и полуштатских людей, облепивших Ставку.

«Конечно, — говорил он одному из своих друзей, — надо идти до конца. Я отдаю делу свою голову. Но 90 процентов за неудачу. Мне необходимо ехать к корпусу, но я боюсь, что, когда я оставлю Могилев, здесь начнут творить несообразное...»

Пессимизм не покидал Крымова и по приезде его в войска. Поняв безнадежность дела, отрезанный от Корнилова, он принял предложение одного из знакомых офицеров, посланного к нему Керенским, приехать в Петроград для переговоров. Генералу Крымову гарантировалась неприкосновенность личности. В Петрограде он виделся с генералом Алексеевым, а затем отправился к Керенскому. После бурного разговора с министром-председателем генерал Крымов в тот же день, 31 августа, покончил жизнь выстрелом в грудь из револьвера. Перед смертью он написал письмо Корнилову и отправил его в Ставку со своим адъютантом. Содержание письма осталось неизвестным. Генерал Корнилов его уничтожил.

На вопрос своего начальника штаба, генерала Лукомского, Корнилов ответил коротко: «Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, а никто его не убивал».

Выступление генерала Корнилова вызвало панику в кругах, близких к Петроградскому Совету, и среди некоторых приближенных Керенского. Мысль о Дикой дивизии не давала им покоя. Пока ведутся переговоры, думали они, черкесы, ингуши и осетины начнут резать кого попало. Более робкие элементы выправляли себе заграничные паспорта и готовы были бежать без оглядки через границу с Финляндией.

Корнилов остался в одиночестве. Не отвернулись от него лишь верные ему генералы и офицеры. Многие из них, как и Корнилов, подверглись тогда аресту и заключению.

В желании отгородиться от генерала Корнилова особенно отличился комиссар при Ставке штабс-капитан Максимилиан Максимилианович Филоненко.

Правый эсер, близкий сотрудник Савинкова, он сочувствовал программе Корнилова и даже выговорил себе важный пост в правительстве, которое должно было возникнуть после ликвидации большевиков и Петроградского Совета. И тут, когда грянул гром, он — представитель Временного правительства при Ставке — увидел себя в незавидном положении. Чтобы выйти сухим из воды, Филоненко просил себя арестовать... В Ставке его просьбу исполнили, фиктивно взяв с него устное обязательство не выезжать из Могилева. Это благоприятное для Филоненко обстоятельство дало ему возможность через две недели в беседе с журналистами сказать, что открытое неповиновение генерала Корнилова началось именно с того момента, когда он арестовал комиссара Временного правительства. Моральный облик Филоненко особенно ярко проявил в конце этой беседы. «Я люблю и уважаю генерала Корнилова, — говорил он, — но его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой».

Много лет спустя имя Филоненко снова появилось в газетах, но на этот раз он выступал в роли французского адвоката, защитника Надежды Плевицкой, которую парижский суд приговорил к 20 годам тюремного заключения и каторжных работ за участие в похищении большевистскими агентами в Париже генерала Миллера.

Сперва всех арестованных поместили в могилевской гостинице «Метрополь», а 11 сентября ночью их перевезли за пятьдесят верст от Ставки в Быхов.

Во время сидения в гостинице «Метрополь» генералу Лукомскому пришел только что произведенный в генерал-майоры брат жены А. Ф. Керенского — В. Л. Барановский. Одно время он был начальником штаба у Лукомского, когда тот командовал дивизией.

На сухой вопрос Лукомского: «Что можете сказать?», Барановский ответил: «Только то, что уже сказано генералом Корниловым то есть что все произошло вследствие провокации Керенского».

В наступившей смуте Ленин сразу увидел исключительный случай, открывающий перед ним неограниченные возможности. Ленин скрывался тогда в Финляндии.

В его письме от 30 августа в Центральный Комитет партии большевиков с поразительной ясностью бросается в глаза то огромное дарование, которым он обладал в области революционной стратегии и тактики.

Вот некоторые выдержки из этого важного по содержанию документа:

«Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной... Восстание Корнилова есть крайне неожиданный и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

И поддерживать правительство Керенского мы *даже* теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: — Неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же: тут есть грань... Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость.

Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

...Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их...» (Курсив Ленина).

Никто не умел так пользоваться разрушительным инстинктом толпы!

О Ленине кто-то сказал, что он словно топором обтесывал свои мысли и преподносил их в лубочно упрощенном виде. Но именно в этой топорной работе, в умении упрощать свою мысль заключалась невероятная сила. Его лозунги были понятными народным массам. Он умел ими руководить.

А министр-председатель, не считаясь со стихией, которая уже помимо него вступила в борьбу с Корниловым, приписывал себе успех в разгроме своего оппонента. И, потирая руки, он с удовольствием думал; пусть знают теперь все, как «безвольный» Керенский расправился с «сильным» Корниловым.

В этом смысле типичен его разговор с Савинковым. В разгар корниловского движения Савинков спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. «Керенский мне ответил, — писал Савинков, — что армия не погибнет и что, напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит».

Керенский не понимал, что своей победой над Корниловым он раз и навсегда подрубил тот сук, на котором сам едва держался.

Тем временем «Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова» методически собирала огромный материал: протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, письма, телеграммы, ленты разговоров по прямому проводу, приказы, воззвания. К концу октября 1917 года она почти закончила расследование. Оставалось лишь допросить А. Ф. Керенского.

27 августа, чтобы установить виновность Корнилова, он дал показания судебному следователю Петроградского окружного суда, но комиссией еще ни разу не был допрошен.

И вот, наконец, настал этот день. «Допрос Керенского, — свидетельствовал бывший член этой комиссии Николай Петрович Украинцев, — состоялся во второй половине октября. Готовясь к этому допросу, мы отдавали себе отчет в том, с какими трудностями он связан: ведь нам предстояло допросить, как никак, главу правительства и предлагать ему вопросы, в которых он может усмотреть недоверие или сомнение комиссии к его словам. Поэтому было решено приготовить вопросник, в котором бы вопросы были сформулированы так, чтобы исключить возможность Керенскому уклониться от точного ответа, но вместе с тем чтобы формулировка включала в себя элемент особого уважения к высокому положению свидетеля. Вопросы, которые могли бы быть особенно неприятны председателю Совета Министров, должны быть помещены в конце.

Благодаря нескромности или неосторожности одного из членов комиссии некоторые сведения, касавшиеся следствия, попали в печать. Петроградские газеты использовали эти сведения против Керенского, что, конечно, не могло... не вызвать его неудовольствия...

...Мы не ожидали любезного приема со стороны Керенского, но чтобы прием мог кончиться катастрофой, как это вышло на самом деле, к этому мы не были подготовлены...

...Керенский принял нас в Зимнем дворце в царской библиотеке. В промежутке между двумя громадными окнами, выходящими на Неву, стояло большое деревянное резное кресло, напоминавшее трон. Против трона был расположен довольно длинный стол. Мы сели за этим столом. Керенский занял место на троне. Если бы я захотел охарактеризовать позу Керенского на троне, то я должен был бы употребить слово «развалился». Это, конечно, мелочь, но по ней мы сразу почувствовали, что это неспроста, что таким способом нам дается понять, какая дистанция отделяет нас от оказавшего нам честь столь важного свидетеля. Шабловский в знак уважения вел допрос стоя. Приглашенная нами стенографистка, многолетняя стенографистка Государственной думы Туманова вела запись.

Первые же ответы Керенского последовали в такой резкой форме, в таком повышенном тоне, что Шабловский растерялся... Первым не выдержал Рауха, он встал и попросил уточнить ответ, за

ним последовал Либер. Тут Керенский окончательно утратил самообладание. Он вскочил и буквально стал кричать на нас. Мы молча переглянулись с Шабловским, и он решительно объявил перерыв. В этот момент встала Туманова и громким голосом сказала, обращаясь к Керенскому:

— Мне стыдно за вас, Александр Федорович, мне стыдно за то, как вы позволяете себе обращаться с комиссией, исполняющей свой долг.

Это был последний акт нашей комиссии... Единодушно, как и во всех актах... мы пришли к заключению, что объяснения Керенского... необходимы, но, охраняя независимость нашу как органа судебно-следственной власти, обращаться с нами так, как это позволил себе Керенский, мы больше не допустим... На этом мы разошлись, и спустя несколько дней наступило 25 октября».

После захвата власти большевиками комиссия Шабловского прекратила свое существование, так и не добившись от Керенского ответов на многие щекотливые для него вопросы. Таким образом, комиссия была лишена возможности составить официальное заключение о результатах своей работы и подвести итоги расследования.

И эти итоги пытался подвести А. Ф. Керенский: стенограмма допроса каким-то образом попала в его руки после того, как он бежал из Петрограда в момент восстания большевиков. Текст этой стенограммы был переработан самим Керенским, с его добавлениями, сокращениями, исправлениями, с комментарием и выпущен в 1918 году издательством «Задруга» в Москве, при большевиках, под заглавием «Дело Корнилова».

В свою долгую жизнь в эмиграции, в многочисленных писаниях, Керенский возвращался к этому больному для него вопросу, проявляя при том — как выразился С. П. Мельгунов — «поразительную неточность в изложении фактов» и «представляя их всегда односторонне, под углом зрения самооправдывающегося мемуариста».

В своей первой книге он подчеркивал, что никогда не сомневался в любви генерала Корнилова к родине. «Я видел, — писал он, — что не в злой воле, а в малом знании и великой политической неопытности причина его поступков».

Но чем старше становился Керенский, тем нетерпимее был его тон в отношении всех своих прежних политических недругов. В особенности доставалось генералу Корнилову. В книгах и статьях повторялись запальчивые фразы демагогических воззваний и приказов конца августа 1917 года: Корнилов сознательно сдал Ригу немцам, оттянув с Северного фронта свои войска для их движения против Петрограда, а затем свалил всю вину на распущенность солдат для того, чтобы ввести в армии суровую дисциплину. Поступкам Корнилова приписывалась уже не только политическая неопытность, но и сознательно коварная злая воля.

Одним словом, чтобы оправдаться в глазах истории, Керенский расточительно пользовался подбором явно негодных обвинений, умалчивая в то же время о собственных ошибках.

В провале февраля, по его мнению, оказались виновными все, кроме самого Керенского.

Через полвека суть корниловского «дела» рисуется в совершенно ином освещении, чем его старался изобразить А. Ф. Керенский:

И Корнилов, и Керенский видели зло в двоевластии. Оба сознавали, что слабость правительства и сила Совета рабочих и солдатских депутатов толкали страну к анархии.

Корнилов хотел решительными мерами уничтожить большевистскую заразу, разогнать Советы и установить в стране твердую власть, чтобы, продолжая войну, довести Россию до Учредительного собрания. Он шел к своей цели прямо, укрывая, однако, от Керенского (в искренности которого он сомневался) ряд конспиративных шагов, предпринятых им в этом направлении.

Того же хотел Керенский, но не имел мужества признаться в своих желаниях.

С тех пор как он стал главой правительства с решающим в нем голосом, он тоже желал сильной власти, сосредоточенной именно в его руках. Своим постоянным вмешательством в вопросы государственного управления Советы его раздражали. Сохраняя за собой звание товарища-председателя Совета, Керенский в заседаниях этого учреждения участия больше не принимал. А потому, ничего не имея против расправы с Советами, при условии, чтобы она произошла помимо него, как бы даже наперекор его желанию, он предпочитал оставаться в стороне от возможного применения оружия и силы.

С этой целью и состоялся сговор между министром-председателем и Верховным Главнокомандующим, при содействии Савинкова, о посылке в Петроград 3-го конного корпуса. Эти войска должны были, кстати, разоружить и обуздать развращенный гарнизон столицы, а также кронштадтских матросов.

На этом сговор кончался. Как и вся краткая история взаимоотношений Керенского с Корниловым, сговор между ними базировался на недоговоренности и взаимном недоверии. Таким образом, открывалось широкое поле для недоразумений.

А одним из главных источников недоразумений оказался Савинков. Стараясь захватить руководство революцией в свои руки, он в роли посредника пытался путем сложной интриги объединить

для совместной работы в правительстве Керенского и Корнилова, сознательно вводя в заблуждение и того и другого об истинных намерениях каждого из них. Он действовал как азартный игрок. А проиграв игру, не только цинично умыл руки, но и бросил заведомо ложное обвинение тому, кого по своему любил и уважал.

В противоречивых обвинениях и самооправданиях, в личном соперничестве и вражде друг к другу всплыло на поверхность немало горечи. Но, в конечном счете, личный элемент конфликта заглохнет теми грандиозными последствиями, которые он вызвал.

И тут возникает вопрос: кто же из двух оппонентов несет перед историей главную ответственность за то, что дверь к захвату власти большевиками распахнулась настежь.

Своими непродуманными, импульсивными поступками Керенский и Корнилов повинны в происшедшей трагедии. Но из этого не следует, что оба виноваты одной виной.

Несмотря на все ошибки генерала Корнилова, история не может принять утверждение Керенского, что именно Корнилов открыл дверь большевикам. Разбираясь во всей сложной совокупности противоречий этого конфликта, тщательно взвешивая показания его участников, свидетелей и современников, приходится согласиться с заключением, к которому пришли в свое время историки русской революции П. Н. Милюков и С. П. Мельгунов. Они считали, что непоправимой катастрофой было не само по себе выступление Корнилова, а правительственные меры, принятые для его ликвидации.

ХІІІ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В БЫХОВЕ

Мы расстались с генералом Деникиным в тот момент, когда его с офицерами препроводили в Быхов для общего суда над всеми участниками корниловского выступления.

Заключенные в Быхове находились в старом, угрюмом двухэтажном здании, когда-то католическом монастыре, потом женской гимназии, превращенной в тюрьму. Забор и железные ворота рядом со старым костелом отделяли внешний мир от тюремного двора. По краям его был деревянный тротуар. Он был необходим, так как в дождливые дни грязь во дворе стояла непролазная. Дальше окна в глубоких впадинах с решетками, тяжелая деревянная дверь, темная лестница, низкие комнаты со сводчатым потолком. И в этой неприветливой обстановке арестованные, которых уже несколько недель назад перевезли сюда из Ставки, ждали с тревогой и волнением приезда генерала Деникина. Они знали, что творилось в Бердичеве, и мысль о возможном самосуде над Деникиным не давала им покоя. При свидании вздох облегчения вырвался у всех: слава Богу, уцелел!

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — обнимая Антона Ивановича, говорил ему генерал Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Весь мучительный период бердичевского заключения генерал Деникин перенес с поразительной стойкостью. Но по приезде в Быхов после всего пережитого наступила сильная реакция. Однако он ее скоро преодолел. Начальник штаба и верный друг Сергей Леонидович Марков, самый молодой из арестованных генералов, как ни в чем не бывало проявлял необычайную бодрость. «Нет, жизнь хороша, — писал он, — и хороша во всех своих проявлениях».

В первый раз с середины августа увидел Антон Иванович свою невесту. Она стремилась к нему в Бердичев. Но, ограждая ее от опасности, он строго запретил ей там появляться. Жила она в Киеве в квартире покойной Елизаветы Федоровны Деникиной. В ужасе от того, что случилось с Антоном Ивановичем, она помимо него очень толково и дельно организовала в Киеве защиту. Привлечен был В. А. Маклаков, известный юрист и оратор, член Государственной думы, защитник в процессе Бейлиса. Но Маклаков был в Москве, и ввиду той поспешности, которую проявлял комиссар Юго-Западного фронта Иорданский, — судить генерала Деникина военно-революционным судом — Ксения Васильевна привлекла группу известных киевских адвокатов, которые взяли на себя защиту генерала Деникина, образовав коллегия. Состояла она из присяжных поверенных разных политических партий. Входили в нее Григорович-Барский, Калачевский и Лещ. Последнему Ксенией Васильевной были переданы отобранные из архива Антона Ивановича письма, рукописи, печатные статьи, дававшие характеристику его общественно-политических взглядов. Кроме того, в Киеве наготове находился автомобиль: коллегия опасалась, что «суд» и расстрел могут произойти скоропалительно. Нужно было не опоздать с юридическим вмешательством. К счастью, эти предосторожности оказались излишними. И вот настал день встречи.

— Вошла в камеру и... смутилась, — рассказывала Ксения Васильевна. — Там много народу, и все на меня смотрят. Улыбается своей милой, смущенной улыбкой мой генерал. А мне хочется целовать его руки и плакать.

Условия заключения в Быхове были отличны от тюремной жизни в Бердичеве. В пределах здания арестованные в Быхове пользовались полной свободой. Внутри их охраняли преданные и верные генералу Корнилову текинцы. Наружную охрану несла рота Георгиевского полка.

«Официально, — писал генерал А. С. Лукомский, — мы все время, кроме необходимого на пищу и предоставляемого для прогулки, должны были сидеть по своим комнатам, но в действительности внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому. Денежного содержания лишили, но пищу нам разрешено было готовить на казенный счет такую же, как давали в офицерских собраниях. Из Ставки в Быхов был прислан повар, и нас кормили вполне удовлетворительно...

Прогулка нам разрешалась два раза в день во дворе, вокруг костела. Впоследствии для наших прогулок отвели большой сад, примыкавший к дому, в котором мы помещались».

Женам заключенных дали разрешение поселиться в Быхове. Они посещали тюрьму ежедневно. Приемные часы были от 10 часов утра до 6 часов вечера. Одним словом, после тюремного режима в Бердичеве ограничения в Быхове казались чистой формальностью.

— Создалось такое впечатление, — говорил Антон Иванович, — будто всем было очень неловко играть роль наших «тюремщиков».

Генералов Деникина и Маркова вселили в комнату, где уже находился Иван Павлович Романовский, бывший генерал-квартирмейстер Ставки. Дружба между ним и Деникиным, начавшаяся в Быхове, сохранилась в гражданскую войну и оборвалась лишь с убийством генерала Романовского неопознанным злоумышленником 5 апреля 1920 года в бильярдной комнате русского посольства в Константинополе.

Комнату трех генералов описала в своей неопубликованной рукописи Ксения Васильевна:

«Два окна. Между ними единственный столик; на нем маленькая, корявая, закоптелая керосиновая лампа. Два стула. Так что все сидят на своих кроватях. Я сажусь рядом с Антоном Ивановичем на жесткую кровать, прикрытую солдатским одеялом, и мы потихоньку начинаем разговор под шум голосов. С тех пор больше месяца я каждый день по два раза приходила в тюрьму. В сущности, проводила в ней весь день.

Утром после чая шла туда, возвращаясь к обеду, после обеда опять и приходила (домой) к ужину. Познакомилась и присмотрелась ко всем быховцам... Рядом с нашей камерой жил генерал Корнилов... Против Корнилова через коридор помещались Лукомский и Эрдели, рядом с ними Эльснер и Ванновский, дальше Кисляков и Орлов. Потом молодые офицеры, часть которых помещалась в нижнем этаже, где была столовая. Все генералы собирались всегда в нашей комнате, отчасти потому, что она была больше других и «женский элемент»вносил оживление. Особенно жена генерала Романовского, Елена Михайловна, очень оживленная и остроумная. Из дам была еще жена генерала Лукомского. Сидели на кроватях, на сундучках и чемоданах, выдвинутых из-под кровати.

Сергей Леонидович Марков обыкновенно шагал из угла в угол, на ходу споря и разговаривая, или клал пасьянс на колченогом столике. Иногда к нему подсаживался Орлов и давал советы. И если пасьянс не выходил, Марков посылал его к черту, бросал карты и вскакивал. Первое время меня немного пугал Сергей Леонидович своей шумной резкостью. Зато с первого же дня удивительно понравился И. П. Романовский. Фигура у него несколько массивная, широкоплечая, хотя без всякой полноты. Одет как-то изысканнее других. Говорит немного. Как будто не любит двигаться, все больше сидит на своей кровати, слушает постоянные споры. Лицо умное, а улыбка очень добрая... Наблюдая их всех изо дня в день, я заметила, что он часто знает больше других. И, вступая в разговор, старался так деликатно вести его, чтобы не дать почувствовать, что он сведущее своего собеседника. Тогда еще он не был так близок с Антоном Ивановичем. Они присматривались друг к другу, чувствуя взаимную большую симпатию, но оба не обладали ни экспансивным нравом, ни разговорчивостью. Связующим звеном служил Марков. Он был дружен и с Иваном Павловичем с ранней юности, а за войну очень привязался к Антону Ивановичу.

Удивлял меня немножко А. С. Лукомский своим самоуверенным тоном. Говорил резко, отчетливо, внушительно... Меня он подкупил тем, что искренне любил покушать и делал это как-то особенно аппетитно и вкусно. Жена его, дочь знаменитого генерала Драгомирова прямо очаровала меня. Представительная, умная, тактичная, она этим подкупала людей. Подмечала замечательно чутко слабые и чувствительные места и говорила каждому, что ему приятно.

...В первый раз я увидела Корнилова во дворе. Мы возвращались после прогулки с Антоном Ивановичем, и почти у дверей мимо нас прошел небольшого роста генерал, с желтым лицом и немного кривыми ногами, помахивая палкой или хлыстиком. Антон Иванович сжал мне руку и показал глазами ему вслед:

— Корнилов.

— Неужели?!

В этом слове было разочарование. Я себе его представляла совершенно иначе, хотя и видела

его портреты в газетах и журналах. Ничего величественного, ничего такого героического...

В тот же день после обеда Корнилов пришел в нашу камеру. При его входе все встали и вытянулись. Здесь, в Быхове, или, как его шутя называли, «пол-Ставке», он был по-прежнему Верховным, так его и звали за глаза, так к нему и относились.

...Корнилов принимал участие в разговоре с большим интересом и искренне смеялся над тихими замечаниями Кислякова и громкими Маркова. Вообще он приходил в нашу камеру не очень часто... Ко мне он относился хорошо, но говорил со мной таким слегка шутливым, слегка покровительственным тоном, как говорят с детьми. Может быть, потому что я была самая молодая в их обществе. Раз я взбегала быстро по темной лестнице тюрьмы и вынимала по дороге из муфты бутылку водки, которую я почти ежедневно приносила. На площадке натыкаюсь на Корнилова.

— А ну, что это у вас, покажите.

Он взял бутылку, посмотрел и, улыбаясь, возвратил мне.

— Вот попадетесь когда-нибудь, профессиональная спиртоноша...

Я вообще не особенно робкая, но перед Корниловым всегда как-то робела. А с водкой действительно мог быть скандал...

...По субботам местный батюшка приходил служить всенощную в тюрьму. Служил внизу в столовой. Составили свой хор, и Антон Иванович очень гордился, что пел в нем. Это его старое «ремесло». Еще в реальном училище во Влоцлавске он пел мальчиком в хоре все шесть лет и носил батюшке кадило.

Я стояла у стены. Как раз передо мной стоял Корнилов. Меня он удивлял и восхищал. Как станет, заложив руку за кушак и выставив слегка одну ногу, так и стоит целый час, не шелохнется. С ноги на ногу не переступит, не повернется. А у него рана в ноге была и иногда так болела, что он не мог из своей комнаты выходить».

Генерал Деникин составил список офицеров, находившихся в Быховской тюрьме ко 2 октября: всего 24 человека. Все они, как говорил Антон Иванович, были «люди самых разнообразных взглядов, в преобладающем большинстве совершенно чуждые политике и объединенные только большим или меньшим соучастием в корниловском выступлении и безусловным сочувствием ему».

На смену генералу Алексееву начальником штаба Верховного Главнокомандующего назначен был генерал Н. Н. Духонин. Честный и благородный человек, он так же, как Алексеев, готов был жертвовать своим именем, чтобы сохранить аппарат военного руководства. Заключение в Быхове перенесли на него свое критическое отношение ко всем, кто тогда продолжал сотрудничать с Керенским. И, невзирая на это, Духонин сделал все от него зависевшее, чтобы облегчить их участь и ограждать от возможного самосуда.

С этой целью Ставка расквартировала в Быхове (кроме роты Георгиевского полка и текинцев) польские воинские части, входившие в состав недавно образованного Польского корпуса под начальством генерала Довбор-Мусницкого. И генерал, и все офицеры, и солдаты были уроженцами той части Польши, которая входила в состав Российской империи.

«Отношение поляков к быховским узникам, — писал А. И. Деникин в одной из своих неопубликованных рукописей, — было поистине рыцарское. Фамилию начальника польской дивизии я забыл, а бригадным был Желиговский».

Подчиняясь распоряжениям Ставки, но считая свои войска на положении иностранных, генерал Довбор-Мусницкий отдал приказ польским частям, расположенным в Быхове, не вмешиваться во внутренние распри России, но в то же время не допускать насилия над арестованными русскими генералами, защищать их, а в случае надобности вступить в бой.

«Действительно, — писал генерал Деникин, — два-три раза, ввиду выступления проходивших (воинских) эшелонов, поляки выставляли сильные дежурные части с пулеметами, начальник дивизии и командир бригады приходили к нам уславливаться с Корниловым относительно порядка обороны».

Трудно представить себе глубину душевной драмы и чувства одиночества этой кучки русских патриотов, которых от угрозы своих же разнузданных солдат должны были охранять инородные воинские части — поляки и текинцы.

Связь Быхова со Ставкой регулярно поддерживали два офицера, в разное время служившие под началом генерала Деникина и глубоко ему преданные. Это были полковники Квашнин-Самарин и Тимановский. Первый занимал должность коменданта Ставки, а до войны был адъютантом Архангелогородского полка, которым тогда командовал Антон Иванович. Второй — командир Георгиевского батальона, а перед тем доблестно сражался в рядах Железной дивизии. Имя полковника Тимановского уже упоминалось в связи со вторичным взятием русскими войсками города Луцка в мае 1916 года, когда, опираясь на палку, он вел свой батальон в атаку на укрепленные позиции австрийцев. Итальянский военный агент, наблюдавший это зрелище, в восторге кричал: браво! браво!

Эти офицеры держали быховских генералов в курсе того, что происходило в Ставке и в стране. А события в стране развивались стремительно. Уже с начала сентября руководство Советами

перешло к большевикам. Троцкий возглавлял Петроградский Совет и призывал пролетарские и солдатские организации «к сплочению своих рядов». Вдобавок ко всем прочим учреждениям появились по всей России новые «комитеты спасения и охраны революции». Призрачная власть правительства окончательно испарилась. Газеты того времени пестрели заголовками: беспорядки, самосуды, погромы, анархия.

В середине октября только слепые и глухие могли не замечать, что большевики готовятся к захвату власти. Да они этого и не скрывали. 16 октября Троцкий организовал Военно-революционный комитет. Ближайшей его целью было подчинить себе через полковые комитеты Петроградский гарнизон. Днем позже распоряжением Военно-революционного комитета произошла раздача оружия и патронов рабочим Путиловского завода, Охты и Выборгской стороны. Процедура была простая: казенным складам предъявлялся ордер комитета, и служащие складов, без протеста или сопротивления, выдавали рабочим требуемые винтовки и патроны. На глазах у всех пролетариат явно и открыто вооружался.

На этот раз тот же лозунг «Вся власть Советам!» имел гораздо более определенный смысл, чем во время восстания в июле, так как, Советы были уже в цепких лапах большевиков.

И во всей столице лишь один человек не сознавал надвигающейся опасности. Это был Керенский. Насколько в те дни он жил в каком-то непонятном мире иллюзий, свидетельствует рассказ Владимира Дмитриевича Набокова.

«За четыре-пять дней до октябрьского большевистского восстания, — писал он, — в одном из наших заседаний в Зимнем дворце, я его (Керенского) прямо спросил, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором тогда все говорили. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло!» — ответил он мне. «А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?» — «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно».

Но сил, которых было больше, чем нужно, — вообще не оказалось. И члены Временного правительства, за исключением министра-председателя, это отлично понимали.

25 октября, в день большевистского восстания, сознавая свою беспомощность, Временное правительство обратилось к населению с воззванием. Оно возвещало, что Петроградский Совет потребовал передачу ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоявшего на Неве.

Это было откровенным признанием безнадежности положения. Чувствуя недоброжелательство к себе и боясь быть выданным большевикам, Керенский бежал. Он бесследно пропал, как в воду канул... И в течение восьми месяцев скрывался в России. С этого момента имя его исчезает со страниц истории.

26 октября, вскоре после двух часов утра, все министры Временного правительства (за исключением Керенского и министра продовольствия Прокоповича) были арестованы в Зимнем дворце и под охраной красногвардейцев препровождены в Петропавловскую крепость, где еще с конца февраля месяца томились в заточении министры царского правительства. По сравнению с февральской революцией и восстанием 3—5 июля, захват власти большевиками был относительно бескровным.

Предвидя падение Временного правительства и неминуемый самосуд, быховские узники обдумывали и обсуждали план действий. Дон и казачество казались им единственным убежищем, сулившим возможность борьбы с надвигающейся анархией.

Побег из тюрьмы не представлял больших трудностей. На этот случай были заготовлены револьверы и фальшивые документы. Вопрос бегства облегался тем, что комиссия Шабловского и Ставка добились постепенного освобождения из-под ареста большинства заключенных. К концу октября в Быхове оставалось лишь пять генералов: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков.

С момента захвата власти большевиками всякое промедление было бессмысленно и опасно. Крыленко с эшелоном матросов двигался к Могилеву.

«Утром 19 (ноября), — вспоминал генерал Деникин, — в тюрьму явился (из Ставки) полковник Генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову: «Через четыре часа Крыленко придет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Послав полковника Кусонского к Корнилову, генерал Духонин отлично отдавал отчет в том, что распоряжением освободить быховцев он подписал себе смертный приговор.

Духонин имел возможность скрыться, но он этого не сделал. «Я знаю,—говорил он своим приближенным, — что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

По старой традиции, как капитан тонущего корабля, он считал долгом разделить с ним свою участь.

«На другой день, — писал А. И. Деникин, — толпа матросов, диких и озлобленных, на глазах

Главковерха Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась.

...А бюрократическая Ставка, — с укором продолжал Деникин, — верная своей традиции «аполитичности»... в тот день, когда терзали Верховного Главнокомандующего, в лице своих старших представителей приветствовала нового Главковерха!..»

Духонинское «непротivление злу» не могло найти отклика в душе Деникина. Он эту черту не понимал и осуждал; считал, что генерал Духонин безнадежно запутался «в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией». И тем не менее на Духонина он всегда смотрел как на человека безусловно честного и к памяти его относился с глубоким уважением.

Выслушав доклад полковника Кусонского, генерал Корнилов тут же распорядился, чтобы верный ему текинский конный полк был готов к выступлению из Быхова в полночь с 19 на 20 ноября. Он решил идти с полком. Корнилову было проще и безопаснее, переодевались и изменив свою наружность, двигаться на юг в одиночку. Но он был привязан к текинцам и считал своей обязанностью разделить их участь. Это обстоятельство, как отметил потом Деникин, чуть не стоило ему жизни.

Рота Георгиевского полка приняла известие об освобождении генералов без вопросов и протеста. Наоборот, при прощании солдаты провожали их добрым словом: дай вам Бог, не поминайте лихом...

Остальные генералы, кроме Корнилова, сговорившись между собой встретиться в Новочеркасске на Дону, переоделись и, как говорил Антон Иванович, «изменили свой внешний облик». Это было необходимо: их наружность слишком хорошо была известна в армии, и по дороге их могли легко опознать. Каждый из них в одиночку отправлялся в далекий и опасный путь. Лишь Романовский и Марков решили пробираться на Дон вместе. Они воспользовались предложением полковника Кусонского ехать с ним на паровозе до Киева, куда он командировался с особым поручением. Романовский остался в офицерской форме, заменив лишь погоны генерала погонами прапорщика. Марков же переоделся рядовым солдатом. Играя роль денщика Романовского, он удачно подражал распушенной манере «товарищей».

Генерал Лукомский превратился в немецкого колониста. А генерал Деникин получил удостоверение от начальника штаба польской стрелковой дивизии, что он «есть действительно помощник заведующего 73-м перевязочным польским отрядом Александр Домбровский».

Под видом польского буржуа Александра Домбровского Антон Иванович отправился на быховскую станцию, выяснил, что ближайший поезд, шедший в Ростов-на-Дону, отходил через пять часов, купил билет и, чтобы не обращать на себя внимания на вокзале в Быхове, решил переждать в штабе польской дивизии.

На счастье Деникина, в польском штабе оказался молодой польский офицер Любоконский, который тем же поездом собирался ехать в отпуск к своим родным. «Этот молодой офицер, — вспоминал Антон Иванович, — оказал мне огромную услугу и своим милым обществом, облегчавшим мое самочувствие, и своими заботами обо мне во все время пути.

Поезд опоздал на шесть часов. После томительного ожидания в 10 1/2 часов (вечера) мы наконец выехали.

Первый раз в жизни — в конспирации, в несвойственном виде и с фальшивым паспортом. Убеждаюсь, что положительно не годился для конспиративной работы. Самочувствие подавленное, мнительность, никакой игры воображения. Фамилия польская, разговариваю с Любоконским по-польски, а на вопрос товарища-солдата: вы какой губернии будете? — отвечаю машинально: Саратовской. Приходится давать потом сбивчивые объяснения, как поляк попал в Саратовскую губернию».

Здесь следует напомнить, что, хотя Антон Иванович и родился в русской Польше, отец его Иван Ефимович был уроженцем Саратовской губернии. Отсюда у Деникина и вошло в привычку с детства считать себя саратовским.

На следующий день Антон Иванович увидел, что на всех железнодорожных станциях появились огромные объявления о бегстве Корнилова, Деникина и других быховских генералов. Военно-революционный комитет призывал к беспощадному подавлению всякой контрреволюционной попытки, к задержанию и аресту этих генералов. В афише говорилось о том, что Корнилов бежал с отрядом в 400 текинцев.

В поезде, набитом солдатами, красногвардейские патрули несколько раз в пути тщательно проверяли бумаги пассажиров. Они искали. И каждый раз рука Деникина сжимала в кармане рукоятку револьвера. Много позже генерал обнаружил, что револьвер никуда не годился.

Чтобы не вступать в разговоры и не быть случайно опознанным кем-нибудь из солдат, Антон Иванович забрался на верхнюю полку в купе и, повернувшись лицом к стенке, делал вид, что спит.

«Мое долгое лежание на верхней полке, — рассказывал он, — показалось подозрительным, и внизу заговорили: «Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский? Поверни-ка ему шею!»

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись, за беспокойство угостили меня чаем».

По дороге, в Харькове, пришлось менять поезд. На харьковском вокзале Антон Иванович увидел в толпе хорошо знакомые ему силуэты Романовского и Маркова. Попали они в тот же поезд, но в разные вагоны. С трудом и опаской, шагая через груды спавших и сидевших на полу солдат, Деникин перебрался, наконец, к своим друзьям. Хотелось обо многом говорить, но приходилось соблюдать конспирацию. Марков, как исправный денщик, бегал на остановках за кипятком для чая. Какой-то поручик, ехавший в Тифлис, все старался припомнить обстоятельства, при которых в конце 1916 года он мог встретить на Румынском фронте Александра Домбровского. «Ваше лицо мне знакомо», — говорил он Антону Ивановичу. Но польский гражданин Домбровский упорно отрицал возможность такой встречи. И только при прощании на ростовском вокзале он признался, что действительно хорошо знал 2-ю дивизию, в которой служил поручик, и вместе с ней дрался под Рымником. И тут, поняв наконец, что его собеседник ни кто иной, как генерал Деникин, которого, как и Корнилова, повсюду искали большевики, поручик застыл от изумления.

Тем временем в час ночи 20 ноября текинский полк во главе с генералом Корниловым вышел из Быхова и направился на юго-восток. Быстрыми переходами, стараясь возможно скорее оторваться от района Ставки, повсюду ожидая погони и нападения, полк в течение первой недели прошел около 350 верст. Наступили сильные морозы. Приходилось держаться вдаль от железных дорог, двигаться ночью, идти лесом, подмерзшими болотами, пересекать занесенные сугробами поля. Всадники страдали от холода, лошади стали выбиваться из сил. В селениях жители, напуганные солдатскими грабёжами, со страхом встречали отряд неведомых инородцев и с изумлением провожали текинцев, которые за все платили и никого не обижали.

Со слов участников этой эпопеи генерал Деникин описал ее следующим образом:

«На седьмой день похода, 26 (ноября)... явившийся добровольно крестьянин-проводник навел текинцев на большевистскую засаду: поравнявшись с опушкой леса, они были встречены почти в упор ружейным огнем... Около двух часов дня подошли к линии Московско-Брестской железной дороги около станции Песчаники. Неожиданно из-за поворота появился поезд и с приспособленных площадок ударил по колонне огнем пулеметов и орудия. Головной эскадрон повернул круто в сторону и ускакал, несколько всадников свалилось, под Корниловым убита лошадь, полк рассыпался...»

Генерал Корнилов понял, что с полком ему до Дона не добраться, а текинцам без него будет легче и безопаснее. Расставшись с полком, он решил пробираться на юг в одиночку. По дороге, на перроне станции Конотоп, какой-то офицер наткнулся в толпе на хромого старика в старой изношенной одежде и в стоптанных валенках. В этом старике он признал Корнилова.

«6 декабря, — писал А. И. Деникин, — старик — по паспорту Ларивон Иванов, беженец из Румынии, прибыл в город Новочеркасск, где его ждали с тревожным нетерпением семья и соратники».

Кружным путем, с подложными документами, в чужой одежде, с измененной наружностью будущие руководители белого движения пробрались на Дон.

XIV НАЧАЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Донское казачество ко времени последнего царствования в России приобрело репутацию опоры существовавшего тогда государственного строя. Подавление аграрных и политических беспорядков революции 1905—1906 годов в значительной степени произошло благодаря участию в нем казачьих воинских частей. И когда после февральской революции новые революционные силы стали настаивать на уравнении земельных наделов между казаками и крестьянами, казачество насторожилось. С тревогой приглядывалось оно к тому, что творилось по всей стране. Причин чисто местного характера было для этого достаточно: в области Войска Донского (с населением свыше четырех миллионов человек) ко времени революции кроме казаков поселилось множество пришлых крестьян, численно превосходивших казаков. Иногородние представляли земельный пролетариат. Они с завистью глядели на зажиточные казачьи угодья. На них-то и опирались всякие советы и комитеты. Они же — иногородние — явились злейшим врагом донского казачества в период гражданской войны.

На подозрительное к себе отношение казачества Временное правительство периода Керенского отвечало тем же. Желая опереться на казаков для укрепления собственного положения, Керенский время от времени оказывал казачеству благожелательное внимание. Но в душе он ему не доверял, и это недоверие укрепилось с избранием генерала Каледина Донским атаманом.

Как и большинство вождей зарождавшегося поздней осенью 1917 года белого движения, генерал Алексей Максимович Каледин участвовал в первой мировой войне в составе войск Юго-

Западного фронта. А. И. Деникин знал его еще до войны. Оба они тогда служили в Киевском военном округе. Сумрачный на вид, умный и глубоко честный человек, генерал Каледин, как и Деникин, не отличался многословием. Но когда ему приходилось выступать с речами, то они всегда производили на слушателей сильное впечатление.

Мы уже видели генерала Каледина в начале 1915 года начальником 12-й кавалерийской дивизии. Он наблюдал ход боя, спокойно сидя вместе с Деникиным на горном утесе в Карпатах под сильнейшим обстрелом австрийцев. Каледин сменил Брусилова на посту командующего 8-й армией. Он проделал знаменитое русское наступление весной и летом 1916 года. Брусилов относился к нему недоброжелательно и, вступив в Верховное командование армиями, добился устранения Каледина с должности командующего 8-й армией. В июне 1917 года Донской войсковой круг избрал Каледина атаманом. В середине августа, на заседании московского Государственного совещания, атаман Каледин вслед за Корниловым произнес большую речь от имени казачьих войск России. Она создала ему широкую известность. С глубокой скорбью отметил он, что во внутренней политике преобладал резкий перевес частных, классовых и партийных интересов над общегосударственными. Он желал, чтобы Временное правительство освободилось от этих нездоровых влияний. В своей речи он шел значительно дальше Корнилова и призывал к упразднению всех советов и комитетов. Он сказал: «Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы и комитеты, и отдающая себе ясный отчет, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп».

Речь Каледина ударила Керенского по больному месту. Он почувствовал в казаке опасного для себя критика. И когда в конце августа вспыхнуло корниловское восстание, то Керенский, не потрудившись проверить вздорные слухи, попавшие в газеты, о том, что Каледин присоединился к Корнилову и грозил прервать сообщения между Москвой и Югом России, объявил атамана Каледина мятежником. Слухи эти были ложными. Каледин сочувствовал Корнилову, но в заговоре не участвовал. В день корниловского выступления он мирно объезжал глухие казачьи станицы Донской области, находившиеся вдали от железных дорог. Тем временем Керенский слал по всей стране телеграммы. В них объявлялось, что мятежник Каледин отстраняется от должности и вызывается в Ставку для дачи показаний следственной комиссии по делу генерала Корнилова. Новый же военный министр революционно настроенный полковник Верховский (тут же произведенный в генералы) требовал немедленного ареста Каледина.

Донское казачество взволновалось. Все лица, близко стоявшие к Каледину, знали, что это обвинение — сплошная выдумка. Донской войсковой круг срочно собрался для расследования этого дела. Строгий к другим, но еще более строгий к себе, Каледин, действуя в духе демократической традиции Дона, явился на заседание круга как частное лицо, сложив с себя звание атамана — впредь до выяснения своего положения. Следствие началось 5 сентября и длилось неделю. По истечении ее круг, принявший на себя судебные обязанности, установил полную необоснованность и ложность обвинений, направленных против генерала Каледина. Не скрывая своего возмущения, круг заявил: «Донскому войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории, при посредстве вооруженных солдатских команд». Круг признал действия правительства «грубым нарушением начал народоправства», требовал немедленного восставления атамана во всех его правах, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и «немедленного расследования виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных». Дело о мятеже было объявлено провокацией или плодом расстроенного воображения. Более того, круг утверждал, что Временное правительство не имело возможности гарантировать безопасность Каледину от самосудов, а потому круг воспрещал своему выборному атаману ехать в Могилев для дачи показаний. Круг считал, что если следственная комиссия по делу генерала Корнилова действительно нуждалась в допросе Каледина, то она могла для этого приехать в Новочеркасск.

Получился грандиозный скандал. В путаных выражениях, изъявляя радость, что «недоразумения рассеяны», Временное правительство всячески пыталось замять это дело и вывернуться из глупейшего положения, в которое его поставили Керенский, Верховский и другие министры-социалисты. Керенский высказал глубокое сожаление «о создавшемся недоразумении» между ним и казачеством.

В глазах донского казачества акции правительства пали до предельной точки. И лишь общим хаосом, охватившим к тому времени всю страну, и отсутствием в тот момент подлинного общественного мнения можно объяснить факт, что глава правительства и другие виновники происшествия не понесли заслуженной ответственности за клевету, которая генералу Каледину могла стоить жизни.

Нет сомнения, что подобное событие, случись оно с кем-нибудь из представителей левого лагеря, вызвало бы невероятный шум в кругах, близких к Совету. Но недопустимая выходка в отношении Каледина, генерала, публично требовавшего на Московском совещании упразднения советов и комитетов, была лишь выражением революционной бдительности. Такая бдительность в те дни стала похвальным явлением. Она ограждала страну от возможной контрреволюции.

Зная генерала Каледина и рисуя себе донское казачество в красках, не допускавших большевизма, генерал Алексеев перебрался из Петрограда в Новочеркасск 2 ноября и сразу приступил к организации ядра вооруженного сопротивления большевикам, которому суждено было занять первое место среди белых армий гражданской войны.

К тому времени анархия захлестнула страну. Инородные окраины Российского государства, стараясь оградить себя от большевизма, самоопределялись. Алексееву и его будущим сподвижникам Корнилову и Деникину Дон казался единственной точкой опоры откуда можно было начать действовать.

Генерал Алексеев верил, что от начатого им дела «как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности».

Генералы сознавали, что казачество вряд ли желало «идти вперед». Но они надеялись, «что собственное свое достоинство и территорию казаки защищать будут».

Будущие вожди белого движения переоценивали те возможности, которые, казалось им, давала область Войска Донского. Их присутствие на Дону и тяга на Дон офицерства возбуждали в казачьей среде страх неминуемого вмешательства и нашествия большевистских войск. Матросы Черноморского флота угрожали Каледину враждебными действиями. Рабочие настойчиво требовали ликвидации контрреволюции. Быстро и резко обострялись отношения между казачеством и иногородними, впитавшими в себя большевистскую пропаганду. Разложение, охватившее всю русскую армию, коснулось и казачества.

«Никакими мерами, — писал генерал Деникин, — нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, ибо вся психологическая обстановка и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но в общем одинаково воспринимались и казачьей массой».

...С возвращением казачьих войск в родные края наступило полное разочарование: они... принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовалось отрицанием авторитета стариков, отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное, полным отказом от всякой борьбы с советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада... Началась трагедия казачьей жизни и казачьей семьи, где выросла непреодолимая стена между стариками и фронтовиками, разрушая жизнь и подымая детей против отцов».

Положение атамана Каледина становилось чрезвычайно тяжелым. Еще труднее было положение его непрошенных гостей.

Каледин знал, что генералам и съехавшимся на Дон офицерам повсюду в России грозила смертельная опасность. Он не мог отказать им в приюте и из своих личных средств помогал беженцам. На упреки критиков атаман указывал на старый казачий обычай: «С Дона выдачи нет!» Но в то же время под давлением все обострявшихся событий он просил генерала Алексеева обставить вербовку добровольцев возможно конспиративнее и советовал перевести алексеевскую организацию куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или в Камышин, то есть в пункты, находившиеся вне области Войска Донского, но в то же время прикрытые ею от центра европейской России.

Генерал Алексеев не последовал совету Каледина. Он не перенес свою деятельность ни в Ставрополь, ни в Камышин. По многим причинам он этого сделать не желал, да и не мог.

А добровольцы пробирались на Дон и в одиночку, и целыми группами. Влекли их туда имена признанных вождей. Двое из них — Алексеев и Корнилов — были Верховными Главнокомандующими; Деникин — Главнокомандующим сперва Западным, затем Юго-Западным фронтами; а Каледин заслужил всеобщее уважение как командующий 8-й армией, а потом как атаман Войска Донского. Кроме того, по своему происхождению и Алексеев, и Корнилов, и Деникин в прямом смысле вышли из народа.

С риском быть опознанными по дороге, с опасностью быть расстрелянными на месте двигались туда офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Старшее поколение интеллигенции выжидало. Но молодежь, глубоко оскорбленная в своем чувстве патриотизма, готова была идти на любые лишения и жертвы. И она сознательно и бескорыстно шла на подвиг. Ее вера в Россию и подвиг ради нее, как яркий факел во мраке, осветили первую фазу белой борьбы.

Несколько лет спустя этому героическому порыву генерал Деникин подвел итог следующей фразой: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди, русского народа лю-

дей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

В начале ноября из Киева прибыл небольшой отряд Георгиевского полка. В декабре добрался до Новочеркасска с большими трудностями и приключениями эшелон ударного полка, созданного летом на Юго-Западном фронте и названного в честь генерала Корнилова — Корниловским полком.

У генерала Алексеева не было денежных средств для его организации. И человек, когда-то распорядившийся миллиардным военным бюджетом, теперь, по словам Деникина, «бегал, хлопотал, волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей... Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему «последнему делу на земле».

Поддержка Алексеева вскоре понадобилась атаману Каледину: большевики захватили два важных города — Ростов и Таганрог, а казаки отказались подчиниться распоряжению своего атамана идти против Советов. 26 ноября Каледин пришел к Алексееву, прося помощи. Он ее тотчас же получил. Отряд офицеров и юнкеров алексеевской организации, всего около 500 штыков, двинулся на Ростов. К отряду присоединилась местная учащаяся молодежь — гимназисты и кадеты. Затем — несколько одумавшихся казачьих частей. Город был взят.

«С этого дня, — писал Антон Иванович, — алексеевская организация получила право на легальное существование».

Тем не менее отношение к ней в казачьих массах было враждебным.

В конце ноября, когда Деникин добрался наконец до Новочеркасска, он сразу отправился к атаману Каледину. Каледин обрадовался старому боевому товарищу. На просьбу Антона Ивановича откровенно сказать, не осложнит ли его приезд и ожидаемое прибытие Корнилова и без того сложные отношения между атаманом и революционными комитетами, Каледин ответил: «На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...» Он обрисовал Деникину обстановку и настроения на Дону. Ничего хорошего они не предвещали. Гость был поражен происшедшей переменой в Каледине. Он увидел человека осунувшегося, «как будто бы придавленного неизбежным горем», с печальными, усталыми глазами, удрученного катастрофой, случившейся в России и надвигавшейся на Дон.

Без колебаний и без малейшей обиды на Каледина Деникин решил последовать его совету. Чтобы никому не мозолить глаза, он временно, до приезда в Новочеркасск Корнилова, перебрался с Марковым на Кубань. Там он скрывался около двух недель в станице Славянской, а затем в Екатеринодаре.

6 декабря, как только появился в Новочеркасске с тревогой ожидавшийся Корнилов, алексеевская организация через своих агентов оповестила генералов, скрывавшихся на Кубани и на Кавказе. Они сразу вернулись на Дон. К тому времени туда же съехались представители «Московского центра». Эту организацию для борьбы с большевиками образовали осенью 1917 года несоциалистические группировки: члены кадетской партии, представители торгово-промышленников, а также других буржуазно-либеральных общественных кругов. Из наиболее известных имен на горизонте Новочеркасска появились переодетые и загримированные П. Н. Милюков, П. Б. Струве, член кадетской партии М. Федоров, князь Г. Н. Трубецкой, бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

От левого лагеря неожиданно представлял Боря Савинков. Его приезд в Новочеркасск сильно озадачил генералов. Савинкову они вообще не доверяли, а поведение после корниловского выступления ставило его в глазах офицерства в категорию «нерукопожатных» людей.

Странным было поведение Савинкова и в момент захвата власти большевиками: 26 октября он явился на конспиративную квартиру в Петрограде, где скрывался генерал Алексеев. Скрестив руки на груди и став перед Алексеевым в театральную позу, Савинков призывал генерала «исполнить свой долг перед родиной»: вести донских казаков, входивших в состав 3-го конного корпуса, на столицу, чтобы спасти Временное правительство. Алексеев осознавал безнадежность такой попытки, и Савинков получил отказ. В ответ на это он с пафосом воскликнул: «Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, его исполню!»

На следующий день Савинков очутился в Гатчине у Керенского, который бежал из Петрограда, ища защиты и помощи у генерала Краснова. Керенский встретил его с изумлением и опаской. Опасения бывшего министра-председателя имели основания: Савинков предлагал Краснову убрать Керенского и, арестовав его, самому стать во главе движения.

Приехав в Новочеркасск, Савинков направился к Каледину и Алексееву. Он настойчиво доказывал им, что будет ошибкой, если борьбу с большевиками возглавят одни генералы. Такая борьба, говорил он, обречена на неудачу, так как в глазах народа она была бы контрреволюцией, стремящейся

восстановить прошлое. Участие же старого революционера Савинкова в создании Добровольческой армии, его участие в политическом совещании при Алексееве, а затем возможность совместной работы с Корниловым — все это создало бы картину широко задуманного демократического движения, без малейшего оттенка контрреволюции.

Морально-политические изгибы в карьере Савинкова отталкивали генералов, но в данном случае его рассуждения поколебали и Алексеева, и Каледина. В принципе они считали полезным привлечь к своей работе людей слева. А Каледину казалось, что участие Савинкова в работе оградит его от давления социалистов и революционных организаций на Дону, воинственно настроенных к Добровольческой армии. Оба генерала обратились по этому вопросу к Корнилову. Сперва он наотрез отказался иметь Савинкова в своем окружении. Потом, передумав, дал согласие. Причиной, побудившей Корнилова изменить свое первоначальное решение, было желание избежать упрека в том, что он ставит личные мотивы выше интересов общего дела.

В эпизоде с Савинковым Антон Иванович оказался единственным из старших генералов, который не пожелал кривить душой. Считая Савинкова совершенно аморальным человеком, он определенно заявил, что ничего общего с ним не будет иметь, а при встрече не подаст ему руки. Потребовался дипломатический талант генерала Алексеева, чтобы избежать этой встречи. Однако натянутая атмосфера вскоре разрядилась. В начале января 1918 года Савинков конспиративным образом отправился из Новочеркасска в Москву, чтобы вести там подпольную работу против большевиков. Действуя от имени генерала Алексеева, Савинков пытался создать подпольные офицерские организации. С помощью офицеров ему удалось поднять несколько восстаний, но они быстро и жестоко были подавлены большевиками.

Оглядываясь на кратковременное пребывание Савинкова на Юге России, генерал Деникин впоследствии писал: «Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака, вызвало лишь недоумение в офицерской среде».

Ходили упорные слухи о том, что и Керенский приезжал на Дон чтобы при личном свидании с Калединым добиться с ним примирения.

Генерал Деникин был убежден в правдивости этих слухов. В «Очерках русской смуты» он писал: «По горькой иронии судьбы в одно время с «мятежниками» прибыл в Ростов бывший диктатор России бывший Верховный Главнокомандующий ее армии и флота Керенский, переодетый и загримированный, прячась и спасаясь от той толпы, которая не так давно еще носила его на руках и величала своим избранником».

Впоследствии Керенский факт своего приезда на Дон отрицал. В одной из неопубликованных рукописей Антона Ивановича имеется следующая любопытная заметка по этому поводу:

«Вопрос о посещении Керенским Каледина в Новочеркасске для меня был бесспорен. Между тем в 1929 году Керенский печатно категорически опроверг этот факт. Не понимаю!»

В ноябре 1917 года в Новочеркасске приехал генерал (Дмитрий Николаевич) Потоцкий (бывший военный губернатор Ростова) и на квартире Марины Павловны Марковой (жена генерала С. Л. Маркова и жена Потоцкого были родные сестры, урожденные княжны Путятины) в присутствии моей жены рассказывал, что он только что привез Керенского, который поехал к Каледину. За обедом у Каледина я лично слышал разговор его приближенных такого рода: приехал Керенский, зашел сначала к М. Богаевскому (внизу), там его не приняли. Он пошел вверх к Каледину, который тоже его не принял. Деталь: жена М. Богаевского якобы, приоткрыв дверь, поглядывала — вернется ли Керенский или останется у атамана... Я так был уверен в истине этого факта, что в голову не пришло спросить самого Каледина».

С приездом Корнилова обнаружилось одно обстоятельство: его взаимоотношения с генералом Алексеевым настолько обострились, что совместная работа представляла большие затруднения. «О чем они говорили (при встрече), — писал генерал Деникин, — я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что расстались они темнее тучи...»

Вскоре состоялось совещание старших генералов и общественных деятелей, приехавших из Москвы. «По существу, — говорил Антон Иванович, — весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею, и заявил, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь. Алексееву, по-видимому трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей, которые говорили о

самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...»

Чтобы покончить с трениями, колебаниями и создать обстановку, при которой дальнейшая работа была бы возможна, генерал Деникин предложил компромиссное решение: военная власть должна была перейти к генералу Корнилову; гражданская власть и внешние сношения — к генералу Алексееву; все вопросы, связанные с управлением Донской областью, — к генералу Каледину.

Схема Деникина была одобрена и принята. Таким образом, на первых порах белого движения образовался триумvirат, представлявший из себя, как говорил Антон Иванович, «в эмбриональном состоянии» первое противобольшевистское правительство.

В день Рождества 1917 года генерал Корнилов вступил в командование Добровольческой армией.

Эта армия страдала тогда не только от малого количества бойцов, но и от отсутствия вооружения и от полного отсутствия денежных средств.

Первое пожертвование на алексеевскую организацию в ноябре составило 400 рублей! Затем от богатой буржуазии из Москвы было получено около 800 тысяч рублей. С укреплением советской власти приток средств совершенно прекратился. Пришлось оказывать сильное давление на денежные круги Ростова и Новочеркасска. По подписке все же удалось собрать от них несколько миллионов рублей.

Наконец, по соглашению с Донским правительством решено было разделить поровну между Донской и Добровольческой армиями часть российской казны, находившейся в Донской области. Каждая из армий получила от местного отделения Государственного банка и казначейства около 15 миллионов рублей.

А тем временем стоимость продуктов росла с невероятной быстротой, деньги на глазах теряли цену, инфляция шла полным ходом.

В конце декабря пробрались в Новочеркасск из Москвы представители британской и французской военных миссий. Они собирали сведения о том, что происходило на Дону, обещали генералу Алексееву денежную помощь в размере ста миллионов рублей, по десять миллионов в месяц. Но резкие перемены в обстановке временно отрезали бывших союзников от Юга России. Их помощь стала поступать значительно позже.

Что касается состава армии, то ее боевая численность к началу февраля 1918 года не превышала 3—4 тысяч человек. Она пополнялась, писал А. И. Деникин, «на добровольческих началах, причем каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию».

В ноябре 1917 года никто из добровольцев жалованья не получал. В казне не было денег. Жили они на паек, состоявший из скудного питания и еще более скудной одежды. В январе 1918 года офицерам дали оклад 150 рублей в месяц, солдатам — 50 рублей. По тем временам, с обесцененной стоимостью рубля, это было буквально нищенским содержанием.

«В офицерских батальонах, отчасти батареях, — рассказывал Деникин, — офицеры несли службу рядовых в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получать оттуда ничего, иначе как путем кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всем: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, теплых вещей, сапог... И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшие на сторону все, до совести включительно...»

Добровольческая артиллерия создавалась весьма своеобразным способом: два трехдюймовых орудия украли в одной из дивизий, самовольно бросивших Кавказский фронт против турок. Отряд добровольцев ночью произвел набег на расположение этой дивизии, грабившей население в Ставропольской губернии, верст за полтора от Новочеркасска, и отбил у солдат их артиллерию.

Два орудия украли на донском складе. Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов. Эту выгодную сделку произвел известный нам бывший «железный» стрелок, а потом командир Георгиевского батальона в Ставке полковник Тимановский. Он хорошенько угостил солдат водкой и впридачу заплатил им около пяти тысяч рублей.

Таким образом создались части, явившиеся впоследствии основой для дальнейших формирований. Носили они тогда названия Корниловского ударного полка и Георгиевского полка. Было также три офицерских батальона, юнкерский батальон (из юнкеров столичных училищ и кадетов), Ростовский добровольческий полк (из учащейся молодежи Ростова), два кавалерийских дивизиона, две артиллерийские батареи {преимущественно из офицеров и юнкеров артиллерийских училищ} и несколько мелких частей, включавших чехословацкий инженерный батальон.

Сперва генерал Деникин был назначен начальником Добровольческой дивизии, а генерал Марков — начальником его штаба. Но вскоре произошли перетасовки в верхах командования. Во время выступления в Первый поход Антон Иванович стал помощником командующего Добровольческой армией. На должность начальника штаба Корнилова вместо генерала Лукомского был назна-

чен генерал И. П. Романовский. Генерал Марков вступил в командование 1-м офицерским полком.

В конце декабря были объявлены задачи Добровольческой армии. Воззвание оповещало о том, что создана военная сила, которая может быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Наряду с этим, став на стражу гражданской свободы, Добровольческая армия должна была дать всему народу возможность изъять свою волю через Учредительное собрание. Этой воле и избранной ею конституции и власти обязаны были подчиниться все классы, партии и отдельные группы населения.

Борьба с большевиками являлась продолжением борьбы с германским империализмом. А в героическом порыве и добровольцев, и их вождей идея верности союзникам приобрела характер символа веры. Союзников слепо идеализировали. Им приписывали высокие моральные принципы и рыцарские побуждения. В атмосфере полной оторванности от внешнего мира у добровольческого командования создавались известные настроения и убеждения, которые не соответствовали действительности. И необоснованные надежды на благородство бывших союзников привели в итоге к глубокому разочарованию.

Конечно, горстке почти безоружных людей нельзя было и думать о столкновении с немецкой армией, в силу чего поведение добровольческого командования в отношении к австро-германцам носило характер вооруженного нейтралитета и желания избежать физического соприкосновения с немцами.

Взгляды добровольцев, открыто высказанные, не могли не отразиться впоследствии на отношении к ним германского командования, которое в ближайшие месяцы на правах оккупационной власти стало полным хозяином Украины и Крыма.

Ксения Васильевна Чиж приехала в Новочеркасск раньше своего жениха. О ее намерении ехать на Дон Антон Иванович еще из Быхова известил атамана Каледина, дав ей также письмо к генералу Алексееву. Он сообщил им, что она его невеста, просил не отказать ей в содействии и помощи. Оба генерала отнеслись к Ксении Васильевне с трогательным вниманием, а Каледин поселил ее в доме своих друзей.

Откладывать свадьбу до лучших дней не имело смысла. В обстановке декабря 1917 года этих «лучших дней» не было видно. Решили венчаться. Но пришлось ждать конца Рождественского поста и праздников Рождества Христова. Наконец 7 января 1918 года Ксения Васильевна стала женой генерала Деникина. День был холодный и сумрачный. В Новочеркасске неспокойно; в городе идет стрельба. Венчались не в соборе, а в одной из городских церквей. Чтобы избежать огласки и (из-за уличных беспорядков) не привлекать внимания, священник решил не зажигать паникадила. Внутри церкви тускло мерцали огоньки восковых свечей. Приглашенных не было. Не было и хора. Кроме священника присутствовали на бракосочетании лишь четверо свидетелей-шаферов: генерал Марков, полковник Тимановский, адъютант генерала Деникина и адъютант Маркова.

Атаман Каледин хотел отметить события маленьким приемом у себя в честь молодых, но Антон Иванович с благодарностью отклонил это предложение ввиду тревожного настроения в городе.

Так началась семейная жизнь генерала Деникина. Как и убогая свадьба его, она прошла в бедности.

К концу января 1918 года моральное разложение донского казачества достигло таких размеров, что атаман Каледин почувствовал полную беспомощность и одиночество. Надежда, которая теплилась у него в душе, что каким-то чудом удастся оградить Дон от общей участи, окончательно исчезла. Анархия охватила всю область Войска Донского. Призывы и увещевания потеряли силу. Промелькнула на горизонте героическая фигура есаула Чернецова. Его партизанский отряд, состоящий из учащейся молодежи, с успехом дрался на всех направлениях. Большевики дорого оценивали его голову. В одном из боев Чернецов был захвачен в плен и зверски замучен. С его смертью последняя искра сопротивления угасла. Повсюду вспыхивали солдатские мятежи. Офицеров убивали и, по словам Каледина, «в некоторых полках Донского округа удостоверены (были) факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение». Трагедия Каледина заключалась в том, что Дон за ним не пошел. Он оказался безвластным и бессильным.

Нежелание казаков драться с наступавшими красногвардейцами заставило генерала Корнилова в середине января 1918 года перевести все добровольные части из Новочеркасска в Ростов.

Однако Ростов не оправдал расчетов Корнилова. Его многочисленное рабочее население враждебно встретило корниловские части. А буржуазия не откликнулась на призыв посылать в армию пополнение. Откликнулись только дети!

Случайно Антон Иванович оказался свидетелем того, как некоторые из них в Ростове пытались записаться добровольцами.

«В батальоне генерала Боровского,— рассказывал он,— можно было наблюдать комические и вместе с тем глубоко трогательные сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет (минимальный возраст для приема), или как другой прятался под кровать от явившихся на ро-

зыски родителей, от имени которых было им предъявлено подложное разрешение на поступление в батальон...»

И эти дети шли, и в батальоне того же генерала Боровского они стойко дрались и жертвенно гибли, как взрослые.

Тем временем генерал Корнилов принял решение окончательно оторваться от области Войска Донского.

Антон Иванович описал связанное с этим трагическое событие в Новочеркасске: «В конце января генерал Корнилов, придя к окончательному убеждению о невозможности дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Дону, где ей при полном отсутствии помощи со стороны казачества грозила гибель, решил уходить на Кубань... 28-го послана (была) об этом решении телеграмма генералу Каледину.

29-го Каледин собрал правительство, прочитал телеграммы, полученные им от генералов Алексеева и Корнилова, сообщил, что для защиты Донской области нашлось на фронте всего лишь 147 штыков, и предложил правительству уйти.

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

И во время обсуждения вопроса добавил:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!

В тот же день генерал Каледин выстрелом в сердце окончил жизнь.

Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех. Явилась надежда, что Дон опомнится после такой тяжелой искупительной жертвы...»

Душевная драма Каледина принесла лишь временную и очень краткую вспышку надежды. Подъема, как говорил Антон Иванович, хватило лишь на несколько дней.

Корнилов временно задержал уход своей армии. Но 9 февраля он отдал приказ отходить за Дон в станицу Ольгинскую. Не был решен вопрос о дальнейших планах. Неизвестно, двинутся ли добровольцы на Кубань или в донские зимовники — степные хутора, разбросанные в юго-восточной части Донской области, куда коннозаводчики загоняли табуны своих лошадей в зимнюю стужу.

А большевистские войска под командой В. А. Антонова-Овсеенко двигались на Дон, входившие в них отряды под начальством Р. Ф. Сиверса постепенно охватывали Ростов. В предместье города рабочие подняли восстание.

«Мерцали огни брошенного негостеприимного города, — вспоминал Деникин свой уход из Ростова, — слышались одиночные выстрелы. Мы шли молча, каждый замкнувшись в свои тяжелые думы. Куда мы идем? Что ждет нас впереди?

Корнилов как будто предвидел ожидавшую его участь. В письме, посланном друзьям накануне похода, он говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств на произвол судьбы среди чужих людей, и о том, что больше, вероятно, встретиться не придется...»

Не менее мрачные думы должны были тревожить Антона Ивановича. Скрытный в личной жизни, он счел излишним посвящать посторонних людей в те острые и болезненные чувства, которые тогда переживал, оставляя молодую жену. Что будет с ней? Увидятся ли они когда-нибудь? Не выдаст ли ее какой-нибудь негодяй большевикам на позор и смерть? Ведь никто за нее не заступится! Он не мог не мучиться этими жуткими вопросами. Однако мыслей своих он бумаге не доверил.

Но Ксения Васильевна поделилась воспоминаниями. Перед уходом добровольцев она умоляла мужа взять ее с собой. Он наотрез отказался. В тот же день она случайно встретила генерала Корнилова. Видя ее расстроенной, в слезах, он спросил Ксению Васильевну, в чем дело? И, получив ответ, пообещал переговорить с Деникиным. Но Антон Иванович был тверд в своем решении. Он сказал Корнилову, что присутствие жены в обозе свяжет его по рукам как раз в то время, когда все его мысли и силы должны быть направлены к одной цели — борьбе с противником, Корнилов понял и не возражал.

Под девичьей фамилией Ксения Васильевна поселилась в Ростове в меблированной комнате в доме, принадлежавшем богатой армянской семье. Она была в полном одиночестве. В Ростове никого не знала я на ее счастье, никто не знал, что она жена генерала Деникина.

Из Ростова генерал Алексеев написал письмо своим близким. В этом письме есть несколько строк, которые выразили весь смысл начатого Алексеевым дела: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Начинался Первый поход, героический этап белого движения.

XV ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

Добровольцы покинули Ростов в ночь с 9 на 10 февраля. Начинался путь в неизвестность.

«Мы уходили, — оглядываясь на прошлое, писал Деникин. — За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя... Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю. Среди них два Верховных Главнокомандующих русской армией, Главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, вмещавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства, в неизвестные скитания... За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят светоч, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока не проснулись... В этом был весь глубокий смысл Первого кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия: малая числом, оборванная, затравленная, окруженная, как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, это ставка Корнилова».

В первый день похода все командиры шли пешком. Один из проезжавших мимо всадников конного дивизиона остановился и предложил генералу Корнилову свою лошадь. «Спасибо, не надо».

Этим отказом Корнилов подчеркнул свое решение делить трудности похода наравне со всеми: с молодежью, заслуженными генералами и полковниками, с трудом передвигавшимися рядом с рядовыми солдатами в глубоком снегу.

С палкой в руке, в высокой папахе и полушубке с белым воротником Корнилов шел впереди колонны. Все, кого он вел тогда, внимательно всматривались в него, стараясь найти ответ на мучительный вопрос: сможет ли он вывести их из того тупика, в который загнала жизнь?

Деникин тоже внимательно всматривался в Корнилова. Он видел, что за спокойным хмурым выражением лица скрывалось «внутреннее бурное горение с печатью того присущего ему во всем — в фигуре, взгляде, речи — достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни».

Он был рядом с Корниловым, его помощник, а в случае несчастья с командующим — его преемник. Здесь же находился начальник штаба Романовский.

У Антона Ивановича пропал чемодан с военным платьем и всей его теплой одеждой. С карабином через плечо, в сапогах с дырявыми подошвами, в черной шапке, в легком, очень потрепанном штатском городском костюме, мрачно шагал он по снегу. Костюм был все тот же, в котором он бежал из Быхова. В первый день Деникин сильно простудился. Простуда вскоре приняла форму тяжелого бронхита. На некоторое время ему пришлось перейти в повозку, тащившуюся где-то в хвосте обоза.

Уступив первенство Корнилову, организатор белого движения генерал Алексеев ехал в тележке. В той же тележке, в чемодане находилась вся скудная казна армии, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами.

— Не знаю, дотянем ли до конца похода, — с тревогой говорил Алексеев Деникину. Все сильнее мучила его болезнь, впервые давшая о себе знать осенью 1916 года, когда Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего при последнем императоре, вынужден был уехать из Могилева на лечение в Крым. Приступы уремии доводили генерала иногда до бессознательного состояния. Через несколько месяцев, в сентябре 1918 года, эта болезнь свела его в могилу.

А дальше, длинной лентой, растянувшейся на несколько километров, ехали повозки с военными припасами, фуражом, походным лазаретом. И попеременно с ними шли войсковые колонны. Вид у них был довольно потрепанный: штатские пальто, офицерские шинели, гимназические фуражки, валенки, сапоги, обмотки... Но шли добровольцы бодро. Общая численность их не превышала трех с половиной тысяч человек. Она равнялась всего лишь численности пехотного полка боевого состава. Но с ними шло еще около тысячи человек в обозе: раненых, беженцев, стариков, женщин. Ружейных патронов было очень мало: всего лишь каких-то 600—700 артиллерийских снарядов на всю армию! «Для этого рода снабжения, — говорил потом генерал Деникин, — у нас оставался только один способ — брать с боя у большевиков ценою крови».

Лошадей для конницы также не хватало. С большим трудом и за высокую цену их по дороге

покупали у казаков. Реквизицией тогда Добровольческая армия еще не занималась.

Первый привал намечался в станице Аксайской. Но оттуда вернулся квартирьер с известием, что казаки станицы, напуганные большевиками и боясь их мести, отказываются предоставить ночлег добровольцам.

Корнилов считал, что казачество вскоре одумается, что, испытав на своей шкуре прелести большевизма, оно окажется опорой его армии. А потому отношение Корнилова к казачьим станицам было осторожное. Он не хотел их настраивать против армии. И в этом случае попросил Деникина и Романовского вместе отправиться в станицу для переговоров. После долгих споров представители генерала Корнилова добились, наконец, разрешения на привал. И только впоследствии Антон Иванович узнал, что получено оно было благодаря непредвиденной случайности. Сопровождавшему его офицеру-ординарцу надоели разговоры. Он отвел в сторону самого задиристого из казаков и намекнул ему, что Корнилов шутить не любит, что лучше дело решить поскорее, а то Корнилов кое-кого повесит, а станицу уничтожит...

Крестьяне осторожно и подозрительно относились и к красным, и к белым. Они придерживались нейтралитета впредь до выяснения вопроса: чья сторона возьмет верх. Типичен в этом отношении эпизод, описанный участником первого похода, генералом А. П. Богаевским:

«В бедной хате, где я остановился, сутился вдовец старик-крестьянин, принося нам молоко и хлеб. Один из моих офицеров спросил его: «А что, дед, ты за кого — за нас, кадетов, или за большевиков?» Старик хитро улыбнулся и сказал: «Что же вы меня спрашиваете... Кто из вас победит, за того и будем!»

Крестьянские настроения того периода тревожили Деникина.

«Мы помимо своей воли, — писал он, — попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы. И здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучие — заслуженное или не заслуженное — на безвременьи и безвластии, была ей враждебна, и не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования? Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха и раболепства».

Добровольческому командованию с его устаревшими понятиями буржуазной морали не под силу было бороться словом с убеждениями большевиков, с их заманчивыми обещаниями.

Вторая остановка армии — в станице Ольгинской. Красные войска не преследовали добровольцев, и Корнилов дал отдых на четверо суток. За эти дни он сделал инвентаризацию военного имущества и реорганизовал отряд, сведя мелкие части в более крупные.

Получился следующий состав Добровольческой армии: первый офицерский полк под командой генерала Маркова; Корниловский ударный полк (командир — полковник Неженцев); партизанский полк (командир — генерал Богаевский); юнкерский батальон (командир-генерал Боровский); артиллерийский дивизион из четырех батарей по два трехдюймовых орудия в каждой; чехословацкий инженерный батальон (командир — капитан Неметчик). Кроме того — три небольших конных отряда. Численность конницы не превышала 600 всадников. В дальнейшем походе генерал Марков со своим полком обычно шел в авангарде; в хвосте колонны, прикрывая ее, партизанский полк.

Там же, в Ольгинской, определили маршрут дальнейшего движения армии. На военном совете, созванном Корниловым, этот вопрос вызвал разногласия, и окончательное решение было далеко не единодушным. Обсуждалось два предложения.

Первое — двигаться на восток, в район зимовников. Цель этого плана сводилась к тому, чтобы, оторвавшись от железных дорог, по которым перемещались войсковые части красных, дать людям возможность отдохнуть, переменить лошадей, пополнить обоз. Иначе говоря, предлагалось занять выжидательную позицию, чтобы месяца через два, в зависимости от обстановки, принять то или иное решение.

Другой план предполагал движение на Кубань к ее столице — Екатеринодару, тогда еще не захваченному большевиками. На Кубани имелись богатые запасы продовольствия, а население, по слухам настроенное против советской власти, могло дать значительный приток добровольцев.

Генералы Корнилов и Лукомский стояли за первый вариант. Они только что узнали: в задонскую степь к зимовникам (после захвата большевиками Новочеркасска) двинулось около полутора тысяч всадников, не пожелавших остаться под Советами. Во главе отряда — донской казак генерал Попов. Его всадникам удалось захватить пять орудий и сорок пулеметов. Эта неожиданная вспышка протеста среди казаков, в свое время не поддерживавших Каледина, вселяла надежду на новый очаг сопротивления большевизму на Дону.

Кроме того, по мнению генерала Лукомского, полная неосведомленность о том, что происходило на Кубани, могла привести к ошибке в расчете на восстание. Да и двигаясь на Екатеринодар,

неизбежно придется пересечь железную дорогу в двух пунктах, куда большевики без труда могли подтянуть свои войска с бронированными поездами и таким образом преградить добровольцам дальнейший путь.

За Кубань стояли генералы Алексеев и Деникин, а также большинство генералов, собравшихся на военный совет.

Их возражения основывались на том, что в зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны весенним половодьем Дона и с другой — железной дорогой Царицын—Торговая—Тихорецкая—Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что совершенно лишит возможности получать пополнение людьми и продовольствием, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит армию в сторону от общего хода событий в России.

Свое мнение по этому вопросу генерал Деникин суммировал впоследствии следующим образом:

«Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, представлял большие затруднения для жизни Добровольческой армии с ее пятью тысячами ртов. Зимовники, значительно отделенные друг от друга, не обладали ни достаточным числом жилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район, кроме зерна (немолотого), сена и скота, не давал ничего для удовлетворения потребностей армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили нас в покое и не постарались уничтожить по частям распыленные отряды.

На Кубани, наоборот: мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но — в противоположность Дону — сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвой. Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр власти — Екатеринодар давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу».

Доводы Алексеева и Деникина убедили Корнилова. Он решил идти на Кубань.

Планы, обсуждавшиеся на военном совете, строились лишь на предположениях и догадках. У генералов не было сведений о фактическом положении дел за пределами своего крошечного армейского района. Технические средства разведки отсутствовали. Ничтожный состав конницы не давал возможности производить дальних разведок. Тайные агенты, посылавшиеся штабом Корнилова, редко возвращались обратно. Приходилось руководствоваться интуицией, а она далеко не всегда срабатывала правильно.

Генералу Попову предложили присоединить свой отряд к Добровольческой армии, но он ответил отказом, мотивируя его нежеланием казаков уходить с Дона. Отказ Попова лишил добровольцев нужной им конницы.

Многое решало время, и к Екатеринодару отряд Корнилова шел форсированным маршем, стараясь избегать вооруженных столкновений. Первый бой произошел 27 февраля у большого села Лежанка, уже в Ставропольской губернии. Там корниловцы, по выражению Деникина, «попали в сплошное осиное гнездо».

У села Лежанки части 39-й пехотной дивизии, ушедшей с турецкого фронта, преградили дорогу добровольцам.

«Был ясный, слегка морозный день, — вспоминал генерал Деникин. — Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии. Впереди помощник командира полка полковник Тимановский шел широким шагом, с неизменной трубкой в зубах, израненный много раз, с сильно поврежденными позвонками спинного хребта... Одну из рот ведет полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания. В рядах много безусой молодежи — беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков, повернул голову к нам, что-то сказал, чего мы не расслышали, на ходу «разнес»кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий, высокий разрыв шрапнели. Началось. Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем. Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вперед. С гребня открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цепи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая речка. Придется обходить. Вправо, в обход двинулся Корниловский полк. Вслед за ним поскакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом... — Корнилов!

В рядах — волнение. Все взоры обращены туда, где видится фигура командующего. А вдоль

большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов. Скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается.

Офицерский полк не выдержал долгого томления; одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на Другой берег. Там — смятение, и скоро все поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский, вышедший к селу с запада через плотину, преследуют.

«Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков... Много их...»

Война на истребление идейных противников принимала систематический характер не только у красных.

Первый поход длился 80 дней. Пройдя за это время расстояние в тысячу двести километров, добровольцы, покинув Ростов 9 февраля, 30 апреля вернулись обратно на Дон в станицы Мечетинскую и Егорлыкскую. Длинной петлей обогнули они степную равнину Кубанской области, проникнув даже в горные аулы Северного Кавказа.

44 дня они провели в жестоких боях, похоронили на Кубани до четырехсот воинов; вывезли более полутора тысяч раненых. В начале пути их было около трех с половиной тысяч. Возвращалась Добровольческая армия, имея в своем составе пять тысяч человек. Ряды пополнили кубанские казаки. Снаряды, патроны и другие припасы добровольцы захватывали у красноармейцев. Поход отличался «смелостью почти безрассудной», так выразился о нем генерал Деникин. Добровольцы пробивались через окружения противника, во много раз превосходившие их численно. Но задерживаться на одном месте больше чем на несколько дней не могли, и как только уходили, красная волна снова заливала пройденный добровольцами путь. Политических и стратегических целей поход не достиг: среди кубанского казачества он не вызвал серьезных восстаний против советской власти; добровольцам не удалось освободить от большевиков столицу Кубани — Екатеринодар. Но Первый поход сохранил от уничтожения много кадровых военных, профессионалов, вокруг которых в недалеком будущем образовалось самое сильное из антибольшевистских движений. Подвиг похода заключался в «победе духа над плотью», и победа эта была возможна лишь потому, что вожди добровольцев знали, с кем идут в бой, а войска верили вождям.

Неправы те, кто легкомысленно утверждал, что подвига, в сущности, не было, что всякий человек, как и затравленный зверь, предвидя неминуемую гибель, защищается из последних сил; что в данном случае у добровольцев не было другого выбора. Это неверно. Выбор был: как сотни тысяч других, ненавидевших большевизм, но дороживших своей жизнью, они могли скрытно выждать исход борьбы. Они сознательно этого не сделали.

Добровольческой армии приходилось сражаться в условиях, схожих с партизанским походом. И командование, применившись к непривычной обстановке, быстро выработало новую тактику. Она сводилась к ударам в лоб противника, к фронтальной атаке густыми цепями при слабой артиллерийской поддержке (из-за недостатка орудий и снарядов). И красные войска, тогда еще плохо организованные, не выдерживали этой тактики в лоб, а их открытые фланги и тыл давали возможность сперва Корнилову, а потом Деникину, лично руководившим боями, применять маневр в широком масштабе.

Среди добровольческих вождей появились новые имена: генерал Марков захватывал воображение людей обаянием своего мужества. Полковник Неженцев бесстрашно вел свой полк в лобовые атаки. Соперничали друг с другом в доблести генералы Боровский, Казанович, Богаевский, полковники Кутепов и Тимановский.

Сергей Леонидович Марков был среднего роста, поджарый, с темными волосами, острыми усами и маленькой бородкой клинышком. Выражение его оживленного лица постоянно менялось в зависимости от настроения, от идеи, пришедшей в голову. А идей у него всегда был избыток. Больше всего обращали на себя внимание его темные, почти черные глаза. В них свойственные Маркову доброта и веселость оттенялись насмешливым выражением, раздражением, иногда гневом, твердой решимостью человека, готового идти напролом. Голос у него был резкий, резкими и порывистыми были и все его движения.

Марков родился 7 июля 1878 года. Окончив 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, он вышел офицером в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. Затем Академия Генерального штаба, которую он блестяще окончил; потом война с Японией. В 1911 году Марков был назначен штатным преподавателем в Академию Генерального штаба. Одновременно он читал лекции в Михайловском артиллерийском и в Павловском военном училищах. Курс его предметов включал историю военного дела времен Петра Великого, а также тактику и военную географию. В его лекциях слышались нотки, непривычные старшему поколению: «Не придерживайтесь

устава как слепой стены», «Дело — военное, дело — практическое, никаких трафаретов, никаких шаблонов». Он проповедовал, что дух возбуждает идеи, что ум их творит, что воля их осуществляет и что от хорошего офицера требуется гармония этих трех элементов — духа, ума и воли. Он настаивал, что дух должен быть свободным от теорий, но тут же добавлял, что все же «книги надо читать».

Марков связал свою судьбу с Деникиным с первого года мировой войны. Знакомство их произошло в декабре 1914 года при курьезных обстоятельствах. Из преподавателей академии Марков был назначен к Деникину в Железную бригаду начальником штаба.

«Приехал он к нам тогда в бригаду, — вспоминал Антон Иванович, — никому неизвестный и неожиданный; я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет — «профессор».

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло несколько очередями шрапнели. Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков — веселый, задорно смеющийся. «Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...»

С этого дня лед растаял, и Марков занял подобающее место в семье Железной дивизии.

А вот еще оценка Маркова Деникиным;

«Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой, увлекающийся, общительный, обладающий даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде — офицерской, солдатской, к толпе, иногда далеко не расположенной, — и внушить им свой воинский символ веры: прямой, ясный, и неоспоримый. Он прекрасно разбирался в боевой обстановке и облегчал мне очень работу.

У Маркова была одна особенность — прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного знания, энергии или мужества. Отсюда — действенность отношений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно, или даже нетерпимо. Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологией: они не допускали резкости и обсуждения со стороны Маркова — штабного офицера; но свой Марков — в обычной короткой меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника — мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойным признания своего начальника».

В феврале 1915 года, когда Железная бригада с трех сторон была окружена противником и когда командира 13-го стрелкового полка, входившего в бригаду, тяжело ранили, Марков предложил взять на себя командование полком. Деникин согласился. «У меня самого мелькнула эта мысль, — говорил Деникин. — Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. Заслужил уже и Георгиевский крест, и Георгиевское оружие, а Ставка девять месяцев не утверждала его в должности — не подошла мертвая линия старшинства».

Осенью 1915 года Деникин представил Маркова к чину генерала, и тут получилась та же бюрократическая задержка: начальство считало, что Марков слишком молод!

В 1916 году его перевели на Кавказский фронт против турок, затем снова назначили лектором в Академию Генерального штаба. Он томился кабинетной работой, стремился попасть обратно на фронт. Когда в марте 1917 года Деникина назначили начальником штаба Верховного Главнокомандующего, он предложил Маркову только что созданную при Ставке должность второго генерал-квартирмейстера. С тех пор оба генерала были вместе всегда. Марков следовал за Деникиным, как начальник его штаба, с Западного на Юго-Западный фронт, оба были арестованы по приказу Керенского, оба сидели в тюрьме в Бердичеве, потом в Быхове, оба с головой ушли в формирование на Дону Добровольческой армии.

Люди столь различного темперамента, один — горячий, экспансивный, несдержанный на язык, другой — с виду всегда уравновешенный, выдержанный, — Марков и Деникин стали неразлучными друзьями. Они делились всем, друг от друга у них не было тайн. И, быть может, главным связующим звеном между ними явилось духовное стремление к подвигу во имя родины. Только у Маркова оно бурно прорывалось наружу, а у Деникина было скрыто под покровом невозмутимого спокойствия.

Марков внес свою пылкую энергию в боевые действия Первого похода. Будучи обычно в авангарде, на него ложилась ответственность за начало наступления, атаку, прорыв неприятельского кольца, окружавшего армию. И он всегда блестяще справлялся с ней.

Ненавидел Марков, когда его офицерский полк оставляли в хвосте колонны, чтобы прикрывать обоз. «Черт знает что! — ругался он тогда. — Меня вместо инвалидной команды к обозу пришили!»

Меховая куртка и фуражка, закинутая на затылок, сменились в Добровольческой армии белой папачой и кожаной курткой, но нагайка, как и прежде, оставалась у него в руке.

«Друзья, в атаку, вперед!» — обычно кричал он и, приправляя иногда команду крепким словом, вел пехотный полк во весь рост, Широким шагом или бегом, в атаку на силы, иногда в десять раз превосходившие его отряд. И бесстрашная удаля Маркова и его офицеров психологически действовала на противника. Он не выдерживал атаки.

Самым ярким примером этому был бой 15 марта у станицы Ново-Димитриевской.

«Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром,—описывал этот день Антон Иванович. — Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи, по дорогам и без дорог. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега и подул ветер. Застилает глаза, уши, нос, захватывает дыхание, и лицо колет словно острыми иглами».

Войска, наконец, подошли к небольшой речке, протекавшей приблизительно в трех километрах от станицы Ново-Димитриевской. От дождя речка раздулась в бурный поток шириной шагов в пятьдесят. На противоположном берегу оказались большевистские аванпосты. Их отбросили огнем передовые части добровольцев. Началась перестрелка. Мост через речку снесло водой. Послали разведчиков искать брод. Вместе с ними Марков перебрался через ледяной поток. Мелькнула белая папача, и с того берега донесся его голос с приказанием подвести лошадей и на их крупах переправлять весь состав офицерского полка. Началась переправа, навсегда запомнившаяся участникам этого похода.

Лошадей мало. Кроме того, одновременно вброд могло двигаться не более двух коней. И они, изумленные и обмерзшие, отказывались входить в ледяную воду. Приходилось насильно вести их, а потом в поводу же поворачивать обратно за новой очередью пехоты. Люди и лошади ооченели, выбивались из последних сил.

«Между тем погода вновь переменилась, — вспоминал Деникин. — Неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой. Казалось, все промерзло до самых костей. Покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тело; трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя».

Марков перевел свой офицерский полк через реку. Наступила полная темнота. Остальные части всю ночь, кто как мог, перебирались через ледяной поток.

Марков понял, что ждать помощи ему не от кого. «Не подыхать же нам здесь в такую погоду! — сказал он своим офицерам. — Идем в станицу!» И приказал не стрелять, а идти в штыковую атаку. Полузамерзшие люди, с винтовками в ооченевших руках, бросились бегом за своим командиром, ворвались в станицу и вступили в рукопашный бой с красными. Те, полагаясь на убийственную погоду, не ожидали ночной атаки. В одиночку и толпами бросились они к противоположной окраине села. А за ними, едва держась на ногах, проваливаясь по колено в жидкую массу снега, льда и грязи, шли марковские офицеры.

Тем временем остальная часть армии вытаскивала из непролазной грязи свою артиллерию и обоз. Утром большевики перешли в контратаку, но были отброшены, понеся большие потери.

Передавали потом рассказ, что якобы на следующее утро одна из сестер милосердия, встретив Маркова на улице, сказала ему:

«Это был настоящий ледяной поход!» «Да, да. Вы правы», — ответил Марков.

Так или иначе, название «ледяной» с тех пор закрепилось не только за боем под станицей Ново-Димитриевской, но и за всем восьмидесятидневным Первым походом Добровольческой армии.

Но больше других боготворили в армии Корнилова. Он стоял выше всех и был бесспорным вождем. В трудные моменты боя, под жестоким огнем, с полным пренебрежением к опасности, он всегда появлялся на пригорке, на виду у неприятеля, с биноклем, руководя сражением и наблюдая за его ходом.

Его равнодушие к смерти нервировало даже таких людей, как Марков. В одном из боев Корнилов, как и обычно, появился в передовых линиях со своим конным конвоем и национальным трехцветным флагом. «Уведите вы его ради Бога, — обрушился Марков на корниловский штаб. — Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь!» На что один из штабных офицеров ответил: «А вы сами попробуйте, ваше превосходительство!»

Пробовать было не только бесполезно, но и рискованно.

Вскоре Корнилову стало известно, что плану движения на Кубань нанесен жестокий удар: 1

марта Екатеринодар захвачен большевиками. Оттуда бежал в горы Северного Кавказа отряд кубанских добровольцев под командой полковника Покровского, а также кубанский атаман Филимонов и члены Рады (парламента кубанского казачества). Корнилов решил отложить штурм кубанской столицы и, перейдя Кубань, обогнул Екатеринодар и двинул свой отряд на юг в черкесские аулы. Там надлежало соединиться с добровольцами Покровского и отдохнуть от боев. Надеждам на отдых не суждено было сбыться. Северный Кавказ кишел войсками, бросившими турецкий фронт. Они разграбили и разгромили черкесские аулы, и добровольцы, прийдя туда, нашли полное запустение. «Бедные черкесские аулы, — говорил Деникин, — встречали нас как избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроениях нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури».

Наконец 14 марта состоялось свидание добровольческого командования с Покровским, накануне произведенным Кубанской радой в генералы. Кроме Корнилова присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Эрдели и Романовский.

Родом не казак, по прошлой службе летчик, капитан и Георгиевский кавалер, Покровский был молод и никому неизвестен. Он проявлял, как выразился о нем Антон Иванович, «кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с моральными предрассудками». Одна из тех характерных фигур, которые в мирное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, а в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только (на Кубани) представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков».

На собравшихся генералов Покровский, по-видимому, произвел то же впечатление, что и на генерала Деникина. Отнеслись они к нему более чем сдержанно-сухо, особенно после того, как Покровский под предлогом, что всякие перемены могут вызвать брожение в его войсках, настаивал на автономии кубанского отряда и лишь на оперативном подчинении его генералу Корнилову. Даже всегда выдержанный генерал Алексеев потерял терпение. «Полноте, полковник, — вспылал он, — извините, не знаю как вас и величать. Войска тут ни при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием».

— Одна армия и один командующий, — резко оборвал дальнейшие переговоры генерал Корнилов. — Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Через несколько дней Покровский приехал снова. Его сопровождали — кубанский атаман полковник Филимонов, председатель Кубанского правительства и представители законодательной Рады. После долгих переговоров кубанцы согласились наконец на полное подчинение своего отряда генералу Корнилову. Ему предоставлялось право реорганизовать отряд по личному усмотрению. Они дали обязательство всемерно содействовать военным мероприятиям армии; начальник же войск Кубанского края (Покровский) отзывался в состав своего правительства для дальнейшего формирования кубанской армии.

Не теряя времени, генерал Корнилов сразу влил кубанские части (около двух с половиной тысяч человек) в состав своего отряда. Общая численность его возросла до шести тысяч бойцов.

Среди людей, бежавших с отрядом Покровского из Екатеринодара, был М. В. Родзянко, бывший председатель Государственной думы. В дальнейшем он находился в обозе Корниловского отряда.

Добровольческая казна была на исходе. И отряду пришлось питаться за счет местного населения. В обстановке гражданской войны многие из раздетых, разутых и голодных людей теряли терпение, занимались даже грабежами.

В одном из переходов изумленные добровольцы увидели человека в черкеске, который, задыхаясь, бежал во всю прыть вдоль колонны офицерского полка. За ним летел генерал Марков и нагайкой хлестал его по спине: «Не воруй, сукин сын! Вот тебе! Вот тебе!» И удары нещадно сыпались один за другим.

С воровством боролись, но искоренить его было невозможно.

После включения отряда Покровского в состав Добровольческой армии кубанская столица Екатеринодар снова заняла первое место в планах Корнилова. Снова она стала целью похода.

Добровольческие войска находились тогда южнее города, на левом берегу реки Кубани. Минувя посты, Корнилов наметил неожиданные для противника переправы на паромах у станицы Елизаветинской, к западу от города, и оттуда, с запада — атаку на Екатеринодар

Переправа через реку прошла благополучно. 28 марта генерал Корнилов со своим штабом расположился на образцовой ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества, километрах в трех-четыре от города. С высокого отвесного берега над рекой открывался вид на кубанскую столицу. Отчетливо виднелись контуры домов, вокзал, кладбище, а впереди, ближе к ферме — ряды

большевистских окопов.

Ферму, с ее небольшим белым домиком в четыре комнаты, ясно видел неприятель. Она неизбежно должна была привлечь его внимание. Кроме Корнилова на ферме расположились Деникин, Романовский со штабом, команда связи и перевязочный пункт-

Три дня подряд неприятель осыпал ферму снарядами. Тем временем началось наступление на город. Добровольцы захватили предместья, потом вокзал и артиллерийские казармы, один из отрядов прорвался даже к центру города, но — не поддержанный другими — должен был пробиваться обратно. И тут дал себя знать численный и технический перевес противника. По словам генерала Деникина, разведка корниловского штаба «определила в боевой линии до 18 тысяч бойцов, при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях».

Советское командование стягивало к Екатеринодару подкрепления со всех сторон. Их силы увеличивались, да и бились они упорно. Потери добровольцев росли, раненых в лазаретах перевалило за полторы тысячи, убито было несколько офицеров, в том числе командир Корниловского полка полковник Неженцев. Полковник Кутепов вступил в командование полком. На Корнилова смерть Неженцева подействовала сильно.

Военное счастье ему изменяло, припасы истощались, после упорных боев войска едва держались на ногах.

Впервые после станицы Ольгинской Корнилов собрал военный совет. Кроме командующего армией присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и кубанский атаман полковник Филимонов, Стол, кровать и деревянная скамейка были единственной мебелью, а потому некоторые сидели на разбросанной по полу соломе.

— Положение действительно тяжелое, — сказал Корнилов собравшимся, — и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту.

Как ваше мнение, господа?

По тону Корнилова все поняли, что для него этот вопрос решенный. Тем не менее, кроме Алексеева, все генералы возражали против атаки. Они говорили, что настал предел человеческих сил, что армия разобьется об Екатеринодар, что неудача штурма вызовет катастрофу и, наконец, что даже взятие города — с неизбежными потерями — приведет войска к полному распылению, так как слабым численно частям не под силу будет охранять и защищать только что захваченный ими большой город.

Стараясь найти компромисс, генерал Алексеев советовал отложить штурм на сутки. Корнилов это предложение принял. В остальном его решение осталось неизменным.

Генерал Марков, не спавший двое суток, заснул на совещании, но проснулся вовремя чтобы слышать окончательное решение. «Наденьте чистое белье, у кого есть, — сказал он, вернувшись, своему помощнику полковнику Тимановскому и еще нескольким офицерам. — Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

После совещания Антон Иванович остался вдвоем с Корниловым.

— Лавр Георгиевич, — сказал он, — почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете.

Деникин встал и взволнованно проговорил:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армию — она вся погибнет!

На следующее утро, 31 марта, взрывом неприятельской гранаты Корнилов был убит. Граната пробила в доме на ферме стену, где за столом возле окна сидел генерал. Было семь с половиной часов утра.

В это время Антон Иванович с обрыва на берегу реки возле фермы в тяжелом раздумье наблюдал за ходом боя. Гранаты со свистом проносились над головой. Одна ударила в рощу около дома, другая... и тут через несколько минут с искаженным лицом прибежал к Деникину адъютант командующего:

— Ваше превосходительство! Генерал Корнилов... Деникин все понял. Хотел броситься к дому, но увидел, что навстречу к нему быстро шли генерал Романовский и несколько офицеров. Они несли носилки. Поставили их возле Антона Ивановича. На них недвижимо лежал Корнилов. Кровь сочилась из небольшой раны на виске и текла из пробитого правого бедра. Он еще дышал, но дыхание его становилось все тише. В отчаянии Деникин опустился на колени и, с трудом сдерживая рыдания,

приник лицом к холодеющей руке.

— Вы примете командование армией? — обратился к нему начальник штаба.

— Да.

В ответе не было и не могло быть колебаний. Как помощник командующего, генерал Деникин обязан был заменить убитого. Он не имел морального права уклониться от тяжелой ответственности, особенно в тот момент, когда армии грозила гибель. И тем не менее Антон Иванович искренне считал, что берет на себя бремя командования только временно — здесь, на поле боя... «Поэтому, — рассказывал он, — когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в (станцию) Елизаветинскую генералу Алексееву, с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослал фразу: «Доношу, что...» Этим я признал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему».

Когда Алексеев приехал, он обратился к Деникину со словами:

«Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!»

Возник вопрос о том, как оформить переход командования к генералу Деникину: от чьего имени отдавать приказ об армии? Как официально определить положение Алексеева? В Добровольческой армии все приказы и распоряжения исходили только от командующего. Об этом тут же тихо совещались между собой генералы Алексеев и Романовский. После некоторого размышления Романовский нашел выход: «Подпишите генерал от инфантерии, и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

Известие о смерти Корнилова разнеслось по армии с молниеносной быстротой.

«Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Конец всему!»

В офицерском полку появилось сомнение — сможет ли Деникин вывести армию. Им хотелось видеть командующим своего командира Маркова. «Марков, — говорили они, — был правой рукой Корнилова, его шпагой, его мечом... Только он должен стать во главе армии...» И как бы угадывая настроение своих офицеров, генерал Марков подъехал к ним и твердо сказал:

— Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!

В тот же день решалась участь предстоявшего штурма Екатеринодара. Новый командующий его отменил. Чтобы спасти армию, он решил с наступлением темноты быстрым маршем, большими переходами оторваться от противника и вывести войска к северо-востоку из-под удара.

«План предстоящего похода, — писал потом Деникин, — заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог. Во исполнение этого плана предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги. Я наметил для этого станцию Медведовскую.

Когда генерал Алексеев, узнав о несчастье на ферме, мчался туда в экипаже, по дороге встретил конвой текинцев, сопровождавших повозку с телом генерала Корнилова. Алексеев остановился, слез с тележки, очень долго в глубокой задумчивости смотрел в лицо покойного, отдал ему земной поклон и поцеловал в лоб.

Какие бы ни были причины разлада между этими двумя людьми, во всем так мало схожими, их соединила «в последнем деле на земле» одинаково сильная любовь к родине, чувство долга перед ней, решимость жертвовать жизнью для ее освобождения. Прощаясь с Корниловым, Алексеев позабыл прошлые обиды и кланялся в землю большому русскому патриоту и бесстрашному солдату. Быть может, в лице Корнилова он клал земной поклон и страданию, выпавшему на долю всей страны.

Тело генерала Корнилова отвезли в станицу Елизаветинскую, положили в сосновый гроб, местный священник, волнуясь, отслужил панихиду по убиенному воину Лавре. (У священника были основания волноваться: весной 1918 года в Кубанской области большевики замучили насмерть свыше двадцати священников лишь за то, что они исполняли требы для проходивших добровольцев). А ночью в накрытой сеном повозке гроб двинулся в путь с уходящей армией. Куда? Никто не знал, но хотели похоронить Корнилова тайно, чтобы окружавшие добровольцев большевики не обнаружили место погребения. 2 апреля в немецкой колонии Гначбау, где остановилась гонимая армия, гроб был зарыт несколькими людьми из корниловского конвоя, могилу сравнивали с землей. Чтобы не привлекать ничьего внимания, никто из начальства не присутствовал при погребении... И лишь генерал Деникин «стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу».

На следующий день большевики заняли селение Гначбау. Они еще не знали о смерти Корнилова, но слышали, что добровольцы что-то зарывали в землю. Решив, что это — деньги и ценности,

начали искать клад и обнаружили свежую могилу.

Труп генерала Корнилова перевезли в Екатеринодар. На соборной площади сбросили тело с повозки на мостовую; пьяная солдатская толпа била и топтала его ногами. С трупа сорвали одежду, голое тело покойника повесили на дереве. Вербка оборвалась, и толпа снова глумилась над уже бесформенной массой. Наконец, труп перевезли на городскую бойню, где сожгли останки, обложив их соломой.

Войска с обозом растянулись в широкой степи на 10 километров. Со смертью Корнилова обычная бодрость духа сменилась тревогой, а красные войска продолжали преследовать. Чтобы спасти отряд, генерал Деникин решил на суровые меры. Он приказал сократить обоз до минимума. Беженцев поместили по шесть человек в телеге, около двухсот подвод было уничтожено, ненужный груз — ликвидирован. В армии оставалось лишь 30 снарядов! Решено было сохранить лишь четыре орудия, остальные четыре или пять бросить, предварительно приведя их в полную негодность. Положение осложнялось тем, что предстоял переход через железную дорогу. Такие переходы для Добровольческой армии всегда являлись большой проблемой. Железные дороги находились в руках большевиков. Они давали им возможность быстро сосредоточивать войска в известных пунктах и готовить окружение скитающейся армии. Даже сам по себе несложный вопрос перехода через рельсы требовал железнодорожного переезда для переброски артиллерии и обоза и несколько часов для переправы.

На станции Медведовской ожидалась эшелон красных войск и бронепоезда.

Удастся ли прорваться?

В полной еще темноте утром 3 апреля генерал Марков, шедший во главе колонны, заметил отдаленный огонек в степи. Он оказался светом в железнодорожной будке. Марков поскакал туда с конным разведчиком. Не доезжая до будки, он слез с лошади и в сопровождении трех разведчиков вошел внутрь. Узнав от дорожного сторожа, что на станции находятся два эшелона красногвардейцев с бронированным поездом, Марков, выдав себя за сторожа, позвонил большевикам, дежурившим на станции Медведовской. Станция находилась на расстоянии километра от будки. Генерал заверил своих собеседников, что на посту все спокойно. Тем не менее красные решили для верности послать к поезду бронепоезд. Марков им не противоречил: «Пошлите, товарищи. Оно будет вернее».

В то же время он отправил одного из своих разведчиков с донесением к генералу Деникину и с просьбой, чтобы колонна полным ходом, соблюдая тишину, двигалась к железной дороге и остановилась в двухстах шагах от переезда.

Деникин поскакал к Маркову. За ним Романовский со штабом-Генерал Алексеев (всегда тактичный, подчеркнуто не желавший вмешиваться в боевые распоряжения по армии) прислал спросить разрешения приехать в будку. «Пожалуйста. Милости просим», — ответил Антон Иванович.

План действий, накануне намеченный в общих чертах новым командующим, был разработан здесь, на месте, во всех деталях с невероятной быстротой. За его выполнение взялся генерал Марков, украсив план совершенно блестящими импровизациями.

Предоставим генералу Деникину рассказать о том, как разворачивались события этой ночи.

«Через несколько минут со стороны станции показалась какая-то движущаяся громада — бронированный поезд.

Медленно, с закрытыми огнями надвигается на нас; только свет от открытой топки скользит по полотну и заставляет бесшумно отбегать в сторону залегших возле полотна людей. Поезд уже в нескольких шагах от переезда. У будки все: генерал Алексеев, командующий армией со штабом и генерал Марков. Одна граната, несколько лент пулемета и... в командном составе армии произошли бы серьезные перемены.

Марков с нагайкой в руке бросился к паровозу: «Поезд, стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свой?!!»

Поезд остановился. И пока ошалевший машинист пришел в себя, Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил ее в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли по нас сильнейший огонь из ружей и пулеметов. Только с открытых оружейных площадок не успели дать ни одного выстрела.

Между тем Миончинский, молодой полковник, блестящий офицер-артиллерист, продвинул к углу будки орудие и под градом пуль почти в упор навел его на поезд.

— Отходи в сторону от поезда, ложись! — раздался громкий голос Маркова. Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно. Другая, третья по блиндированным вагонам... И тогда со всех сторон бросились к поезду марковцы. С ними их генерал. Стреляли в стенки вагонов, взбирались на крышу, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы, принесли из будки смоляной пакли, и скоро запылала два вагона. Большевики проявили большое мужество и не сдавались: из вагонов шла непрерывная стрельба. Некоторые выскакивали на полотно и тут же падчали на штыки. Было видно, как из горящих вагонов, наполненных удушливым

дымом, сквозь пробитый пол обгорелые люди выбрасывались вниз и ползли по полотну.

Скоро все кончилось. Слышался еще только треск горящих патронов.

— Горячо обнимаю виновника этого беспримерного дела. Не задет?

— От большевиков Бог миловал, — улыбнулся Марков. — А вот свои палят, как оглашенные.

Один выстрел над самым ухом — до сих пор ничего не слышу». Гарнизон броневоего поезда состоял из матросов Черноморского флота. Они геройски защищали свой бронепоезд. Такое чувство долга Марков ценил даже в большевиках. И когда из горевшего вагона в тлеющей на нем одежде выскочил на Маркова матрос, то первым порывом генерала было оказать ему помощь. Неоднократно впоследствии генерал Марков отпускал на волю захваченных им в плен большевиков.

Батальон офицерского полка направили к станции, инженерной роте приказано было взорвать полотно железной дороги южнее будки, чтобы оградить себя от возможного нападения бронепоезда со стороны Екатеринодара, а конные части были двинуты для захвата казачьей станицы, расположенной неподалеку от переезда.

В этот день у большевиков добыли более четырехсот артиллерийских снарядов и около ста тысяч патронов!

Добровольцы ликовали. А генерал Деникин, впервые после гибели Корнилова, увидел вокруг себя «подчеркнутую исполнительность и дисциплину».

От станции Медведовской Деникин двинул свой отряд сначала на восток, а затем на север. Он понимал необходимость увеличить переходы своей армии, довести их до 55 или 65 километров в сутки, чтобы быстротой передвижения замести следы и выйти из окружения.

Для этого нужно было посадить пехоту на повозки, но большинство повозок заняты тяжело-ранеными...

Антон Иванович собрал совещание, чтобы обсудить мучительный вопрос: брать ли с собой всех раненых или оставить тяжелых в станице, приняв меры, до известной степени гарантирующие их безопасность.

Генералы Алексеев, Романовский, Марков и большинство других высказались за предложение — оставить. Среди добровольцев такое решение не могло вызвать восторга, но тем не менее они не осуждали Деникина.

Медицинский персонал (у которого к тому времени совершенно иссякли лечебные и перевязочные средства) составил список тех раненых, которые в условиях обочной жизни Добровольческой армии обречены были на гибель. В станице Дядьковской станичный сбор согласился принять на свое попечение 119 человек, врача и сестер милосердия. Им выдали на руки известную сумму денег. С ними же оставили несколько заложников-большевиков, захваченных добровольцами в Екатеринодаре. Самый видный из них, Лиманский, дал слово оберегать раненых. Выяснилось, что он честно исполнил свое обещание.

Но Деникина этот случай мучил до конца жизни. «Переживая мысленно минувшее, — говорил он, — я живо помню свои душевные терзания, и, делясь тогда впечатлениями с Романовским, мы оба пришли к одинаковому заключению: подписать приказ заставлял тяжелый долг начальника, но если бы пришлось оставаться самим, мы предпочли бы пустить пулю в лоб».

В середине апреля дошли до Антона Ивановича сведения о крупных волнениях в Донской области. Правдивость этих известий проверили, и генерал решил вести Добровольческую армию на Дон. Но вскоре дошли и другие сведения, которые поразили его своей неожиданностью: советские войска в Донской области проявляют «странную нервность». Причину почти панического бегства красных эшелонов через Ростов на юг трудно было объяснить одним только волнением. Большевики двигались «под давлением какой-то неведомой силы».

Этой неведомой для Деникина силой оказалась германская армия. Оторванный от внешнего мира около двух с половиной месяцев, он не знал, что после заключения Брест-Литовского договора немцы заняли Украину, Крым и вплотную подошли к Донской области.

Известие о продвижении германских войск в глубь страны ошеломило Деникина.

«Малочисленная армия, почти лишенная боевых припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждующими факторами — советской властью и немецким нашествием, многочисленно — красной гвардией и корпусами первой европейской армии».

Хаотическое движение советских эшелонов с огромным количеством боевых припасов закупорило узловые станции вдоль линии Ростов—Тихорецкая.

Представлялись как будто бы две возможности: попытка их уничтожить или ограничиться налетом на близлежащие станции.

Для плохо вооруженного и измученного длинным походом отряда первое решение грозило риском неисчислимых потерь. Но были и другие причины, побудившие генерала Деникина не идти на этот риск.

«Должен сказать откровенно, — признался он потом, — что серьезный удвр в тыл больше-

вистских войск, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входил тогда в мои намерения. Извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи...»

Деникин ограничился налетом на несколько железнодорожных станций и захватом большой военной добычи. Много поездов с военными припасами попали в его руки (ружья, пулеметы, солдатское обмундирование).

В конце апреля загипнотизированные германским продвижением большевики не слишком тревожили Добровольческую армию.

Генерал Деникин осуществил свое намерение: прорвавшись через неприятельское кольцо, он мог дать своей армии временный отдых и, разобравшись в создавшейся обстановке, принять решение о дальнейших действиях.

30 апреля его войска расположились в двух больших станицах Донской области — в Мечетинской и Егорлыкской к юго-востоку от Ростова.

Первая фаза добровольческого движения была закончена. Она создала ореол славы и надежды вокруг участников легендарного похода.

XVI ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПОХОДА

Положение, с которым столкнулся генерал Деникин после конца Первого похода, оказалось чрезвычайно сложным и запутанным. С жадностью набросился Антон Иванович на сведения о событиях, которые произошли за время похода. То, что он узнал о Брест-Литовском договоре и его последствиях, ударило с невероятной силой по национальному самолюбию генерала.

На западе и на юге Россия теряла все, что приобрела со времен Петра Великого. Кроме Польши и Финляндии, занимавших особое положение, росчерком пера у нее отобрали Украину, Крым, Прибалтийский край, Литву, Грузию, Батум, Карс. Что касалось Украины, то немцы, ведя переговоры с большевиками, за их спиной и тайно от них умудрились подписать договор с группой украинских сепаратистов. Признав Украину самостоятельным государством, немцы двинули туда свои войска, чтобы изгнать захвативших власть большевиков и поставить в Киеве послушное и покорное Германии правительство. Признанная немцами Украинская рада, состоявшая из социалистов, вскоре оказалась им неудобной. Без всякой церемонии они разогнали в середине апреля Раду и заменили ее консервативным правительством гетмана Скоропадского, бывшего генерала русской службы.

Россия дробилась на части, и части эти превращались в главную экономическую и военную базу центральных держав. Для продолжения борьбы с союзниками немцы могли выкачать из России не только хлеб, сырье и богатые запасы снабжения, но и сотни тысяч хорошо обученных солдат из числа военнопленных, захваченных русской армией во время войны. По подсчетам русского военного министерства общее их число к началу сентября 1917 года превышало цифру в два миллиона. Эта цифра была во много раз больше, чем количество военнопленных, взятых всеми союзниками за время войны.

К началу 1917 года свыше полутора миллионов военнопленных работали в различных отраслях русской промышленности, строительства и сельского хозяйства. Многие оказались в зонах, оккупированных центральными державами. Но в Поволжье, Сибири и Средней Азии — вне досягаемости немцев — находились большинство военнопленных. Германское правительство оказывало сильное давление на большевиков, чтобы вернуть их.

Кроме того, в Мурманске, Архангельске и Владивостоке находились огромные запасы военного имущества, присланного союзниками. После захвата власти большевиками эти грузы застряли в портах. В любой момент немцы могли наложить на них свою руку. С другой стороны, не было сомнения, что союзники примут свои контрмеры, дабы не дать Германии обогатиться за их счет. Да и Мурманск находился слишком близко от Финляндии, куда германцы уже высадили войска для поддержки белых финских сил во главе с генералом Маннергеймом.

Одним словом, Антон Иванович ясно видел, что в создавшихся условиях Россия стала ареной грандиозной битвы интересов германцев и союзников. Он мучился сознанием собственной беспомощности и в то же время знал, что кроме горстки добровольцев, возглавляемых генералом Алексеевым и им самим, не было иной силы, которая могла бы встать на защиту чести и национальных интересов России.

В эти мучительные минуты раздумья самым радостным событием для Антона Ивановича было известие, что из далекой Румынии пришел отряд добровольцев на Дон с артиллерией, пулеметами, броневиками и даже с радиостанцией. Этот отряд, заняв, но затем покинув Ростов, двинулся к Ново-

черкасску и помог донским казакам освободить их столицу.

25 апреля начальник отряда полковник Михаил Гордеевич Дроздовский отправил генералу Деникину в станицу Мечетинскую донесение: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом... но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний».

С глубоким волнением читал Антон Иванович эту бумагу, это свидетельство о «новой героической сказке на темном фоне русской смуты». Отряд Дроздовского шел на соединение с Добровольческой армией и, несмотря на трудности и на ошеломившее всех известие, полученное в дороге, о смерти генерала Корнилова, дошел до намеченной цели.

К тому времени германские войска очистили от большевиков и оккупировали громадную территорию на юге и западе России. От Севастополя до Пскова, от Ростова до Киева, по всей Украине, Белоруссии и в Крыму жизнь внешне быстро налаживалась. Поезда ходили по расписанию, у беженцев из центральной России глаза разбегались от обилия съестных продуктов в лавках и на базарах. А главное, исчез страх, что ночью агенты советской власти ворвутся в дом, кого-то арестуют, ограбят, увезут, убьют... Добровольцев, у которых там были близкие и родные, с невероятной силой потянуло хотя бы ненадолго приобщиться к мирной и нормальной жизни.

В начале мая для многих из них истекал срок в четыре месяца, который они — по письменному соглашению — обязались служить в армии. И Антон Иванович приказал дать трехнедельный отпуск всем, кто того пожелает. «Захотят — вернуться, нет — их добрая воля», — говорил он своим приближенным. Он отлично понимал, что искушение «не вернуться» огромное, что риск для его дела чрезвычайно велик. Прошел срок отпуска, и, бросив мирную жизнь, большинство уехавших вернулись, чтобы продолжать борьбу.

Деникину приходилось считаться не только с физической и моральной усталостью людей. Всплыли на поверхность два очень важных и острых вопроса.

Германские успехи весной и летом 1918 года внушали многим мысль, что немцы одержат победу над союзниками, что будущей России, или, вернее сказать, ее осколкам, придется не только мириться с этим фактом, но и строить свою жизнь сообразно с немецким желанием. Появилась «германская ориентация», которая с особенной силой пропагандировалась из украинской столицы — Киева. Даже профессор П. Н. Милуков, поверив в конечное торжество Германии, перекинулся в ее лагерь. Добровольческое командование считало необходимым открыто отреагировать на эту «ересь».

Второй — о политических лозунгах. «Великая, единая, неделимая Россия» — был единственным девизом армии. Деникин его выдвинул как знамя борьбы с раздроблением России, твердо верил в него. Среди офицерства он нашел горячую поддержку. Но со стороны возникших государственных образований на русских окраинах этот лозунг не мог не возбуждать некоторых опасений.

Для движения, которое стремилось найти поддержку в широких кругах населения, одного этого лозунга было недостаточно. Требовалась более конкретная программа. И тут возникал целый ряд щекотливых вопросов, осложнивших ее формулировку.

Хаос, вызванный ходом революции, произвел большие сдвиги в русской общественно-политической мысли. Повсюду чувствовалось сильное «поправение». Многие либералы, проповедовавшие раньше идею республики, пришли к заключению, что единственной приемлемой для большинства формой правления есть конституционная монархия, что именно она сможет объединить разные народности, населяющие территорию России, что только монархия в состоянии обеспечить единство и величие государства. Эта идея не могла не коснуться офицерства Добровольческой армии. И офицеры с нетерпением ждали, что командование ясно и определенно выскажет свои политические взгляды.

Но у командования по этому вопросу не было единства.

Генерал Алексеев считал, что «нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица». В то же время осторожный Алексеев считал невозможным для армии принять определенные монархические лозунги. «Вопрос этот, — писал он, — недостаточно еще назрел в умах всего русского народа, и... предварительное объявление лозунга может лишь затруднить выполнение широких государственных задач.»

Генерал Деникин придерживался иного мнения. Его точку зрения разделяли Романовский и Марков. Отношение к вопросу о провозглашении монархического лозунга Антон Иванович изложил следующим образом:

«Атмосфера в армии сгушалась, и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы... рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством — тогда не только не склонным к приятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей. Мы решили поговорить непосредственно с офицерами.

В станичном правлении в Егорлыкской были собраны все начальники до взводного командира включительно. Мы не сговаривались с генералом Алексеевым относительно тем беседы, но вышло

так, что. он говорил о немцах, а я о монархизме:

«Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее вельмож, без вельмож русского народа?

Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует, естественно, требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

Антон Иванович остался верен взглядам, которые тогда высказал. И даже предостережение в его последней фразе, на которое мало кто обратил внимание, имело для Деникина глубоко продуманный и, как оказалось впоследствии, пророческий смысл.

Расхождение между генералами Алексеевым и Деникиным по вопросу о монархических лозунгах было, может, глубже, чем его отметил в своих воспоминаниях Антон Иванович. Один случай, упомянутый Деникиным, служит тому примером. В августе 1918 года, уже после захвата добровольцами Екатеринодара, Антон Иванович получил доклад с подробным обзором общего политического положения. Там говорилось о непопулярности Добровольческой армии, не принявшей открыто монархического девиза. На этом докладе, вспоминал Деникин, «была резолюция генерала Алексеева в таком смысле: нам надо, наконец, решить этот вопрос, Антон Иванович, так дальше нельзя!

Я зашел в тот же день с Романовским к генералу Алексееву. Чем объяснить изменение вашего взгляда, Михаил Васильевич? Какие новые обстоятельства вызвали его? Ведь настроение Дона, Кубани, ставропольских крестьян вам хорошо известно и далеко не благоприятно для идеи монархии. А про внутреннюю Россию мы ровно ничего не знаем».

Генерал Алексеев переменил тему разговора и больше к ней не возвращался. Вскоре последовала его кончина.

Но уж после того, как генерал Деникин покинул Россию, эту тему неожиданно затронул Черчилль. В одной из неопубликованных заметок Антона Ивановича имеется следующая запись:

«В 1920 году в Лондоне за завтраком, когда поднят был вопрос о причине неудач Юга, Черчилль обратился ко мне не то с вопросом, не то с укоризной: «Скажите, генерал, почему Вы не объявили монархии?»

— Почему я не провозгласил — не удивительно, — ответил Деникин, — я боролся за Россию, но не за формы правления. И когда я обратился с вопросом к двум своим помощникам — Драгомирову и Лукомскому, людям правым и монархистам, — считают ли они необходимым провозгласить монархический принцип, оба ответили: нет! Такая декларация вызвала бы падение фронта много раньше».

Тот же мотив звучал в письмах генерала к друзьям. В ответ на вопрос о политических лозунгах Антон Иванович писал генералу Н. М. Тихменеву в середине 1918 года: «Если я выкину республиканский флаг — уйдет половина добровольцев, если я выкину монархический флаг — уйдет другая половина. А надо спасти Россию!»

Образовался заколдованный круг, выходом из которого, по мнению генерала Деникина, могла быть лишь платформа, основанная на «непредрешенстве». Она выразилась в двух декларациях (в конце апреля и в начале мая 1918 года), излагавших политические цели Добровольческой армии. В них говорилось, что армия борется с большевизмом за спасение и целостность разоренной и уничтоженной России, что, стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, армия не примет партийной окраски, что вопрос о формах государственного строя не предпринимается руководителями армии, а явится последующим этапом и «станет отражением воли народа — после его освобождения от рабской неволи».

В первой декларации упоминалось Учредительное собрание, «созданное по водворении в стране правового порядка», и говорилось что «народоправство должно сменить власть черни».

Упоминание об Учредительном собрании и народоправстве вызвало настолько сильное вол-

нение среди офицеров, что генерал Марков счел нужным доложить об этом командующему. И во втором обращении, сохранившем не только характер «непредрешенства», но и весь смысл первой декларации, эти два термина были элиминированы. Зато с предельной ясностью говорилось о недопустимости каких-либо сношений с немцами.

Любопытно то, что и Деникин, и предшественник его Корнилов твердо верили в возможность свободного выявления воли русской народ. Ни опыт последнего года, ни отсутствие в России демократической традиции не поколебали в них этой веры.

В личной жизни Антона Ивановича великой радостью было известие, что жена его, Ксения Васильевна, здорова и благополучна.

Весь период Первого похода прожила она в Ростове. После освобождения Новочеркасска от большевиков сразу перебралась туда и наняла скромную меблированную комнату. И тут случилось забавное происшествие. Несколько офицеров из отряда полковника Дроздовского поместились в доме, куда только что переехала Ксения Васильевна. Офицерам было тесно, и они решили выселить молодую девицу. Явился к ней какой-то поручик, постучал в дверь и сообщил, что, проделав длинный поход и готовясь к новому походу под начальством генерала Деникина, он и его компаньоны желают хорошенько отдохнуть и хотят занять ее комнату. В весьма недвусмысленной форме он предложил Ксении Васильевне поскорее убираться.

Она запротестовала:

— Как же это вы хотите выгнать из дома жену вашего командующего?

— Как так? — любопытно спросил офицер.

— Да очень просто, потому что я жена генерала Деникина. Последовал взрыв веселого смеха.

— Ну, барышня, если вы жена генерала Деникина, то я в таком случае — персидский шах!

Пошутили, и довольно. А теперь поторапливайтесь, мы устали, не заставляйте нас ждать!

И молодой особе, жившей под фамилией Ксения Чиж, не без труда удалось, наконец, доказать, к большому смущению офицеров, что она действительно жена командующего Добровольческой армией.

За время жизни Ксении Васильевны в Ростове был с ней и другой курьезный случай.

Студент местного университета, племянник армянской семьи, в чьем доме она остановилась, обратил внимание на скромную и привлекательную девицу Чиж, «беженку из Польши». Он представился ей и, узнав, что в городе у нее нет знакомых, решил ее развлекать.

Он начал захаживать к ней, и кончилось тем, что попросил Ксению Васильевну стать его женой. Отказ его не смутил, пылкий армянин продолжал настаивать на своем. Но с переездом Ксении Васильевны из Ростова в Новочеркасск роман неожиданно для молодого человека оборвался. Когда же он узнал, что девица, которая так ему понравилась, оказалась женой генерала Деникина, он перетрусил не на шутку. Боясь, что муж, суровый генерал, до него доберется, он бежал из Ростова, долго скрывался в окрестностях и вернулся только тогда, когда его встревоженная семья, снесясь с Ксенией Васильевной, смогла его заверить, что командующий Добровольческой армией и не помышляет о страшной мести. И в самом деле, эта история даже развеселила Антона Ивановича, и он подтрунивал над своей женой и над ее «похождениями». Но в свои домашние дела он, как правило, не посвящал посторонних и на эту тему никогда ни с кем, кроме жены, не говорил.

То, что происходило на Дону, — и радовало Деникина, и в то же время настораживало.

Немецкие войска, перейдя через донскую границу, заняли западную часть области до железной дороги Воронеж — Ростов, оккупировали Таганрог и Ростов. Новочеркасск немцы не тронули. И там из представителей восставших станиц был образован Круг спасения Дона. Он собрался 28 апреля (когда большая часть области была еще в руках большевиков) и 3 мая избрал Донским атаманом генерала Петра Николаевича Краснова.

Антон Иванович знал Краснова с февраля 1904 года, но знакомство было поверхностным. Впервые он встретил его в поезде Сибирского экспресса, когда оба ехали к театру военных действий против Японии. Капитан Деникин направлялся на Дальний Восток воевать, а подьесаул Краснов ехал туда в качестве военного корреспондента «Русского инвалида», официальной газеты военного министерства. Деникин читал потом газетные статьи Краснова и находил их талантливыми. Но, будучи сам автором заметок на военные темы и хорошо зная военный быт, он замечал в статьях Краснова корябивший его элемент «поэтического вымысла в ущерб правде». Ту же склонность разукрашивать факты заметил он и в беседах с Красновым во время их длинного совместного путешествия. В годы первой мировой войны Деникин и Краснов встречались два или три раза, когда генерал Деникин уже занимал видные командные посты в армии. Затем, во время быховского заключения, Антон Иванович из газет узнал, что Краснов, назначенный после генерала Крымова командиром 3-го конного корпуса, был направлен Керенским против большевиков, только что захвативших власть в Петрограде. Он слышал, что Краснов был арестован, но ему удалось бежать на Дон.

После избрания Краснова Донским атаманом Деникин решил внимательнее присмотреться к его деятельности. Она смущала Антона Ивановича чрезмерным стремлением к сотрудничеству с немцами. Тем не менее Деникин не мог не признать за новым атаманом большой энергии и таланта администратора. Он с одобрением смотрел на то, как Краснов, не теряя времени, принялся за формирование вооруженных сил.

Человек властный, способный, Краснов, которому тогда исполнилось 49 лет, быстро прибрал к рукам все административные функции местной власти. До созыва Большого круга (парламента) в середине августа он являлся единоличным правителем постепенно освобождавшейся от большевиков Донской области. Все законы, введенные как Временным правительством, так и Советом Народных Комиссаров, были отменены. Впредь до издания новых законов Донская область управлялась на основании законов дореволюционной России. «Отметалось все, — говорил Краснов, — что громко именовалось «завоеваниями революции» и «ее углублением». Однако, несмотря на возврат к старым порядкам и на монархические убеждения Краснова, он определенно проводил идею полной автономии Дона. Для него Дон становился самостоятельным государственным организмом со своей армией, с иностранной политикой, таможней, со своими денежными знаками, флагом и народным гимном.

Это не нравилось Деникину, девизом которого была «единая, неделимая Россия».

А так как дальнейшая судьба Донской области, по мнению атамана, всецело зависела от немцев, то генерал Краснов, убежденный в конечной их победе над союзниками, безоговорочно принял германскую ориентацию.

Это обстоятельство еще меньше нравилось Антону Ивановичу.

15 мая по инициативе генерала Деникина в станице Манычской состоялось свидание командующего Добровольческой армией с Донским атаманом. Хотелось сблизить интересы добровольцев и Дона и разработать общий план действий. Кроме генералов Деникина и Краснова в совещании участвовали Алексеев, Романовский, Кубанский атаман Филимонов, несколько офицеров и прибывший с атаманом генерал А. П. Богаевский, участник Первого похода, принявший в Донском правительстве посты управляющего отделом иностранных дел и председателя Совета управляющих отделами правительства. Болезнь генерала Алексева, обострившаяся после тягот Первого похода, подорвала его силы. В этот день ему очень нездоровилось. Закрыв глаза, с усталым и измученным лицом он молча сидел за столом, лишь изредка вставляя свои замечания.

На этом заседании с печальной очевидностью стало ясно, что Деникина и Краснова разделяли не только различия в характере, но и полное расхождение в их политических оценках и подходах к стратегии.

Трения возникли с момента открытия совещания. Генерал Деникин раскритиковал «диспозицию», составленную атаманом, в которой для овладения Батайском намечались совместные с немцами действия против большевиков. В довольно резкой форме он сказал, что Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами.

Тогда, чтобы придать своему положению больший вес и авторитет, «атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне Деникин, а представитель пятимиллионного свободного народа и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне».

Эта фраза, заимствованная из воспоминаний атамана Краснова (который сам о себе писал в третьем лице), не произвела, однако, желаемого эффекта. Все присутствовавшие знали, что Краснов был выбран атаманом 12 дней назад лишь небольшой частью Донской области, которая освободилась к тому времени от большевиков, что избравший его Круг спасения Дона состоял из случайных людей и не мог претендовать на авторитетность, что «свободный пятимиллионный народ» более чем наполовину находился под большевиками, а следовательно, не был свободным, население всей Донской области (включая иногородних, которые генерала Краснова не жаловали) равнялось лишь четырем, а не пяти миллионам, и, следовательно, атаман и здесь не удержался, чтобы для пушечной важности не разукрасить факты.

Этот поэтический «вымысел в ущерб правде» напомнил Деникину первую его встречу с Красновым. Но если эта черта красновского характера тогда его только коробила, то теперь раздражала. Слишком важным и ответственным казался момент их встречи, чтобы выдвигать на первый план вопросы личного самолюбия, пускать друг другу пыль в глаза.

Сразу возникли серьезные разногласия и по вопросу о дальнейших действиях Добровольческой армии. Атаман настаивал, чтобы армия, отбросив мысль о ближайших действиях на Кубани, немедленно двигалась на северо-восток, в направлении к Царицыну на Волге. Там, говорил он, имеются пушечный и снарядные заводы, громадные запасы военного снабжения, армия перестанет зависеть от казаков и приобретет чисто русскую базу.

Никто из присутствовавших на совещании не знал тогда, что генерал Краснов тайно от всех еще 4 мая отправил письмо гетману Скоропадскому, прося его обратиться к германскому главноко-

мандующему в Киеве Эйхгорну с ходатайством о занятии Царицына германскими войсками!

Военные планы Деникина шли вразрез с планами Краснова. Он намечал движение своей армии в направлении как раз противоположном. Вместо похода на север он хотел двигаться на юг. Да и вопрос о немедленном движении, независимо от направления, был в тот момент неосуществим.

Отвечая Краснову, Антон Иванович изложил то, что считал ближайшей задачей Добровольческой армии, а именно — освобождение Задонья и Кубани. Он подробно объяснил, что немедленное движение на север при враждебности немцев могло для него закончиться катастрофой. Имея исходный пункт для своего наступления на территории Дона, то есть области, подверженной германскому влиянию, Добровольческая армия могла оказаться окруженной с трех сторон серьезными препятствиями: немцами — с запада, большевиками — с севера в Волгой — с востока, куда при желании немцы легко могли бы сбросить армию.

Кроме того, движение на север лишило бы ее большого пополнения с Украины, Кубани, Северного Кавказа и Крыма, и в особенности офицерства, которого за Волгой было мало.

Освобождение Задонья и Кубани обеспечивало возможность контролировать всю южную границу Донской области на протяжении четырехсот километров, открывало пути к Черному морю и в случае победы союзников обещало удобную с ними связь через Новороссийск. Успех на Кубани сулил добровольцам хорошую базу для будущего движения на север.

Другой причиной, говорил генерал, было моральное обязательство перед кубанцами. Они шли под знамена Добровольческой армии и для освобождения собственного края, и для освобождения России. Невыполнение этого обязательства, по мнению Деникина, грозило сильным расстройством армии, и в особенности конницы.

Было еще одно соображение, которое генерал тогда не высказал, но которое играло важную роль в его решении. При движении на сильно укрепленный большевиками Царицын у него оставалась в тылу советская армия Северного Кавказа общей численностью в 80—100 тысяч бойцов. Некоторые из этих советских частей были уже хорошо знакомы Деникину по Первому походу, другие представляли элемент «еще неизведанной силы и духа». Против них он и готовил свой поход. Деникин верил, что военный опыт командования и доблесть добровольцев, несмотря на их малочисленность, принесут победу. Но наступление на Царицын, имея позади себя огромную (хотя и не прочно связанную внутри) силу, Антон Иванович считал безумием.

План генерала Деникина поддержали как генерал Алексеев, так и Кубанский атаман Филимонов.

Генерал Деникин предлагал установить единое командование с подчинением ему донских частей. Но атаман это предложение отклонил категорически.

Следующий вопрос касался получения Добровольческой армией от Дона суммы в шесть миллионов рублей. Эти деньги причитались добровольцам еще по соглашению с атаманом Калединым. Неожиданно для всех Краснов заявил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне».

Потеряв терпение, Антон Иванович возразил: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы».

Одним словом, попытка личного сближения потерпела полную неудачу.

Тем не менее, нуждаясь друг в друге, каждая из двух антибольшевистских группировок стремилась достигнуть хоть каких-то практических результатов, найти способ сотрудничества. В конце концов сговорились на том, что Дон будет переправлять Добровольческой армии часть снаряжения, которое сам в свою очередь получит с военных складов на Украине, из запасов бывшего русского Юго-Западного фронта.

Это дало впоследствии повод атаману Краснову съязвить в адрес генерала Деникина. «Да, да, господа! — говорил он, — Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, смываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне!»

Что касалось немцев, захвативших русские боеприпасы на Украине, то они передавали их атаману Краснову не безвозмездно. Дон платил хлебом, шерстью и скотом.

Ни Деникин, ни Краснов не знали тогда, что за два дня до их встречи в станице Манычской с чрезвычайной быстротой начали разворачиваться события огромной важности; армейский корпус, состоявший из чехословаков общей численностью около сорока тысяч бойцов, отказался подчиняться распоряжениям советской власти.

Выступление чехов оказалось началом союзной интервенции. Вскоре англичане появились в Мурманске и Архангельске. Во Владивостоке высадились сначала японские, а затем британские, американские войска, а также небольшой французский отряд из Индокитая. На Дальнем Востоке общая численность союзных войск к концу 1918 года равнялась приблизительно семидесяти тысячам чело-

век. На русском севере, в Мурманске и Архангельске, их насчитывалось около двадцати трех тысяч человек. И в Закаспийской области уже было пять тысяч англичан,

Возможность открытия Восточного фронта против Германии не могла не отразиться на отношении немецкого командования к Добровольческой армии.

Слишком слабая, чтобы представлять из себя угрозу центральным державам, армия Деникина возбуждала в австро-германских офицерах чувство уважения. Они видели: деникинский отряд дал пример высокого патриотизма, чести и рыцарства, то есть тех общепризнанных качеств, на которых поколениями воспитывалось офицерство европейской армии. А потому вначале, несмотря на явную враждебность к себе Добровольческой армии, германский генералитет в Киеве и Ростове осторожно зондировал почву, стараясь расположить к себе русское офицерство. Немцы не препятствовали вербовке добровольцев на Украине. Немецкие коменданты на железнодорожных станциях проявляли даже известную предупредительность в отношении к русским офицерам, ехавшим группами в Добровольческую армию. Они сквозь пальцы смотрели на то, что патроны и снаряды, выданные ими атаману Краснову с украинских складов, частично переправлялись затем в Добровольческую армию.

С выступлением чехословацких войск отношение немцев к армии Деникина резко изменилось. Вербовочный центр добровольцев в Киеве был закрыт, офицеры, работавшие в нем, арестованы, лиц, следовавших в армию через Украину в офицерских эшелонах, начали задерживать. Германские власти потребовали немедленного сбора всех военнопленных, подданных Австро-Венгрии. Это требование относилось и к отряду в 300—400 человек чехословаков, входивших в инженерный батальон Добровольческой армии и проделавших с ней Первый поход. На тревожный вопрос представителей батальона генерал Деникин заявил, что защиту своих соратников считает вопросом чести и что, несмотря на желание избегать столкновения с немцами, он не остановится в случае нужды даже перед боем.

Тревожные сведения об опасности, угрожавшей армии со стороны немцев, дошли до генерала Деникина подпольным путем через верных ему офицеров, поступивших на службу в советский Генеральный штаб. Антону Ивановичу сообщили, что министр иностранных дел Германии обратился к Советскому правительству с нотой, требовавшей немедленного прекращения чехословацкого движения, удаления союзников из Мурманска и Архангельска и подавления мятежа генерала Алексева. Тайное донесение Деникину из Москвы о германо-советских переговорах заканчивалось следующей фразой:

«Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для этих целей немецких сил по территории России... Немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве».

Таким образом, опасение генерала Деникина о возможности германского вмешательства в случае движения его армии на Царицын имело серьезные основания. Оставляя в покое армию, занятую освобождением Кубани, немцы не допустили бы ее продвижения к Волге, где уже возникал новый антибольшевистский фронт и где добровольцы могли попасть в западню между немцами и большевиками.

В окружении атамана Краснова были люди, не сочувствовавшие его позиции в отношении немцев. Они держали штаб генерала Деникина в курсе переговоров, которые Донской атаман тайно от Добровольческой армии вел с высшими германскими кругами. И подробности этих секретных переговоров возбуждали в добровольческом командовании чувство тревоги.

Выяснилось, что атаман отправил два собственноручных письма императору Вильгельму. Содержание первого письма не вызывало опасений. Но текст второго не на шутку встревожил генералов Алексева и Деникина.

Следуя своему «поэтическому вымыслу в ущерб правде», Краснов писал германскому императору не только от имени Войска Донского, но и от лица никогда не существовавшей федерации «Донско-Кавказского союза», образованного, как писал Краснов, из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского войска, из калмыков Ставропольской губернии, а также из горных народов Северного Кавказа. Все эти области, кроме Дона, были еще в руках большевиков. А представители их, находившиеся в Новочеркасске, определенно высказались против проекта атамана Краснова создать Донско-Кавказскую федерацию.

В своем длинном письме Краснов просил, между прочим, германского императора «содействовать к присоединению к войску (Донскому) по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, и города Воронежа, и станции Лиски, и Поворино» и сообщил, что «всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска князь Тундутов и Кубанское правительство, а по присоединении остальные части Доно-

Кавказского союза».

В послании к Вильгельму была и цветистая фраза о том, что «тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами».

Если добровольческих генералов и могла позабавить мысль о том, что Краснов не постеснялся втирать очки даже главе германского государства, то другие заявления в письме атамана не вызывали чувства юмора ни у Алексеева, ни у Деникина.

Как мог Краснов, говорили они, с одной стороны, толкать их на Царицын, с другой — заверять немцев, что не допустит на свою территорию враждебных Германии вооруженных сил?

«В лице генерала Краснова, — писал Алексеев Деникину, — немецкие притязания нашли отзывчивого исполнителя».

Что касалось Антона Ивановича, то он отлично понимал тяжелое положение, в котором находилось Донское правительство. Несмотря на личную неприязнь к Краснову, Деникин не осуждал атамана ни тогда, ни впоследствии за то, что в 1918 году он признал Дон не воюющей против Германии стороной, что воспользовался обеспечением немцами 500-километровой западной границы Донской области (от Азовского моря до Воронежской губернии), что приобрел через посредство немцев часть военных запасов бывшего русского Юго-Западного фронта. Деникин сознавал: в тогдашнем положении у Дона иного выхода не было. Но осуждал генерала Краснова за то, что в своих словах и действиях он шел гораздо дальше своего нейтралитета, «становясь в вассальные отношения к Германии», признавая за немцами право распоряжаться русскими землями — Воронежем, Камышином, Царицыном...»

Для Антона Ивановича красновская политика «была или слишком хитрой, или слишком беспринципной». Он считал, что во всех ораторских и письменных проявлениях атамана «была одна чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда... приводила многих к полной невозможности отнестись с доверием к его деятельности».

И все же, несмотря на взаимную антипатию, отношения между руководителями Добровольческой армии и атаманом никогда не прекращались

Этого нельзя было сказать о связи между добровольческим командованием и Украиной. Для Деникина гетманская Украина была креатурой немецкой политики, и вести переговоры с ней ему не хотелось. Гетман был пешкой в германских руках и добровольно вошел в полную от них зависимость. Под диктовку немцев он поддерживал украинский национальный шовинизм, направленный к тому, чтобы порвать культурную и государственную связь с Россией.

Генералу Деникину было необходимо выяснить, что творилось внутри России и, в частности, в Москве, куда в феврале 1918 года перебрался из Петрограда Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. С этой целью, а также для пополнения денежных средств армии он направил в Москву несколько офицеров, в том числе генерала Б. И. Казановича, полковника Новосильцева, полковника Лебедева, А. Ладыженского и других. Они должны были установить связь с подпольными организациями.

Советские органы внутренней охраны находились тогда в зачаточном состоянии, и их агенты не успели еще проникнуть в подполье. Но если у большевиков, опытных в конспиративной работе, политический сыск и контрразведка были лишь в зародыше, то добровольцы, не имевшие понятия об этом, относились к ним чрезвычайно наивно. Примером может служить эпизод с генералом Казановичем. Храбрый строевой офицер, несколько раз раненный во время первой мировой войны, с незажившей раной, полученной во время добровольческой кампании, он, казалось бы, меньше всего подходил к роли конспиратора. «Каково же было мое удивление, — рассказывал Казанович, — когда генералы Деникин и Романовский, вкратце ознакомив меня с обстановкой, задали вопрос: не соглашусь ли я поехать в Москву? Я ответил, что предпочел бы заниматься своим прямым делом, то есть драться с большевиками, но, конечно, не отказываюсь от всякого поручения, раз оно необходимо для армии... Меня стали убеждать, доказывая, что послать решительно некого. И я должен был согласиться, заметив, что это напоминает мне поручение, даваемое сказочными царями: «поезжай — не знаю к кому и привези — не знаю что», и простился со словами: уж не надоел ли я вам и вы хотите просто отправить меня на виселицу?»

Любительский подход к конспирации особенно ярко проявился в бумагах и документах, которые генерал Казанович имел при себе. Он вез с собой письма генералов Алексеева и Деникина, удостоверение личности от Добровольческой армии «для предъявления лицам, со стороны которых можно было ожидать сочувствие», фальшивый паспорт с вымышленной фамилией, свидетельство Донского правительства с указанием фамилии иной, чем в паспорте... И несмотря на все компрометирующие улики, Казановича никто не обыскивал, и он благополучно завершил свою миссию, пробыв в Москве целый месяц.

Исключительное внимание генерала Деникина привлекал вопрос о большевистских воору-

женных силах, о том, что они из себя представляли в тот период. На юге ему пришлось столкнуться с дезорганизацией красных частей. Но сведения, доходившие из Москвы, указывали на крупные сдвиги в военной стратегии. Создавалось впечатление, что Советское правительство, поняв полную несостоятельность Красной гвардии, увидело необходимость иного подхода к организации вооруженных сил и стремилось перейти от принципа добровольчества к общей мобилизации.

В руки к Деникину попал советский приказ, упраздняющий войсковые комитеты, отменяющий выборное начало. Выяснилось, что большевики восстановили всеобщую воинскую повинность, взяли на учет старых офицеров, привлекли на службу офицеров Генерального штаба, основали инструкторские школы для подготовки командного состава.

Мобилизуя офицеров старой армии, советская власть рисковала. Господствующая партия отдавала себе в этом ясный отчет, и, чтобы обезвредить специалистов, большевики ввели такую систему принуждения и террора, против которой осмеливались идти лишь люди невероятной силы духа. Был учрежден институт заложников. За каждого офицера, перешедшего к классовым врагам, отвечали все члены его семьи — родители, жена, братья, сестры, даже дети. Ограждая себя от возможного саботажа, советская власть еще в марте 1918 года создала институт военных комиссаров, которым поручался политический контроль над всей организацией и жизнью армии. Комиссар не должен был вмешиваться в военные распоряжения специалистов, но ответственность за возможную измену командного состава ложилась на него.

Кроме офицеров большевики привлекли в 1918 году в Красную армию около 130 тысяч бывших унтер-офицеров старой армии. Они сыграли немалую роль в конечном исходе борьбы.

К ноябрю 1918 года Красная армия насчитывала до полумиллиона штыков и сабель, а к концу декабря того же года численность армии дошла до 800 тысяч человек. Призванные по мобилизации были чрезвычайно неустойчивы. Но ядром формирований явились коммунистические ячейки во всех отрядах и полках, а также старые солдаты и унтер-офицеры, сделавшие военную службу своим ремеслом. Из латышей, служивших в старой армии и оторванных от родины германской оккупацией, были сформированы латышские полки. Они оказались надежным оплотом советской власти.

В отряды «интернационалистов» вошли военнопленные венгры, немцы, отчасти славяне. Попали туда также китайцы и корейцы. В первые годы войны царское правительство выписало их с Дальнего Востока в качестве неквалифицированной рабочей силы. Около 200 тысяч китайцев и 200 тысяч корейцев оказалось таким образом в России в момент большевистского переворота. Оставшись без заработка, они записались в Красную армию и оставили по себе недобрую память зверскими расправами с арестованными и пленными.

События первой половины 1918 года, несмотря на их грандиозный размах и огромное значение, служили генералу Деникину лишь фоном, на котором он обдумывал и тщательно разрабатывал свои ближайшие военные планы, а именно, детали кампании, получившей название Второго кубанского похода.

Разработкой плана этой кампании и проведением его в жизнь генерал Деникин заслужил не только похвалу друзей, но и признание своих критиков и врагов.

XVII ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

«Нас было мало, — вспоминал генерал Деникин о выступлениях своей армии во Второй поход на Кубань, — тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами — военное искусство... В армии — порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в силе и надежда на будущее?».

У добровольцев было лишь двадцать одно орудие и два броневика. В распоряжении красных имелось свыше сотни орудий, большое количество пулеметов, артиллерийских снарядов, ружейных патронов. Но советские войска были плохо организованы, а их командный состав вел жестокую борьбу с гражданской властью и враждовал между собой.

Благодаря создавшейся неразберихе силы северо-кавказских войск большевиков, по словам Антона Ивановича, «не поддавались точному учету». Даже советский Генеральный штаб в Москве имел о них лишь относительное представление. Однако в отрядной для добровольцев картине большевистских раздоров имелся элемент, тревоживший генерала Деникина: войска бывшего русского фронта против турок, зажатые ходом событий в тесном районе между Доном и Кавказским хребтом, не имели возможности расплыться по России с такой же легкостью, как солдаты русских армий европейских фронтов. Антон-Иванович предвидел, что они могли стать почти «неистощимым и хорошо подготовленным материалом для комплектования Северо-Кавказской Красной армии».

Несмотря на свою малочисленность, армия генерала Деникина была разделена на три пехот-

ные, одну конную дивизию и одну конную-кубанскую бригаду. Казалось бы,, такое громкое название, как дивизия, не соответствовало скромному количеству бойцов, но организация армии была продумана и имела большой практический смысл.

«Добровольческие части,—писал Антон Иванович,—формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись под огнем, в непрестанных боях»,
В ночь с 9 на 10 июня выступила в поход армия. Ближайшей целью кампании был захват Екатеринодара. Но до этого требовалось пройти через четыре оперативные фазы:

1. Обеспечить тыл со стороны Царицына и, следовательно, прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Это достигалось путем захвата узловой станции Торговая, а к северо-востоку от нее — станции Великокняжеская. Передав затем царицынское направление Донскому войску, добровольцы приступили к выполнению второй фазы операции.

2. Круто сворачивая на юго-запад, Добровольческая армия двигалась затем вдоль железной дороги к станции Тихорецкой (от Великокняжеской до Тихорецкой — 150 километров. Там находилось пересечение двух железнодорожных линий; Царицын—Екатеринодар, Ростов—Владикавказ).

3. Овладев Тихорецкой, армия должна была обеспечить свои фланги для дальнейшего наступления на Екатеринодар. С этой целью на правом фланге часть войск направлялась на станцию Кушевку, а на левом фланге — на станцию Кавказскую (обе станции были на магистрали Ростов—Владикавказ).

4. Последней, заключительной фазой операции являлся фронтальный удар по Екатеринодару.

В 216 году до рождества Христова силами, вдвое меньшими, чем у противника, Ганнибал окружил в Апулии при Каннах и полностью уничтожил римскую армию Теренция Варрона.

Идея Канн лежала в основе деникинского плана, и он отлично провел ее в жизнь в двух первых фазах своего наступления.

Первая фаза операции закончилась в пять дней. Вторая длилась две недели. На станции Тихорецкой среди множества трофеев добровольцы захватили штабной поезд советского командующего Калнина. В последнюю минуту ему удалось бежать в одиночку. Начальник его штаба, бывший полковник старой армии, боясь расправы, покончил самоубийством, предварительно застрелив свою жену в купе штабного вагона.

Ожесточение враждующих сторон не знало предела. Раненые добровольцы, попадавшие в руки красных, подвергались жестоким истязаниям перед смертью. У них отрубали руки, ноги, вспарывали животы, выкалывали глаза, резали языки и уши. Были случаи, когда их обливали керосином и затем сжигали живьем.

В одном из боев (под Белой Глиной) отряд полковника Дроздовского наткнулся на обезображенные трупы своих однополчан. Озлобившись, он расстрелял пленных красноармейцев. Деникин вызвал к себе Дроздовского. Указав «на недопустимость такой жестокой массовой расправы, наносящей к тому же явный вред армии», он требовал, чтобы подобные факты не повторялись. Но в душе Антон Иванович знал, что если Дроздовский или другие и выполнят его приказ, «то только формально»...

«Нужно было время, — писал в своих воспоминаниях генерал Деникин, — нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми — и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе мы вовсе не брали пленных. Во Втором — брали тысячами. Позднее мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба борьбы, но и эволюции духа».

Первые две фазы кампании прошли отлично. Но рассчитывать на то, что и в дальнейшем ходе операции все будет идти без препятствий, не приходилось,

После захвата Тихорецкой генерал Деникин 3 июля двинул свои войска по трем расходящимся направлениям на фронте в 140 километров. Главные силы направлялись на правый фланг, чтобы захватить станцию Кушевка и разбить там советские войска Сорокина. На левый фланг (для захвата станции Кавказской) была двинута дивизия генерала Боровского; а прямо — на Екатеринодар — шла дивизия полковника Дроздовского.

Красные были выбиты со станции Кушевка и взяты в окружение. Однако Сорокину удалось не только вывести свои войска, но и сосредоточить их для удара на правом фланге и в тылу тех добровольческих частей, которые двигались на Екатеринодар. Одновременно часть так называемой «Таманской» армии (одной из прочно организованных красных боевых единиц на Северном Кавказе, куда входило много иногородних) ударила из Екатеринодара по наступавшим добровольцам. Численностью большевики во много раз превосходили белых. Сорокин и Ковтюх, командовавшие таманцами, хотели взять добровольцев в клещи.

И для войск Деникина создавалось чрезвычайно тяжелое положение. Жестокие бои длились 10 дней. Однако противник был разбит. 3 августа Добровольческая армия вступила в Екатеринодар.

Радость победы омрачалась страшными потерями, которые армия понесла за это время. Множество рядовых бойцов было выбито из строя. Погибло несколько доблестных начальников, а главное, погиб генерал Марков.

Марков был смертельно ранен вечером 12 июня у станции Шаблиевка, в самом начале Второго похода на Кубань. «Красные части отступали, — рассказывал генерал Деникин. — Уходили и бронепоезда, посылая последние прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Предпоследний (снаряд) был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. (Осколком снаряда он был ранен в левую часть затылка, и была вырвана большая часть левого плеча.) Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами — друзьями, онемевшими от горя.

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал в последний путь своего начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай на караул». В первый раз полк сломался, отдавая честь своему генералу, — ружья валялись из рук, штыки колыхались, офицеры и казаки плакали навзрыд...

К вечеру тело перевезли в Торговую, — продолжал свой рассказ Антон Иванович.—После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо продвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю».

Гроб с останками генерала Маркова был перевезен в Новочеркасск и погребен там на военном кладбище. На отпевании в Войсковом соборе среди множества молящихся присутствовали генерал Алексеев, Донской атаман Краснов, мать, жена и дети покойного генерала. Сдавленным, прерывающимся от горя голосом генерал Алексеев произнес на кладбище надгробное слово. А затем, неожиданно для всех встав на колени, отвесил земной поклон матери покойного, «вскормившей и вспоившей верного сына Родины».

В приказе по армии генерал Деникин переименовал 1-й офицерский полк, которым прежде командовал С. Л. Марков, в 1-й офицерский генерала Маркова полк. Через историю белой борьбы полк доблестно и гордо пронес это знамя.

Для Антона Ивановича смерть Маркова — человека, друга, блестящего полководца — была величайшей утратой.

3 августа Антон Иванович, как и все, кто участвовал в Первом походе, волнуясь, вступил в Екатеринодар. Для него этот город приобрел какое-то мистическое значение. Четыре месяца назад добровольцы, преследуемые по пятам большевиками, с малой верой в возможность вырваться из окружения, которое готовил им противник, мрачно уходили в неизвестность. Теперь, как символ воскресения, как феникс, возрожденный из пепла, шли они, окрыленные надеждой и сильные духом. В освобожденном Екатеринодаре добровольцев ждала ликующая, восторженная встреча.

«В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах, — вспоминал Деникин, — был праздник, светлый и радостный».

Но на смену радостному подъему пришли скучные, досадные мелочи жизни. И еще требования, которые тут же выдвинули представители Кубанского правительства, вернувшиеся в свою столицу в обозе Добровольческой армии.

Расположившись в глубоком тылу на станции Тихорецкой, правительство Кубани хотело первым войти в город и подчеркнуть таким образом, что оно являлось истинным хозяином положения. Правительство просило генерала Деникина повременить со въездом в Екатеринодар, прежде самому прибыть туда под предлогом, чтобы подготовить якобы достойную встречу генералу.

«Но в Екатеринодар втягивались добровольческие дивизии, — рассказывал Антон Иванович, — на том берегу шел еще бой, и мне поневоле пришлось перевести свой штаб на екатеринодарский вокзал. Только к вечеру не вытерпел — поехал незаметно на автомобиле по знакомому городу, теперь неузнаваемому, загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполне верившему своему освобождению».

Когда Деникин узнал, что это естественное и вполне понятное путешествие поставлено было ему в вину, он глубоко оскорбился.

«Тонкие политики! — говорил он. — Если бы я знал, что... этот эпизод так огорчит ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе от торжеств. И притом никто не препятствовал ведь правительству и Раде войти в Екатеринодар хотя бы с конницей... атаковавшей город».

Несмотря на закулисные интриги, официальные церемонии в честь генерала Деникина и его армии прошли чрезвычайно торжественно и даже восторженно. 4 августа, на следующий день после освобождения Екатеринодара, туда съехались все представители Кубанского правительства и Рады. В речах превозносили заслуги добровольцев. Атаман Филимонов говорил, что кубанские казаки, закончив освобождение родного края, будут продолжать борьбу за возрождение «великой, единой и неделимой России». На большой соборной площади, среди огромной толпы молящихся духовенство слу-

жило благодарственный молебен.

Однако для большинства представителей Кубанского правительства и Рады обещания продолжать борьбу за возрождение России были лишь словесными украшениями. Они мечтали о том, чтобы враждующие стороны оставили их в покое, и наивно думали, что в условиях гражданской войны это возможно.

Кубанские деятели были против советской власти, но отказывались понять, что Кубань и Добровольческая армия зависели друг от друга, что только тесное сотрудничество с добровольцами могло оградить их тогда от большевизма.

Ни Алексеев, ни Деникин не хотели вмешиваться в управление краем. У них для этого не было ни времени, ни людей, ни соответствующего аппарата. Но разграничить функции отдельных начальников армии, действовавшей на территории Кубани, от местного административного управления было нелегкой задачей. И на этой почве стали возникать сперва мелкие, а затем и крупные недоразумения. Добровольческие отряды реквизируют имущество, оставленное советскими войсками, в то время как Кубанское правительство считало его своим военным призом. Добровольцы вмешивались во внутреннюю жизнь станиц.

Антон Иванович сознавал, что претензии Кубанского правительства имели немало оснований. Но его раздражали такие придирки и жалобы в момент, когда все силы были направлены на борьбу.

Он искренне верил в необходимость «самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта». Но категорически отказывался признать за Кубанью право объявить себя суверенным государством, иметь свою таможенную, свою иностранную политику, думать о посылке делегатов на международную конференцию, которая будет созвана по окончании мировой войны. А эти требования, выдвигавшиеся постепенно, но настойчиво, сгущали политическую атмосферу в Екатеринодаре.

Наиболее острым вопросом в ближайшее время стало требование местных властей о выходе всех кубанских казаков из Добровольческой армии. Они настаивали на образовании отдельной автономной Кубанской армии, подчиненной генералу Деникину лишь в оперативном отношении. Правительство и Рада стремились вначале противопоставить свои войска добровольцам, а затем диктовать собственные условия. Официально же они прикрывались примером Дона, имевшего свое войско, страхом за судьбу Кубани в случае ухода добровольцев из области.

Для Деникина такое требование было совершенно неприемлемо: его армия лишилась бы половины личного состава и почти всей конницы.

В середине августа этот вопрос обсуждался на заседании командования и кубанских властей. И когда последние упорно настаивали на проведении в жизнь своих планов, Антон Иванович встал и заявил:

— В то время, когда половина Кубани лежит под властью большевиков и на полях ее льется кровь добровольцев, Кубанское правительство стремится развалить армию.

— Я этого не допущу!

Его резкий тон и демонстративный уход с заседания произвели сильное впечатление на кубанцев, далеко не уверенных в том, что казачество пойдет за ними.

И действительно, разногласия в верхах не коснулись тогда рядового казачества. Оно шло за своими офицерами. А кубанские офицеры — воспитанники русских военных училищ — смотрели на события глазами русского офицера. Они с недоверием относились к деятельности своего правительства, а многие из них готовы были без церемоний расправиться с самостийными жожаками. И те это отлично знали.

В своем большинстве члены Рады и правительства принадлежали к казачьей разновидности того, что в 1917 году было принято именовать «революционной демократией». Но местные варианты социализма с примесью казачьего шовинизма, не признавали равноправия за иногородними.

«Иногородние, — писал Антон Иванович, — считались поголовно большевиками и являлись бесправными на кубанской земле. На них налагались тяжкие материальные кары за действительный или мнимый большевизм, включительно до отобрания домов и угодий безвестно отсутствующих глав семей. Детей их изгоняли из школ... А сколько людей перевешано и расстреляно было станичными судами, об этом неведомо было кубанскому правительству, не занимавшемуся подобной статистикой. В самом этом «парламенте»... серьезно обсуждали вопрос о поголовном выселении иногородних из Кубанской области, причем более экспансивные ораторы сбивались: вместо «выселения» упоминали иногда об «истреблении».

Помимо моральной стороны Деникина беспокоила мысль о том что притеснения иногородних толкали их в объятия большевиков в ряды Красной армии. Антон Иванович старался влиять на атамана Филимонова, обычно поддерживавшего добровольцев, но усилия его не увенчались успехом.

При всем моральном и политическом значении освобождение Екатеринодара не разрешало стратегической задачи операции. Часть Кубани еще оставалась в руках большевиков. А Деникин

намечал не только освобождение всей Кубанской области, но и «обеспечение освобожденного края и всего Северного Кавказа надежными естественными рубежами — Черным и Каспийским морями и Кавказским хребтом».

Черное море, как говорил Деникин, приоткрывало окно в Европу. Там возникала связь с союзниками, о которой так давно мечтал Антон Иванович. Ход мировой войны к концу лета указывал на неизбежность скорого немецкого поражения: Америка, сменившая в лагере союзников выбывшую Россию, всей силой и технической мощью давила на Германию.

Каспийское же море давало надежду наладить сообщение с движением, которое после выступления чехословаков все шире и шире охватывало Поволжье и Сибирь. Кроме того, оно обеспечивало контакт с отрядами англичан, пробравшимися через Персию к каспийскому порту Энзели.

В начале августа Добровольческая армия приступила к пополнению своих поредевших в боях рядов путем мобилизации, а к концу года широко использовала другой источник людских ресурсов — пленных красноармейцев. В конце октября было покончено с четырехмесячными контрактами. Все офицеры в возрасте до сорока лет подлежали призыву в войска.

В своих воспоминаниях Деникин отметил, что эти перемены в составе армии значительно изменили ее моральный облик, который с того времени начал тускнеть, а монолитность старого добровольчества — уходить в область преданий.

После освобождения Екатеринодара генерал Деникин готовился к продолжению похода, его армия насчитывала уже 35—40 тысяч штыков и пашек, 86 орудий, 256 пулеметов, 5 бронепоездов, 8 бронированных автомобилей и два авиационных отряда, имевших 7 самолетов.

Масштаб борьбы увеличивался. Прежде узкий и короткий фронт добровольцев начал растягиваться на расстояние в триста—четыреста километров. И это принуждало командование к пересмотру системы управления. Генерал Деникин не в состоянии был лично вести свою армию, как делал это в течение последних пяти месяцев.

«Открывалась, — говорил он, — более широкая стратегическая работа начальникам, и вместе с тем суживалась сфера моего непосредственного влияния на войска.

Раньше я вел армию. Теперь я командовал ею».

К середине августа генералу Деникину удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской области, занять Новороссийск и утвердиться на побережье Черного моря.

Это задание было выполнено дивизией генерала Покровского и отрядом полковника Колосовского. Таманская группа красных, преграждавшая им путь, проявила большую стойкость. Она с боем отошла на юг вдоль черноморского побережья к Туапсе, откуда свернула на восток на соединение с армией Сорокина.

Театр военных действий переносился теперь на восточную часть Кубанской области против красных войск Сорокина.

Молва об успехах Добровольческой армии прокатилась по всем городам и станицам Северного Кавказа. При ее приближении то тут, то там вспыхивали вооруженные восстания против советской власти, Некоторые из них, как, например, восстание терских казаков, начинались преждевременно. Добровольцы были еще слишком далеко и не могли прийти на помощь повстанцам. Бывали случаи, когда восставшие казаки образовывали партизанские отряды, которые успешно действовали в тылу у большевиков, совершая удачные набеги на склады боеприпасов и взрывая железнодорожные пути. Самым выдающимся из них был партизанский отряд во главе с полковником Шкуро, вокруг имени которого вскоре начали слагаться легенды. Он шел на соединение с добровольцами, а по дороге захватывал малые и большие города.

В Кисловодске местная буржуазия с восторгом встречала Шкуро как избавителя, но вскоре с ужасом узнала, что слухи преувеличили значение его отряда, что он совершал лишь партизанский набег и удержать города не может. Вернувшиеся после ухода Шкуро большевики подвергли все зажиточное население города репрессиям.

Через некоторое время отряд Шкуро направился к Ставрополю. Подойдя к нему, полковник предъявил комиссарам и начальнику гарнизона ультиматум — очистить город, В случае неисполнения своего требования он грозил пустить в ход тяжелую артиллерию. Напуганные молвой об удачах знаменитого партизана, большевики оставили город, поверив в угрозу и в тяжелую артиллерию, которой у Шкуро не было и в помине.

Движение на Ставрополь в начале августа не входило в намерения добровольческого командования. Но, стремясь не допустить повторения участи Кисловодска, генерал Деникин решил послать на поддержку Шкуро части своей армии. Антон Иванович сознавал, что наперекор расчетам он втягивался в события, которые неизбежно должны были отвлечь его силы и внимание от ближайших дел.

Несмотря на большие потери, армия Сорокина к тому времени тоже сильно увеличилась. Кроме таманской группы, в нее влились демобилизованные солдаты бывшего русско-турецкого фронта. Армия Сорокина насчитывала тогда до 150 тысяч бойцов при 200 орудиях. Она постепенно выхо-

дила из морального кризиса, в который повергли ее непрерывные неудачи и поражения. Причиной перемены в настроении были иногородние. По сведениям в штабе генерала Деникина, они предъявили требования к своему командованию «прекратить отступление, реорганизовать фронт и затем наступать»...

Красное командование было готово идти навстречу этим желаниям, но появились разногласия относительно дальнейшего плана кампании, личная неприязнь.

Вражда в советских верхах не помешала красным отбить у добровольцев Армавир и Ставрополь. Но через двадцать восемь дней жестоких боев красные части с большими потерями вынуждены были отступить. Ставрополь был взят белыми войсками 2 ноября,

Бои за этот город нанесли Северо-Кавказской Красной армии самый сильный удар за всю кампанию. Она продолжала сопротивляться, проявляла большое мужество, переходила иногда даже в наступление, но оправиться от поражения под Ставрополем не смогла.

К началу ноября Кубанская область была окончательно освобождена от большевиков, а к началу февраля 1919 года, — закончена задуманная генералом Деникиным операция по освобождению всего Северного Кавказа.

Узкими и извилистыми дорогами Деникин, наконец, добрался до того перекрестка, откуда открывался широкий путь к центру России. И можно было подумать о свержении советской власти в Москве.

Во Втором кубанском походе отличилось немало командиров. В пехоте: генерал Казанович, полковники Дроздовский, Кутепов, Тимановский, произведенные за боевые отличия в генералы. В кавалерии: генерал Покровский, полковники Улагай, Топорков, Науменко, Бабиев, партизан Шкуро.

Но больше других — недавно прибывший в армию генерал барон Петр Николаевич Врангель.

Деникин видел, что в условиях гражданской войны подвижность и маневр кавалерии имели первостепенное значение. Поставив целью создать мощную конницу, он искал человека, которому можно было доверить дело. Среди тех, кто служил в его армии, такого человека не имелось, а потому Антон Иванович решил испробовать вновь прибывшего генерала с репутацией талантливого и решительного кавалерийского начальника.

Врангель впервые явился к генералу Деникину в Екатеринодаре.

— Ну, как же мы вас используем? — спросил Антон Иванович. — Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас немного.

— Как вам известно, ваше превосходительство, — ответил генерал Врангель, — я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

— Ну, уж эскадрон... Бригадиром согласны?

— Слушаю, ваше превосходительство.

Далек был тогда Антон Иванович от мысли, что через год генерал Врангель, человек властный и крутой, станет к нему в открытую оппозицию, и его будут прочить на пост Главнокомандующего.

Услуги, которые Врангель оказал армии, оправдали ожидания. С самого начала он показал себя выдающимся кавалерийским начальником, отлично разбиравшимся в боевой обстановке, умеющим брать на себя ответственность, принимать решения на месте. Оценив в нем качества полководца — искусство маневра, порыв и энергию, генерал Деникин, всецело доверяя Врангелю, с искренней радостью продвигал его по службе. Повышения одно за другим следовали с невероятной быстротой.

Высокого роста, на голову выше толпы, худой, поджарый, с зычным голосом, Врангель импонировал войскам своей «декоративной» наружностью и манерой держаться. Он сумел подчинить себе своевольных и трудных людей вроде Покровского и Шкуро.

С ростом роли Добровольческой армии быстро росла в ней и роль барона Врангеля.

XVIII ЛЕТО И ОСЕНЬ 1918 ГОДА

В начале августа 1918 года до Добровольческой армии дошел слух об убийстве в Екатеринбургской царской семье. Слух оказался достоверным. Он произвел ошеломляющее впечатление. Убийство это лишний раз подчеркивало всю дикость произвола и беззакония, охвативших страну, где не нашлось пощады ни женщинам, ни детям.

Генерал Деникин приказал Добровольческой армии отслужить панихиды. Сосредоточенно молились офицеры и солдаты об упокоении душ замученной семьи. Даже те из них, кто не сочувствовал идее монархии, с уважением отнеслись к памяти царя, который смертью своей «заплатил за вольные и невольные преступления против русского народа». Но в кругах, непричастных к армии, в среде

так называемой «революционной демократии» факт приказа служить панихиды вызвал критику и осуждение.

В своих воспоминаниях Антон Иванович писал, что «глубоко возмущенная общественная совесть винила в этом злодеянии (в убийстве) германскую власть, имевшую неограниченное влияние на совет комиссаров и не пожелавшую воспользоваться им для спасения царской семьи».

Немцы действительно не пожелали в данном случае прибегнуть к своему влиянию. Но даже если бы они потребовали от большевиков выдать им царскую семью, то в изворотливом уме Ленина нашлось бы много уловок, чтобы не выполнить требование. Оправдания найти было нетрудно: народный гнев, местная власть, не подчинившаяся центру, наконец, сопротивление, оказанное при попытке к бегству...

Генерал Деникин не знал тогда о душевной травме, которую отрекшийся монарх переживал в последние месяцы своей жизни. В Тобольске, где царская семья находилась до перевода ее в Екатеринбург, в кругу близких людей обсуждался как-то Брест-Литовский договор, и князь Долгорукий сказал, что, по слухам, одним из условий этого договора является требование немцев передать им царскую семью целой и невредимой. Государь воскликнул: «Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!» А государыня добавила вполголоса: «После того, что они (немцы при посредстве большевиков) сделали с государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами».

Это говорила женщина, которую в конце 1916 года и начале 1917 года оппозиция сознательно чернила, обвиняя в предательстве России в пользу Германии! И царь, и царица с ужасом думали о несмываемом позоре, о том, что их насильно, против воли, выдадут немцам...

Отношение Антона Ивановича к императору Николаю II было неоднозначно. Он считал, что старый строй рухнул, в том числе из-за правления царя, и винил его в тяжких испытаниях, выпавших на долю России. Убийство императора возбудило в Деникине чувство глубокого возмущения и жалости. Когда же несколько лет спустя он узнал подробности того, с каким достоинством, патриотизмом и с каким чисто христианским смирением отрекшийся монарх смотрел в глаза надвигавшейся катастрофе, то в одном из своих неопубликованных писем Деникин так написал о последнем императоре:

«Облик государя и его семьи в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты установлен в последнее время прочно бесспорными историческими документами»,

Состояние здоровья генерала Алексева быстро ухудшалось. По-прежнему он отдавал все силы «последнему своему делу на земле», но Антону Ивановичу было ясно, что конец близок.

Человек осторожный, Алексеев обладал умом государственного деятеля, широким кругозором в политических вопросах и умением облекать свои отношения с инакомыслящими людьми в дипломатические формы. Антон Иванович этим свойством не обладал и честно признавался, что никогда не мог постичь искусства дипломата. Он искренне любил Алексева, глубоко уважал его, и приближавшаяся кончина старшего генерала тревожила Деникина. Его ждало одиночество, он сознавал свою неподготовленность в сфере гражданского управления, не говоря уже о сложных государственных вопросах, которые при расширении территории, занятой добровольческими войсками, неизбежно должны были возникнуть.

Генерал Алексеев скончался в Екатеринодаре 25 сентября 1918 года.

«В годы великой смуты, — писал о нем Антон Иванович, — когда люди меняли с непостижимой легкостью свой нравственный облик, взгляды, ориентации, когда заблудившиеся или не в меру скользкие люди шли окольными, темными путями, он шагал твердой старческой поступью по прямой кремнистой дороге. Его имя было тем знаменем, которое привлекало людей самых разнообразных политических взглядов обаянием разума, честности и патриотизма».

Генерал Деникин принял звание Главнокомандующего. Против его воли судьба взвалила на плечи тяжелую ношу: с одной стороны — функции правителя, с другой — верховное командование армией.

Антон Иванович, как и генерал Алексеев, был убежден, что в условиях того времени только диктатура личности могла рассчитывать на успех в борьбе с диктатурой Кремля. В диктатуре он видел лишь средство борьбы и смотрел на нее как на явление чисто временное. Но всеобъемлющие функции диктатора требовали выдающихся помощников, на совет и мудрость которых можно было положиться, особенно в области управления. К несчастью Деникина, таких помощников у него не оказалось. И в его письмах этого периода неоднократно прорывалась отчаянная, неотступная мысль: нет людей!

Он говорил: «Ряды старых добровольцев редели от постоянных боев, от сыпного тифа, косившего нещадно. Каждый день росли новые могилы у безвестных станиц и поселков Кавказа». В бою был убит доблестный артиллерист полковник Миончинский; умер от заражения крови раненный под Ставрополем генерал Дроздовский. И многие, многие близкие Деникину люди один за другим уходили из жизни; и провожая их, все та же мучительная мысль преследовала Антона Ивановича: уходят,

уходят... а путь еще так бесконечно далек...

С генералом Дроздовским, человеком нервным и вспыльчивым, отношения у Деникина порой были натянутыми. Причина, быть может, крылась в том, что Дроздовский, не привыкший еще к способу ведения боя, выработанному в Первом походе Добровольческой армии, вначале вел методическое наступление, применяя тактику первой мировой войны. После одной, неудачно проведенной (по мнению Деникина) операции Антон Иванович сделал Дроздовскому замечание. Это обидело Дроздовского, и он послал командующему рапорт в тоне, недопустимом с точки зрения воинской дисциплины. «Невзирая на исключительную роль, — писал он генералу Деникину, — которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии... Вы не остановились перед публичным выговором мне...»

Дисциплина требовала применения суровых мер. Но они вызвали бы окончательный разрыв с Дроздовским и уход его из армии. Деникин считал это недопустимым. «Принцип, — говорил он, — вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я переживал остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским (начальником штаба).

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан.

— Как?

— Я написал еще вчера Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его командующему я не мог.

— Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову?..

— Это неважно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости и раздражении. Теперь, успокоившись, сам, наверное, рад такому исходу.

«Прогноз Ивана Павловича, — писал Деникин, — оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел... и Дроздовского. Последний был корректен, исполнительен и не говорил ни слова о своем рапорте. Но слухи об этом эпизоде проникли в армию и дали повод чернить память Романовского: скрывает правду от командующего!»

Ивану Павловичу Романовскому в этой книге будет отведено особое место, что же касается генерала Дроздовского, то Антон Иванович, всегда ставивший заслуги людей перед родиной выше личных с ними отношений, глубоко ценил его патриотизм, твердость духа, благородство и огромную роль, которую Дроздовский сыграл в истории Добровольческой армии, приведя свой отряд из Румынии и поставив его и себя в подчинение генералу Деникину.

Приказом по армии в честь погибшего созданный им 2-й офицерский полк (впоследствии дивизия) был назван именем генерала Дроздовского. Как «корниловцы» и «марковцы», так и «дроздовцы» вписали блестящие страницы в боевую историю белого движения.

В конце августа и в начале ноября генерал Деникин произнес две речи, в которых он высказал «общие основания добровольческой политики».

26 августа, при первом посещении Ставрополя, Деникин говорил:

«Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы русской государственной армией. Отсюда — недовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но, если в рядах армии и живут определенные тенденции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми, — но любите нашу истерзанную родину и помогите нам спасти ее. Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно было сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь по новому руслу — к свету и правде».

В другой речи декларативного характера, которую Деникин произнес 1 ноября, в день открытия Кубанской рады в Екатеринодаре, он призывал к единению, говорил о том, что интересы Кубани требуют тесного взаимодействия с Добровольческой армией, ставшей единственной преградой от нашествия большевиков с севера. Он указывал на необходимость в условиях жесткой борьбы иметь единую армию с единым командованием. Он заявлял, что его армия, «ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предпринимает формы будущего правления, ни даже тех путей какими русский народ объявит свою волю». Он также заявлял, что «Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта.»

Взгляды генерала Деникина на смысл его борьбы и на будущую форму правления остались

неизменны. 16 января 1920 года на заседании Верховного казачьего круга Антон Иванович заявил:

«Я веду борьбу за Россию, а не за власть... Тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренне высказать свой взгляд на самое больное место нашего символа веры.

Счастье родины я ставлю на первый план. Я работаю над освобождением России. Форма правления — для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или другой власти».

Оглядываясь на прошлое, подводил итог:

«Как бы то ни было, два основных положения—непредрешение формы государственного строя и невозможность сотрудничества с немцами —фактически нами были соблюдены до конца».

Декларативные заявления Деникина отличались и неопределенностью, и расплывчатостью и, естественно, не могли увлечь народ, еще не утративший веры в заманчивые обещания большевиков.

ХІХ НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

В самые тяжелые минуты своей жизни Антон Иванович думал иногда о генерале Людендорфе, так много потрудившемся над разложением русской армии.

Про себя Деникин знал, что хватит в нем сил «не дрогнуть перед смертью». Но занимала мысль; как поступил бы Людендорф, эта гранитная глыба германской военной мощи, если бы волею судьбы ему пришлось очутиться в подобных обстоятельствах?

Ответ на этот теоретический вопрос был дан с исчерпывающей ясностью после падения Германии: опасаясь призрака революции, генерал Людендорф бежал в Швецию... А император Вильгельм (которого Деникин считал главным виновником первой мировой войны и который пальцем не шевельнул, чтобы спасти от смерти русского царя и его семью) бежал в Голландию...

Эти люди, уверенные в победоносной войне, поставили на карту в 1914 году миллионы человеческих жизней. Но когда настал час расплаты, они бежали за границу, спасая собственную жизнь от воображаемой опасности.

Грандиозная карта развала центральных держав и разгрома Германии ставила вопрос о судьбе огромной территории, которую занимали их войска на юге и на западе России.

Деникинская армия освобождала Северный Кавказ и районы восточнее Кубани. Даже при быстром и удачном исходе этой борьбы она была слишком малочисленна, слишком плохо вооружена, чтобы занять Украину, Новороссию и Крым. Требовалось время. И это время, по мнению Деникина, могли дать союзные войска.

Не вести наступление, нет, а стать гарнизонами на смену австро-германцев и сдерживать начинавшую бушевать волну анархии, скажем, как плацдарм для формирования русской армии и как база в ее дальнейших операциях.

Деникин поручил генералу Щербачеву (последнему главнокомандующему русскими войсками на Румынском фронте, жившему тогда в Румынии) войти в сношение с французским генералом Бертело Штаб Бертело находился в Бухаресте, а сам он, только что получил назначение на пост Главнокомандующего союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России.

3 ноября 1918 года Щербачев после переговоров с Бертело доносил Деникину, что результаты совещания превзошли все его ожидания. Он писал, что генерал Бертело, имеющий поддержку Клемансо уполномочен «проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся юга России и спасения его от анархии». Генерал Щербачев сообщил о достигнутом между ним и генералом Бертело соглашении:

«Для оккупации Юга России будет двинуто настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

Дивизии будут французские и греческие.

Я (генерал Щербачев) буду состоять по предложению союзников и генерала Бертело при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе.

По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворож-

ским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организоваться и быть свободными для более широких активных операций.

В Одессу, как в главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и проч.

Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении...»

«Это письмо, — вспоминал генерал Деникин, — своей определенностью выводило нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые, необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками».

10 ноября (ст. ст.) в новороссийский порт вошла союзная эскадра: два миноносца и два крейсера, «Эрнест Ренан» и «Ливерпуль». «Новороссийск, а затем Екатеринодар, — писал Антон Иванович, — встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и надеждами сердца. Толпы народа загрохотали улицы Екатеринодара, и их шумное ликование не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западных гостей».

Генерал Деникин от души желал счастья Франции и Англии, говорил, что Россия, не эта лоскутная, беспомощная, а новая, сильная, единая Россия никогда не забудет бескорыстной дружеской помощи.

В ответной речи представитель Великобритании генерал Пуль вспоминал первые годы мировой войны: «Мы не забыли и никогда не забудем, как вы героическими усилиями спасли нас в 1914 году, когда положение было критическим. Мы никогда не забудем, что вы, будучи поставлены в крайне тяжелое положение, не соединились, однако, с немцами. Рискую всем, остались до конца верными своим союзникам».

Блестя красноречием и знанием русского языка, представитель Франции и будущий депутат французского парламента Эрлиш говорил о башнях Кремля, о красном флаге, забрызганном кровью невинных жертв, и о том, что этот флаг скоро будет заменен «славным трехцветным знаменем великой, единой, неделимой России». От имени Франции он обещал помощь.

Генералу Деникину не могло прийти в голову, что внутренние противоречия и разногласия в правительствах Франции и Англии сведут на нет эти торжественные обещания, что в ближайшие месяцы во взаимоотношениях Юга России с союзниками радость сменится недоумением и перейдет затем в явное раздражение.

По инициативе союзных дипломатических представителей в Румынии (посланников Франции, Великобритании, Соединенных Штатов и Италии) в ноябре 1918 года было созвано в Яссах совещание представителей антибольшевистских группировок и партий.

К тому времени Киев оказался центром, который, по выражению Деникина, впитал в себя летом и осенью 1918 года «всю соль российской буржуазии и интеллигенции». Туда перебрались из Москвы все подпольные «союзы» и «центры». Германские оккупационные власти, не вмешиваясь, внимательно следили за их деятельностью. Перекочевали в Киев деятели Национального центра, Союза возрождения, включавшего умеренных социалистов. Образовалась там новая организация, получившая название Совета государственного объединения. В нее вошли консервативно-монархические элементы из бывшей петроградской бюрократии, представители землевладельцев и крупной буржуазии. Временно оказался в Совете и профессор П. Н. Милуков, на которого многие из его новых коллег смотрели с недоверием из-за «кадетского» прошлого и думских речей конца 1916 года.

Через свои разведывательные отделения союзники были до известной степени в курсе настроений русских политических группировок, обосновавшихся в Киеве. Тем не менее они решили выслушать их на совещании в Яссах. Союзные дипломаты пригласили на совещание наиболее видных русских политических деятелей из Киева, а также просили генерала Деникина послать в Яссы представителя от Добровольческой армии.

Как и следовало ожидать, сразу же возникли разногласия по вопросу о форме правления. Монархисты настаивали на военной диктатуре и выдвигали великого князя Николая Николаевича на роль диктатора. Бывший Верховный Главнокомандующий царскими армиями находился тогда в имении своего брата «Дюльбер» в Крыму, вел замкнутый образ жизни, стоял совершенно в стороне от политики, держался с большим достоинством, с немцами, занявшими Крым, не желал иметь ничего общего.

Центр, с Милуковым и Федоровым, тоже стоял за диктатуру, но их кандидатом был генерал Деникин. А левые группы, не возражая против Деникина, агитировали за Директорию из трех лиц, куда кроме Деникина вошли бы два видных представителя политических партий.

После долгих пререканий большинство голосов высказалось за диктатуру генерала Деникина. Однако, чтобы не вносить разногласий в протокол заседания, по совету британского военного агента

(генерала Балларда) было решено оставить этот вопрос открытым и перейти к обсуждению главного предмета — помощи союзников.

По этому вопросу было больше единодушия. На совещании подписан меморандум, призывающий сохранить единство России в границах 1914 года (исключив Польшу), оказав немедленную помощь Добровольческой армии генерала Деникина, заменить без промедления немецкие и австрийские гарнизоны вооруженными силами союзников, подчиненными русскому командованию.

Совещание в Яссах не принесло результатов и не оправдало надежд его участников. Русские представители выделили из числа собравшихся делегатов группу в шесть человек. Эта группа, включавшая П. Н. Милюкова, отправилась в Париж. «Но Клемансо, — писал Милюков, — прежде всего не только отказался беседовать с русской делегацией, но и выслал ее из Парижа под предлогом «гермаофильства» одного из ее членов...» Этим неугодным был сам Милюков.

Интервенция союзников летом 1918 года, с одной стороны, официально оправдывалась необходимостью борьбы с большевиками, посмеявшимися конфисковать иностранное имущество в России, аннулировать все русские долги союзникам, опубликовать их секретные договоры с царским правительством и угрожать мировой революцией, которая в тех условиях была вполне реальной. Но, с другой стороны, нельзя было сбрасывать со счетов усталость от четырех лет войны, да и как поведут себя войска на новом фронте чужой и непонятной для них гражданской распри.

Что можно было ожидать при таких колебаниях? В лучшем случае напрашивалось половинчатое решение: снабжение Добровольческой армии без фактической интервенции вооруженной силой.

Сообщение Юга России с европейскими центрами было плохо налажено, а потому неудивительно, что политические сдвиги в лагере союзников были неизвестны Деникину. Он с нетерпением ожидал так определенно обещанной помощи и не мог понять причину ее задержки.

28 ноября отряд петлюровцев без боя занял Одессу, которую французский генерал Бертело наметил главной базой союзных войск на Юге России.

Спасая свою жизнь, в Одессу хлынул из Киева поток буржуазии и интеллигенции. И все они, богатые и бедные, вскоре с ужасом обнаружили, что надежда укрыться за спиной союзников оказалась пустым мечтанием. Город охватила паника.

Только часть Одессы, под прикрытием случайно оказавшегося в городе польского отряда, была объявлена «нейтральной зоной». Там был лихорадочно сформирован отряд местных добровольцев. Командование принял генерал А. Н. Гришин-Алмазов, бывший военный министр Сибирского правительства. В октябре 1918 года он пробрался из Сибири в Екатеринодар. Антон Иванович, ничего не знавший о Гришине, встретил его весьма сдержанно. Но доклад Гришина о положении в Сибири произвел на Деникина благоприятное впечатление, и он решил командировать его в Румынию с информацией о военной и политической обстановке в Омске. Возвращаясь, Гришин-Алмазов очутился в Одессе. Крутыми мерами ему удалось в несколько дней прибрать к рукам отряд и привести его в порядок.

4 декабря население Одессы, потерявшее к тому времени всякое доверие к обещаниям французов, с изумлением увидело, что с моря к городу подошли транспорты французской десантной части, состоявшей из бригады пехоты с артиллерией и конного полка. Бывший во главе десанта генерал Бориус потребовал, чтобы петлюровцы покинули город. Получив отказ, он с удовлетворением принял предложение Гришина-Алмазова изгнать их из Одессы силами добровольческого отряда. Инициатива Гришина увенчалась успехом. Через сутки город был занят местными добровольцами, а петлюровцы, отойдя на некоторое расстояние к северу, расположились полукольцом вокруг Одессы.

На радостях, что не была пролита французская кровь, генерал Бориус предложил Гришину-Алмазову занять должность военного губернатора Одессы. Приняв неожиданный пост, Гришин доносил об этом генералу Деникину, заверяя в полной своей лояльности и прося Главнокомандующего утвердить его в новой должности, чтобы править Одессой от имени Добровольческой армии.

«Это неожиданное приращение территории, — писал Антон Иванович, — хотя и соответствовало идее объединения южной России, но осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбы большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой. Но трехцветный флаг был уже поднят над Одессой, и это обстоятельство обязывало».

Неожиданно для самого себя генерал Деникин оказался вовлечен в предприятие, где все акции находились в руках французского командования и где голос Деникина не мог иметь решающего значения. При намечавшихся колебаниях французской политики, при оторванности французского командования на Юге России от Парижа, при такой же оторванности Одессы от Екатеринодара трудно было ожидать полного единодушия между французами и русскими добровольцами. Но никто в тот момент не мог предвидеть, что одесское предприятие закончится полнейшим крахом.

Отношения французского командования с представителями Добровольческой армии станови-

лись все более натянутыми. В начале января 1919 года в Одессе обосновался штаб французской дивизии во главе с генералом д'Ансельмом, сменившим генерала Бориуса. В политических вопросах д'Ансельм следовал совету своего начальника штаба полковника Фрейденберга. В разговорах с д'Ансельмом представителям генерала Деникина обычно удавалось добиться его согласия на те или иные предлагаемые ими меры. Но каждый раз после обсуждения этих вопросов со своим начальником штаба д'Ансельм изменял решение. При отсутствии ясно сформулированных инструкций из Парижа местному французскому командованию приходилось импровизировать свою собственную политику, и Фрейденберг, на которого выпала эта роль, сразу же занял позицию, враждебную Добровольческой армии.

В правящих кругах Добровольческой армии конфликт с французами в Одессе приписывался до некоторой степени личности Гришина-Алмазова, которого никто в Екатеринодаре хорошенько не знал. Поэтому решено было сменить Гришина уважаемым всеми генералом А. С. Санниковым, бывшим начальником снабжения Добровольческой армии, а в период гетмана — городским головой Одессы и, следовательно, знавшим местную обстановку.

По прибытии в Одессу Санников отправился с визитом к генералу д'Ансельму и, к своему изумлению, обнаружил, что французский генерал не может понять, по какому праву генерал Деникин «делает назначения в районе, занятом французскими войсками». В лице Фрейденберга генерал Санников встретил полное нежелание сотрудничать.

Главнокомандующий французскими войсками на востоке генерал Франше д'Эспере, впоследствии маршал Франции, решил лично посетить Одессу. Без предварительных сношений с Екатеринодаром он выслал из Одессы генералов Санникова и Гришина-Алмазова с письмом к генералу Деникину, где говорилось, что «генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в Ваше распоряжение». В Одессе было объявлено осадное положение и из лиц, угодных полковнику Фрейденбергу, образовано новое местное правительство, получившее название Совета при французском командовании.

А между тем советские части вплотную подошли к союзной зоне в районе Одессы. Они пока еще не представляли опасности для численно превосходивших их союзных войск. Но значение их преувеличивалось французским командованием, у которого, кроме того, возникли сильные сомнения в надежности собственных солдат.

Французские солдаты открыто заявляли о своем желании убраться из России, о своих симпатиях к большевикам, в которых видели представителей рабочего класса. Советские агенты искусно вели пропаганду. Подпольная типография издавала газету «Одесский коммунист» на французском языке с призывом к мятежу против своих офицеров.

На французском флоте в Черном море начались волнения. Вспыхнул бунт на линейных кораблях «Мирабо», «Жюстис», «Жан Барт» и перекинулся потом на французский флагманский корабль «Вальдек Руссо», на крейсер «Брюи», на миноносцы «Фокошю» и «Мамелюк».

И тем не менее для населения Одессы конец настал неожиданно:

2 апреля (н. ст.) генерал д'Ансельм объявил, что французы и остальные союзные войска покинут город в течение двух суток.

«Французы захватили большинство судов для своих надобностей, — писал Деникин. — Брошены были огромные военные запасы союзников и русских, оставлены все ценности в учреждениях Государственного банка и казначейства... Среди разнородных чувств и восприятий, волновавших в эти дни население Одессы, было одно общее и яркое — это ненависть к французам. Она охватила одинаково и тех счастливых, которых уносили суда, и тех, кто длинными вереницами, пешком, на пролетках и подводах тянулись к румынской границе. Она прорывалась наружу среди несчастных людей, запрудивших со своим скарбом одесские пристани и не нашедших места на судах, и в толпе, венчавшей одесские обрывы, провожавшей гиканьем и свистом уезжавших...»

Под влиянием этих событий и всей военно-политической обстановки генерал Деникин еще в декабре 1918 года решил перенести свою Ставку из Екатеринодара в Севастополь. Побуждало его к этой мысли и желание избавиться от близости с нервировавшим его Кубанским правительством, В те дни Антон Иванович еще не испытал на себе капризов французской политики и не предполагал, что близость с французами, обосновавшимися в Севастополе, нервировала бы его во много раз больше, нежели постоянные трения с самостийными течениями Кубани.

И потому полной неожиданностью для него явилась телеграмма, которую генерал Франше д'Эспере отправил 14 (27 н. ст.) января 1919 года на имя начальника французской военной миссии в Екатеринодаре и которую французская миссия препроводила в штаб генерала Деникина:

«Получил ваше извещение о предполагаемом переводе штаба генерала Деникина в Севастополь. Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Такое неожиданное и грубо бесцеремонное вмешательство во внутренние распоряжения Добровольческой армии было совершенно недопустимо с точки зрения Деникина. Телеграмма Франше

д'Эспере его глубоко оскорбила и возмутила. Он послал резкий ответ и одновременно потребовал, чтобы находившийся в Париже С. Д. Сазонов бывший министр иностранных дел императорской России, указал французскому правительству «на недопустимость ни по существу, ни по тону подобного обращения французского генерала».

«В эти дни нашего национального несчастья, — отметил Деникин, — ответственными представителями Франции, казалось, было сделано все, чтобы переполнить до краев чашу русской скорби и унижения».

Лишь пять дней спустя узнал генерал Деникин о том, что случилось в Одессе.

«Только вчера, — телеграфировал он генералу Франше д'Эспере, — я узнал, что французские войска оставляют Одессу, дав невыполнимый срок на ее эвакуацию... Французское командование не нашло даже нужным предупредить меня об этом. Теперь трудно предугадать огромные исторические последствия этого шага».

Если главная вина в происшедших на Юге России трениях между русскими и французами ложится на последних, то из этого не следует, что белое командование в Екатеринодаре было безгрешно.

Национальное самолюбие, обостренное событиями последних лет, мешало генералу Деникину предоставить своему представителю в Одессе более обширные полномочия: Екатеринодар вмешивался в решения всех, даже самых пустячных дел. И причиной тому было хотя и благородное, но чрезвычайно осложнявшее вопрос стремление во что бы то ни стало поддерживать перед иностранцами достоинство России так, как его понимал генерал Деникин.

Какова была позиция Великобритании? Ее представители генерал Пуль и его преемники генералы Бриггс и Хольман оказались людьми «большого благородства и солдатской прямоты», как охарактеризовал их Антон Иванович. Ближе узнав генерала Деникина и оценив те же качества, они относились к нему с полнейшим доверием и готовностью во всем содействовать. Несмотря на внутренние противоречия в правительстве Англии, на расхождение во взглядах на британскую политику в русском вопросе между военным министром Черчиллем и премьером Ллойд Джорджем, они твердо стояли за единство России, делали все от них зависящее, чтобы отстоять интересы деникинской армии. С этими людьми у Антона Ивановича сложились дружеские отношения. Сохранились они и в дальнейшем, когда, передав командование армией генералу Врангелю, он навсегда покинул пределы России.

А разногласия между Черчиллем и Ллойд Джорджем были весьма глубоко.

Черчилль помнил громадные услуги, которые Россия оказала Франции, Англии, Италии во время войны. Он считал недопустимым бросить на произвол судьбы тех русских, которые в дни тяжчайших испытаний не изменили идее союза и не пошли на компромисс с немцами. Как и Деникин, он понимал мировую опасность большевизма.

Черчилль хорошо знал русскую историю. Он говорил, что старая Россия пала и в падении своем изменила облик. Вместо старого верного союзника перед державами Согласия предстало никогда еще невиданное на земле безымянное чудовище: государство без нации, армия без страны, религия без Бога, правительство, рожденное революцией и питаемое террором. Он говорил, что в момент, когда победа над Германией была уже на горизонте, когда награда за безмерные русские жертвы была уже близка, вместо старой России появилось правительство, отнявшее у русского народа плоды победы, чувство чести, мир и хлеб...

Вступив в должность военного министра Британской империи в начале января 1919 года, Черчилль сразу же направил свою огромную энергию на борьбу с советской властью. А то, что он говорил и писал о России, совпадало со взглядами Деникина на ее единство. Черчилль утверждал, что политика расчленения России не может иметь успеха, она приведет лишь к бесконечным войнам, в результате которых возникнет враждебное Западу, воинствующее и милитаристское государство, будь то под властью большевиков или под флагами реакционеров. Он настаивал, чтобы все усилия Англии были направлены к созданию федеративной России, с обеспечением местной автономии, но без нарушения принципа единства страны.

Черчилль предвидел возможность реванша со стороны окрепшей со временем Германии и в борьбе с этой угрозой желал иметь в Восточной Европе (кроме Польши) не серию мелких и слабых государств, а сильную, единую и дружески расположенную к Англии Россию.

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж русской истории не знал и настолько плохо разбирался в современных русских событиях, что в одной из своих речей в Британском парламенте, перепутав название городов с фамилиями генералов, говорил о военной помощи, которую Англия оказывала тогда генералу Деникину и... генералу Харьковцу! («Эпизод с генералом Харьковским, — писал Антон Иванович, — служил долго предметом острословия южно-русских газет»).

Ллойд Джордж лавировал между помощью белому движению, желанием торговать с Советским правительством и стремлением поддерживать самостоятельность мелких государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи. Он открыто высказывался за раздробление России.

Двойственность британской политики, расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, с одной стороны — русофильство, с другой — русофобство, отсутствие ясно продуманной программы действий — все это приводило Деникина в полное уныние. И однажды с присущей ему откровенностью он спросил англичан, «в каком качестве они пришли на Кавказ — в качестве ли друзей. или врагов»?

Но по вопросу снабжения Антону Ивановичу не приходилось жаловаться на англичан: с марта по сентябрь 1919 года его армия получила от них 558 орудий, 12 танков, 1 685522 снаряда, 160 миллионов патронов и 250 тысяч комплектов обмундирования.

Когда после неудачи белого движения левые круги в Англии обвиняли Черчилля в огромных суммах, потраченных на поддержку Деникина, он отвечал, что слухи о ста миллионах фунтов стерлингов якобы израсходованных на помощь Югу России, были «абсурдным преувеличением». Боевое снабжение, посланное Деникину, являлось никому не нужным в Англии излишком, заготовленным для военных нужд британской армии во время первой мировой войны. А потому с концом ее, как негодный для продажи товар, оно не представляло из себя денежной ценности на рынке.

Соперничество между французами и англичанами почувствовалось в штабе генерала Деникина с момента появления союзных военных миссий в Екатерине даре.

Долгое время оставался спорным вопрос о том, кто возглавит союзное командование в Константинополе, где одновременно находились квартиры Главнокомандующего британской армией на Балканах генерала Мильна и Главнокомандующего салоницкой армией генерала Франше д'Эспере.

«11 марта (1919 года), — писал генерал Деникин, — я получил уведомление от генерала Франше д'Эспере, что союзные силы, оперирующие на Юге России, находятся под его командованием. Сообщение, тотчас же и категорически опровергнутое английской миссией».

XX ШИРОКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Разгром Германии тяжело отразился на положении Войска Донского. К концу ноября 1918 года немецкие войска ушли из Донской области, и их уход обнажил длинную пограничную полосу, прежде охраняемую германским оружием. Оттуда теперь грозила хлынуть волна красных частей.

Вскоре Донская армия покатила назад. На очереди снова встал вопрос о едином командовании всеми антибольшевистскими силами Юга России и общем плане действий, исходящем из единого центра. Таким центром, мог быть тогда или Дон, или Добровольческая армия.

Была причина, решавшая выбор в пользу Добровольческой армии: союзные правительства знали, что генерал Деникин сохранил им верность до конца. На Донского же атамана Краснова они смотрели как на вчерашнего приспешника немцев.

Эти переговоры состоялись 26 декабря на станции Торговой. Деникин и Краснов не встречались с середины мая, со дня их совещания в станице Маньчской. Взаимная антипатия дошла до такой степени, что непосредственная переписка между ними окончательно оборвалась и сношения велись через третьих лиц. Деникин признавал за Красновым несомненный дар администратора и огромную энергию, которую атаман проявил, создав из ничтожных партизанских отрядов значительную по тому времени и хорошо вооруженную армию. Но Антона Ивановича чрезвычайно коробил карьеризм Краснова.

Краснов отдавал отчет в безвыходности своего положения, невероятным упорством старался выговорить для себя наиболее выгодные условия. Деникина мучила мысль, провал переговоров мог трагично отразиться на судьбе Донского фронта, и «одолеvalo искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какою угодно ценой».

Результатом мучительной встречи было официальное признание генерала Деникина Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России, звание, которое он принял после подчинения ему Донской армии.

Деникину и Краснову больше не пришлось встретиться. Судьба, «столкнувшая их так резко на широкой русской дороге», не сблизила их и за долгие годы жизни за границей. Во время второй мировой войны политический эмигрант Деникин, находившийся под бдительным надзором гестапо в оккупированной немцами Франции, тем не менее силой слова выступал против Германии, в то время как политический эмигрант Краснов, сотрудничая с нацистами, помогал им формировать отряды из донских казаков и жестоко поплатился за свою коллаборационистскую политику. По условиям договора, заключенного в Ялте между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, Краснов (как и многие другие русские, надевшие немецкую форму и боровшиеся против Советского Союза) был выдан весной 1945 года британской армией советским представителям в австрийском городе Лиенц и казнен в Москве в

1947 году.

В начале марта 1919 года Северный фронт Деникина растянулся в длину на более чем 800 километров. Против 42—45 тысяч белых большевики сосредоточили пять армий общей численностью около 130—150 тысяч штыков и сабель.

Положение Деникина было чрезвычайно серьезным. Но военное счастье, сопутствовавшее большевикам на Украине и в Донской области в течение зимы и ранней весны 1919 года, к маю вдруг изменило.

Кубанская конница Шкуро совершила рейд в тыл противника и, прорвав фронт у Дебальцево, успешно двигалась на юг к Азовскому морю. Под руководством Главнокомандующего в конце апреля была проведена сложная операция в маньчжском направлении, где 10-я армия красных угрожала тылу и сообщениям белых войск. Конница генерала Улагая, действуя на правом фланге армии, разбила степную группу 10-й армии и красную кавалерию под начальством Думенко. Она захватила в плен шесть советских полков с артиллерией, обозами и штабами. Наконец, генерал Врангель, поставленный во главе конной группы, нанес решительное поражение неприятелю в районе Великокняжеской. К началу мая удалось вырвать инициативу из рук красных.

Кавалерия была главным козырем Деникина. Троцкий оказался одним из первых, кто это понял.

«Перевес конницы в первую эпоху борьбы сослужил в руках Деникина большую службу и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов... В нашей полевой маневренной войне кавалерия играла огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует тренированных лошадей и соответственного командного материала. Командный состав кавалерии состоял либо из аристократических, по преимуществу дворянских фамилий, либо из Донской области, с Кубани, из мест прирожденной конницы... В гражданской войне составить конницу представляло всегда огромные затруднения для революционного класса. Армии Великой французской революции это далось нелегко. Тем более у нас. Если возьмете список командиров, которые перебежали из рядов Красной армии в ряды Белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов...»

Красная конница в тот период была в зачаточном состоянии, и несомненная заслуга Троцкого перед делом революции заключалась в том, что, провозгласив лозунг «Пролетарии на коней», он способствовал созданию мощного кавалерийского кулака, который под названием Первой Конной армии в дальнейшем ходе гражданской войны сыграл решающую роль.

Троцкому не могла прийти мысль, что впоследствии среди бесчисленных обвинений во «вредительстве», выдвинутых против него Сталиным, будет фигурировать факт, что якобы именно он, Троцкий, умышленно препятствовал развитию красной кавалерии.

Наступление, длившееся почти шесть месяцев, сделало Деникина главным и самым опасным врагом советской диктатуры в период гражданской войны. К началу октября он контролировал территорию в 820 тысяч квадратных километров, с населением 42 миллиона человек, с линией фронта, шедшей от Царицына на Волге через Воронеж, Орел, Чернигов и Киев до Одессы. Причем все перечисленные города были заняты белыми войсками.

К началу общего наступления деникинских войск в мае 1919 года Вооруженные Силы Юга России состояли из трех армий: Добровольческой, Донской и Кавказской и из нескольких самостоятельных отрядов. Командующим Добровольческой армией был назначен генерал Май-Маевский, Донской армией командовал генерал Сидорин, а Кавказской — генерал Врангель.

Выбор Май-Маевского основывался на том, что он успешно вынес «на своих плечах всю тяжесть шестимесячной обороны Донецкого бассейна».

Владимир Зинович Май-Маевский, оказавшийся неизлечимым алкоголиком, в те дни сумел каким-то образом держать себя в руках и проявить незаурядные воинские способности. Наружно он производил скорее отталкивающее впечатление. Небольшого роста, очень тучный, с гладко выбритым обрюзгшим лицом, с маленьким пенсне на большом и толстом носу, с крошечными свинными глазками, он похож был на опустившегося провинциального актера, но никак не на боевого генерала. Тем не менее даже такой суровый его критик, как генерал Врангель, должен был признать за Май-Маевским большой опыт и знание военного дела.

Успех деникинских войск вдоль всего фронта развивался с невероятной быстротой. За первый месяц наступления, опрокидывая противника, Добровольческая армия продвинулась широким фронтом на 300 с лишним километров в глубь Украины. 10 июня генералом Кутеповым был взят Белгород. 11 июня добровольческие отряды захватили Харьков. 16 июня конные части генерала Шкуро ворвались в Екатеринослав и вскоре завладели всем нижним течением Днепра.

Тем временем Кавказская армия генерала Врангеля двигалась на Царицын. Советская власть называла тогда будущий Сталинград «красным Верденом» и клялась никогда не сдать его противнику.

17 июня, прорвав красные укрепления, Кавказская армия ворвалась в Царицын. Победа была огромная, ибо для советской власти Царицын имел совершенно исключительное значение, как экономическое, так и стратегическое. Он был конечным пунктом железной дороги, шедшей через Северный Кавказ в Новороссийск. Он соединял Поволжье с Черным морем: захват его лишал Центральную Россию доступа к нижнему течению Волги и к Каспийскому морю. В Царицыне находились большие артиллерийские заводы (орудийный и снарядный) и огромные склады всякого военного имущества.

Быстрое и успешное продвижение белых войск открывало перед генералом Деникиным необычайно большие перспективы.

Антон Иванович категорически отметал возможность остановиться и закрепить за собой рубежи. Считал, что всякая задержка может играть на руку противнику. После захвата Царицына он решил направить свои войска со всех отдаленных друг от друга пунктов к центру России по линиям, сходящимся в одной точке — Москве.

В начале августа были заняты Херсон и Николаев; 10 августа захвачена Одесса; 17 августа — Киев. 7 сентября войска 1-го армейского корпуса, которым командовал генерал Кутепов, заняли Курск.

17 сентября конница генерала Шкуро закрепилась в Воронеже; 30 сентября части генерала Кутепова заняли Орел. Радостный перезвон московских колоколов уже звучал в ушах белого командования.

XXI ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ

Весной, летом и осенью 1919 года о генерале Деникине говорили повсюду. Одни, — с надеждой, другие — с ненавистью.

Многие осуждали отсутствие определенной программы в его движении, критиковали позицию в вопросах политики и государственного управления. Одни тянули вправо, другие влево, но даже самые строгие и резкие порицатели стратегии генерала Деникина умалчивали о нем как о человеке.

Антон Иванович жил чрезвычайно замкнуто. Он твердо придерживался точки зрения, что его семейная жизнь отношения к делу не имеет.

В том, что касалось его деятельности, он рад был бы иметь поддержку в общественных кругах, но политические партии отталкивали его своим партийным и классовым эгоизмом. Правые круги отстаивали интересы землевладельцев и торгово-промышленников. В разум социалистов-революционеров и меньшевиков (после того, что случилось в 1917 году) он не верил. Антон Иванович считал, что они страдали атрофией воли, «недержанием речи», и согласен был с покойным атаманом Калединым, сказавшим перед смертью, что Россия погибла от болтовни.

Теоретически власть генерала Деникина не имела ограничений. На деле же это было совсем не так. Ему приходилось считаться с настроением офицеров, и это сильно связывало руки. Обещание Деникина не предрешать будущую форму правления государства (формула, в которую он искренне верил) являлось в то же время единственным лозунгом, который, по его мнению, мог удержать в рядах армии и монархистов, и республиканцев.

Опасаясь стать орудием партийных интриг, Деникин замкнулся в себе. Он окружил себя главным образом военными соратниками, которые вместе с ним видели крушение советской власти в поражении и разгроме Красной армии.

Его одиночество смягчалось дружбой с начальником штаба Иваном Павловичем Романовским. Оба были поглощены одними интересами, радостями и печалью. Времени для личной жизни не оставалось.

Деникин власти не искал. Она случайно пришла к нему и тяготила. И он нес ее как тяжелую обязанность, выпавшую на его долю. В мыслях уносился к жене, которую редко приходилось видеть, — желанная личная жизнь вот уже почти сорок семь лет проносилась мимо. Он мечтал об уединении, чтобы заняться всегда привлекавшей его работой в области военной литературы и истории.

Жена Антона Ивановича, слабая здоровьем, частенько прихварывала. А он с тревогой стареющего отца мечтал о сыне, которого мысленно уже окрестил Иваном. О будущем Ваньке шли тихие беседы с женой в те редкие вечера, когда Антон Иванович бывал у себя дома в Екатеринодаре. О нем же писал он Ксении Васильевне с фронта, из-под Ставрополя, из разных станиц, городов, деревень.

«Безмерно рад, если правда, что исполнится моя мечта о Ваньке», — писал он в одном из этих писем.

Однако Ваньке не суждено было появиться на свет. Вместо него 20 февраля 1919 года роди-

лась дочь Марина. Роды были тяжелые. Врачи, опасаясь за жизнь Ксении Васильевны, телеграфировали генералу на фронт, что, возможно, придется выбирать между жизнью неродившегося младенца и жизнью матери. Они просили его указаний. Спеша домой, мучаясь догадками и неизвестностью, Деникин телеграфно просил врачей сделать все возможное, чтобы спасти жизнь жены. К счастью, все обошлось благополучно.

Антону Ивановичу хотелось со временем, «когда все кончится», приобрести клочок земли на южнорусском побережье. Где именно, он не задумывался. Но возле моря, с маленьким садиком и с небольшим полем позади, чтобы... «сажать капусту». К этой «капусте» он часто возвращался в своих разговорах с женой и друзьями. О скромных мечтаниях генерала Деникина сохранилось несколько писем.

«Моя программа, — сообщил он однажды посетившей его группе представителей кадетской партии, — сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту». «Ох, Асенька, — писал он жене, — когда же капусту садить?».

Антон Иванович был бесребренником в буквальном смысле слова. С юных лет он свыкся с бедностью. Став правителем Юга России, Деникин начал опасаться, чтобы его, не дай Бог, не обвинили в расточительности. В теплые весенние дни 1919 года он ходил в тяжелой черкеске, и на вопрос, почему он это делает, Антон Иванович с полной искренностью отвечал: «Штаны последние изорвались, а летняя рубаха не может прикрыть их».

В начале 1919 года, несмотря на свое высокое положение, генерал Деникин фактически влачил полунищенское существование. Жена его сама стряпала, а генерал ходил в заплатанных штанах и дырявых сапогах. По свидетельству близко знавшего его тогда человека, Деникин из-за крайней своей честности «довольствовался таким жалованьем, которое не позволяло ему удовлетворить насущные потребности самой скромной жизни».

С присылкой в Новороссийск запасов английского обмундирования проблема одежды утратила свою остроту, и к началу лета Главнокомандующий смог привести свой гардероб в порядок.

Привыкнув с аскетическому образу жизни, Антон Иванович и от офицеров своей армии требовал того же. Профессор К. Н. Соколов, заведовавший у него отделом пропаганды, писал в своих воспоминаниях, что нищенские оклады обрекли этих людей «на выбор между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями».

«Если взятки и хищения, — писал он, — так развились на Юге России, то одной из причин тому являлась именно наша система голодных окладов».

Скудные жалованья вызывали недовольство. Сравнивая их с более щедрыми окладами донского и кубанского войск, Деникина винили в скупости. Но «скупость» он проявлял прежде всего к себе. В одном из неопубликованных писем к жене (от 11 июля 1919 года) писал: «Особое совещание определило мне 12000 рублей в месяц. Вычеркнул себе и другим. Себе оставил половину (около 6 300 рублей). Надеюсь, ты не будешь меня бранить».

Было это в дни катастрофической инфляции, когда ничем не обеспеченные бумажные денежные знаки на глазах теряли свою и без того фиктивную ценность, а все продукты дорожали каждый день. До этого повышения в жалованье Антон Иванович получал всего тысячу рублей с небольшим в месяц, а его ближайшие помощники еще меньше. По тем временам это были сущие гроши, на которые было невозможно прожить.

Многие указывали Главнокомандующему, что «такое бережливое отношение к казне до добра не доведет, что нищенское содержание офицеров будет толкать их на грабежи». Но Главнокомандующий ожидал от своих офицеров «самоотверженной скромности», и этот расчет, как и многие другие, оказался ложным.

«Нет душевного покоя, — с горечью писал он жене. — Каждый день — картина хищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не-знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не вижу. В бессильной злобе обещаю каторгу и повешение...»

Но не могу же я сам один ловить и вешать мародеров фронта и тыла».

Антон Иванович думал личным примером жертвенности поднять до своего морального уровня тех, кого он вел. Но это было возможно, и то лишь в теории, до тех пор, пока армия состояла из добровольцев, которые, как и сам Деникин, шли на бескорыстный подвиг. Когда же (с начала 1919 года) армия пополнилась огромным количеством мобилизованных офицеров, солдат и пленных красноармейцев, одного морального воздействия было недостаточно, ибо многие из них смотрели на гражданскую войну как на промысел, как на способ личного обогащения. Чтобы пресечь нарушения, надо было безжалостно применять драконовские законы. А в твердом и суровом на вид генерале, чрезвычайно требовательном к самому себе не оказалось и следа той особой черты характера, которая свойственна истинным диктаторам: расчетливо держаться за власть и подчинять своей воле всех окружающих людей ценой каких угодно принуждений и жестокости.

В своих воспоминаниях Антон Иванович отметил:

«Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых преступлений. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежами, обиранием пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости.

Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам».

И в этом чистосердечном признании кроется один из ответов на вопрос, почему белое движение на Юге России было обречено на неудачу.

Как рыцарь, описанный Сервантесом, Антон Иванович был оторван от исторической действительности. Высокие принципы чести и совести мешали Деникину найти правильное решение. Теория, как говорил сам Антон Иванович, разошлась с практикой...

Его цельной натуре не был свойствен тот внутренний разлад, который так сильно сказался в духовном облике русской интеллигенции прошлого века. И тем не менее по складу своего ума, характера и темперамента он был типичным русским интеллигентом, либеральным, образованным, идеалистом, искавшим в жизни правду и справедливость, отрицавшим насилие. И эти черты, шедшие вразрез с тем, что требовалось в борьбе не на жизнь, а на смерть с диктатурой Ленина, мешали Антону Ивановичу стать подлинным вождем.

Человек большого, но не гибкого ума, он поздно понял свои ошибки и, как всегда, честно признался в них в своем пятитомном труде «Очерки русской смуты».

Дополнением к характеристике генерала Деникина служат впечатления людей, близко соприкасавшихся с Антоном Ивановичем в период гражданской войны. Некоторые из авторов приведенных ниже заметок (как, например, генералы Врангель и Краснов) не любил» Деникина.

Генерал барон П. Н. Врангель:

«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными, черными, с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, крепкого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладающего большой военной эрудицией начальника...

По мере того как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более и более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей Железной дивизии он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба Верховного Главнокомандующего в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг Верховного Главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладеть сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толпу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находилось вне этих непререкаемых для него истин.

Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он, видимо, терялся, боясь ошибиться, не доверяя никому, и в то же время не находил в себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вывести по бурному политическому морю государственный корабль».

Бывший профессор Петроградского университета К. Н. Соколов:

«Говорят, что по первому впечатлению можно судить о призвании человека. В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех «добрых» русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени».

Генерал Краснов, писавший о себе, как мы уже знаем, в третьем лице, не любивший Деникина и говоривший о нем всякие неприятные вещи, должен был признать, что «атаман считался с обаятельной внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими прямыми, солдатскими, честными речами».

Профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой знал генерала Деникина поверхностно и из нескольких бесед с ним вынес впечатление о «неясности его мыслей и недальновидности его планов», но наравне с этим он видел в Антоне Ивановиче «кристальную чистоту и ясность нравственного облика». А один из его сотоварищей, член Совета государственного объединения А. М.

Масленников после встречи с Главнокомандующим сообщил Трубецкому, что Деникин произвел на него чарующее впечатление: «Чудесный, должно быть, человек. Вот такому бы быть главою государства, ну, конечно, с тем, чтобы при нем состоял премьер-министр, хоть сукин сын, да умный».

Антон Иванович нежно любил свою супругу, оказывал ей всяческое внимание, но не допускал и мысли, что она могла вмешиваться в его дела. Через несколько лет жена стала верной помощницей своего мужа в его историко-литературных трудах. Но в те ранние годы их семейной жизни молодость Ксении Васильевны ограничивала ее положение в доме ролью приветливой хозяйки. Она разливала чай и предлагала скромное угощение приходившим к ним гостям. По собственному признанию, участия в общем разговоре, обычно носившем политический характер, она тогда не принимала, большинство гостей были старше хозяйки лет на пятнадцать—двадцать и их интересы не затрагивали молодую женщину, ушедшую с головой в заботы о дочери. В семейной жизни Деникиных весь интерес сосредоточился на маленькой Марине. Кроме ближайших помощников с женами бывали у Деникина в Екатеринодаре лишь графиня С. В. Панина, Н. И. Астров, М. М. Федоров, активные деятели кадетской партии и еще, быть может, два-три посторонних человека.

XXII В ТЫЛУ ДЕНИКИНСКОГО ФРОНТА

В октябре 1919 года, в момент наивысшего военного успеха, события на огромной территории, захваченной войсками генерала Деникина, приняли чрезвычайно тревожный оборот.

Не прекращавшиеся трения между белым командованием и казачьими областями обострились после освобождения их от большевиков. Донское и кубанское казачество по своей численности являлось главной силой в рядах деникинских войск, и казаки желали иметь голос в решении вопросов внутренней жизни страны. Однако их мнение отражало по преимуществу местные интересы. Среди политических деятелей Дона и особенно Кубани было немало людей, придерживающихся мысли, что казачья борьба с советской властью должна вестись только до окончательного освобождения их областей от коммунизма. На этой почве конфликт казачества с Главным командованием принимал все более резкие формы. Генерал Деникин продолжал исповедовать идею «самой широкой автономии частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта». Но на деле ему неоднократно приходилось вмешиваться во внутренние дела казачьих областей. Это раздражало и создавало напряженную атмосферу взаимного недоброжелательства, которое со временем неизбежно должно было проникнуть в казачьи войска и тем самым отразиться на их боеспособности.

Еще тревожнее обстояло дело с моральным обликом самой надежной части деникинских войск, а именно Добровольческой армии. Несмотря на свое название, она уже с середины 1918 года фактически перестала быть «добровольческой». И трагедия заключалась в том, что наряду с действительно идейной группой офицеров, студентов, гимназистов, юнкеров и многих старых солдат в армию постепенно вливался чуждый и враждебный ей по духу элемент, зараженный духом корысти и преступности. Им в особенности отличалось пополнение, поступавшее в армию с Украины.

С конца 1917 года правительства на Украине сменялись одно за другим: Центральная рада, большевики, снова Центральная рада, гетманщина. Директория, петлюровщина и опять большевики. Все эти правительства занимались всевозможными реквизициями. Ни одно из них не пользовалось доверием и уважением народа.

Для деревни (лишенной текстильной мануфактуры) всякий город становился приманкой для грабежа и насилия, Повсюду бесчинствовали многочисленные атаманы, образовавшие вокруг себя партизанские банды из вооруженных крестьян (бывших солдат). В отместку за реквизиции зерна все эти атаманы: Шуба, Зеленый, Вольнец, Струх, Соколовский, Палий, Ангел, Божко и в особенности атаман Григорьев, организовывали налеты на города.

К приходу Добровольческой армии на Украину слово «власть» и связанное с ним понятие о какой-то законности и порядке окончательно утратили свое значение, особенно в глазах крестьянства.

И когда Добровольческая армия вступила на Украину, эта развращенная вольница частично попала в ее ряды. Разложение армии изнутри пошло ускоренными темпами. Но не следует делать вывод, что-только это было единственной причиной морального разложения Добровольческой армии.

Разросшись к середине 1919 года количественно, она не приняла облика регулярной армии, в ней сохранились прежние принципы партизанства. По-прежнему большинство ее частей формировалось и вооружалось на ходу во время похода.

Большим злом, развращавшим армию и настраивавшим против нее местное население, было так называемое «самоснабжение», то есть реквизиция воинскими частями продовольствия и фуража по-всей прифронтовой полосе.

В армии следовало ввести жесткую дисциплину, карать всех виновных в ее нарушении, невзирая на чин и прошлые заслуги, и нещадно расправляться с грабителями и насильниками. С этой первостепенной задачей белому командованию справиться не удалось.

Моральное разложение армии тяжело переживалось старыми-добровольцами, но больше всех страдал от этого генерал Деникин.

Различные меры наказания, вплоть до расстрела, применялись военным судом, когда дело доходило до сведения деникинского штаба. Но такое случалось редко. Многие из старших командиров сквозь пальцы смотрели на грабеж, так как сами не гнушались пополнять скудное жалованье за счет «благодарного населения» и захваченных у большевиков складов государственного и частного имущества. Термин «от благодарного населения» инициально применялся тогда ко всяким продуктам, теплой одежде и к другим вещам, которые проходящие войска отбирали у местного населения.

Как мог Главнокомандующий не знать того, что происходило вокруг?

Он знал, но знал далеко не все, а о многом узнавал, когда было-уже слишком поздно. Он писал личные письма командующим армиями, указывал на факты, которые становились ему известны, требовал немедленных строжайших мер. Одно из этих писем, отправленное им генералу Май-Маевскому, впоследствии попало в руки большевиков и было опубликовано. В нем Деникин обрушивался на Командующего Добровольческой армией:

«Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества начиная с интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются (представителями деникинской власти) отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади...

Изложенное в достаточной степени рисует ту 'беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно царят в прифронтовой полосе...»

Письмо это было написано 10 сентября, но Май-Маевский был удален с должности всего лишь 23 ноября. Почему человека, в армии которого совершались преступления, не убрали сразу? Почему тут же не назначили расследования?

Хотя к тому времени генерал Деникин и начал проявлять подозрительность к большинству окружавших его политических советников, тем не менее продолжал с каким-то детским доверием относиться к старым добровольцам, не имевшим касательства к политическим и государственным вопросам. Их боевые заслуги в начале белого движения казались ему гарантией честности, патриотизма и бескорыстия. Старый солдат, он продолжал верить в «элемент чести и рыцарства» своих старых соратников. Дорого пришлось ему заплатить за это доверие и снисходительность.

Недочеты Май-Маевского в полном их объеме стали известны Деникину лишь после того, как он устранил его с поста командующего Добровольческой армией.

«После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского, — писал Антон Иванович, — и мне два-три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но теперь только, после его отставки открылось для меня многое: со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей, посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрый солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, но не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук вожжи управления. Рассказы, которые повергли меня в глубокое смущение и скорбь. Когда я впоследствии обратился с упреком к одному из ближайших помощников Май-Маевского (Кутепову), почему он, видя, что происходит не поставил меня в известность об этом во имя дела и связавшего нас боевого содружества, он ответил:

— Вы могли бы подумать, что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место...»

Принципы, которых придерживался Май-Маевский, описаны генералом Врангелем. Незадолго до внезапной смерти Май-Маевского в Крыму к нему в гостиницу «Кист» в Севастополе зашел Врангель.

«Он (Май-Маевский) был, видимо, тронут моим визитом...

— На войне, — говорил он Врангелю, — для достижения успеха начальник должен использовать все, не только положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они воевать не будут.

Я возмутился, — продолжал свой рассказ генерал Врангель. — Ваше превосходительство, какая же разница при этих условиях будет между нами и большевиками?

Генерал Май-Маевский сразу нашелся:

— Ну вот большевики и побеждают, — видимо, в сознании своей правоты закончил он».

Имущество, захваченное у неприятеля и полученное самоснабжением, скрывалось местными воинскими частями от главного интендантского управления. «Армии, — писал Деникин, — скрывали запасы от центрального органа снабжения, корпуса от армии, дивизии от корпусов, полки от дивизий... Военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, а для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу».

Донская армия в этом отношении не уступала Добровольческой. Она перевозила на Дон даже заводские станки, не говоря уже о на шумевшем в свое время рейде генерала Мамонтова, прорвавшегося с отборным отрядом донской конницы в глубокий тыл противника. Возвращаясь из этого рейда, Мамонтов телеграфировал в Новочеркасск:

«Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки; донской казне — 60 миллионов рублей; на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь», и эта телеграмма, по выражению Деникина, «воистину прозвучала похоронным звоном».

Заваленный потоком текущих дел, в лихорадочной обстановке гражданской войны Деникин не справлялся с невероятной нагрузкой непрерывно возникавших вопросов. Он посылал комиссии для расследования злоупотреблений, призывал к чести, к совести, издавал грозные приказы, возмущался, угрожал, требовал...

В связи с еврейскими погромами, происходившими на Украине в период господства там деникинских войск, в известных кругах сложилось мнение об антисемитизме генерала, о его якобы умышленном попустительстве погромному движению.

Эти утверждения своей несправедливостью очень удручали Антона Ивановича.

С тяжелым чувством описывал генерал в своих воспоминаниях мрачные эпизоды, порочившие его:

«Волна антисемитского настроения охватила Юг задолго до вступления армий в «черту оседлости». Оно проявлялось ярко, страстно, убежденно — в верхах и на низах, в интеллигенции, в народе и в армии: у петлюровцев, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых и белых... Войска Вооруженных Сил Юга не избежали общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами от Харькова и Екатеринослава до Киева и Каменец-Подольска. Внутренние язвы загноились в атмосфере ненавистничества...

Погромы несли бедствия еврейскому населению, они же поражали дух самих войск, извращая их психику, разрушая дисциплину, внося развал. Это могли не видеть только слепые. И только ослеплением можно объяснить тот довольно распространенный среди еврейства взгляд, что «погромы, как часть военного быта, органически связаны с военной и социал-политической программой Добровольческой армии». Могут уверить этих лиц, что если бы при тогдашних настроениях придать «программный» характер борьбе с еврейством, мало того — если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства южной России была бы несравненно трагичнее».

По требованию Деникина, командующий Добровольческой армией приказом оповещал, что «всем гражданам без различия состояний, национальности и вероисповедания должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность».

«Много приказов, — с горечью вспоминал Антон Иванович, — было написано мною, генералами Драгомировым, Май-Маевским, Бредовым и другими, осуждающих погромы и требующих решительных мер против них. Эти меры локализовали еврейские погромы, но не устранили их окончательно...»

И одна из ошибок Деникина, погубившая белое движение, заключалась в том, что он упустил момент вовремя ввести в своих войсках железную дисциплину, сурово карающую «всякий разбой, всякое насилие над людьми — православными, магометанами, евреями — безразлично». В то время как пленных чекистов и красных комиссаров публично вешали на городских фонарях, своих уголовных преступников из солдатской массы старались ликвидировать незаметно, за кулисами. И психологический эффект, который в данном случае смертная казнь должна была произвести на воинские части и на население, терял свою силу.

Одним из немногих исключений общей политики «замалчивания» был генерал Врангель. Он с шумом и треском публично вешал грабителей в своей армии; и это в дальнейшем послужило лишним поводом к выдвиганию его кандидатуры на пост Главнокомандующего.

Недовольство деникинской властью в деревне нарастало с невероятной быстротой. Причиной тому были бесплатные реквизиции, грабежи, но главное — земельный вопрос. И в этом насущном вопросе правительство Юга России оказалось на редкость недалеким Оно настроило против себя

крестьянство, то есть огромное большинство населения.

Захватив после революции помещичьи земли, инвентарь, скот лошадей, а также, на всякий случай, одежду, мебель, посуду, серебро картины и книги бывших владельцев, крестьяне с тревогой ждали что скажет по этому поводу генерал Деникин. Они хотели слышать от него слово, закрепляющее за ними земельный передел и прощающее все прошлые прегрешения. Но этого слова они не услышали.

Дважды правительство Юга России приступало к формулировке земельной реформы. Первая попытка, под редакцией Колокольцова, оказалась настолько реакционной, что генерал Деникин, назвав ее «актом отчаянной самообороны класса», с возмущением отверг проект и удалил Колокольцова со службы. Второй проект разрабатывался Челищевым (начальник управления юстиции) и профессором Билимовичем, назначенным начальником управления земледелия. Многие специалисты земельного вопроса в России утверждали потом, что проект Билимовича — Челищева был бы нужен в период, предшествовавший революции. Но в 1919 году он уже не имел ценности. Сам Деникин должен был признать, что «с тех пор маятник народных вожделений качнулся далеко в сторону и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы был совершенно непригоден».

Таким образом, за время существования Вооруженных Сил Юга России земельный закон не был опубликован.

По убеждению Деникина, земельный вопрос, как и все другие общегосударственные проблемы, должен был разрешиться постановлением Учредительного собрания после конца междоусобной распри. Этого требовал принцип «непредрешенства», провозглашенный Добровольческой армией. А потому в глазах Деникина все земельные проекты являлись лишь переходной стадией и должны были носить характер чисто временных мероприятий для установления в каждой отдельной местности тех или иных земельных норм. А тем временем писались туманные декларации. С одной стороны, в них говорилось об обеспечении интересов трудящегося населения, о создании прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель. С другой стороны, в них сообщалось о сохранении за прежними владельцами их прав на землю, о переходе недвижимого имущества из рук в руки лишь путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. Более конкретными были временные правила, издававшиеся правительством Юга, для обеспечения сбора урожая. И тут крестьянам (то есть фактическим держателям земли) стало ясно, что интересы ненавистных им помещиков при сборе урожая будут соблюдены.

Однако надежды помещиков на Деникина возмущали его как проявление классового эгоизма. По словам человека, с ним работавшего, Деникин пытался справиться с революционной стихией «приемами, заимствованными из обихода урегулированной государственности», и действовать с юридической корректностью и щепетильностью в отношении заинтересованных сторон. В результате мероприятия

Деникина не угодили ни тем ни другим и потерпели полнейшее фиаско.

Беда Деникина заключалась в том, что армия его к тому времени в полной мере начала выявлять свой классовый характер, и Главнокомандующему приходилось считаться с настроением известного круга офицеров. Сам Деникин был значительно «левее» своего окружения. Он мог, конечно, независимо от него принять то или иное решение, но сознавал, что это могло повлечь к разрыву с правыми кругами и вызвать большие осложнения в армии. Это связывало ему руки.

А среди крестьян недовольство переходило от слов к делу. Банды, притихшие на время и смирно сидевшие по своим деревням, снова ожили. В горах Северного Кавказа, в районе Новороссийска, Туапсе, Сочи появились повстанческие отряды крестьян и дезертиров, именовавших себя «зелеными» (атаман Зеленый, действовавший на Украине, никакого отношения к ним не имел).

Самой значительной из всех повстанческих шаек была банда анархиста Нестора Ивановича Махно. В отличие от других, не имевших политической программы, она провозгласила лозунг анархистов-коммунистов. В своеобразном преломлении в ней сочеталась идея организации свободных коммун (которые должны были составить основу будущего общества) с полнейшим произволом и насилием.

Махно был из крестьянской семьи большого села Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии. Родился он в 1889 году и с малых лет принужден был работать. Отец его по заказу мариупольских мясников закупал для них в своей округе рогатый скот и свиней, а сын помогал отцу резать свиные туши. Одиннадцати лет Нестора отправили работать в город Мариуполь подручным у приказчика в галантерейной лавке. Приказчик о своем подручном сохранил самые недобрые воспоминания.

«Это был, — рассказывал он потом, — настоящий хорек, молчаливый, замкнутый... Одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его голове и спине совершенно без всякой пользы до сорока деревянных аршинов».

Мальчишка молча переносил побои, но тут же за них мстил: наливал приказчикам в чай касторовое масло, отрезал пуговицы от их одежды, один раз, сильно обозлившись, ошпарил своего надзирателя кипятком. На этом окончилась коммерческая карьера молодого Махно. Его хорошенько выпороли и вернули к отцу, который вскоре поместил сына в типографию. Махно присматривался к тому, как работали наборщики, и это ремесло ему понравилось. Там же он познакомился с анархистом Волиным (В. М. Эйхенбаумом), который свомирасказами об учении Бакунина и Кропоткина пробудил в нем интерес. В понятии Махно, их теории сводились к простой формуле: разрушать все окружающее и не признавать над собой ничьей власти.

В период революции 1905—1906 годов огромное впечатление на Махно произвели так называемые «экспроприации», и 16-ти лет отроду он организовал налет на уездное казначейство в городе Бердянске. Захватив кассу и убив трех чиновников, он скрылся, но вскоре был выдан одним из своих товарищей, суд приговорил его за «убийство и разбой» к пожизненной каторге. С 1908 года он сидел в Бутырской тюрьме в Москве. Здесь встретился с отбывавшим пожизненное заключение анархистом Петром Андреевичем Аршиновым. Они сошлись на том, что оба совершили «террористические акты», так как Аршинов в 1906 году участвовал в организации взрыва полицейского участка поблизости от Екатеринослава, а затем в убийстве начальника железнодорожных мастерских той же губернии. Аршинов стал духовным наставником и учителем Махно. Вспоминая впоследствии о своем знаменитом ученике, он писал; «Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно тем не менее постарался широко использовать свое пребывание в ней в целях самообразования... Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему затем огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности».

Эта деятельность началась с марта 1917 года, когда Временное правительство по общей амнистии освободило из тюрем всех политических заключенных. Махно сразу помчался на родину, в Гуляй-Поле. С осени того же года, организовав своих односельчан, он приступил к налетам на имения окрестных помещиков, убивая владельцев и расхищая их движимое имущество. После оккупации Украины войсками центральных держав он создал к осени 1918 года значительные отряды партизан и устраивал серьезные набеги на расположения небольших австро-германских гарнизонов. В основу своей политики Махно положил правило: нещадно убивать врагов крестьянства — помещиков и всех офицеров как русской, так и австро-германской службы. Историк махновского движения Аршинов с удовлетворением отметил, что в этой области Махно весьма преуспел и что в 1918 году он уничтожил «сотни помещичьих гнезд и тысячи активных врагов и угнетателей народа».

Период немецкой оккупации Украины явился для Махно школой ведения партизанской войны. Он понял, что для успеха необходимо иметь доверие и поддержку местного населения. По мере надобности окрестные крестьяне включались Махно в небольшой, но крепко сплоченный постоянный отряд, следовавший за ним повсюду. Остальные сидели по своим деревням. Эти мирные на вид деревенские жители, на самом деле вооруженные до зубов, имели наготове лошадей, повозки, спрятанное оружие и солдатский опыт почти четырехлетней войны. Попав в такое село, постороннему человеку трудно было догадаться, что он находится в вооруженном лагере. А этот лагерь оживал обычно ночью. Тогда по приказанию Махно вся округа начинала кишеть бандитами, и ядро махновского отряда сразу превращалось в значительную боевую единицу.

Система его разведки и шпионажа была основана на верности ему деревенского населения. Крестьяне держали Махно в курсе всего, что происходило в округе, сообщали ему о расположении, передвижении, численности и вооружении войсковых частей неприятеля.

Залог успеха заключался в неожиданности и быстроте нападения. Совершая ночью большие переходы, с невероятной быстротой появлялся он там, где меньше всего его ждали, захватывал оружие, грабил частное и казенное имущество, кроваво расправлялся с местной администрацией, с точным населением и поджигал то, что сам и помогавшие ему крестьяне не могли вывезти на подводах, с такой же быстротой бесследно исчезал.

Для скорости он передвигался на тачанках. Вместе с махновской конницей эта крестьянская пехота могла покрывать большие расстояния.

Махно старался держаться вдали от железных дорог. Опасаясь продвигавшихся по ним воинских эшелонов и бронепоездов, он, по собственному выражению, перенес свои действия с рельс на поля и леса. Днепровские плавни служили ему иногда убежищем. В глазах местного населения Махно стал героем, легендарной личностью, воплощением разбойной удали Запорожья. Городские жители, страдавшие от его набегов, смотрели иначе. Для них Махно был отъявленным негодяем, грабителем и убийцей. Они считали, что движение его отражало веками накопившуюся злобу на всякие несправедливости, выпавшие на долю крестьян; что, прорвавшись наружу, эта злоба выявляла в самом отвратительном виде звериные инстинкты, в прошлом связанные с именами недоброй памяти Емельяна Пугачева и Стеньки Разина.

После поражения Германии Махно сотрудничал с армией большевиков, надвигавшейся с се-

вера на Украину. В марте 1919 года его повстанческие части официально вошли в состав Красной армии. Месяцем позже начались трения, кончившиеся полным разрывом в мае, когда Троцкий объявил Махно вне закона.

В середине июля 1919 года в районе города Александрии Херсонской губернии произошла встреча двух главарей повстанческого движения — атамана Григорьева и батьки Махно, которому атаман прислал короткое послание: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их!» Встреча происходила в расположении махновских отрядов по инициативе Махно якобы с целью договориться о дальнейшем совместном плане действий. На самом деле Махно хотел заманить Григорьева в ловушку и расправиться с ним.

«Семен Каретник, ближайший помощник Махно, несколькими выстрелами из кольта сбил Григорьева с ног, а подбежавший Махно с возгласом: «Смерть атаману!», тут же дострелил его». Так описал этот эпизод биограф Махно Аршинов.

Книги и брошюры, изданные анархистами, приписывают это преднамеренное убийство желанию Махно отомстить Григорьеву за якобы высказанное им намерение перекинуться на сторону Деникина, за еврейские погромы, учиненные Григорьевым.

В Махно действительно не было антисемитизма. Он не устраивал еврейских погромов и даже собственноручно пристреливал тех из своих партизан, кто в таком деле принимал участие. Его идеологическими вдохновителями были евреи: Волин (Эйхенбаум), Зиньковский, Барон, Марк Мрачный и другие. И тем не менее состав махновского отряда не слишком считался со взглядами вождя и по словам очевидца, грабил, убивал и расправлялся с евреями «на общем основании».

В убийстве же Григорьева преобладало, по-видимому, желание избавиться от опасного конкурента. Этой версии придерживался и генерал Деникин. Он говорил «о двух пауках в одной банке, о борьбе двух атаманов за власть и влияние на тесном пространстве нижнего Днепра, куда загнала их судьба и наступление Вооруженных Сил Юга России».

Наступление деникинских войск летом 1919 года гнало Махно на запад. Много крестьян из его отрядов по дороге разбежалось по своим деревням. Сам же Махно с ядром своей «армии» и с длинным обозом раненых добрался до города Умань, поблизости от которого находились войсковые части Петлюры. Петлюра и Махно, оба воевавшие с Деникиным, заключили между собой соглашение о нейтралитете, причем петлюровцы взяли на себя уход за ранеными махновцами. Оторванные от своей базы — Гуляй-Поля, махновцы четыре месяца непрерывно отступали под напором деникинских частей. Шли они в неизвестном для них направлении свыше 600 километров. В конце сентября, утомленные, оборванные, голодные, они готовы были восстать против своего вождя. И чуя грозившую опасность, Махно принял неожиданное для всех решение. Он вдруг круто повернул свой отряд в обратном направлении, ударил в лоб преследовавшим его добровольцам и, прорвав их расположение, полным ходом бросился на восток, к родным местам. По дороге армия его снова обростала крестьянами.

Армии генерала Деникина в то время напрягали все силы в борьбе с большевиками вдоль огромного фронта: Житомир—Киев—Чернигов—Орел—Елец—Воронеж—Лиски—Царицын. Войска были брошены на передовые, а тыл оказался оголенным. И по этой гладкой степи беспрепятственно неслись на тачанках с запада на восток повстанцы батьки Махно. Никто в его штабе статистикой не занимался, и численность его войск осталась предметом догадок. Советские источники высказывали предположение, что к середине октября 1919 года число махновцев достигало 25 тысяч человек. По дороге они взрывали военные склады добровольцев, истребляли местную администрацию и государственную стражу, портили железнодорожные пути, неся повсюду хаос, панику и разорение. В двадцатых числах октября неожиданно для всех Махно ворвался в Екатеринослав, один из самых значительных городов Украины, и подверг его жестокому разграблению. Махновские части хлынули на Таганрог к Ставке генерала Деникина.

Командованию Юга России пришлось спешно перебросить с фронта войска. Это произошло как раз в момент, когда военное счастье Деникина начинало колебаться.

Терская и чеченская дивизии генерала Шкуро, а также бригада донцов сильно потрепали Махно. Но банды его, несмотря на большие потери, снова пополнялись. Тогда ликвидация была поручена пехотным частям, переброшенным с запада, под командованием генерала Слещева. Они остановили махновские отряды в 80 километрах от Таганрога и временно разогнали их. Но истребить повстанческие банды им не удалось: они то расплылись, то вновь воскресали. Крестьяне прятались по своим деревням, сам батько Махно куда-то исчезал, чтобы опять появиться и годом позже участвовать совместно с Красной армией в разгроме войск генерала Врангеля в Крыму.

Рейдом по глубоким тылам Добровольческих войск Махно оказал большую услугу Красной армии. Он помог ей вырвать военную инициативу из рук Деникина. Но через год, используя Махно в своих целях, большевики снова объявили его вне закона и на этот раз всерьез занялись его ликвидацией.

И белые и красные вожди совершенно одинаково относились к повстанцам.

«Действия повстанческих отрядов, — писал Деникин, — вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Объективно повстанчество являлось фактором положительным для нас на территории, занятой врагом, и тотчас становилось ярко отрицательным, когда территория попадала в наши руки. Поэтому с повстанчеством (на Украине) вели борьбу все три режима — петлюровский, советский и добровольческий. Даже факты добровольного перехода к нам некоторых повстанческих банд являлись только тяжелой обузой, дискредитируя власть и армию».

Ту же мысль высказал Троцкий в одной из своих речей периода гражданской войны:

«Добровольцы Махно, разумеется, представляют опасность для Деникина, поскольку на Украине господствует Деникин... Но завтра, после освобождения Украины, махновцы станут смертельной опасностью для рабочего-крестьянского государства. Махновщина... есть национальный украинский нарыв, и он должен быть разрезан раз и навсегда».

Вопрос о том, чтобы окончательно «разрезать этот нарыв», встал перед красным командованием в ноябре 1920 года после конца гражданской войны. Все внимание коммунистов сосредоточилось тогда на обширном районе, центром которого была крошечная точка прежде никому неизвестного Гуляй-Поля. Махно стал объектом охоты в государственном масштабе. Окруженный многотысячными красными войсками, много раз раненный, с простреленной шеей ниже затылка, с правой щекой, пробитой пулей, он защищался с горстью соратников, которым противник грозил виселицей, как застреленный зверь и продолжал упорно отбиваться от наседавшего врага. Пройдя с непрерывными боями многие сотни километров от Гуляй-Поля до румынской границы, прорывая то тут, то там неприятельские линии, Махно в конце августа 1921 года перебрался через Днестр в Румынию. Оттуда он попал в Польшу и после многих злоключений переехал из Польши в Париж.

В итоге этот странный человек с замашками отъявленного бандита оказался русским политическим эмигрантом во Франции рядом с Буниным, Мережковским, Алдановым, Бердяевым, Дягилевым, Милюковым, Керенским, Мельгуновым, Деникиным и многими другими, которым в принципе он готов был перерезать горло.

Выброшенный из привычной ему стихии разгула, пьянства, самоуправства и постоянной опасности, полуграмотный Махно очутился во Франции без денег, не зная языка. Время от времени он работал маляром; с помощью анархистов хотел написать и издать воспоминания, чтобы обелить себя и придать «идейный характер» своему движению. На этой почве перессорился со своими литературными сотрудниками. Одинокий, тщеславный, озлобленный на всех и вся, он умер под Парижем в 1935 году от туберкулеза легких. Три тетради его незаконченных воспоминаний вышли уже после его смерти в литературной обработке Волина (Эйхенбаума).

Самолюбие Махно было ущемлено тем, что в истории гражданской войны большевики умышленно преуменьшали роль, которую он сыграл в подрыве белого движения на Юге России.

Нет сомнения, что впоследствии те, кто изучал способы ведения партизанской войны в России, сделали соответствующие выводы из методов, выработанных батшкой Махно.

К их числу принадлежали и будущий маршал Тито, и Хо Ши Мин, обучавшиеся революционному ремеслу в Советском Союзе.

XXIII ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННИЕ НЕЛАДЫ

К началу осени 1919 года в Западной Европе создалось впечатление, что дни советской власти сочтены. Газеты европейских столиц сообщали об огромных успехах генерала Деникина, о начавшемся наступлении Юденича на Петроград, о разложении красных войск, о паническом настроении в Москве.

В правительственных кругах Парижа к тому времени оценили степень удара, нанесенного престижу Франции в России бесславным эпизодом в Одессе, и с тревогой думали о необходимости наладить испортившиеся отношения с генералом Деникиным. В те дни французское правительство проходило мучительную фазу пересмотра своей внешней политики. Оно мрачно следило за переменой в американских настроениях, стремившихся оторваться от всяких европейских осложнений и замкнуться в своих внутренних делах. Оно не слишком доверяло Англии и со страхом думало о своем одиночестве в случае возрождения германской мощи. Его пугал призрак возможного сближения Германии, мечтавшей о реванше, с освобожденной от большевиков Россией, задетой в своем национальном самолюбии непродуманной политикой Франции. А потому требовалось принять спешные меры, чтобы изменить неблагоприятную обстановку. И с этой целью на Юг России была отправлена особая

миссия во главе с известным и заслуженным генералом Манженом. Приехала она в Ставку генерала Деникина в начале октября.

В истории французских взаимоотношений с генералом Деникиным миссия Манжена сыграла незначительную роль ввиду никем непредвиденных событий, вскоре разыгравшихся на Юге России. Тем не менее дружеский характер миссии дал возможность сгладить прошлые шероховатости, история которых связывалась не только с Одессой и Крымом. Были и другие, не менее важные причины, сильно покоровившие Деникина.

В конце января 1919 года, после того как Донская армия признала над собой Верховное командование Деникина, к атаману Красно-явился капитан французского генерального штаба Фуке бывший тогда во главе французской военной миссии при генерале Деникине. Сообщив атаману, что он действует от имени генерала Франше д'Эспере, Фуке сказал Краснову, что на помощь его войскам, терпящим неудачи на фронте, будет немедленно прислана французская дивизия. При одном, однако, условии. Он предложил атаману Краснову подписать два заготовленных соглашения. Первое из них обязывало Краснова, как «выбранного и признанного представителя Донского правительства, а также как представителя одной из будущих частей великой России», согласиться на возмещение всех убытков которые французские граждане понесли с момента революции. Вторая бумага, касаясь соглашения, подписанного 26 декабря 1918 года, по которому Краснов признавал свое подчинение генералу Деникину, ставила Донского атамана не только в двусмысленное, но и в чрезвычайно ложное положение. Согласно этому документу атаман Краснов, сохраняя свое подчиненное отношение к Деникину, должен был в то же время признать над собой верховную власть генерала Франше д'Эспере по всем «вопросам военным, политическим и общего порядка».

Поступок Фуке возмутил Краснова. Как подчиненный, он немедленно довел его до сведения генерала Деникина. В Ставке последнего это вызвало взрыв негодования. Телеграммой от 3 февраля к Франше д'Эспере генерал Деникин потребовал отозвать Фуке, выразив уверенность, что «не соответствующие достоинству русского имени документы» не могли быть присланы французским командованием, а явились результатом неуместной личной инициативы Фуке

Ответа на свою телеграмму Деникин не получил, но Фуке был сразу отозван и сменил полковником Корбейлем.

Подводя итог эпизоду с Фуке, Антон Иванович писал, что «и начал-то он свою карьеру на Юге как-то странно — предоставлением мне на подпись дифирамба своим заслугам для ходатайства перед Франше д'Эспере о производстве его в следующий чин. Окончил же — совсем печально».

В то время как английские военные представители при Деникине были заслуженными генералами британской армии и находились в непосредственном подчинении Черчилля, выполняя его директивы, Франция назначила своим первым военным представителем на юге России какого-то капитана, подчинила его своему командованию в Константинополе, плохо разбиравшемуся в русских делах, подчеркивая этим в глазах Деникина свое пренебрежение к возглавляемому им движению.

А потому неудивительно, что заменивший Фуке полковник Корбейль, офицер совершенно иного калибра, образованный и умный, тяжело переживал создавшуюся атмосферу натянутости и взаимного недоверия.

К осени 1919 года правительству генерала Деникина удалось, наконец, уладить с французами один из важных пунктов раздора, а именно вопрос о русском Черноморском флоте и о коммерческих кораблях, захваченных французами в Одессе.

К моменту германской оккупации Украины и Крыма русский флот был выведен из Севастополя в Новороссийск, находившийся тогда в руках советской власти. Согласно условиям Брест-Литовского мира немцы потребовали от большевиков его сдачи. В середине июня 1918 года из Москвы в Новороссийск было послано две телеграммы, одна с приказом передать немцам корабли, другая, зашифрованная, с приказом их потопить. Среди красных моряков произошел раскол. В результате часть флота ушла в Крым, передав свои суда немцам. Другая часть потопила свои корабли около Новороссийска. После поражения Германии русские суда, переданные немцам, были конфискованы союзниками. В числе кораблей был дредноут «Воля» (бывший «Император Александр III»), более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и много судов вспомогательного назначения. Большинство боевых судов требовали капитального ремонта. Союзники заняли эти корабли своими командами и подняли на них флаги. Тем не менее к началу больших военных операций генерала Деникина в середине 1919 года в его распоряжении в Черном море находился крейсер «Кагул» (переименованный в «Генерала Корнилова»), 5 миноносцев, 4 подводные лодки и десятка два вооруженных пароходов, лодок и барж. Последующие успехи Добровольческой армии склонили союзников передать генералу Деникину к осени 1919 года для обслуживания Вооруженных Сил Юга России все остальные русские военные и коммерческие суда, захваченные ими в Черном море, в том числе 22 русских коммерческих парохода, увезенных французами из Одессы.

После конца второй мировой войны, когда Соединенные Штаты стали главной мишенью ком-

мунистической пропаганды, появилось много литературы, изобличавшей Америку во всех греховных замыслах мирового империализма. В Советском Союзе этот период начинается со времени гражданской войны в России, в которой Соединенные Штаты выступают самым злостным подстрекателем интервенции, причем обычно умалчивается численность американских войск, участвовавших в этом предприятии, давая таким образом понять, что их было очень много. На самом деле цифра незначительная, во Владивостоке под командой генерал-майора Гревса высадилось около семи тысяч человек (пять тысяч человек из 8-й дивизии, расположенной тогда в лагере Фремонт около Пало Альто в Калифорнии. К ним присоединили еще 27-й и 31-й пехотные полки, переброшенные с Филиппинских островов). В Архангельске же высадилось около пяти с половиной тысяч американцев.

На Юге России Соединенные Штаты были представлены военной миссией, во главе которой стоял адмирал Мак Калли, а ближайшим его сотрудником был полковник Форд. Американская миссия держалась в стороне от других и смотрела на свои обязанности как на функции постороннего, хотя и доброжелательного наблюдателя.

Сербия, больше других стран пострадавшая во время первой мировой войны, готова была оказать генералу Деникину помощь отрядами добровольцев. Регент Александр, впоследствии король образовавшегося тогда королевства сербов, хорватов и словенцев (переименованного затем в Югославию), предлагал генералу Деникину сформировать из сербов добровольческий корпус в 30—40 тысяч человек и послать его в полное распоряжение Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Однако ввиду разорения Сербии снабжение такого отряда могло осуществляться только с помощью союзников, а переговоры с ними по этому вопросу не дали никаких результатов.

Искренний друг России, прекрасно говорившей по-русски, получивший свое образование в России, регент Александр писал генералу Деникину из Белграда:

«С напряженным вниманием слежу за движением Ваших геройских войск и от души желаю Вам успеха в Вашем патриотическом и историческом труде, имеющем неизмеримое значение для всех славян. В знак же уважения моего к личной Вашей доблести и сочувствия великому Вашему делу прошу Вас принять и носить знаки ордена Белого Орла первой степени с мечами».

Среди иностранных орденов, полученных генералом Деникиным в годы гражданской войны, был и британский «Знак отличия Рыцаря Командора ордена Бани». Он был вручен ему в конце мая 1919 года английским генералом Хольманом, сменившим генерала Бриггса в должности начальника британской военной миссии. Вместе с орденом Хольман передал генералу Деникину личное письмо от британского военного министра Черчилля. Копия этого письма (хранящаяся в архиве Гуверовской библиотеки в Калифорнии) имеется лишь в посредственном русском переводе, сделанном в Екатеринодаре для генерала Деникина, не владевшего английским языком. К сожалению, русский текст не отражает того красочного и своеобразного стиля, которым обладал автор английского подлинника.

«Цель приезда (генерала Хольмана), — писал Черчилль, — всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию.... Я надеюсь, что Вы отнесетесь к нему как к другу и товарищу с полным доверием и не преминете посылать сведения через него мне или же начальнику имперского Генерального Штаба. В согласии с политикой правительства Его Величества мы сделаем все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях».

То, что говорил Черчилль, не было пустой фразой. Находясь в непосредственном подчинении, генерал Хольман точно следовал его указаниям. По словам генерала Деникина, политика британской военной миссии на Юге России всегда была «прямой, открытой и доброжелательной».

«Генерал Хольман и его многочисленный штаб, — писал Антон Иванович, — не отделяли совершенно русских интересов от английских. В одном интервью генерал Хольман заявил: «Находясь здесь, я считаю себя прежде всего офицером штаба генерала Деникина, в котором я должен также работать на пользу России, как я работал во время войны во Франции в штабе генерала Раулинсона...» Он работал с большой энергией, увлечением и пользой для нашего дела. В узких пределах, не могших вызвать особенного внимания и тревоги парламента и в особенности рабочей партии, английское командование допускало участие англичан и в боевых действиях. Так, Черноморская британская эскадра оказывала нашим войскам серьезную поддержку в операциях на побережье Азовского и Черного морей, английские авиационные отряды вели самоотверженно разведку и бои в рядах наших армий, а сам генерал Хольман лично участвовал в воздушных атаках...»

Таким образом, к осени 1919 года отношения Вооруженных Сил Юга России с внешним миром (за исключением Польши) приняли более или менее удовлетворительные формы. Понятие «внешнего мира» было, конечно, относительным. Оно вращалось главным образом вокруг двух больших союзных держав, Англии и Франции, и исключало бывших противников мировой войны.

Зато отношения с центрами России, которые провозгласили свою от нее независимость, не давали белому командованию повода для радости. Когда Добровольческая армия вступила в пределы

Украины, возник украинский национальный вопрос. По мнению генерала Деникина, этот вопрос был инспирирован немцами, стремившимися к расчленению России, и разработан ничтожной группой украинских интеллигентов-шовинистов, не отражавших народных настроений.

У Антона Ивановича к тому времени сложился твердый и неизменный взгляд на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его—великорусской, малорусской и белорусской. «Эти ветви,— говорил он,—отличаясь местными особенностями, творили купно свою историю, представляющую, по выражению профессора Ключевского, «широкий общерусский поток событий, образующийся из слияния крупных и мелких местных ручьев».

В подходе к русской истории Антон Иванович был последователем Ключевского и отметал всякую иную интерпретацию этого вопроса. Украину он принципиально называл Малороссией. Это не было капризом самоуверенного человека, которому случайный успех вскружил голову. Деникин хорошо знал русскую историю и быт Малороссии-Украины. Он знал, что в старой России не было национального притеснения украинского населения, не говоря уже о каком-то якобы порабощении. И что если время от времени и чувствовалось бюрократическое давление, шедшее из Петербурга, то оно в одинаковой мере ощущалось как в Малороссии, так и в Великороссии. Он знал, что крестьяне Украины были зажиточнее и богаче своих великорусских соседей и что никто никогда не мешал им говорить на родном языке.

В своем первоначальном движении на Украину Добровольческие войска имели лишь одного противника — Красную армию. Однако подойдя к Киеву, они встретились с украинскими частями, во главе которых стоял Симон Петлюра.

Ранней зимой 1919 года, после захвата Украины большевиками, Петлюра с группой единомышленников скрылся в Галиции. Там он нашел поддержку среди местных украинцев из бывших австрийских офицеров и солдат, образовавших Галицийскую армию.

Петлюре удалось объединить под своим началом хорошо организованных галичан со слабыми воинскими частями, бежавшими с ним из русской Украины. Образовав две армии, Галицийскую (во главе с бывшим австрийским офицером Тарнавским) и Украинскую (во главе с атаманом Тютюнником, служившим одно время начальником штаба недоброй памяти атамана Григорьева), Петлюра провозгласил себя «генералиссимусом». К середине лета войска его достигли численности в 35 тысяч человек, из которых свыше 20 тысяч были галичанами. У каждой из двух сторон имелось свое правительство, и они враждовали друг с другом. Украинская директория Петлюры старалась навязать свою волю галицийскому правительству во главе с Петрашевичем. Причина, толкнувшая их к столь непрочному единению, была простая. Выброшенный большевиками за пределы русской Украины, Петлюра искал убежище в родственной ему по крови и языку Галиции. Галичане же, ненавидевшие поляков и боявшиеся, что новое польское государство попытается присвоить себе их территорию, надеялись усилить свои войска отрядами, пришедшими с Петлюрой. Надежды не оправдались. Взаимное недоверие дошло до полного разлада, когда галичане (которых, наконец, Польша в июле 1919 года вытеснила из Галиции) узнали, что за их спиной Петлюра вел тайные переговоры с польским правительством.

Петлюровцы считали своим главным недругом Россию, всякую Россию, как красную, так и белую, В гражданской войне они готовы были поддерживать одну из борющихся сторон лишь для того, чтобы ослабить другую и добиться от обескровленного победителя признания полной независимости Украины. Галичане к России относились благожелательно, видели в ней защиту от колонизации своего края. В принципе они не противились тому, чтобы Украина и Галиция вошли в состав единого русского государства, как объединенная и вполне автономная область. Это резкое расхождение с Петлюрой вело их к следующему этапу разногласий. Галичане не желали воевать с Деникиным. Их правительство и командование верили в порядочность русского генерала, в то время как близкое знакомство с украинским «генералиссимусом»убедило их в его оппортунизме, любви к интриге и моральной нечистоплотности. Примером тому в их глазах служили переговоры, которые еще в начале июля представитель Петлюры вел в Бухаресте одновременно с представителем Деникина и тайно от него с румынским правительством. Предложение петлюровцев деникинскому представителю сводилось к следующему.

Отложить на неопределенный срок разрешение всех спорных вопросов о будущем устройстве русского государства и о положении Украины, чтобы создать единый боевой фронт против большевиков под командованием генерала Деникина. Но тут ставилось щекотливое условие: добровольцы со своим лозунгом «единой, неделимой России» не препятствуют петлюровцам идти под знаменем независимой Украины, ибо отказ от самостоятельности был для них невыносим.

Предложение Петлюры Деникин не принял, но, по крайней мере, оно обнажало петлюровскую точку зрения. Более макиавеллистичным было предложение, которое Петлюра одновременно делал румынам. В меморандуме к румынскому правительству его представитель старался доказать опасность, одинаково грозившую и румынам, и украинцам как от большевистской, так и от деникинской

России. Рано или поздно, говорилось в меморандуме, Россия потребует от Румынии возврата Бессарабии. А потому для совместной защиты и от большевиков, и от Деникина Петлюра предлагал румынам союз, заранее соглашаясь пойти в отношении Румынии на какие угодно «территориальные уступки и даже жертвы».

Если Деникин в то время и не знал деталей сложных изгибов петлюровской политики, он имел о них достаточно определенное представление. Петлюру он считал изменником, проходимцем, авантюристом и не верил ему ни на грош. Даже временное соглашение с таким человеком в глазах Деникина было недопустимо. Но пропастью, разделявшей его с Петлюрой, был принципиальный вопрос: как мог он, генерал Деникин, идти на компромисс с разрушителем единства России?

О своей твердой позиции он известил (3 августа) состоявших при нем союзных военных представителей. К тому времени они сами убедились в бессмысленности дальнейших переговоров с Петлюрой. Деникин отдал приказ войскам:

«Самостийной Украины не признаю. Петлюровцы могут быть или нейтральны, тогда они должны немедленно сдать оружие и разойтись по домам; или же примкнуть к нам, признавши лозунги, один из которых широкая автономия окраин. Если петлюровцы не выполняют этих условий, то их надлежит считать таким же противником, как и большевиков».

При таких обстоятельствах деникинские войска под командованием генерала Бредова встретились 17 августа у Киева с галицийскими частями. Пользуясь расстройством Красной армии, отступившей под напором Деникина, Петлюра свободно продвинул свои соединения к Киеву с запада, чтобы первым войти в столицу Украины и удержать ее в своих руках. Бредов и галичане вступили в Киев одновременно. Однако, желая избежать столкновения с добровольцами, галичане согласились на предложение Бредова покинуть город и отойти от него на один переход. На следующий день было опубликовано соглашение между Бредовым и галичанами. Неожиданно для Петлюры галичане заявили, что они действуют независимо от него. Днем позже и на этот раз неожиданно для галичан Петлюра заключил договор с Польшей, уступив ей Галицию и прикарпатскую Русь. С этого момента пути галичан и петлюровцев окончательно разошлись. Галичане признали над собой верховное командование генерала Деникина. Петлюра же превратился в послушное орудие польской политики, целью которой было ослабление и расчленение России.

В течение двух последующих месяцев добровольцы имели несколько кровавых стычек с петлюровцами и сильно потрепали их в районе Умани, Гайсина и Бирзулы. В начале ноября Петлюра со своим штабом, правительством и ничтожным количеством войск бежал от добровольцев за линию расположения польской армии. Чтобы оградить себя от возможности нападения, генералу Деникину пришлось оставить на «петлюровском фронте» около 8—10 тысяч бойцов.

Разногласия с Грузией, ссора с Петлюрой принуждали Добровольческое командование держать заслоном войска на второстепенных участках вместо посылки их на главный фронт — против большевиков.

Не имея времени и не желая вмешиваться в мало ему знакомые функции гражданского управления, Антон Иванович поручил эти вопросы своему управлению внутренних дел, указав, что подбору администрации необходимо уделить самое серьезное внимание, особенно назначению людей на должности начальников губерний и уездов. Бывший тогда управляющим отдела внутренних дел Н. Н. Чебышев решил использовать административный опыт людей, оказавшихся под рукой, которые до революции занимали посты губернаторов. Расчеты Чебышева не оправдались. Люди, им выбранные, проявили полное непонимание грандиозных психологических сдвигов, происшедших в стране. Печальную картину администрации южно-русской провинции описал в своих воспоминаниях генерал Деникин:

«Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти: одни — испуганные революцией, другие — озлобленные и мстящие. Приходили они в районы для них незнакомые, пережившие уже не один режим, с населением, потерявшим уважение к закону и власти и недоверчивым, с жизнью, выбитой из колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уезды кишели шайками... всевозможных атаманов и остатками рассеявшихся красноармейцев, до крайности затруднявшими передвижение... Жизнь гражданской администрации, как и всего служилого элемента Юга, была неприглядной благодаря нищенскому содержанию и толкала их на искушения».

Избежав большевистской опасности, Кубанская рада к командованию Юга России относилась все более вызывающе. Трения, как мы знаем, начались давно. Уже в конце 1918 года генерал Деникин мечтал перевести свою Ставку из Екатеринодара куда-нибудь подальше от кубанской столицы. Сперва он думал перебраться в Крым, но по различным причинам это оказалось невозможным. Однако с продвижением его армии на север Главнокомандующий перевел, наконец, свою Ставку в Таганрог. Антон Иванович со вздохом облегчения расстался с интригами кубанской столицы. Деникин не пред-

видел тогда, что с переездом Ставки и правительства из Екатеринодара положение там резко изменится к худшему, что моральный авторитет добровольческого командования быстро поблекнет. Почувствовав, что тормоза деникинской власти ослабли, Кубанская рада открыто начала проявлять центробежные стремления.

К началу осени 1919 года многие депутаты Рады вели энергичную пропаганду за отделение своей области от России и, не стесняясь, бранили деникинское правительство. Они всячески подрывали авторитет Кубанского атамана, называя его ставленником Деникина, и удаляли из высшего управления краем всех казаков, сочувствовавших идеям Добровольческой армии. И уже в виде открытого вызова белому командованию вели переговоры с Грузией и Петлюрой и распространяли слух о том, что батько Махно несет населению подлинную свободу. Положение становилось чрезвычайно напряженным, так как пропаганда, направленная против армии и ее командования, постепенно начинала проникать в ряды кубанского казачества на фронте.

Затянувшаяся болезнь, безусловно, требовала в тот момент «хирургического» вмешательства. Но нет сомнения, что более продуманные меры, предпринятые вовремя, дали бы главному командованию возможность не прибегать к силе.

Большой вред белому движению принесло также бескомпромиссное отношение к бывшим офицерам, вступившим в ряды Красной армии. В ноябре 1918 года генерал Деникин издал приказ, осуждающий их непроведение и заканчивающийся угрозой: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный».

Впоследствии Деникин признал ошибочность такой политики. Приказ его был широко распространен большевиками по Советской России. «Он произвел, — писал Антон Иванович, — гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душой с нами. Ведь большинство старых офицеров попало в Красную армию либо по принуждению, либо за хлебный паек, чтобы прокормить свою семью в голодавшей России. И вместо того чтобы привлечь их в белый лагерь, с теми, кто попал в плен, обращались жестоко. Реабилитационные комиссии, образованные для расследования их деятельности у большевиков, бесконечно затягивали разбор дела и далеко не всегда выносили беспристрастные заключения. Но хуже было то, что не всех, захваченных на фронте в плен, переправляли в тыл. Многие из них стали жертвами жесткой вражды, которую порождает только гражданская смута. Бывали случаи, когда захваченных в плен красных офицеров под горячую руку приканчивали на месте».

Такая горькая участь постигла бывшего генерала старой армии А. В. Станкевича и бывшего ротмистра императорской гвардии А. А. Брусилова. Их взяли в плен в кровавых и ожесточенных боях под Орлом, когда решалась судьба всей гражданской войны и когда красные беспощадно уничтожали взятых в плен белых офицеров.

Станкевич служил у большевиков помощником командующего 13-й армией. В ее состав входила 55-я дивизия красных, начальник штаба которой перебежал к белым. Станкевич принял командование этой дивизией. Ирония судьбы заключалась в том, что брат его, тоже генерал, был близким другом А. И. Деникина, его боевым товарищем по службе в Железной дивизии и по кубанским походам Добровольческой армии. Он доблестно командовал 1-й дивизией при обороне Донецкого бассейна. Умер от сыпного тифа.

Бывший ротмистр А. А. Брусилов был сыном знаменитого генерала Брусилова. Окончив Пажеский корпус, Брусилов-сын вышел офицером в лейб-гвардии конно-гренадерский полк, с которым прошел всю войну 1914 года. У красных он командовал 9-м кавалерийским полком и под городом Ливны Орловской губернии с несколькими своими всадниками, по-видимому сознательно, сдался белым.

Расправа под Орлом с генералом Станкевичем и ротмистром Брусиловым была примером жестокости, с которой так безуспешно боролся Главнокомандующий.

К середине октября 1919 года в осведомленных кругах белого лагеря появилось нарастающее чувство опасности, что перелом в военных успехах не за горами. Исчезла надежда на разгром Красной армии до наступления зимы. Волна крестьянских восстаний, движение махновцев, развал в тылу деникинского фронта, отсутствие дисциплины в войсках, осложнения на Кубани — все это, вместе взятое, ставило над будущим белого движения знак вопроса.

XXIV ПЕРЕЛОМ

В начале 1919 года большевики в полной мере оценили значение конницы противника. Весной и летом с предельной быстротой была сформирована и собрана в мощный кулак кавалерия красных. Во главе ее был поставлен Семен Михайлович Буденный.

Родился Буденный в 1883 году и происходил из иногородних, перебравшихся в область Войска Донского из Воронежской губернии. Поселились они в районе станицы Платовской неподалеку от реки Маныч. В 1903 году Буденный был призван в армию, участвовал в войне против Японии, служил в Приморском драгунском полку. Оттуда в 1907 году отправлен в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе, начальником которой за год до этого был генерал Брусилев. Школа наездников готовила инструкторов по выездке молодых верховых лошадей. Эта работа очень привлекала Буденного. Она давала возможность по возвращении с солдатской службы устроиться берейтером при одном из больших конных заводов. Закончив обучение в школе наездников, Буденный вернулся в свой полк и остался служить в нем сверхсрочно в звании старшего унтер-офицера. В начале войны 1914 года его перевели в 18-й Северский драгунский полк взводным унтер-офицером 5-го эскадрона, во взвод, которым командовал поручик Кучук Улагай, впоследствии генерал и выдающийся кавалерийский начальник в армии генерала Деникина. Таким образом, будущие противники сначала были однополчанами и близкими боевыми соратниками. В конце 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию, в которую входил полк Буденного, перебросили с Западного фронта на Кавказский фронт против турок. Там за боевые отличия и храбрость он был награжден Георгиевскими медалями и Георгиевскими крестами всех степеней, которые солдат получал только за личную храбрость. Он стал обладателем полного банта Георгиевского кавалера. С приходом к власти большевиков Буденный встал на сторону Советов и быстро выдвинулся на гражданской войне. Он оказался находчивым и лихим кавалерийским начальником, умеющим ухватить главное. Для него лошадь являлась «не столько средством передвижения, сколько оружием», и, когда он формировал конный корпус, развернувшийся затем в Первую Конную армию, лошади в его частях были самые лучшие, специально отобранные на конных заводах Центральной России.

Во время гражданской войны Буденный подружился с Климентом Ворошиловым, назначенным членом Реввоенсовета Конной армии, и близко познакомился со Сталиным, который с осени 1919 года был членом Реввоенсовета Южного фронта. Но отношения его с Троцким не клеились, и в дальнейшей карьере Буденного, когда Сталин захватил бразды правления страной в свои руки, это пошло ему на пользу. Советский военный министр, руководивший назначениями на ответственные посты, Троцкий не слишком высоко оценивал интеллектуальные способности необразованного Буденного. Он видел в нем военную смекалку старого кавалерийского унтер-офицера, но сомневался, сможет ли этот «безграмотный Буденный» (собственные слова Троцкого) руководить большой конной массой. Однако другого выбора не было и, кроме того, Буденный обладал важным «преимуществом» — пролетарским происхождением. Без особого восторга Троцкий выдвинул его на роль советского Иоахима Мюрата, не скрывая, однако, от Буденного свое высокомерно-презрительное к нему отношение. В своих воспоминаниях Буденный это ему припомнил. По всем правилам советского хорошего тона он окатил Троцкого ушатом грязи, связав его имя с сознательным вредительством и умышленным саботажем.

И все же какими бы ни были качества у Семена Буденного, он оправдал в тот момент возложенную на него миссию. В поражении Вооруженных Сил Юга России его Конная армия сыграла огромную роль.

Главным контрударом в начале октября красные намечали охватить Добровольческую армию с флангов. Советский план преследовал две цели: стратегическую и политическую. Первая — прорыв деникинский фронт на стыке Добровольческой и Донской армий, разъединить их. Вторая — отрезав добровольцев от казачества, раз и навсегда устранить связь между этими двумя главными силами белого движения, парализовать их. Для проведения в жизнь планов красное командование образовало две мощные группы. 14-я Красная армия, получив сильные подкрепления и резервы, должна была ударить с северо-запада от Орла в левый фланг 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Одновременно с востока предполагалось бросить конный корпус Буденного в направлении на Воронеж, а затем Касторную (узловую станцию на железной дороге между Курском и Воронежем), чтобы прорваться в тыл добровольческим войскам и отрезать их от Донской армии.

В штабе генерала Деникина расстановка сил противника не являлась тайной. Но нет сомнения, что грозившая опасность сильно преуменьшалась, также как и успехи неприятеля в области стратегии. Советских стратегов, бывших полковников Каменева и Шорина, бывшего подполковника Егорова, удавалось нещадно бить в течение последних месяцев, поэтому никто не предполагал, что эти люди могли в конце концов многому научиться на собственном опыте и направить этот опыт, приобретенный благодаря Деникину, против него же. Советские полководцы оказались одаренными учениками. Они усвоили методы неприятеля, в особенности его искусство маневрировать, и применили это искусство в широком масштабе. Однако после своей победы они не последовали примеру Петра Ве-

ликого, который, разбив Карла XII под Полтавой, поднял бокал за своих шведских учителей, научивших его побеждать.

Тем временем генерал Деникин, будучи уверенным в стойкости Кутеповского корпуса, решил не приостанавливать его наступление к северу от Орла. Он не слишком беспокоился о намечавшемся ударе 14-й армии по левому флангу Кутепова. Угрозу же конницы Буденного он считал более серьезной, но опасность от нее видел не столько для правого фланга добровольцев, сколько для левого фланга Донской армии, менее стойкой, хотя и гораздо более многочисленной. И чтобы ее подкрепить, передал ей конницу генерала Шкуро.

Встречные бои начались в центре у корпуса генерала Кутепова и, как искры пожара, перекинулись на другие участки фронта. Вскоре все его огромное протяжение было охвачено зловещим пламенем. И белое, и красное командования отлично сознавали, что разыгравшемуся сражению суждено решить участь всей кампании.

Войска генерала Кутепова вели упорные и ожесточенные бои. Села переходили из рук в руки в рукопашных схватках. И тут в полной мере сказалось численное превосходство противника. Густые и непрерывные цепи его двигались на разбросанные по длинной линии фронта батальоны и роты марковцев, корниловцев, дроздовцев, стараясь смять и охватить их фланги. Белые доблестно отбивались от красных, но потери их росли с невероятной быстротой. Воинские части Кутепова таяли на глазах, а оперативные резервы оказались израсходованными.

Тем временем конница Буденного к северо-востоку от Воронежа перешла в наступление. Готовясь захватить этот город, а затем вместе с частями 13-й армии овладеть железнодорожной станцией Касторная и нанести удар в общем направлении на Курск, она сильно потрепала части генерала Шкуро и угрожала тылу Кутеповского корпуса. Упорные, жестокие бои длились 30 дней. Под давлением противника пришлось отходить, оставляя города, местечки, селения-

Положение на фронте становилось чрезвычайно серьезным. Однако генерал Деникин, переживший на своем веку немало труднейших ситуаций, не терял бодрости духа. Он сознавал, что только разгром корпуса Буденного мог вернуть ему «инициативу действий, возможность маневра и широкого наступления» и что «для этого необходимо было собрать сильный кулак». А потому Деникин двинул против большевиков последние подкрепления с Северного Кавказа и с фронта против Грузии, возле Сочи. Основным ядром ее были конные части генерала Мамонтова. С переброшенными на помощь им подкреплениями образовался отряд в семь тысяч сабель, три тысячи штыков и пятьдесят восемь орудий. В распоряжение отряда были отданы танки, бронепоезда и авиационные средства.

К тому времени Май-Маевский был удален со своего поста, и, «желая использовать кавалерийские способности генерала Врангеля», Деникин назначил его командующим Добровольческой армией, включив в нее конную группу Мамонтова.

И тут мы предоставим генералу Деникину самому рассказать о том, как не оправдались его надежды на казачью конницу:

«Перед отъездом в (Добровольческую) армию в Таганроге генерал Врангель заявил мне, что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамонтова, как главных виновников расстройств конных корпусов. Генерал Шкуро находился тогда на Кубани в отпуске по болезни. Что касается Мамонтова, я предостерегал от резких мер по отношению к лицу, как бы то ни было пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытии в армию генерал Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И хотя отряд этот был временный и назначение начальника его, всецело зависевшее от командующего армией, не могло считаться местничеством, оно вызвало крупный инцидент, Мамонтов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: «...учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замечание, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4-го Донского корпуса». Копии этой телеграммы Мамонтов разослал всем своим полкам, а на другой день, самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали.

Этот неслыханный поступок не встретил, однако, осуждения на Дону. Я отдал приказ об отрении Мамонтова от командования и встретил неожиданную оппозицию со стороны Донского атамана и генерала Сидорина. Они указывали, что помимо крайне неблагоприятного впечатления, произведенного удалением Мамонтова, на Донскую армию, 4-й корпус весь разбежится.

А между тем конница Буденного все глубже и глубже вклинивалась между добровольцами и донцами. Неудачи вызывали недовольство. Сперва робко, а вскоре и открыто некоторые стали высказывать мнение о необходимости замены старого командования новым. Кандидатом на пост Главнокомандующего был генерал барон Петр Николаевич Врангель.

XXV ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ

К середине ноября 1919 года расхождения между Деникиным и Врангелем поставили последнего в самый центр той политической оппозиции, которая в скрытом виде еще с конца прошлого года существовала к Деникину в правых кругах и которая нашла наконец в генерале Врангеле открытого выразителя своего недовольства.

В то время, как взаимодействие командующих Добровольческой и Донской армиями со Ставкой Главнокомандующего имели, по выражению Антона Ивановича, «характер обмена оперативными взглядами и не выходили из пределов дисциплины и подчиненности», иначе обстояло дело с командующим Кавказской армией генералом Врангелем.

«Не проходило дня, — писал Деникин, — чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций... Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество... Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили благодарную почву вследствие утери преемственности верховной власти и военной традиции».

К тому времени Врангель приобрел широкую известность как талантливый кавалерист и полководец. У него появилось много восторженных поклонников не только среди офицеров, но и той части гражданского населения, которая видела в нем человека более гибкого и менее ригористического, чем Деникин, в лозунгах борьбы, во взаимоотношениях с вновь образовавшимися государствами на окраинах России и в подходах к целому ряду других принципиальных вопросов. Врангель imponировал наружностью, гигантским ростом, властной манерой в обращении с окружающими. Его решительность, неприятие беспорядков в армии, умение подчинить себе строптивых начальников, честолюбие и несомненная жажда власти — все это в глазах его сторонников гарантировало перемены в верхах белого движения.

Трудно было представить себе двух более разных людей, нежели Врангель и Деникин.

Врангель обладал красивой наружностью и светским блеском офицера одного из лучших кавалерийских полков старой императорской гвардии. Был порывист, нервен, нетерпелив, властен, резок и вместе с тем имел свойства реалиста-практика, чрезвычайно эластичного в вопросах политики. Деникин же, человек негибкий, никогда не искавший власти, к тому времени разочарованный в своих помощниках, сдержанный, скупой на слова, сохранил в себе, несмотря на все превратности судьбы, некоторые черты идеалиста-романтика, сосредоточенного на внутреннем мире своих принципов и взглядов на жизнь, увы, так резко расходившихся с действительностью. Врангель по натуре своей был врожденным вождем и диктатором; Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты. И не удивительно, что при таком взгляде на свои функции так называемая «диктатура» его имела весьма призрачный характер. В подборе подчиненных генерал Врангель, не считаясь со старшинством и с прошлой службой офицеров, отметал в сторону тех, кто ему не подходил.

Иное отношение к этому вопросу было у генерала Деникина. Он связывал себе руки лояльностью к прошлым заслугам своих соратников. Эту черту его отметил в своих воспоминаниях генерал Врангель:

«Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необыкновенно мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как-будто не решался требовать этого от своих подчиненных».

Разногласия между двумя генералами, тогда еще мало кому известные, начались с апреля 1919 года, вскоре после того, как генерал Врангель оправился от сыпного тифа. Они касались выбора главного направления действий Вооруженных Сил Юга России. В ряде писем и докладов Врангель настаивал на том, чтобы главный удар был направлен на Царицын. Захватить Нижнюю Волгу и установить связь с войсками адмирала Колчака.

Той же точки зрения (еще до того, как ее высказал Врангель) придерживался генерал Деникин.

Заканчивая Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа, он в самом начале 1919 года наметил переброску Кавказской армии на царицынское направление с одновременным наступлением на Астрахань.

«Но к началу февраля, — писал Антон Иванович, — когда явилась возможность начать переброску сил, обстановка в корне изменилась. Донская армия, совершенно расстроенная, под давлением

превосходящих сил красных находилась в полном отступлении к Дону. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск.

Передо мной встала дилемма: бросить на произвол судьбы Дон и отдать большевикам Донецкий бассейн, направив армии на Царицын, или, прикрывши частью сил царицынское направление, отстоять Донецкий плацдарм и сохранить от разложения Донское войско. (Армии адмирала Колчака находились тогда восточнее Уфы и были от Волги на расстоянии приблизительно в 700 километров).

Без колебаний я принял второе решение».

Тем временем генерал Врангель продолжал настаивать на своем плане действий, предлагал «пожертвовать каменноугольным районом», защиту которого он считал безнадежной, и перевести Кавказскую армию на царицынское направление. Его план, писал Деникин, «привел бы к потере не только каменноугольного бассейна, но и всей правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском и к гибели восставших казаков (30 тысяч) Верхне-Донского округа».

Ближайшее будущее показало, что план генерала Деникина имел больше оснований на успех.

В середине июня 1919 года письма и рапорты генерала Врангеля к Главнокомандующему приняли характер памфлетов, предназначенных для постороннего читателя. С их содержанием Врангель знакомил своих помощников и некоторых общественных деятелей, а через них они становились достоянием офицерской массы и обывателей. Письма и рапорты, составленные в резкой форме требований и критики того, что делалось Ставкой, попадая в руки постороннего читателя, подрывали в его глазах авторитет Главнокомандующего.

Как когда-то с генералом Дроздовским, Деникин и сейчас ставил боевые заслуги генерала Врангеля выше личных с ним отношений, раньше всегда бывших дружескими. «Тем не менее, — писал Деникин, — я терпел, помня заслуги генерала Врангеля, учитывая нервность, присущую ему, не желая лишить армию талантливого кавалерийского начальника и дать повод обвинить Ставку в лицемерии».

С победоносным шествием деникинских войск на север прошлые разногласия по поводу Царицына были временно забыты. Но когда обстоятельства изменились, вопрос о Царицыне снова был выдвинут критиками Деникина как козырь против него. Антона Ивановича винули в том, что он в свое время не последовал совету Врангеля, упустил момент для соединения с войсками Колчака, что руководили им мотивы честолюбия («упоенный успехами честолюбец»), властолюбия, желание первым под звон колоколов войти в Москву. Была брошена фраза: «Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...»

В то время как на Юге России против Деникина выдвигалось обвинение в предательстве Колчака, в Сибири винули Колчака в предательстве Деникина. Подрывая авторитет адмирала, некоторые круги в Омске распространяли памфлеты, обвиняя Колчака в том, что он умышленно пренебрег необходимостью соединиться с Деникиным.

Только слепое раздражение или сознательное извращение правды могло позволить так грубо говорить об этих двух людях, повинных во многих ошибках, но никак не в отсутствии честности и благородства.

В конце ноября 1919 года Май-Маевский был уволен с должности командующего Добровольческой армией. По настоянию генерала Деникина, Врангель принял над ней командование, передав свою Кавказскую армию генералу Покровскому. Причиной, побудившей Деникина невзирая на прошлые трения выбрать на этот пост Врангеля, было желание использовать его кавалерийские способности, подчинив ему значительную численно казачью конницу Мамонтова. Врангель назначил Улагая начальником конной группы, что обидело Мамонтова, вызвало его демонстративный уход и способствовало окончательному разложению конных частей. Неоправдавшаяся надежда на конницу свела на нет военные расчеты Ставки, а связанные с ними перемещения в командном составе ускорили назревавший конфликт между Деникиным и Врангелем.

Из-за малочисленности Добровольческой армии генерал Врангель предложил свернуть ее в корпус, а для себя просил разрешения отправиться на Кубань, чтобы сформировать там конную армию. Оба предложения были одобрены Ставкой. Командующим Добровольческим корпусом назначили генерала Кутепова, а Врангелю поручили заняться конными формированиями на Кубани.

Тем временем отношения между Врангелем и Деникиным становились все более натянутыми.

11 декабря на станции Ясиноватой состоялось свидание генералов Врангеля и Сидорина. Они должны были обсудить детали сложного флангового марша и отхода добровольцев для соединения их с Донской армией. Это свидание происходило не только с разрешения, но и по настоянию генерала Деникина. Но совершенно неожиданно Врангель отправил командующим Донской и Кавказской армиями (генералам Сидорину и Покровскому) телеграмму, прося их прибыть на совещание. О совещании генерал Деникин узнал совершенно случайно из копии телеграммы, препровожденной в Ставку. И тут он потерял терпение. «Сам факт созыва командующих армиями без разрешения Главнокоман-

дующего,—писал Антон Иванович,—являлся беспримерным нарушением военной традиции и военной дисциплины».

В двух резких ответах всем трем командующим армиями генерал Деникин указывал, что некоторые начальники позволяют предъявлять требования в недопустимой форме, что подобное обращение он впредь не потерпит. Требовал от подчиненных беспрекословного повиновения. В другой телеграмме запрещал съезд, намеченный Врангелем, и, указав на недопустимость такого образа действий, потребовал, чтобы без его разрешения командующие не оставляли своих армий.

Если раньше у Антона Ивановича не было доказательств, что против него готовится заговор, то в ближайшие недели он получил целый ряд свидетельских показаний, подтверждавших, что генерал Врангель вел переговоры с некоторыми из старших начальников об удалении Деникина с поста Главнокомандующего.

Об этом Деникин получил свидетельства генерала А. Г. Шкуро, Терского атамана генерала Герасима Андреевича Вдовенко, председателя терского круга П. Д. Губарева и генерала Ивана Егоровича Эрдели.

Последняя встреча двух генералов состоялась 27 декабря 1919 года. «За время общего разговора, — писал Врангель, — генерал Деникин не сказал мне ни слова».

Больше они никогда не встречались, но окончательный разрыв произошел только в феврале 1920 года.

Молча и тяжело переживал Деникин «борьбу за власть» человека, которого он когда-то ценил и всячески выдвигал по службе. В неопубликованных заметках Антона Ивановича имеется следующая запись: «Мне вообще тяжело было писать о нашей распре, тем более что в намерение мое не входило дискредитирование моего заместителя на потеху большевикам... История нас рассудит...»

Быть может, когда-нибудь появится монография, посвященная подробному разбору взаимоотношений Деникина и Врангеля. В данной же книге более детальное освещение этого вопроса отвлекло бы внимание читателя от главной темы.

Так или иначе, к концу осени 1919 года у Антона Ивановича сложилось твердое убеждение, что единственный человек, который мог заменить его, был начальник штаба Иван Павлович Романовский.

Иван Павлович Романовский, сын артиллерийского офицера, родился в 1877 году, окончил Кадетский корпус в Москве, Константиновское артиллерийское училище в Петербурге и в 1897 году вышел подпоручиком в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду, куда годом позже поступил и другой впоследствии знаменитый участник белого движения генерал Сергей Леонидович Марков. Оба офицера окончили Академию Генерального штаба, участвовали в русско-японской войне. Потом пути их разошлись, чтобы снова, и на этот раз окончательно, сойтись осенью 1917 года. Марков был начальником штаба у Деникина, командовавшего Юго-Западным фронтом, Романовский занимал тогда должность генерал-квартирмейстера в Ставке Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова. Оба генерала приняли участие в корниловском выступлении, оба были арестованы, сидели затем вместе в Быховской тюрьме, бежали на Дон и одновременно вступили в ряды Добровольческой армии, с той лишь разницей, что Марков сразу попал в строй, а Романовский был выбран Корниловым на должность начальника штаба Добровольческой армии. После смерти Корнилова он остался на том же посту при генерале Деникине и с тех пор стал его неразлучным спутником.

Появились упорные слухи (впоследствии оказавшиеся вполне обоснованными), что левое крыло партии эсеров готовило покушение на жизнь Деникина. Законодательство, существовавшее на Юге России, не предусматривало преемственности власти, поэтому генерал Деникин решил составить завещание в форме приказа войскам, где в случае своей смерти он назначал Главнокомандующим генерал-лейтенанта Романовского.

«Этим актом, — писал Деникин, — я готовил ему тяжелую долю. Но его я считал прямым продолжателем моего дела и верил, что армия, хотя в среде ее и было предвзятое, местами даже враждебное отношение к Романовскому, послушается последнего приказа своего Главнокомандующего. А признание армии — все. Приказ этот в запечатанном конверте лежал в моем несгораемом шкафу и о существовании его знали кроме меня только два человека: сам И. П. Романовский и генерал-квартирмейстер Плющевский-Плющик. Когда я сказал им об этом обстоятельстве, Романовский не проронил ни слова, и только на лице его появилась улыбка. Словно думал; кто знает, кому уходить первым...»

Антон Иванович остался при убеждении, что тайна этого акта не была нарушена. И тем не менее он должен был признать, что «некоторые изошренные умы проникли интуитивно за ее покровы» и вскоре, когда вышел приказ о назначении генералов Романовского и Лукомского на должность «помощников Главнокомандующего», в политических кругах Юга России создалась уверенность, что ни кто иной, как Романовский намечен заместителем Главнокомандующего. По-мнению Деникина, пропаганда, направленная против его начальника штаба, приняла исключительно острую форму именно

с этого момента.

И именно выбор генерала Романовского, которого глухая молва к тому времени успела окончательно очернить в глазах офицерства, доказывает, насколько генерал Деникин утерял духовную связь со-своими войсками.

Многие части действующей армии знали своего Главнокомандующего только по изображению на лубочных плакатах, которые отдел «белой» пропаганды расклеивал во всех освобожденных от большевиков городах, местечках и на железнодорожных станциях. В войсках терялось то обаяние суровой личности Деникина, которое так хорошо знали Марков, Тимановский и другие, служившие под его началом в Железной дивизии во время мировой войны.

И когда на фронте начались неудачи, то люди стали прислушиваться к голосу говоривших о желательности замены его настоящим «боевым генералом».

Для всех, связавших свою судьбу с делом генерала Деникина, начинался период мучительной агонии.

XXVI ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

Неудачи на фронте впоследствии вычеркнули из памяти современников попытки Деникина изменить в конце своего правления ригористический курс предыдущей политики. Эти попытки не могли уже отразиться на ходе событий, но в памяти Антона Ивановича они оставили тяжелый след. Он понял, наконец, что злоупотребления и беспорядки в тылу окончательно дискредитировали в глазах населения его правительство и требовался радикальный пересмотр лозунгов борьбы, всего внутреннего управления и внешних сношений с бывшими окраинами России.

Лично Деникин продолжал симпатизировать «либеральному направлению». Но либералы, то есть члены кадетской партии, по словам Антона Ивановича, боялись взять руль управления в свои руки. Они опасались враждебного к себе отношения со стороны значительной части офицерства и противодействия влиятельных на Юге России правых общественных группировок. Поэтому первым шагом Деникина было решение испробовать «левую политику, но правыми руками». Приказом Главнокомандующего от 16 декабря 1919 года упразднилось Особое совещание. Вместо него образовывалось правительство, с условием соглашения между Главнокомандующим и Верховным кругом, являвшимся объединенным парламентом Донской, Кубанской и Терской областей.

Наравне со старым принципом «единой, неделимой России» были и новые лозунги. Открыто провозглашался призыв к созыву (после победы над большевиками) Всероссийского Учредительного собрания, устанавливающего форму правления в стране. Для Антона Ивановича в этом лозунге не было противоречия с его прошлыми взглядами. Вся его политика непредрешенства основывалась на этом принципе. Но самый термин Учредительного собрания не употреблялся белой пропагандой Юга России, чтобы не раздражать консервативно настроенное офицерство, в памяти которого старое Учредительное собрание связывалось с анархией и произволом конца 1917 года. Новым был лозунг «Земля крестьянам и трудовому казачеству».

Но к тому времени никто уже не прислушивался к белой пропаганде. Обыватели думали лишь об одном: скорее покинуть тонущий корабль. Нараставшее чувство безнадежности усилилось в начале февраля сведениями из Сибири о падении колчаковского фронта и о гибели самого адмирала.

Неудачи на фронте вызвали передвижение Ставки. Из Таганрога она перешла в Тихорецкую, из Тихорецкой в Екатеринодар, а оттуда в Новороссийск.

Тем временем Новороссийск (единственный порт на восточном побережье Черного моря, откуда могли эвакуироваться семьи офицеров, больные, раненые, беженцы) был похож на осиное гнездо. Он кишел болтавшимися без дела офицерами. Некоторые из них, только что оправившись от ранений или тифа, потеряли связь со своими частями. Но большинство, сознательно уклоняясь от отправки на фронт, в буквальном смысле «ждали у моря погоды», чтобы с помощью англичан перебраться за границу, подальше от быстро надвигавшейся катастрофы. Разочарованные и озлобленные, они открыто поносили главное командование. Возбужденно-нервное настроение приняло угрожающий характер после того, как стало известно «обличительное» письмо, которое генерал Врангель отправил генералу Деникину после окончательного с ним разрыва. Чтобы избежать излишнего шума, опасного в те тягостные дни, Антон Иванович решил наружно игнорировать происшествие. Но давать Врангелю ответственные поручения он отказывался. Оставшись не у дел, генерал Врангель подал наконец прошение об увольнении в отставку, а до приказа об увольнении взял отпуск и отправился в Крым.

Давно назревавший кризис близился к развязке. Совместная работа была уже немислима. На

сжатом пространстве Крыма Деникину и Врангелю было бы слишком тесно, и через британского военного представителя генерала Хольмана генералу Врангелю от имени Главнокомандующего предложено было покинуть пределы Вооруженных Сил Юга России.

Перед своим отъездом в Константинополь генерал Врангель в порыве раздражения отправил Главнокомандующему «обличительное» письмо.

Несколько лет спустя, когда барон Врангель готовил к печати свои воспоминания, он не процитировал полностью текст этого письма. Он признал, что, «написанное под влиянием гнева», оно «грешило резкостью, содержало местами личные выпады»,

«Боевое счастье улыбалось вам, росла слава и с ней вместе стали расти в сердце вашем честолюбивые мечты... Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь служению горячо любимой родине» и «ставя превыше всего ее счастье»... Не жизнь приносите вы в жертву родине, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага родины есть жертва для честного сына ее... эту жертву не в силах был уже принести возвестивший ее, упоенный новыми успехами честолюбец... Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...

Цепляясь за ускользавшую из ваших рук власть, вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая самостийникам, решили непреклонно бороться с вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как вам казалось, государственный переворот».

В этом письме Деникин выставлялся человеком «отравленным ядом честолюбия, вкусившим власти, окруженным бесчестными льстецами», думающим уже «не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти».

«Вы видели, — писал генерал Врангель, — как таяло ваше обаяние и власть выскальзывала из ваших рук. Цепляясь за нее, в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж...»

А «честолюбец, цеплявшийся за власть», на самом деле мечтал от нее избавиться.

«Власть была для меня тяжелым крестом, — писал Антон Иванович, — и избавиться от нее было бы громадным облегчением. Но бросить в такую минуту дело и добровольцев я не мог, тем более что я не считал государственно-полезным передачу власти в те руки, которые к ней протягивались».

Через две недели после получения письма от Врангеля, в никогда еще не опубликованном письме к своей жене, он говорил:

«...Душа моя скорбит. Вокруг идет борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжелым, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала как раба к тачке с непосильной кладью... Тяжко. Жду, когда все устроится на местах, чтобы сделать то, о чем говорил тебе...» А то, о чем он говорил жене, было уже близко к осуществлению.

Ответ Деникина Врангелю был направлен в «собственные руки». В печати он появился лишь много лет спустя:

«Милостивый государь Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в вашей роли в борьбе за власть, то письмо ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей вас, вы говорили Юзефовичу, что Бог карает вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит вас за сделанное вами русскому делу зло».

Письмо генерала Врангеля было использовано как средство дискредитации Деникина и его штаба. Главной мишенью был начальник штаба Главнокомандующего генерал Романовский. Его винили во всех неудачах и открыто говорили о том, что настало время его пристрелить.

Видя безвыходность положения, Деникин решил наконец уступить требованиям возбужденного офицерства и пожертвовать своим ближайшим другом и сотрудником. Чтобы сохранить ему жизнь, он согласился освободить Романовского от должности. «Решили с ним, — писал Деникин, — что потерпеть уже осталось недолго: после переезда в Крым он оставит свой пост...»

К тому времени и Антон Иванович пришел к заключению, что и ему пора оставить командование и, передав его в другие руки, самому уйти со сцены.

Когда-то, вскоре после окончания Первого кубанского похода, генерал Деникин в беседе с офицерами о задачах Добровольческой армии закончил свою речь пророческой фразой: «В тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

И, верный своему слову, Деникин решил, что настало время осуществить когда-то данное обещание. В том, что влияние Главнокомандующего в армии ослабело, не было сомнения. После отъезда Врангеля в Константинополь появились два новых претендента на власть: генералы Слещев и Покровский. Оба вели интриги против Деникина и переговоры о свержении его. Каждый из них выставлял свою кандидатуру на его пост. Но толчком к принятию окончательного решения послужила телеграмма генерала Кутепова, полученная Главнокомандующим 28 февраля.

Добровольческий корпус, которым командовал Кутепов, был подчинен (после своего отхода за Дон) командующему Донской армией генералу Сидорину. Но добровольцы сохранили дисциплину, а донцы утратили ее, и генерал Кутепов, не без основания, предполагал, что Сидорин, невзирая на многочисленность своих войск, сознательно направлял добровольцев в наиболее опасные места фронта. Часто бывая в штабах Сидорина и Кутепова, Главнокомандующий видел, что между ними с каждым днем все выше вырастала «глухая стена недоверия и подозрительности». Чтобы избежать открытого столкновения, Антон Иванович решил изъять корпус генерала Кутепова из оперативного подчинения командующему Донской армией и подчинить его непосредственно себе. Это решение, удовлетворив Кутепова, не могло, однако, сгладить недоверия друг к другу двух генералов, боевое сотрудничество которых в тот критический момент было совершенно необходимо.

А тем временем войска неудержимо стремились к Новороссийску. И опасаясь, что волна отступающих донских частей, утративших боеспособность, зальет Новороссийск и силой захватит все плавучие средства, подготовленные для эвакуации в Крым, Кутепов послал Главнокомандующему телеграмму. В телеграмме он перечислил десятитребований, из которых несколько с особой силой ударили по самолюбию Главнокомандующего.

Деникин хорошо знал Кутепова с самого начала белого движения и ценил его. По складу характера Кутепов более чем другие соратники был схож с Деникиным; та же боевая храбрость, то же гражданское мужество, прямолинейность в высказывании мысли и то же отсутствие малейшей склонности к интригам. Кроме того, Деникин знал и не сомневался в том, что Кутепов искренне любил его. И вдруг такие требования?..

«Вот и конец!» — подумал он.

«Те настроения, — писал Антон Иванович, — которые сделали психологически возможным такое обращение добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я решил бесповоротно оставить свой пост. Я не мог этого сделать тотчас же, чтобы не вызвать осложнений на фронте, и без того переживавшем критические дни. Предполагал уйти, испив до дна горькую чашу новороссийской эвакуации, устроив армию в Крыму и закрепив Крымский фронт».

К середине февраля в Ставке еще теплилась слабая надежда удержать наступление красных на линии реки Кубани. Основывалась она и на сведениях разведки, и на оценке, данной Троцким о состоянии советских войск. Деникин согласен был с Троцким, что обе воюющие стороны «совершенно выдохлись» и что весь вопрос заключался в том, у кого из них окажется крепче воинский дух. Однако в случае неудачи, как мы уже знаем, принято было решение переправить войска в Крым. Планомерная их эвакуация из Новороссийска представлялась невыполнимой. Не хватало транспортов и других плавучих средств для перевозки всех людей. О лошадях, артиллерии, обозах и об огромных запасах, хранившихся на складах в Новороссийске, не могло быть и речи. Оставалась только одна возможность спасти артиллерию и конский состав: переправить их в Крым из Тамани.

Когда настал момент осуществить этот план, Главнокомандующий

7 марта дал директиву Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять Таманский полуостров. Выполнение главной задачи возлагалось на генерала Кутепова. Ему приказано было занять частью сил полуостров и прикрыть северную дорогу от Темрюка.

Ни Сидорин, ни Кутепов приказа не выполнили...

Задуманная операция, легко осуществимая и сулившая переброску артиллерии и конницы в Крым, провалилась. В частях начиналось самое худшее — паника. Психология массы сметала расчеты стратегии, и руководство армией было окончательно утеряно.

То, что осталось от войск генерала Деникина, неудержимо хлынуло к Новороссийску. И там, в порту, катастрофа становилась неизбежной.

Чувствуя моральную ответственность за гибнувшее предприятие, спешно прибыл в Новороссийск из Константинополя британский главнокомандующий на Востоке генерал Мильн с эскадрой адмирала Сеймура.

«Англичане оказали огромную помощь, — писал Антон Иванович жене (уже эвакуированный в Константинополь). — Сухой Мильн, желчный адмирал Сеймур, благородный Хольман делали все, что могли, особенно последние два — прекрасные люди!»

Французские военные суда, срочно направленные к Новороссийску, тоже оказали большую помощь.

Но ни французы, ни англичане, ни подоспевшие русские суда не могли, в создавшейся обста-

новке, справиться с задачей эвакуации.

Последними покинули Новороссийск Главнокомандующий и генерал Романовский. Поместив свой штаб, а также штабы Донской армии и Донского атамана на пароход «Цесаревич Георгий», они перешли на русский миноносец «Капитан Сакен». На палубе его они провели бессонную ночь. Тем временем все корабли покинули порт. Оставшись одни в Новороссийской бухте, они увидели на следующее утро с капитанского мостика, что на пристани выстроилась какая-то воинская часть. Деникин приказал капитану миноносца подойти к берегу. «Глаза людей, — вспоминал Антон Иванович, — с надеждой и мольбой устремлены на наш миноносец... Погрузили сколько возможно людей и вышли из бухты... Очертания Новороссийска, — писал он, — выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?.. Какой-то миноносец повернул вдруг обратно и полным ходом полетел к пристаням. Бухнули орудия, затрещали пулеметы: миноносец вступил в бой с передовыми частями большевиков, занявших уже город. Это был «Пылкий», на котором генерал Кутепов, получив сведения, что не погружен еще 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку, пошел на выручку. Потом все стихло. Контуры города, берега и горы обволакивались туманом, уходя вдаль... в прошлое. Такое тяжелое, такое мучительное».

Через три дня после ухода из Новороссийска в письме, пересланном жене из Крыма в Константинополь с оказией через британского адмирала Сеймура, Антон Иванович писал:

«...Сердцу бесконечно больно: брошены громадные запасы, вся артиллерия, весь конский состав. Армия обескровлена...»

XXVII МОРАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Моральное одиночество становилось невыносимым. Один за другим уходили близкие и друзья. Умер генерал Тимановский, человек, с которым связаны были воспоминания о славных боях Железной дивизии, Первом и Втором кубанских походах. Он умер от сыпного тифа, и гроб с его телом, покрытый рваным брезентом, Деникин с трудом разыскал в веренице отступавших под Батайском обозов. От тифа скончался полковник Блейш, начальник Марковской дивизии, доблесть которого Деникин высоко ценил. Пришлось расстаться с Романовским, а теперь покидал свой пост другой верный друг британский генерал Хольман, срочно вызванный в Лондон для доклада о положении дел на Юге России. В прощальной речи на русском языке (которым он хорошо владел) Хольман сказал:

«Я уезжаю с чувством глубочайшего уважения и сердечной дружбы к вашему Главнокомандующему и с усилившимся решением остаться верным той кучке храбрых и честных людей, которые вели тяжелую борьбу за свою родину в продолжение двух лет...»

Свою дружбу и верность Деникину генерал Хольман сохранил до конца жизни.

То были друзья и верные соратники. Многие, очень многие из них уже навсегда сошли со сцены. Правда, оставался еще Кутепов и немалое число верных Деникину добровольцев. Но большинство, прежде заискивавшие перед Главнокомандующим, теперь вели себя, как приказчики в день банкротства своего хозяина.

Поздно ночью, 19 марта, Деникин вызвал своего нового начальника штаба генерала Махрова.

«Вид (у Деникина) был измученный, усталый, — рассказывал Махров. — Он вручил мне для рассылки приказ о выборе нового Главнокомандующего и нашу короткую беседу закончил словами: «Мое решение бесповоротно. Я все взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально; армия потеряла веру в вождя, я — в армию».

Приказ, о котором говорил генерал Махров, был разослан всем начальникам, включая, конечно, командиров Добровольческого и Крымского корпусов, а также начальникам дивизий и бригадным командирам, старшим офицерам флота, Ставки, других штабов с предложением собраться 21 марта в Севастополе на Военный совет под председательством генерала А. М. Драгомирова «для избрания преемника Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России».

«В число участников, — писал генерал Деникин, — я включил и находившихся не у дел известных мне претендентов на власть, и наиболее активных представителей оппозиции». Особой телеграммой из Константинополя был вызван на Военный совет генерал Врангель. Одновременно с телеграммами генерал Деникин отправил письмо председателю Военного совета генералу Драгомирову:

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжелый крест, ниспосланный судьбою.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

. Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

В ожидании решения Военного совета генерал Деникин остался в Феодосии.

Заседание совета длилось два дня. Добровольцы твердо и единодушно настаивали на том, чтобы просить генерала Деникина остаться у власти, так как, по словам одного из участников, «мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Начальник Дроздовой дивизии генерал Витковский заявил, что «чины его дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются». К его заявлению сразу же присоединились начальники Корниловой, Марковской и Алексеевской дивизий, других частей добровольческого корпуса. Все собравшиеся добровольцы внимательно следили за поведением генерала Кутепова. Они не могли понять, почему он не поддержал их единогласного призыва к генералу Деникину не покидать их.

А Кутепов, знавший о непреклонном решении Главнокомандующего, подавленный всем происшедшим, писал потом:

«Я отлично сознавал, что генерала Деникина заменить никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно».

Генерал Сидорин от имени донцов отказался «давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу». Отказался голосовать за свой корпус и генерал Слащев. Он мотивировал отказ тем, что только три представителя от его корпуса смогли приехать на заседание. Единственным исключением оказались моряки. Они выставили кандидатуру генерала Врангеля.

Положение председателя Драгомирова становилось трудным. Он отправил генералу Деникину телеграмму, где сообщал:

«Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике Главнокомандующего, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового... Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагается и без Вас опасается распада армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в совете...»

А тем временем несколько человек, преданных Деникину, прилагали все усилия, чтобы отговорить его от принятого решения. «Они терзали мою душу, — писал Антон Иванович, — но изменить моего решения не могли».

Драгомирову он ответил телеграммой:

«Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориним и Слащевым недопустимым. Требую от Военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию... Число представителей совершенно безразлично. Но если донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации».

Между тем телеграмма, посланная генералу Врангелю на русское посольство в Константинополе, была получена им 29 марта. В тот же день Верховный комиссар Великобритании в Константинополе адмирал де Робек предоставил в распоряжение Врангеля миноносец "Emperor of India", который утром 22 марта доставил его в Севастополь. Всем участникам заседания было ясно, что приезд Врангеля в Крым означал его принципиальное согласие принять Верховное командование. Убедившись, наконец, что Деникин не изменит своего решения, Военный совет остановился на кандидатуре Врангеля. Драгомиров тут же известил об этом Деникина. Он просил Главнокомандующего прислать приказ о назначении Врангеля «без ссылки на избрание Военного совета».

Однако у многих участников совещания не было уверенности в том, что Главнокомандующий пришлет такой приказ. «У многих из нас, — писал один из участников, — ...все же были сомнения, утвердит ли генерал Деникин наш выбор? Мы не знали подробностей, но всем было известно, что между ними (Деникиным и Врангелем) были дурные отношения и вина за них падала не на генерала Деникина».

Но для таких сомнений не было повода.

В ответ Деникин 22 марта отдал свой последний приказ войскам:

«Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию».

Накануне давали прощальный обед генералу Романовскому. Присутствовал на нем и Деникин. Он был печален, сумрачен и мало с кем беседовал. Взволнованную речь произнес генерал Шапрон дю Ларре (бывший адъютант Алексеева, потом генерал для поручений при Деникине, а затем командир Дроздовского конного полка). С дрожью в голосе, не скрывая слез, Шапрон говорил о том, что со-

бравшиеся на обед прощались не только с Романовским, но и с генералом Деникиным, «последним из бессмертной династии Корниловых, Марковых, Алексеевых», который решил отойти от власти.

В день избрания Врангеля Главнокомандующим Антон Иванович покинул пределы России. Он уехал из Крыма в Константинополь на британском миноносце "Emperor of India", на том самом корабле, который привез в Крым генерала Врангеля. Ехал он в сопровождении двух верных друзей, генерала Романовского и английского генерала Хольмана. Со штабом своим простился днем, а в семь часов вечера направился из гостиницы «Астория» в Феодосию к ожидавшему его автомобилю.

В коридоре гостиницы и у выхода из нее столпилось много людей. Вид у них был удрученный. Со слезами на глазах они прощались в лице Деникина с целой эпохой своей жизни. А он, придавленный горем, с застывшим взглядом, не замечая никого из окружающих, машинально продвигался вперед и вдруг остановился. Перед ним стоял офицер, один из бывших заключенных осенью 1917 года в Быховской тюрьме. Деникин крепко его обнял.

В тот день гостиница «Астория», по словам очевидца, напоминала дом, из которого только что вынесли близкого и дорогого покойника. В одном из ее номеров, уткнувшись лицом в подушку, навзрыд, как ребенок, плакал бывший штаб-офицер для поручений при генерале Деникине.

Сам Антон Иванович оставил лишь краткую заметку об этом мучительном дне:

«Вечер 22 марта. Тягостное прощание с ближайшими моими сотрудниками в Ставке и офицерами конвоя. Потом сошел вниз — в помещение охранной офицерской роты, состоявшей из старых добровольцев, в большинстве израненных в боях; со многими из них меня связывала память о страданных днях первых походов. Они взволнованы, слышатся глухие рыдания... Глубокое волнение охватило и меня: тяжелый ком, подступивший к горлу, мешал говорить. Спрашивают: почему?

— Теперь трудно говорить об этом, когда-нибудь узнаете и поймете...

Поехали с генералом Романовским в английскую миссию, оттуда вместе с Хольманом на пристань. Почетные караулы и представители иностранных миссий. Краткое прощание. Перешли на английский миноносец...

Когда мы вышли в море, была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут. Россия, Родина моя...»

Нашлись люди, осуждавшие потом Деникина за то, что он уехал в Константинополь, не простившись со своей армией. На этот укор Антон Иванович впоследствии ответил:

«Какое же тогда могло быть прощание? Человеку с истерзанной душой в такие тяжкие дни его жизни посильна ли была пытка объездов, смотров, речей... Я пережил одно прощание — с охранной офицерской ротой из старых добровольцев... И это было безмерно мучительно...»

Подписав свой последний приказ и покидая Россию, генерал Деникин не знал еще, что генерал Врангель привез с собой из Константинополя ноту британского правительства ультимативного характера, адресованную ему, Деникину, где предлагалось «оставить неравную борьбу». Правительство Англии предлагало вступить в переговоры с Советским правительством с целью добиться амнистии чинов Добровольческой армии, а в случае отказа Деникина от этого предложения оно снимало с себя ответственность за дальнейшее и угрожало прекратить «всякую поддержку или помощь».

Об этой ноте, не попавшей в его руки благодаря суете того дня, Антон Иванович впервые узнал только за границей, когда занавес над деникинским периодом русской смуты был уже опущен.

23 марта, вскоре после четырех часов дня, к пристани Топханэ в Константинополе подошел катер, доставивший на берег с британского миноносца генералов Деникина, Романовского и Хольмана. На пристани их ожидали английский офицер и генерал В. П. Агапеев, русский военный представитель при британском и французском командовании в Константинополе. Как только приехавшие генералы сошли на берег, англичанин быстро направился к Хольману и с тревожным видом стал ему о чем-то говорить. Хольман сразу обратился к Деникину; «Ваше превосходительство, поедем прямо на английский корабль».

Англичан, несомненно, что-то тревожило.

Но жена Антона Ивановича уже около двух недель находилась в здании русского посольства, и Деникину прежде всего хотелось видеть свою семью. Он спросил Агапеева, не стеснит ли его пребывание бывшего Главнокомандующего и начальника штаба в посольстве. Получив от Агапеева любезный ответ, генералы Деникин и Романовский, простившись с Хольманом, поехали в посольство на ожидавшем их автомобиле британского командования. Агапеев следовал за ними в своей машине.

Антон Иванович знал, что часть посольского здания превратилась в нечто похожее на общежитие беженцев. Но он не отдавал себе отчета в том, что это огромное помещение было буквально набито самыми разнообразными людьми, большинство которых—бежавшие с юга России офицеры, преимущественно не нюхавшие пороха, из состава всяких штабов, разведок и контрразведок. Пребывание в Константинополе генералов Врангеля и Шатилова, критиковавших деникинскую Ставку, и «обличительное» письмо Врангеля к Деникину накалили атмосферу в посольском общежитии. В этом людском муравейнике, кишевшем раздражением и злобой, всякие эксцессы и выпапротив Деникина и

Романовского были более чем возможны. Это знали англичане, об этом не мог не знать генерал Агапеев. И генерал Деникин никогда потом не мог простить ему, что на пристани Агапеев не предупредил его о настроениях, царивших в посольском общежитии.

Не знал Антон Иванович и то, в каких условиях живет его жена. Приехав в Константинополь, ей удалось, не без труда, получить в посольском доме две комнаты с ванной, где вместе с ней поместилось еще восемь человек (годовалая дочь Марина, нянька, дед Ксении Васильевны Деникиной, ее мать со вторым мужем полковником Ивановым, дети генерала Корнилова: дочь — Наталья Лавровна и малолетний сын — Юрий; и еще девица Надя Колоколова, отец которой командовал Архангелогородским полком до Антона Ивановича и которую после смерти родителей генерал приютил у себя). И семья Деникина, и все близкие ей люди испытали на себе неприязнь окружающих и подчеркнутое невнимание со стороны служащих посольства, почувствовавших в воздухе, что в Крыму наступала перемена власти.

Две комнаты жены с девятью жильцами не могли вместить двух приехавших генералов, и Антон Иванович обратился к пришедшему дипломатическому поверенному в делах с просьбой отвести ему вместе с Романовским лишнюю комнату. Он получил сухой и уклончивый ответ. Для бывшего Главнокомандующего не оказалось в русском посольстве комнаты... На помощь подоспел Агапеев, предложивший остановиться во флигеле военного агента.

По роковой случайности, адъютанты Деникина и Романовского выехали из Феодосии на другом корабле и прибыли в Константинополь часом позже своих генералов. А потому Иван Павлович Романовский взял на себя их обязанности и всякие мелкие хлопоты.

В то время, когда генерал Деникин разговаривал с Агапеевым, Романовского в комнате уже не было. Вдруг раздалось два выстрела.

— Однако у вас пальба, — заметил Деникин Агапееву, а вслед за тем в комнату вбежал бледный полковник Б. А. Энгельгард:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит! «Деникин сидел на стуле за столом, — вспоминал эту минуту полковник В. С. Хитрово, вбежавший в комнату вслед за Энгельгардом.

Ничего не отвечая, он схватился двумя руками за голову и молчал». «Этот удар доконал меня, — писал Деникин. — Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни...»

А тем временем в бильярдной комнате посольства дочь генерала Корнилова Наталья Лавровна, стоя на коленях рядом с лежавшим на полу Романовским, в отчаянии требовала: «Ради Бога, скорее доктора!» Когда привели доктора (И. С. Назарова), генерал Романовский уже скончался, не придя в сознание.

Убийца бежал. Его не обнаружили...

Возмущенный происшедшим, генерал Мильн — британский главнокомандующий и военный губернатор Константинополя, никого не спрашивая, приказал ввести в здание русского посольства караул из новозеландцев с английскими офицерами для охраны бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. С момента своего отъезда из Крыма генерал Деникин считался гостем британского правительства и находился под покровительством Англии. Охрану его в посольстве фактически принял на себя генерал Хольман с помощью генерала Уолша, заведовавшего британской полицией в Константинополе.

Вечером была первая панихида. Гроб с телом генерала Романовского поместили в маленькой комнате. Антон Иванович подошел к гробу своего друга, долго и пристально смотрел на «скорбное и спокойное» лицо покойника и со слезами на глазах отошел в темный угол.

После панихиды по настоянию генерала Мильна Деникин с семьей, приближенными и с детьми генерала Корнилова отправился на английское госпитальное судно. Сопровождали их британские офицеры. На следующее утро, пересев на дредноут "Marlborough", он покинул берега Босфора и направился в Англию.

Генерала Деникина осуждали потом за то, что он не потребовал вывода английской стражи из здания русского посольства и что не протестовал против нарушения закона о его экстерриториальности.

«Вызвана она (стража) была без моего и моей жены ведома и участия, — отметил в своих неопубликованных заметках Антон Иванович. — Надо было мне потребовать вывода их... К сожалению, я был настолько потрясен и разбит, что это обстоятельство прошло тогда мимо моего сознания».

Кто же убил генерала Романовского?

Расследованием преступления занялся начальник международной полиции в Константинополе англичанин полковник Баллард. Однако все попытки обнаружить убийцу оказались безрезультатными. Ясно было лишь одно, что убийство носило чисто политический характер как месть за прошлые неудачи.

Генерал Агапеев, проявивший в этом деле много легкомыслия и мало распорядительности,

написал в самооправдание статью «Убийство генерала Романовского», опубликованную в 1927 году в сборнике «Белое дело». Правда, Агапеев узнал о приезде в Константинополь бывшего Главнокомандующего и его начальника штаба всего за каких-то полтора или два часа до прихода корабля. Но тем больший грех на его душе за то, что, не успев принять мер, обеспечивающих безопасность генералов, он не сообщил им о накаленной атмосфере в посольском общежитии.

Статья генерала Агапеева представляет значительный интерес. Она дает картину убийства в том виде, в каком она представлялась следственным властям:

«Около 5 часов дня 23 марта, через несколько минут после своего приезда в посольство, генерал Романовский вышел во двор перед зданием посольства, желая, по-видимому, отдать распоряжение по поводу оставленной им на катере папки с важными бумагами и имея в виду сделать это через шофера. В тот момент, когда генерал Романовский, возвращаясь в квартиру посла, вышел из вестибюля в бильярдную комнату, неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени, с золотыми погонами, быстро подошел сзади к генералу Романовскому, повернувшись к убийце, по-видимому, на звук шагов последнего, и произвел из револьвера системы «кольт» три выстрела почти в упор. Генерал Романовский упал и через две минуты, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице посольства вверх во второй этаж и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя здания дня за четыре до этого. Тогда убийца бросился к другой двери — в залу, где находились беженцы. Эта дверь также была заперта, но ее открыла убийце одна из беженок, ничего не подозревая, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся.

Даже в это сообщение генерала Агапеева вкрались две весьма существенные ошибки: в генерала Романовского было произведено два выстрела, а не три; и револьвер был не системы «кольт», а системы «парабеллум».

В феврале 1936 года в русской газете «Последние новости», издававшейся в Париже, впервые в печати появились новые данные, «приподнимавшие покров над этим загадочным преступлением». Это была обстоятельная статья писателя Романа Гуля. Сведениями с ним поделился человек, с точки зрения Гуля заслуживавший доверия. Ему убийца сам рассказал подробности происшедшего. Осведомитель Романа Гуля предоставил в его распоряжение бумаги, подтверждавшие правдивость сказанного. По словам Гуля, убийцей был некий Мстислав Алексеевич Харузин, служивший одно время в информационном отделении отдела пропаганды при русском посольстве в Константинополе. Родился он в 1893 году в состоятельной семье, окончил Лазаревский институт восточных языков, хорошо владел турецким языком, интересовался археологией. Поступив в 1915 году в Михайловское артиллерийское училище, он во время войны от службы на фронте уклонился и работал в различных штабах в тылу. В период гражданской войны в чине поручика он устроился в контрразведку в армии генерала Деникина. «Его жизнь, — писал Роман Гуль, — проходила в тыловой атмосфере конспирации, подпольщины, заговоров и интриг».

То, что Харузин рассказал своему приятелю о самом убийстве, в общих чертах совпадало со свидетельством Агапеева. После смерти Романовского он еще месяц провел в Константинополе, но потом люди, замешанные с ним в преступлении, пожелали сплавить его с рук. Они устроили ему «командировку» в Анкару под предлогом установления связи с начавшимся там турецким национальным движением.

Из «командировки» Харузин не вернулся, так как по дороге кто-то его прикончил.

В жизни генерала Деникина убийство И. П. Романовского было глубочайшей личной драмой, жестоким эпилогом всего его бескорыстного служения родине. Со смертью неразлучного друга Ивана Павловича обрывалась одна из последних нитей, связывавших Деникина с эпохой больших надежд, душевных потрясений, радости и безысходного горя.

XXVIII ПРЕБЫВАНИЕ В АНГЛИИ

Путешествие Деникиных из Константинополя в Англию длилось долго, с остановками на Мальте и в Гибралтаре. После выхода в Атлантический океан корабль попал в сильную бурю, и нянька маленькой Марины Деникиной перепугалась не на шутку. «Она громко молилась и плакала: и никто-то меня не похоронит, и рыбы меня съедят». Эти подробности не без некоторого злорадства записала Ксения Васильевна, ревновавшая няньку к своей дочери.

В Лондон из Саутхемптона Деникин с семьей и спутниками прибыл поездом 17 апреля (н.ст.). На вокзале Ватерлоо его встретил представитель британского военного министерства генерал сэра Филипп Четвуд с несколькими офицерами, а также генерал Хольман, перед тем вернувшийся в Англию. Встречали Деникина и русские военные, дипломатические представители во главе с поверенным в

делах Евгением Васильевичем Саблиным, а также группа бывших русских общественных деятелей, оказавшихся в Лондоне, среди которых был П. Н. Миллюков. Все старались выказать бывшему Главнокомандующему свое внимание. Саблин вручил ему телеграмму из Парижа, полученную русским посольством на имя Деникина, за подписями князя Г. Е. Львова, С. Д. Сазонова, В. А. Маклакова и Б. В. Савинкова. Они считали долгом «в дни тяжких нравственных мучений, переживаемых» генералом, выразить чувства глубочайшего к нему уважения.

«Беззаветное высокопатриотическое служение Ваше на крестном пути многострадальной родины нашей, — писали они, — Ваше геройское беззаветное самопожертвование ей да послужит залогом ее воскресения. Имя Ваше сопричтется к славным и дорогим именам истинных начальников земли русской и оживит источник для духовных преемников святого дела освобождения и устройства великой России».

Подпись Бориса Савинкова под текстом этой телеграммы была неожиданной для Деникина.

С вокзала генерала и его друзей отвезли на автомобилях британского военного министерства в отель «Кадоган», где им было отведено отличное помещение.

Лондонские газеты, и в частности «Дэйли Геральд» (орган рабочей партии), отметили приезд в Англию бывшего Главнокомандующего почтительными статьями. «Тайме» посвятил ему следующие строки:

«Приезд в Англию генерала Деникина, доблестного, хотя и не счастливого командующего вооруженными силами, которые до конца поддерживали на Юге России союзническое дело, не должен пройти незамеченным для тех, кто признает и ценит его заслуги, а также то, что он старался осуществить на пользу своей родины и организованной свободы.

Без страха и упрёка, с рыцарским духом, правдивый и прямой, генерал Деникин — одна из самых благородных фигур, выдвинутых войною. Он ныне ищет убежища среди нас и просит лишь, чтобы ему дали право отдохнуть от трудов в спокойной домашней обстановке Англии...

...Наш долг быть ему благодарными и оказывать уважение ему и тем, кто вместе с ним боролся против чудовищного деспотизма, настоящую природу которого английские народные массы лишь ныне начинают сознавать. В настоящую минуту мы всего лучше выплатим этот долг, если воздержимся от нарушения того покоя, которого он ищет, и если выкажем сочувствие тем русским, за которых он так храбро сражался в столь тяжелых условиях, и будем оказывать им по мере возможности помощь, заслуженную их беспримерными страданиями и неувыдаемыми заслугами перед союзниками».

Была ли эта статья инспирирована Черчиллем, мы не знаем. Во всяком случае, она отражала его мысли.

В те дни еще функционировали русские посольства и консульства с персоналом, назначенным в 1917 году Временным правительством. После захвата власти большевиками они стали за рубежом представителями вождей белого движения. Их деятельность объединял С. Д. Сазонов — бывший министр иностранных дел царской России, исполнявший те же обязанности в правительствах адмирала Колчака и генерала Деникина. Сазонов находился в Париже, и все русские посольства направляли туда осведомительные записки и телеграммы о событиях, которые так или иначе их затрагивали.

Целая серия таких осведомительных писем о первых днях пребывания в Англии генерала Деникина была отправлена Е. В. Саблиным из Лондона в Париж.

17 апреля 1920 года Саблин писал:

«Я не имел еще случая подробно поговорить с генералом Деникиным. Я увижусь с ним сегодня вечером. Но из того, что он сказал А. В. Солдатенкову (один из секретарей посольства), заключаю, что генерал Деникин прежде всего желает, чтобы его оставили в покое. Он намерен поселиться где-либо в окрестностях Лондона и отдохнуть. Затем, сказал генерал Деникин, мы посмотрим».

19 апреля Саблин, между прочим, сообщал:

«В течение имевшегося у меня с генералом Деникиным разговора, происходившего в посольстве, бывший Главнокомандующий сказал мне... (что он) считает себя частным человеком. По его выражению, он разбит душевно и утомлен физически и нуждается в покое и отдыхе. Перед его глазами все еще ужасные сцены последних дней отступления и тяжелых неудач. Он просит избавить его от разговоров на политические темы, так как беседовать на эти темы ему очень тяжело. Он желает поселиться в каком-нибудь провинциальном английском городишке. Когда я назвал ему несколько местечек в расстоянии часа езды от Лондона, он воскликнул: «Ой, нет, это близко, куда-нибудь подальше!»

Из английских государственных деятелей он посетил лишь г. Черчилля. Короля он уже поблагодарил своей прекрасной телеграммой. Он благодарит русскую колонию и организации за прием, но просит их не беспокоиться устройством каких-либо чествований и т. п. Он желает, чтобы его оставили в покое...

По окончании нашего разговора я проводил генерала до гостиницы пешком... (Он) засвидетельствовал мне самым категорическим образом о той широкой помощи, которая была оказана Югу

России Великобританским правительством. Он в особенности хвалил английских военных. Он сказал, что генерал Хольман займется подысканием ему места жительства».

21 апреля 1920 года Саблин писал:

«Генерал Деникин передал мне вчера для размена 23 тысячи царских (бумажных) рублей, несколько сотен керенок, австрийских крон и турецких лир и коробочку, содержащую 49 рублей монетами десятикопеечного достоинства чеканки 1916 года.

Это весь капитал бывшего Главнокомандующего!»

Основной «капитал» Деникина в переводе на твердую валюту равнялся меньше тринадцати фунтам стерлингов.

От того же числа имеется и другое сообщение Саблина:

«Генерал Деникин получает от англичан предложения поместиться в их поместьях совершенно бесплатно».

Как реагировал на все это Антон Иванович?

Он был в ужасе от того, что происходило. В неопубликованных воспоминаниях его имеется следующая заметка:

«Не понимают нашего положения — отвели помещение в дорогом отеле «Кадоган»... Ищем дешевого дома в уединенном месте. Хольман помогает в поисках. Черчилль вызвал к себе консула Ону (и спросил): принимают ли русские какие-нибудь меры? Если нет, то я и группа членов парламента устроим обеспечение генерала Деникина.

Ону приходит, рассказывает. Я категорически отказываюсь...»

Его удручала мысль, что из-за семьи он принужден принимать «милостыню» (его собственные слова) от Великобритании. У Деникина буквально ничего не было. Дома он ходил в своей военной одежде. Выходя на улицу, надевал непромокаемый военный дождевик без погон, а голову прикрывал случайно приобретенной клетчатой кепкой.

Жена его привезла с собой кое-какое столовое серебро и хотела его продать. По мнению Антона Ивановича, на вырученные от продажи деньги семья его могла прожить в Англии месяца два-три. Вообще же он отдавал себе отчет, что стоимость жизни здесь значительно выше, чем в других странах Западной Европы. А потому пребывание свое в Англии он хотел сократить на три-четыре месяца, чтобы, наведя за это время нужные справки, перебраться в страну, где жизнь дешевле.

О материальных проблемах беседовал с Антоном Ивановичем и Милюков. Чтобы на первых порах как-то обеспечить Деникина, он предлагал переговорить с заведующим выдачей ассигнований из прежних русских государственных сумм, находившихся в заграничных банках. На это Антон Иванович заявил, что об этом не может быть и речи, так как деньги — казенные, а он — частное лицо.

С Черчиллем Деникин виделся несколько раз. На следующий день после приезда в Лондон он отправился к нему с визитом в военное министерство вместе с генералом Хольманом. Затем завтракал с Черчиллем. «Несколько дам, — писал он, — моя жена, Черчилль с женой, 2-3 высших чина военного министерства. Разговоры о России, о борьбе... и, конечно, о причинах неудачи».

После завтрака Черчилль вызвал своего девятилетнего сына Рандольфа, представил его Антону Ивановичу, сказав мальчику: «Вот русский генерал, который бил большевиков». Рандольф этим заинтересовался и хотел знать, сколько большевиков генерал Деникин лично убил. Однако, получив ответ, что «ни одного», он сразу потерял интерес к своему новому знакомому.

Внимание к Антону Ивановичу русской колонии в Лондоне, вполне искреннее и сердечное, казалось ему тем сочувствием, которое приличия ради по старому обычаю выражают всякому порядочному человеку, испытавшему в жизни большое горе. Это внимание его тяготило. Никого он не хотел видеть, никуда ему не хотелось идти.

Но обо всех переменах, происшедших в Крыму, его упорно расспрашивал лидер кадетской партии профессор П. Н. Милюков. Он хотел знать, что Деникин передал Врангелю? Всю ли верховную власть, или только военную? Что скажет он, Деникин, если в один прекрасный день Врангель вдруг заключит с большевиками мир? Будем ли мы признавать врангелевское правительство, продолжал свой допрос Милюков. А если будем отрицать, то во имя какого, если не деникинского, ибо Деникин, говорил он, есть символ и знамя, которое опускать нельзя.

В ответ Антон Иванович повторил то, о чем уже неоднократно говорил после новороссийской катастрофы. А именно: что он морально разбит, что не хочет заниматься политикой и желает, чтобы его оставили в покое. По поводу Врангеля он сказал, что передал ему командование над южнорусскими войсками, что после всего происшедшего не может считать себя главой правительства, в данное время он является просто частным человеком.

Вслед затем Антон Иванович определенно и твердо заявил: «Не мешайте Врангелю; может быть, он что-нибудь сделает. Я хочу уйти от политики, не вмешивайте меня».

Эту беседу во всех подробностях записал в своем дневнике П. Н. Милюков. Его дневник находится в Русском архиве Колумбийского университета.

Со своей стороны Антон Иванович отметил разговор с Милюковым в неопубликованных заметках следующим образом:

«Посетил меня Милюков. Беседовал более часу на тему о необходимости мне принять на себя преемство российской власти Колчака и объявить об этом в соответствующей декларации. Я категорически отказался.

— Что же теперь будет? Ведь к власти придет Керенский...

Я усомнился в подобном исходе. Во всяком случае, я лично устраниюсь.

— Тогда, по крайней мере, не делайте заявлений о своем отказе от преемства...

— Никаких заявлений вообще я не намерен делать. Верховной власти от Колчака я не принимал, следовательно, и отказываться не от чего.

Два или три раза мы еще переписывались с Милюковым по текущим делам, в частности обменялись взглядами на выступление в то время Польши. Милюков вскоре переменял тактику, отнесясь с осуждением к белому движению, и я порвал сношения с ним».

Невзирая на расхождения с Врангелем, генерал Деникин в отзывах о нем был безусловно корректен:

«На вопросы Черчилля, Бригса, Хольмана, Милюкова и других русских и английских деятелей, как надлежит относиться к Врангелю, я ответил:

— Врангель стоит во главе Вооруженных Сил Юга России, ведя борьбу против большевиков. И поэтому ему надо всемерно помогать».

С помощью Хольмана Деникины вскоре нашли сравнительно дешевое помещение в провинции. Они переселились из Лондона сначала в Певенси-Бей, а потом в Истборн. Там их навещали или приглашали к себе и вообще всячески старались рассеять мрачные мысли друзья. Пригласила к себе и Наталия Сергеевна Брасова, морганатическая супруга великого князя Михаила Александровича, убитого большевиками вместе со своим секретарем англичанином Джонсоном в ночь на 13 июня 1918 года в окрестностях города Перми. Вдова брата последнего императора была настроена мистически. Она посещала разных гадалок и совершенно серьезно уверяла Антона Ивановича, что великий князь жив, что он пока скрывается, но в нужную минуту предъявит свои права на русский престол.

Пребывание генерала в Англии было кратким. В принципе решено к осени переехать в Бельгию. Но покинул он Англию раньше, чем предполагал, по причине совершенно им непредвиденной.

В середине августа 1920 года в газете «Таймс» была опубликована нота, которую еще в начале апреля лорд Керзон отправил в Москву народному комиссару иностранных дел Чичерину. Это была нота, предлагавшая Советскому правительству прекратить гражданскую войну. К великому своему изумлению, Антон Иванович прочел там следующее заявление лорда Керзона:

«Я употребил все свое влияние на генерала Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я употреблю все усилия, чтобы заключить мир между его силами и вашими, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также население Крыма. Генерал Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование генералу Врангелю».

Правда, почти накануне катастрофы в Новороссийске к генералу Деникину явился один из членов Британской военной миссии генерал Бридж, предлагая посредничество английского правительства для заключения перемирия с Красной армией. Деникин ответил на это одним словом: никогда!

Таким образом, этот случай в Новороссийске никак не вязался с заявлением лорда Керзона.

Сознательная подтасовка фактов и явный вымысел глубоко оскорбили Деникина. Он тут же написал резкое опровержение и отправил его в «Тайме». Оно появилось 27 августа 1920 года.

«Я глубоко возмущен этим заявлением и утверждаю: 1) что никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился; 2) что предложение (британского военного представителя о перемирии) я категорически отверг и, хотя с потерей материальной части, перевел армию в Крым, где тотчас же приступил к продолжению борьбы; 3) что нота английского правительства о начале мирных переговоров с большевиками была, как известно, вручена уже не мне, а моему преемнику по командованию Вооруженными Силами Юга России генералу Врангелю, отрицательный ответ которого был в свое время опубликован в печати; 4) что мой уход с поста Главнокомандующего был вызван сложными причинами, но никакой связи с политикой лорда Керзона не имел. Как раньше, так и теперь я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины».

После истории с лордом Керзоном Антон Иванович считал невозможным для себя оставаться

в Англии. Кроме того, стремление британского правительства установить нормальные торговые сношения с советской Россией, переговоры, которые велись по этому поводу в Лондоне между Ллойд Джорджем и советским представителем Красиным — все это предвещало, по мнению Деникина, признание Англией московских коммунистов законным правительством России. На самом деле англо-советский торговый договор был подписан лишь в марте 1921 года.

XXIX РАБОТА НАД «ОЧЕРКАМИ»

В Бельгии Деникины прожили с августа 1920 года до конца мая 1922 года. Они поселились в окрестностях Брюсселя, в небольшом доме с садом. Их спутники постепенно разъехались, и они остались впятером: муж, жена, дочь, дед жены и нянька. Вскоре установился определенный рутинный ритм повседневной жизни. Антон Иванович вставал в 7 часов утра, открывал ставни, приносил уголь, растапливал печи и плиту. Затем вставала жена, кипятила молоко и заваривала кофе, готовила завтрак. После кофе уборка дома: Антон Иванович подметал, дед вытирал пыль, жена прибирала кухню, чистила картошку, варила обед. Нянька занималась исключительно ребенком и в трудах по дому не принимала участия.

Жена не слишком огорчалась, что мужу приходилось тогда делать физическую работу. «Мощион ему нужен, — писала она, — а когда он засядет за писание, его уже никакими силами не вытянешь даже погулять».

Начав еще в Англии работу над «Очерками русской смуты», Антон Иванович к концу 1920 года почти закончил первый из пяти томов этого обширного труда.

«Я совершенно удалился от политики и ушел весь в историческую работу, — писал он генералу Бриггсу в Рождество 1920 года. — Доканчиваю первый том «Очерков», охватывающих события русской революции от 27 февраля до 27 августа 1917 года. В своей работе нахожу некоторое забвение от тяжелых переживаний».

Жил генерал замкнуто, мало с кем встречался и действительно совершенно устранился от политики. Однако демонстративный отъезд его из Англии привлек внимание бельгийских властей. Вскоре по приезде в Брюссель его пригласили посетить "Administration de la Sûreté Publique", где глава этого учреждения в изысканно-вежливой форме просил Антона Ивановича дать подписку в том, что на территории Бельгии он не будет заниматься активной политикой. Генерал бумагу подписал, но, вернувшись домой, отправил письмо министру юстиции бельгийского правительства, известному социалисту Эмилю Вандервельде. Антон Иванович познакомился с ним в апреле 1917 года, когда Вандервельде приезжал к нему в Ставку в Могилев для переговоров.

Генерал счел нужным поставить Вандервельде в известность о своем неудовольствии по поводу случившегося. Он писал:

«Мне невольно приходит на память эпизод из прошлого, как в 1917 году в качестве начальника штаба Верховного Главнокомандующего российскими армиями я принимал у себя в Ставке бельгийского министра Вандервельде. Он был несчастлив тогда, человек без родины, представитель правительства без страны, в сущности такой же политический эмигрант, как теперь многие русские. Ведь Бельгия тогда была растоптана врагами так же, как сейчас Россия, Но мы сделали все возможное, чтобы не дать почувствовать господину Вандервельде ни в малейшей степени тяжести его положения. Ибо мы разделяли искренне горе Вашей страны и ее героической армии.

Я не ожидал и не искал внимания. Но был уверен, что русский генерал будет огражден в Бельгии от унижения, Я имею в виду не только свою роль как Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России — вокруг этого вопроса сплелось слишком много клеветы и непонимания... Но я говорю о себе как о бывшем начальнике штаба Верховного Главнокомандующего, как о главнокомандующем русскими фронтами в мировую войну, наконец, как о генерале союзной вам армии, полки которого в первые два года войны вывели из строя австро-германцев много десятков тысяч воинов.

Все это я считаю необходимым высказать Вам в надежде, что, быть может, к другим деятелям, которых судьба случайно забросит в Бельгию, правительственная власть отнесется несколько иначе».

Это письмо было типично для всего дальнейшего поведения генерала Деникина за границей. Даже став политическим эмигрантом, он продолжал «резать правду», как он ее видел и воспринимал. По природе своей человек скромный, но с большим чувством собственного достоинства, он отлично сознавал свои военные заслуги в первой мировой войне, гордился ими, но в этой гордости не было ничего личного и мелочного. Он гордился своей принадлежностью к русской армии, вписавшей в историю войны много доблестных страниц. И его возмущал факт, что эти заслуги теперь позабыты, что с одним из главных представителей национальной России некоторые из бывших союзников позволя-

ют себе бестактные выходки.

Вандервельде сразу же ответил любезным полуизвинительным письмом. Ссылаясь на якобы существовавшие в Бельгии правила, он уверял, что ни бельгийскому правительству, ни тем более ему лично не могло прийти в голову чем-то обидеть генерала. Инцидент был улажен.

По скудным средствам Деникина жизнь и в Бельгии казалась ему слишком дорогой, и он решил переехать в Венгрию. Венгерский посланник немедленно дал разрешение на постоянное жительство в Венгрии. Он даже предложил перевезти архив генерала дипломатической вализой и только никак не мог поверить, что причина переезда — экономическая... Пришлось хлопотать о транзитных визах для проезда в Будапешт. Получив немецкую транзитную визу для семьи, сам Антон Иванович решил ехать, минуя Германию, кружным путем, через Париж, Женеву и Вену.

О жизни в Венгрии у Антона Ивановича и его супруги остались самые хорошие воспоминания. Они провели там три года (с начала июня 1922 года до середины 1925 года). По совету венгерского посланника в Брюсселе поселились сначала в городе Шопрон, в недорогой загородной гостинице.

В дневнике Ксении Васильевны Деникиной от 5 июня 1922 года имеется следующая запись:

«Жизнь здесь действительно гораздо дешевле, ... да и народ симпатичнее. Пока живем в пансионате за городом, в лесу. Воздух и окрестности чудесные, давно мы не делали таких чудных прогулок... Городок переполнен беженцами из отобранных у Венгрии областей».

Месяцем позже:

«Нравится мне Венгрия, то есть правильнее сказать Шопрон, ибо больше я еще ничего от Венгрии не видела. Такой обильный край. Столько «плодов земных»я давно не видела. Кругом нас горы, лес. Мы гуляем далеко. Заберемся куда-нибудь на поляну, откуда хороший вид на поля деревни, лежащий внизу город и на далекое большое озеро. Воздух — не надышишься!.. И бывают минуты, что в мою душу нисходит мир, такой полный, как не бывал со времени до войны... Много здесь народу, говорящего по-русски. Бывшие военнопленные, или, как Антон Иванович их называет, «мои крестники»(генерал называл своими «крестниками»тех, кого его Железная дивизия в свое время захватила в плен). Говорят по-русски чисто, почти без акцента».

А вот заметка из не опубликованного генералом:

«Общее явление: ни следа недружелюбия после войны (враги!?). Чрезвычайно теплое отношение к русским. Каждый третий комбатант побывал в плену в России, и, невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания — о русском народе; о шири, гостеприимстве, о богатстве страны... Русский язык благодаря пленным очень распространен... Пленные венгры повезли с собой русских жен...»

О жизни Антона Ивановича в Венгрии есть упоминание в письме русского дипломатического представителя в Будапеште князя П. П. Волконского. Он сообщал в Париж старшему русскому дипломатическому представителю за границей М. Н. Гирсу (С. Д. Сазонов к тому времени был уже не у дел), что «здесь держит себя вдали от всяких дрызг с достоинством и большой простотой генерал Деникин. Мы с ним навели друг друга».

Приезжал к генералу с визитом и местный губернатор. Несколько раз навели его английские и французские офицеры, члены миссии по установлению новых границ Венгрии. Но это вызвало некоторую подозрительность со стороны венгерской администрации враждебно относившейся к державам Антанты. Началась перлюстрация корреспонденции, появились филеры, следовавшие за Антоном Ивановичем по пятам. Однако, когда он пожаловался в военное министерство, наблюдение за ним и перлюстрация его почты были сразу прекращены.

Пребывание в венгерской провинции бывшего русского Главнокомандующего привлекло большое внимание местных военных и гражданских властей. Уединенный образ жизни Деникина, проводившего большую часть времени в работе над своим историческим трудом, был им непонятен. Так же, как и князь Волконский, они видели, что генерал «держит себя с достоинством и большой простотой», но некоторые из них приписывали нелюдимость генерала недружелюбию или пренебрежению. Даже П. П. Волконский говорил по этому поводу с Антоном Ивановичем и настойчиво советовал ему поехать с визитом к главе государства адмиралу Хорти. «Но, — отметил эту беседу генерал, — после года (жизни в Венгрии) мне показалось это неудобным, и я не пошел. Так и прожили мирно три года, отвовав себе свободу замкнутой частной жизни».

За три года пребывания в Венгрии генерал трижды переменял место жительства. После Шопрона провел несколько месяцев в Будапеште, а потом снова поселился в провинциальном местечке, на этот раз вблизи от большого и живописного озера Балатон.

К тому времени генерал закончил свой монументальный пятитомный труд «Очерки русской смуты». Первый том вышел в октябре 1921 года; второй — в ноябре 1922; третий — в марте 1924; четвертый — в сентябре 1925; и, наконец, пятый — в октябре 1926 года. «Очерки»стали большим событием в русской мемуарной литературе.

У генерала Деникина имеются интересные сведения о том, как трудно ему было работать над составлением «Очерков».

Архив, вывезенный им из России, был далеко не полным. Всю работу, связанную с поиском документов, их систематизацией, проверкой, составлением чертежей и т. д., пришлось ему выполнить лично. Сундук с делами канцелярии Особого совещания (т. е. бывшего правительства Юга России), вывезенный в Константинополь, поступил в распоряжение генерала только в 1921 году. Кроме журналов Особого совещания сундук содержал подлинные приказы Главнокомандующего, а также сношения с иностранными державами и сведения о положении во всех новых государствах на окраинах России. С архивом бывшей Ставки генерала Деникина вопрос обстоял сложнее. Антон Иванович не желал обращаться к своему преемнику на посту Главнокомандующего. Но вопрос этот уладился благополучно сам собой. Зная о работе Антона Ивановича, генерал Кусонский, заместитель начальника штаба генерала Врангеля, предложил Деникину пользоваться архивом Ставки. Вскоре и сам генерал Врангель (находившийся после оставления им Крыма в Югославии) распорядился, чтобы все дела штаба Главнокомандующего за время управления Югом России генералом Деникиным перешли бы к последнему на хранение. Приходилось вести большую корреспонденцию с бывшими сотрудниками и подчиненными, чтобы получить от них детальные сведения о происходившем.

«Предлагал мне свое сотрудничество Филимонов, бывший Кубанский атаман, — писал Антон Иванович, — но перед тем, не дожидаясь описания мною Кубанского периода в «Очерках русской смуты», он напечатал в «Архиве Русской революции» статью-памфлет, в которой пристрастно отнесся к моей деятельности и сказал неправду, которую нетрудно было опровергнуть документально... Встретив (как-то) полковника Успенского (бывшего адъютанта генерала Романовского), Филимонов сказал ему:

— Читали? Генерал Деникин, наверно, будет ругать меня в своих «Очерках». Так я, по казачьей сноровке, забежал вперед и сам его поругал. Покуда еще выйдет его книга, а от моего писания след все-таки останется.

Впоследствии, не найдя в моей книге никаких выпадов по своему адресу, что было бы и несправедливо, Филимонов прислал мне письмо, в котором выражал готовность осветить мне кубанские события. Я не воспользовался его предложением, о чем сожалею».

Ближайшим и постоянным сотрудником генерала стала его жена. Она перепечатывала рукописи и была, как вспоминал Антон Иванович, его «первым читателем и цензором, делая свои замечания, часто весьма основательные, в частности с точки зрения, как она говорила, рядового обывателя.

Много книг написано о гражданской войне в России, с разными к ней подходами, с различными толкованиями. Однако для всякого исследователя эпохи борьбы на Юге России книги генерала Деникина являются первоисточником.

Признавая это, издательство «Федерация» в Советском Союзе выпустило в 1928 году книгу в 313 страниц под заглавием «Поход на Москву» с выборками из четвертого и пятого томов деникинских «Очерков».

«Мы пытались извлечь из Деникина, — говорилось в предисловии, — все наиболее любопытные страницы», и, сообразно с заданием книги, эти «любопытные страницы» были лишь подтасовкой фактов, с умышленно односторонним освещением событий. При Сталине подтасовка фактов превратилась в грубое их извращение. Касаясь Деникина, советская «историческая» литература и до сих пор занимается фальсификацией.

Не говоря уже о трафаретных ярлыках, всегда и повсюду приклеенных к имени Деникина: враг народа, черносотенец, махровский монархист, продавшийся капиталистам Антанты, и так далее, официальная советская «История гражданской войны в СССР» сообщает, что «крупнейшие предприятия — железные дороги, шахты, рудники, заводы — закладывались и перезаклаивались (Деникиным) иностранным капиталистам, продавались каждому, кто мог предложить иностранную валюту», А Военное издательство Министерства обороны СССР выпустило книгу доцента и кандидата исторических наук К. В. Агуреева «Разгром белогвардейских войск Деникина», где говорится, что «Деникин — этот яростный монархист и белогвардеец, вместе со своими империалистическими хозяевами... пытался превратить нашу страну в колонию иностранных империалистов, сделать рабочих и крестьян рабами».

На самом деле, несмотря на сильное давление сторонников концессий, генерал Деникин определенно и категорически заявил, «что он не имеет права связывать будущее всероссийское правительство какими-либо договорными обязательствами и заниматься распродажей России по частям. Только в декабре 1919 года с большой неохотой он дал согласие на предоставление союзниками концессий на эксплуатацию лесов Черноморской губернии. Но это предложение вследствие развернувшихся событий не было осуществлено». Это свидетельство генерала Лукомского.

Неверно также официальное советское утверждение, что меньшевики верой и правдой служили Деникину.

Вначале умеренное крыло партии социалистов-революционеров приняло деятельное участие в вооруженной борьбе с большевиками, особенно на Волге и в Сибири. Однако после переворота в Омске (18 ноября 1918 года), заменившего Директорию адмиралом Колчаком, правые эсеры, устраненные от власти, отошли от борьбы. Они выставили лозунг «Ни Ленин, ни Колчак» (а следовательно, и ни Деникин). К этой группе, игриво прозванной «ни-ни-стами», принадлежали перешедшие на положение политических эмигрантов в Европе — Керенский, Авксентьев, Зензинов, Аргунов.

Левое же крыло партии эсеров заняло бескомпромиссно-враждебную позицию в отношении к «реакционным генералам», считая их худшими из двух зол. Боевая организация этой группы во главе с И. К. Каховской даже участвовала в заговоре против генерала Деникина летом 1919 года.

Что касается партии социал-демократов меньшевиков, то, по словам Антона Ивановича, они «не вступили на путь сотрудничества с властью» на Юге России. Деникин пришел к заключению, что меньшевики «стремились не к поражению белых сил, но к такому их ослаблению, чтобы ко времени падения большевизма они представляли из себя ничтожный политический фактор».

Непонятно, почему советским руководителям (спустя полвека . после гражданской войны) понадобилось придумывать всевозможные небылицы, когда и без них легко обнаружить негативные стороны лагеря белых противников.

XXX ПИСАТЕЛЬСКАЯ БРАТИЯ

В эмиграции тревога за судьбу своей бывшей армии вытесняла в душе Деникина все остальные чувства. С волнением следил он издали за тем, как в Крыму опускался занавес над последним актом великой трагедии. В те дни глубокой осени 1920 года сердце его сжималось болью при мысли, какая участь ожидает соратников: неизвестность, нужда и новые испытания.

Крушение белого движения выкинуло за пределы России свыше миллиона человек. Волна их катилась по нескольким направлениям: из Сибири — с остатками армии Колчака; с северо-запада — с отступавшими войсками Юденича; число беженцев с севера России, из Архангельска и Мурманска, было незначительно. Зато с черноморских берегов Юга России поток их был огромен. Сперва так называемая «деникинская» эвакуация, а затем великий исход после конца крымской эпопеи генерала Врангеля, когда в один день, 16 ноября 1920 года, из крымских портов вышло 126 судов, увозивших к берегам Босфора 145 тысяч 693 человека, из которых около сорока тысяч были последними бойцами белых армий. Бывшие союзники разместили их в Галлиполи, на острове Лемносе и в других местах поблизости от Константинополя. Но это было лишь временное пристанище. Срочно приходилось решать вопрос, как поступить с бывшей армией, сохранившей, несмотря на поражение, воинскую дисциплину.

У ее Главнокомандующего генерала Врангеля оставалась иллюзия сохранить свой правительственный аппарат, а главное — сохранить армию, чтобы при первой возможности возобновить попытку вооруженной борьбы с большевизмом.

Генерал Деникин смотрел на это иначе. После того, как армия покинула русскую землю, судьба ее была решена. Падение Крыма — конец открытой вооруженной борьбы, никто из бывших союзников не поддержит больше подобное предприятие. Всякая попытка сохранить за границей политическую власть бывшего правительства генерала Врангеля и армию как таковую вызовет резкую реакцию в парламентских и правительственных кругах Европы.

Тем не менее Антон Иванович считал, что «армия должна быть сохранена», но иным способом: путем расселения ее в Балканских странах, где при содействии местных правительств (готовых оказать гостеприимство русским) он считал возможным поставить военные части на положение «вольных работ». Он предвидел, конечно, что со временем более предприимчивые люди пожелают выйти из полувоенной рабочей артели и найдут более доходные занятия. И, думая прежде всего о людях, он не хотел, чтобы здесь перед ними возникали препятствия.

«Если Вам удастся сохранить организационные ячейки, — писал он генералу Кутепову в ответ на его письмо, — то внутренняя, преемственная связь, которою всегда дорожили добровольческие части, предохранит их от распыления».

Антон Иванович смотрел тогда на будущую борьбу с большевистской властью не как на интервенцию извне. Восстание кронштадтских матросов, крестьянская борьба, охватившая большой район в Центральной России, все это, по мнению Деникина, предвещало возможность нового взрыва изнутри. Куда со временем и должны будут просачиваться его бывшие добровольцы, чтобы слиться с общерусским противобольшевистским движением.

И чем дольше жил генерал Деникин за границей, тем определеннее высказывался он против

участия русских политических эмигрантов (и в первую очередь своих бывших соратников) в иностранной авантюре, направленной против России. Он указывал на опасность, грозившую русскому Дальнему Востоку от Японии, а затем, когда на горизонте Германии возник Гитлер, Антон Иванович был одним из первых, сказавших: «Не цепляйтесь за призрак интервенции, не верьте в крестовый поход против большевиков, ибо одновременно с подавлением коммунизма в Германии стоит вопрос не о подавлении большевизма в России, а о «восточной программе» Гитлера, который только и мечтает о захвате Юга России для немецкой колонизации».

Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие о ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, Красной армии и эмиграции — их повелительным долгом».

Так писал генерал Деникин уже в конце 1933 года. И, чем быстрее приближались события начала второй мировой войны, тем настойчивее говорил он на эту тему. Однако это не означало компромисса с коммунистической властью. К ней он всегда оставался непримиримым. И это кажущееся противоречие в желании поддержать в минуту опасности свою страну и ее армию, но не ее правительство Антон Иванович подробно объяснил незадолго до войны в публичном выступлении в Париже. Речь его, перепечатанная в сокращенном виде в большинстве русских зарубежных газет, произвела тогда огромное впечатление на русскую эмиграцию. Но содержания ее мы коснемся в другом месте.

А пока вернемся в двадцатые годы.

Никому не навязывая взглядов, высказывая свое мнение только тогда, когда с ним желали советоваться, генерал Деникин щепетильно держался в стороне от дел своего преемника, «не желая хоть косвенно, хоть одним словом помешать новому командованию». Но именно эта щепетильность Антона Ивановича послужила недоброжелателям предлогом для ложного толкования поведения генерала. На этот раз умышленно был пущен слух, что бывший Главнокомандующий чуждается добровольцев и безразличен к их судьбе.

Таким образом, генерал Деникин оказался посторонним наблюдателем того, что происходило с его бывшей армией, которую из Галлиполи, Лемноса, Чаталджи частью перевезли в Болгарию, частью в Югославию. В Болгарии бывших офицеров и солдат поставили артелями работать в рудниках, прокладывать дороги. В Югославии король Александр принял бывшие русские кавалерийские части на службу в пограничную стражу. А через несколько лет началась их эмиграция по разным странам.

За границей Врангель образовал Русский общевоинский союз (РОВС) с отделами в странах, где находились бывшие офицеры и участники белого движения. Объявив себя председателем Союза, Врангель вошел в подчинение великому князю Николаю Николаевичу, бывшему Главнокомандующему Российскими императорскими армиями. Великий князь пользовался большим уважением в правых кругах эмиграции, и вокруг него надеялись объединить все ее «национально мыслящие» силы. Он жил во Франции, а потому парижское отделение РОВС'а сразу приобрело первостепенное значение.

Возникновение Общевоинского союза, экстерриториальной организации, явно враждебной коммунизму, тотчас же привлекло внимание Москвы. А когда через зарубежных агентов стало известно, что генерал Александр Павлович Кутепов, бывший командир Добровольческого корпуса, переехал в Париж и образовал в РОВС'е боевой отдел для подрывной работы внутри России, в советских правительственных кругах встревожились.

Пяти томный труд генерала Деникина, появившийся потом в сокращенном виде на английском, французском и немецком языках, давал временную иллюзию материального благополучия, а спокойная жизнь в венгерской трущобе начала тяготить оторванностью от людей. Предлогом к переезду было письмо от генерала А. Г. Шапрона дю Ларре, женившегося в Бельгии на дочери генерала Корнилова. Этот верный друг Антона Ивановича настойчиво уговаривал его вернуться в Брюссель. Переезд произошел в середине 1925 года, но задержался генерал с семьей в Бельгии ненадолго. Весной следующего года он решил обосноваться во Франции.

К тому времени Париж стал центром культурной жизни русской эмиграции. Среди известных писателей, покинувших Россию, особенно тепло и дружески приветствовали Деникина Бунин, Куприн и Шмелев. Не менее горячо встретили его Бальмонт и Марина Цветаева. Они часто навещали его, проводили с ним вечера в долгих беседах на литературные и исторические темы, вспоминали прошлое. Иван Алексеевич Бунин подарил генералу свою книгу «Чаша жизни», где с необычайной для себя экспансивностью написал на первой странице:

«Антону Ивановичу Деникину в память прекрасного дня моей жизни — сентября 1919 года в Одессе, когда я не задумываясь и с радостью умер бы за него!»

Эта надпись относилась ко времени приезда генерала Деникина в освобожденную от большевиков Одессу, где жители города (среди которых был и Бунин) с неподдельным восторгом встречали и чествовали Главнокомандующего.

Встреча Деникина с Буниным была мимолетной, но она запомнилась Антону Ивановичу, так как давно он заочно любил и уважал большого писателя и художника слова, а теперь радовался возможности ближе сойтись с ним. Бунин рассказывал ему о своих злоключениях, о бегстве из Одессы после краха белого движения и о том, что творилось в русском «литературном мире» за границей. Но особой близости между ними не было, ибо Бунин жил на юге Франции, встречались они довольно редко.

С Куприным Деникин прежде не был знаком. Он ценил его большой талант, но далеко не все произведения нравились ему. Антон Иванович не принимал купринские повести и романы из военной жизни, в свое время на шумевшие на всю Россию. Он считал «Поединок» и «На переломе» искажающими военный быт. Но бывший офицер Куприн, оставивший военную службу в 1894 году, впоследствии изменил свое отрицательное отношение к ней. Этот Куприн, бежавший от большевиков из Гатчины с отрядами Юденича, был теперь близок Деникину.

И Куприн, и Бунин — сверстники Антона Ивановича, оба всего лишь на два года старше его. Когда-то добрые приятели, ко времени их жизни во Франции Бунин и Куприн охладели друг к другу. Слава к Куприну пришла в России, а в эмиграции творчество не находило выхода. Как раз обратное произошло с Буниным. В эмиграции он написал свои лучшие вещи: «Митину любовь», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева», и в 1933 году его ждала Нобелевская премия.

Любивший выпить Куприн терпеть не мог также любившего выпить Бальмонта, быть может оттого, что оба они во хмелю бывали буйны и безудержны, но, вернее, потому, что были слишком разные люди. Каждый раз, приходя к Антону Ивановичу «на огонек», Куприн спрашивал: «А Бальмонт не у вас?»

Деникин помнил Бальмонта с давних лет, когда в ранние академические годы в Петербурге стихи Бальмонта с упоением декламировались на всех студенческих вечерах, когда ритмы и сочетания его стихов приводили в восторг всех курсисток. «Дьявольски интересен и талантлив этот неврастеник», — говорил о нем тогда Максим Горький.

Насколько Куприн был прост и естествен, настолько Бальмонт любил позу. Декламируя свои стихи, входил иногда в «поэтический экстаз», сладкий и вкрадчивый шепот чередовался с громоподобным пафосом. Однажды он не на шутку напугал маленькую Марину Деникину. Читая одно из своих стихотворений и глядя в упор на ребенка, он с диким криком прочел строфу:

«Кто сказал? Кто сказал?!»

И в ответ на это перепуганная Марина с воплем отчаяния закричала: «Да ты сам сказал!»

Антон Иванович не очень любил творчество Бальмонта, поэта-романтика, импрессиониста. Некоторые из его стихов попросту считал игрою созвучий и даже набором слов. Тем не менее он отдавал должное большому таланту поэта. Константин Дмитриевич Бальмонт казался ему занимательным человеком, но только в трезвом виде. Антон Иванович скорее жалел, чем любил его. После двух-трех рюмок водки Бальмонт терял человеческий облик. Он шумел, скандалил, бил посуду и зеркала в маленьких французских рестораничках, а потому часто попадал в полицейский участок, откуда неоднократно и не без труда вызволяла его супруга генерала Ксения Васильевна, владевшая французским языком. В благодарность за это Бальмонт написал на одной из своих книг, подаренных ей: «Чтимой и очаровательной, очень-очень мне дорогой Ксении Васильевне Деникиной».

С дружеским вниманием откликнулась на приезд Деникиных во Францию Марина Ивановна Цветаева. Она была сверстницей жены генерала; во время гражданской войны горела ненавистью к коммунизму, и лучшие стихи ее были посвящены подвигам белой армии. Один из литературных критиков нарисовал точную картину сумбурного к ней отношения эмиграции:

«Для правых она была чужой, их пугал ее бунтарский дух, ее презрение к буржуазной обеспеченности, ее необычность и отказ от традиционных литературных условностей. Левые видели в ней певца «белой мечты», автора поэм о царской семье, не желавшего подчиниться политическим и социальным заповедям. Одни называли ее тайной большевичкой, другие явной монархисткой».

Для Цветаевой генерал Деникин был одним из стаи славных: Корнилова, Маркова, Алексева... И когда в 1939 году она вдруг решила вернуться в Россию, а за два года до нее уехал Александр Иванович Куприн, то Антон Иванович не осудил. Ему было грустно, он скорбел об их, как он считал, неразумном решении.

Марина Цветаева уехала в Россию вслед за дочерью и мужем Сергеем Эфроном, перешедшим в лагерь большевиков. Мужа расстреляли, а дочь сослали в Сибирь. Во время второй мировой войны в минуту полного одиночества и отчаяния Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством... А двадцать лет спустя, когда в Советском Союзе посмертно напечатали ее избранные стихотворения, этот бывший певец «белой мечты» стал одним из популярных и чтимых поэтов.

Что касается Куприна, то ему всегда хотелось умереть в России. Он сравнивал это желание с инстинктом лесного зверя, который идет умирать в свою берлогу. Но к моменту отъезда физический недуг и склероз мозга подорвали силы и рассудок Александра Ивановича Куприна и материальное

положение его было убийственно. А тем временем советское посольство в Париже обещало ему и его жене спокойную и обеспеченную жизнь в доме отдыха писателей под Москвой.

Поздней весной 1937 года он пришел к Деникиным. Жене генерала хорошо запомнилось, как А. И. Куприн, ничего не говоря, прошел в комнату Антона Ивановича, сел на стул возле письменного стола, долго молча смотрел на генерала и вдруг горько-горько расплакался, как плачут только маленькие дети. Дверь в комнату закрылась, и Ксения Васильевна слышала только голос Куприна, а потом голос мужа. Через некоторое время Антон Иванович учтиво проводил своего посетителя до лестницы и на изумленный вопрос жены: «В чем дело?» коротко ответил: «Собирается возвращаться в Россию».

Вскоре Деникины из газет узнали, что в конце мая Куприны уехали в Москву. Фактически больного и потерявшего память мужа увезла туда жена. Годом позже он тихо скончался.

Ближе всего судьба свела Деникиных со Шмелевым. Сын разбогатевших крестьян, ставших московскими купцами, Иван Сергеевич Шмелев окончил университет в Москве и в молодости прошел обычные в то время для студентов дороги протеста и революционных настроений. В 1917 году он приветствовал революцию, но вскоре ужаснулся от того, что увидел. И с тех пор революция казалась ему стихией разрушения, насилия, издевательства над здравым смыслом. В своей книге «Солнце мертвых» он обличал большевизм. Переведенная на иностранные языки, книга эта произвела сильное впечатление на многих европейских писателей, в том числе и на Томаса Манна.

Мы не знаем, как Антон Иванович относился к творчеству Шмелева, но Шмелева как человека он ценил очень высоко. В эмиграции Шмелев оказался одним из немногих действительно близких ему людей.

В письме от 17 мая 1928 года к генералу А. М. Драгомирову Антон Иванович писал о своей жизни во Франции:

«В 1926 году весной мы переехали во Францию. Житие наше началось невесело — жене с места пришлось подвергнуться операции. И, вообще, эти два года, как и предыдущие, прошли для нее в постоянном недомогании. Меняем врачей, системы и режимы, а толку мало. Я и Марина не боеем, слава Богу. Живем мы оседло в Ванве. Это — не совсем трущоба, как Вы полагаете. Ванв — пригород Парижа, от нас до парижского вокзала Монпарнас всего 10 минут езды по железной дороге. Жена научилась делать шляпы, я продолжаю писать, — труд, по беженским условиям, оплачивающийся хуже, чем заводской. Очередная работа моя — очерки жизни и быта старой армии. Необходимо один из очерков посвятить памяти М. И. Драгомирова. Если Вы мне поможете материалами, буду благодарен.

Марина растет и учится очень хорошо: во французской школе идет первой.

Собственно, в Ванве мы живем в общем семь месяцев в году. На лето квартиру свою сдаем и переезжаем в деревню — к океану, на юг, где покойнее, дешевле и полное благорастворение воздуха. Зовут нашу деревню Камбретон. Живет в ней постоянно поэт Бальмонт, летом — Шмелев, так что, как видите, писательская братия представлена густо».

К тому времени А. И. Деникин на законном основании причислял и себя к писательской братии. В 1928 году появилась его книга «Офицеры», где в серии рассказов автор рисует судьбы русского офицества.

Книгу хорошо встретили критики русской зарубежной печати.

Газета «Дни» (орган партии социалистов-революционеров, выходивший под редакцией А. Ф. Керенского), не в пример прошлым своим выпадам против Деникина, неожиданно целиком перепечатала один из его рассказов, предпослав ему следующее вступление:

«Парижское издательство «Родник» выпускает небольшую книгу беллетристических очерков А. Деникина «Офицеры». Мы не подвергаем эту книгу художественной оценке. Но имя автора настолько значительно и популярно, настолько принадлежит истории, что мы хотим ознакомить читателей с этой, по-видимому, случайной стороной деятельности виднейшего из участников белого движения. Поэтому мы, с согласия издательства, печатаем сегодня отрывок из очерка «Враги», показавшийся нам любопытным по цельности примиряющего чувства и психологической выдержанности».

Даже Троцкий накануне своего изгнания из Советского Союза съязвил, что некоторые русские генералы в эмиграции, вроде генерала Деникина, волею судеб научились хорошо владеть пером.

Заблуждение и Керенского, и Троцкого заключалось в том, что для Деникина роль писателя не была «случайной стороной» его деятельности, ибо еще до первой мировой войны он помещал в военных журналах свои статьи, заметки и короткие рассказы.

Газета «За свободу», издававшаяся в Варшаве, созданная Б. В. Савинковым, а затем руководимая Дмитрием Философовым, отозвалась на новую книгу А. И. Деникина следующей фразой: «Если будущие историки, стратеги и политики откажут А. Деникину в признании за ним дарований крупного военного вождя, то литературные критики охотно примут в лоно безусловно талантливых

писателей».

В то время как печатались эти обзоры, Антон Иванович уже работал над книгой «Старая армия», появившейся в печати годом позже.

XXXI НАБЛЮДЕНИЯ СО СТОРОНЫ

Антон Иванович внимательно присматривался к жизни русской эмиграции во Франции. В большинстве своем она состояла из людей интеллигентных профессий, и он с уважением отметил в ряде писем к знакомым, что эмигранты безропотно, с достоинством и простотой работают в чужой и непривычной обстановке: на фабриках, заводах, в шахтах, на парижских такси. Но его раздражали бывшие политические деятели. Ничему не научившись, они продолжали ссориться между собой, сводить старые политические счеты и вместо объединения образовывали серию враждебных друг другу кружков.

Деникину эта картина раздора была болезненно неприятна. Замкнувшись в себе и в своем писательском труде, он продолжал держаться в стороне от «эмигрантской склоки». В стороне стоял он и от Русского общевойскового союза и от великого князя Николая Николаевича.

В 1923 году, когда в правых кругах родилась мысль о руководстве великим князем «национальным движением», Кутепов прислал Деникину письмо, спрашивая его мнения по этому поводу.

«Я ответил: Николай Николаевич пользуется популярностью. Это — знамя, которое надо хранить на почетном месте. Но если он выступит официально, то ввиду современной международной обстановки и отсутствия крупных средств и возможностей ничего серьезного ему сделать не удастся. А годы бездеятельности набросят тень и на популярность, и на авторитет. По этому же вопросу у меня хранится переписка с митрополитом Антонием, который, невзирая на глубокое политическое расхождение, питал всегда ко мне расположение. Я не привел им тогда еще один мотив. Н. Н. в силу традиций своего рождения, воспитания, всей своей жизни мог идти только с определенным крутом сотрудников, который (я не говорю об отдельных личностях, а о круге людей и идей), на мой взгляд, был уже обречен.

И вот «знамя» поднялось. Ринулись к нему «знаменосцы», которые, как древние жрецы, про себя не очень-то верили в своих богов, но при народе воздавали им почести и того же требовали от народа, пока это было для них выгодно...

Через некоторое время в письме Кутепов сообщил мне, что Н. Н., относясь ко мне с большим уважением, хотел бы увидеться со мною и поговорить по многим важным вопросам. Я был поставлен в трудное положение. Разговор мог быть об общей политике и деятельности Николая Николаевича, а также об Общевойском союзе и, в частности, о Врангеле. По первому вопросу я мог только сказать, что по совокупности обстоятельств я не верю в положительные результаты миссии, взятой на себя Николаем Николаевичем, вернее навязанной ему определенными кругами. Но помимо личной обиды Н. Н. такое заявление вносило бы сомнение в его душу, а я придерживался правила — не мешать никому, кто желает бороться за Россию... По второму вопросу ввиду деликатного своего положения в отношении Врангеля я не хотел говорить вовсе... Я уклонился от свидания, совершенно искренне объяснив Кутепову мотивы. Как было передано Николаю Николаевичу, не знаю. Но сознание, что отказ от свидания мог быть воспринят им как личная обида, тяготил всегда мою совесть, тем более что к Н. Н. я относился с уважением».

Благодаря своим личным отношениям с генералом Кутеповым Антон Иванович был в курсе его подпольной работы в России. Кутепов доверительно беседовал с ним, иногда советовался, и чем больше Деникин узнавал дела Кутепова, тем больше они внушали ему опасения. И хотя деятельность Кутепова не имела непосредственного касательства к генералу Деникину, косвенно она сыграла большую роль в его жизни.

Деникин уважал Кутепова, прямого и храброго человека, отличного боевого офицера, но сомневался в его умении разбираться в сложных вопросах подпольной работы и политической конспирации, к которой у Кутепова не было ни подготовки, ни призвания. Он боялся, что советская тайная полиция сможет успешно использовать старый и испытанный в прошлом способ инфильтрации своими агентами подпольной организации противника.

Однако то, что случилось, превзошло все опасения Деникина.

ГПУ удалось не только ввести своих агентов в РОВС и со временем поставить их там на ответственные посты, но оно умудрилось создать легенду и заставить многих эмигрантов и даже иностранные разведывательные отделения (британскую, польскую, французскую «Сюртэ», финскую, разведки всех прибалтийских стран и Румынии) поверить в то, что в России существует тайная, креп-

ко сплоченная и большая подпольная монархическая организация, члены которой с целью саботажа проникли на видные должности в советские учреждения, что эта организация готовит переворот внутри страны и желает заручиться помощью иностранных держав, представителей русской политической эмиграции, и в первую очередь помощью Русского общевоинского союза.

Эта мифическая организация монархистов, получившая название «Треста», была изобретением главного управления ГПУ: Дзержинского, Артузова, Пилляра. Они тщательно подобрали себе агентов из бывших представителей старого правящего класса дореволюционной России. Предварительно обработав их в застенках ГПУ и запугав возможностью репрессий против семей, советская тайная полиция приобрела послушных исполнителей, которым поручила деликатные и сложные задания за границей.

Сорок лет спустя (в середине шестидесятых годов) в советской печати появились подробные сведения об этой детально продуманной провокации.

Задачи «Треста» сводились к следующему: перехватить каналы по которым иностранная разведка и белые эмигранты поддерживают связь с Россией, превратить их «в своего рода окошко», чтобы оттуда наблюдать за планами своих противников, дезинформировать иностранные разведывательные отделения и, умело маскируясь, проникнуть в лагерь эмигрантов, «подогревать в них недоверие друг к другу, возбуждать взаимные подозрения, вызвать споры». Но в первую голову заданием «Треста» было нейтрализовать боевой дух кутеповской организации, убедив ее руководителей в том, что «террор и диверсии» вредно отзовутся на подпольной организации внутри России.

В начале 1926 года с помощью «Треста» благополучно проехался по России В. В. Шульгин, тот самый Шульгин, который вместе с Гучковым явился к последнему императору с требованием о его отречении. Сила «подпольной» организации произвела на Шульгина огромное впечатление. Он был уверен в том, что агенты «Треста» охраняли его от всевидящего ока ГПУ, и, вернувшись обратно, описал свое путешествие в книге «Три столицы», так как побывал в Киеве, Москве, Петрограде.

Дав Шульгину разрешение печатать эту книгу, вернее сказать — посоветовав ему это сделать, ГПУ не учло одного существенного факта: книга не только создавала рекламу «всемогуществу» «Треста», она открывала глаза на то, что «Трест» есть мистификация ГПУ. И это напугало эмигрантов и разведывательные отделения иностранных держав, пользовавшиеся «каналами «Треста». Кутепов все же счел нужным делиться с его представителями кое-какими невинными, как он думал, сведениями.

Эти сведения, с точки зрения генерала Деникина, были далеко не невинными. В неопубликованной рукописи Антона Ивановича имеется следующая запись:

«Кутепов знакомил меня в общих чертах с ходом своей работы. По особому доверию он не остерегался называть и фамилии, но я останавливал его — в этом деле такая откровенность недопустима. И хотя я сам ограничивал свою осведомленность, тем не менее из рассказов Александра Павловича (Кутепова) я начал выносить все более и более беспокойное чувство. И однажды я сказал ему прямо:

«Нет у меня веры. На провокацию все похоже». На это Кутепов ответил: «Но ведь я ничем не рискую. Я «им» не говорю ничего, слушаю только, что говорят «они».

Впоследствии оказалось, что это не совсем так... Риск был немалый — головами активных исполнителей.

...Окончательно открыли мне глаза на большевистскую провокацию два обстоятельства: книга Шульгина «Три столицы» и эпизод с генералом Монкевицем.

Кутепов, зная мои квартирные затруднения, посоветовал мне переснять квартиру Монкевица в Фонтенбло, где его (Кутепова) семья проводила лето. Пока шла переписка, квартира оказалась уже несвободной. Приехав в Фонтенбло, я снял другой дом. (Это было осенью 1926 года). Вскоре встретились с генералом Монкевицем, который жил там с дочкой. Все — платье их, домашний обиход, довольствие — свидетельствовало о большой бедности...

Через несколько дней приходят к нам крайне взволнованные дети генерала Монкевица, дочь и сын, которого я до сих пор не встречал. Они дают мне прочесть записку отца, который пишет, что кончает жизнь самоубийством, запутавшись в денежных делах. А чтобы не обременять семью расходами на похороны, кончает с собой так, что труп его не найдут.

Тогда были только огорчения и жалость. Сомнения явились потом... Дочь Монкевица просила разрешения перенести к нам его секретные дела по кутеповской организации (она знала, что я в курсе этого дела), так как новой хозяйке, к которой они только недавно переехали, денег еще не заплачено и она может арестовать вещи. Да и полиция, узнав о самоубийстве, наверное вмешается. Я согласился. В несколько очередей принесли 5 или 6 чемоданов и свалили в нашей столовой. Жена понесла на почту мою телеграмму Кутепову о происшествии и с просьбой немедленно приехать и «взять свои вещи». Только через два дня приехал полковник Зайцев (ближайший помощник Кутепова по конспиративной работе) и в два или три приема увез бумаги. Я через него вторично пригласил Кутепова к себе для беседы.

Дело в том, что, желая припрятать от возможного обыска французской полиции хотя бы наиболее важное, мы с женой целые сутки перебирали бумаги. Кроме общей текущей и не очень интересной переписки в делах находилась и вся переписка с «Трестом» — тайным якобы сообществом в России, возглавляемым Якушевым (имел 3 псевдонима), работавшим с Кутеповым.

Просмотрев это, я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма «оттуда» были полны несдержанной лести по отношению к Кутепову: «Вы, и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится» и т. д. Про великого князя Николая Николаевича «Трест» говорил сдержанно, даже свысока; про генерала Врангеля — иронически. Описывали, как росло неимоверно число их соучастников, ширилась деятельность «Треста»; в каком-то неназванном пункте состоялся будто тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и, паче всего, осведомления.

К сожалению, веря в истинный антибольшевизм «Треста», Кутепов посылал ему периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно. Между прочим, в переписке имелся срочный запрос «оттуда»: что означает приезд в Париж на марковский праздник генерала Деникина и связанные с этим чествования? И копия ответа Кутепова, что политического значения этот факт не имеет, что добровольцы приветствовали своего бывшего Главнокомандующего, и только. Вообще «Трест» проявлял большое любопытство, и, увы, оно очень неосторожно удовлетворялось... Я не могу и сейчас сказать всего, что прочел в этой жуткой переписке...» (На рукописи А. И. Деникина не имеется даты, но нет сомнения, что она была написана в самом начале тридцатых годов. — Д. Л.).

«Обнаружился, между прочим, один факт частного характера, свидетельствующий о безграничном доверии Кутепова к «Тресту», но весьма прискорбный для нас».

И тут Антон Иванович описал случай со своим тестем. Отец Ксении Васильевны, Василий Иванович Чиж, остался в России. Жил он в Крыму, занимал маленькую должность на железной дороге. «Никто его пока не трогал — старого и нищего человека, не знали, кто он». У Деникиных возникла мысль перевезти его во Францию, и Антон Иванович попросил Кутепова навести справки через его организацию: возможен ли и сколько будет стоить его переезд. Причем оговорил, что можно указать только пункт его жительства и возраст, отнюдь не называя его фамилии и родства с Деникиными.

«Можно себе представить нашу скорбь, — писал генерал, — когда я прочел в кутеповском письме, адресованном «Тресту», что «Деникин просит навести справки, сколько будет стоить вывезти его тестя из Ялты!»»

Только несколько лет спустя через родственницу, выбравшуюся из России, Деникины узнали дату смерти тестя. Касаясь этого обстоятельства, Антон Иванович писал:

«Когда Кутепов пришел ко мне в Фонтенбло и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

— Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с «Трестом» я сказал ему уже не предположительно, а категорически: все сплошная провокация!

Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть «линии» и «окна», не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже все порвал».

К тому времени стало ясно, что щупальца ГПУ проникли во все подпольные организации внутри России. Не избежали их ни монархисты, ни социалисты-революционеры.

Опытный конспиратор Борис Савинков считал, что у него имеются «там» верные люди. Но эти «верные» люди, подвергшись пыткам в советских тюрьмах, заманили его в Россию и предали в руки ГПУ. То же случилось с известным агентом британской разведки Сиднеем Рейли, с князем Павлом Долгоруковым и со многими другими.

Савинкова большевики решили использовать в пропагандистских целях. Суд над ним был первой ласточкой из многочисленной потом серии судебных инсценировок, где, по шаблону, обвиняемый каялся в своих политических грехах против советской власти, заявлял, что признал, наконец, мудрость и справедливость коммунистического строя. Черчилль писал, что Советскому правительству удалось растоптать гордую душу Савинкова, очернить его память и, предварительно опозорив в глазах бывших друзей, связать его имя с клеймом Иуды Искариота.

А в неопубликованных рукописях А. И. Деникина имеется следующая заметка по этому поводу:

«В московском трибунале, во время инсценировки суда над ним, Савинков высказывал чрезвычайно резкие суждения обо мне и о правительстве Юга России, о том, как он нас поучал, требовал. Рассказывал также, как вместе с ним возмущался нами Черчилль... У меня было поначалу желание

огласить некоторые документы в опровержение его показаний, но потом раздумал: зачем вредить человеку обреченному».

В начале мая 1925 года Савинков покончил жизнь самоубийством в московской тюрьме. Такой, по крайней мере, была официальная версия коммунистической печати.

Трудно ожидать, чтобы конспиративным организациям эмигрантов удалось избежать инфильтрации советских агентов. Одним из первых, на кого пало подозрение, был генерал Монкевиц. В организации Кутепова он ведал сношениями с «Трестом». Тело Монкевица не нашли, и у многих, в том числе у С. П. Мельгунова, появилась мысль, а потом уверенность, что он бежал в советскую Россию. Однако якто не смог это ни доказать, ни опровергнуть.

О других агентах пока еще не знали, но через несколько лет, при заместителе генерала Кутепова, им пришлось сыграть решающую роль в делах РОВСа.

В апреле 1927 года сомнениям А. П. Кутепова пришел конец: главный сотрудник Якушева по делам «Треста» Опперпут (он же — Стауниц, Касаткин и человек, известный под многими другими псевдонимами) бежал из России в Финляндию и разоблачил Якушева и всю верхушку «Треста» как послушных агентов ГПУ; признался, что сам был агентом, но якобы раскаялся. Разоблачение Опперпута произвело ошеломляющее впечатление. В заграничных разведывательных отделениях, в русской эмиграции произошел невероятный переполох. Но это было только началом. Месяцем позже Опперпут с целью будто бы доказать свое искреннее раскаяние и свой подлинный антикоммунизм вернулся в Россию, чтобы совершить в Москве террористический акт. Отправился он туда с безусловно верным агентом генерала Кутепова... и оба исчезли. Некоторое время спустя советская печать сообщила о их смерти. Однако верно лишь то, что агент Кутепова действительно погиб. Что касается Опперпута, то были серьезные основания предполагать, что он остался жив и что в данном случае он снова выполнял задание ГПУ. Говорили, будто ГПУ решило окончательно дискредитировать «Трест» ввиду того, что доверие к нему за границей уже было подорвано, и попутно извлечь для себя пользу, поставив всю деятельность Кутепова под вопрос: он, мол, наивно поверил в легенду и миф...

Но у Кутепова были свои «окна» в Россию, которые он держал в тайне от агентов «Треста»; и, чтобы реабилитировать себя, он решил идти напролом.

Вскоре в Советском Союзе и за рубежом стало известно, что агенты Кутепова бросили бомбу в центральный клуб коммунистической партии в Ленинграде, а спустя некоторое время ими была брошена бомба в главную квартиру ГПУ в Москве на Лубянке...

В апреле 1928 года сорока девяти лет от роду скончался в Брюсселе генерал Врангель. А. П. Кутепов заменил его на посту председателя Общевоинского союза. В январе следующего года умер во Франции великий князь Николай Николаевич. Близко стоявший к нему генерал Лукомский говорил потом Антону Ивановичу, что великий князь «испытывал горькое разочарование во взятой им на себя миссии».

После его смерти генерал Кутепов стал главой всей военной организации русских эмигрантов. Он знал, что за ним по пятам следовали советские агенты. Но он не хотел иметь телохранителей, считая, что не имеет права расходовать на это и без того скромные средства, бывшие в его распоряжении. Тем не менее, по настоянию бывших добровольцев (образовавших «Союз галлиполийцев» в память пребывания армии в Галлиполи после конца белого движения), он согласился пользоваться услугами своих бывших соратников, а теперь парижских шоферов такси, которые, чередуясь, бесплатно возили его по Парижу и окрестностям в течение недели. По воскресным дням он решил не обременять этих людей лишней работой, и это решение привело к трагическому концу.

Через год газеты всех стран мира (кроме Советского Союза) оповестили своих читателей, что 26 января 1930 года среди бела дня бесследно исчез в Париже генерал Кутепов.

Ни у кого не было сомнения, что это дело рук большевиков. Французские газеты негодовали, многие требовали разрыва дипломатических отношений с Москвой.

В воскресенье 26 января в 10.30 утра генерал Кутепов вышел из своей парижской квартиры на улице Русселэ, сказав жене, что идет в церковь Галлиполийского союза на улице Мадемуазель и вернется домой к завтраку в час дня. Домой он больше не вернулся.

На основании свидетельских показаний, французская полиция установила с точностью все этапы похищения генерала Кутепова, вывоз его за пределы Франции и причастность к этому делу советских агентов. Но расследование длилось бесконечно долго, и, когда оно закончилось, французское правительство предпочло замять это дело и не рисковать отношениями с Советским Союзом.

Был свидетель, видевший, как утром 26 января на углу улицы Русселэ и Удино стояли два автомобиля, рядом с ними находились двое мужчин и человек в форме французского полицейского. Около 11 часов утра на улице появился господин среднего роста с черной, аккуратно подстриженной бородой, в темном пальто и фетровой шляпе. Вдруг один из стоявших мужчин неожиданно схватил его правую руку, другой — левую, и, несмотря на сопротивление, они втолкнули его в серо-зеленую

машину. На сиденье рядом с шофером вскочил полицейский, и оба автомобиля понеслись в направлении бульвара Инвалидов. По фотографии свидетель признал в господине с черной бородой генерала Кутепова. Еще один свидетель видел борьбу, происходившую в серо-зеленом автомобиле. Участие «полицейского» в этом деле успокоило обоих свидетелей. Они решили, что просто арестовали преступника. На мосту Альма, где обе машины попали в автомобильный затор, одна дама заметила, как в серо-зеленом «альфа-ромео» один из пассажиров держал над лицом другого платок; как полицейский выскочил с переднего сиденья и принялся регулировать уличное движение, чтобы скорее выбраться из образовавшейся на мосту пробки. На ее вопрос, что случилось с господином в автомобиле, полицейский ответил, мол, «несчастному» разбило ноги в автомобильной катастрофе и ему дают дышать эфиром. Оба автомобиля видели на дорогах, ведущих к побережью Нормандии. И, наконец, пара влюбленных с интересом и недоумением наблюдала из-за дюн на пустынном пляже между Кабургом и Трувилль, как около четырех часов дня подъехали туда два автомобиля, один серо-зеленый, другой — красное такси. Недалеко от берега в то время маячила моторная лодка, а вдали на якоре стоял пароход. При виде автомобилей моторная лодка быстро направилась к берегу, но вплотную к нему подойти не смогла. Тогда двое мужчин и полицейский с женщиной «в бежевом пальто» взвалили на плечи и потащили в море большой и длинный предмет, обернутый мешками, положили его на дно лодки, в которую вслед затем вскочили двое мужчин, несших таинственный груз. Моторная лодка понеслась к стоявшему на якоре пароходу. Приняв груз и двух пассажиров, пароход снялся с якоря. Пароходом этим оказалось советское судно «Спартак», накануне неожиданно покинувшее Гавр. Оба автомобиля, с псевдополицейским и с женщиной «в бежевом пальто», быстро направились обратно в Париж.

Следствие установило, что в одном из парижских магазинов, сдающих костюмы на прокат, за некоторое время до похищения Кутепова был взят костюм полицейского. Фамилия и адрес человека, взявшего, его на прокат, оказались фиктивными.

Владимир Бурцев, разоблачивший в свое время провокацию Азефа, энергично взялся за расследование кутеповской истории. Частным образом помимо полиции он снесся с неким Фехнером, только что бежавшим от большевиков с поста «резидента ГПУ» в Берлине и скрывавшемся в Германии. Фехнер был в курсе дела. Он сообщил Бурцеву имена четырех лиц, руководивших похищением Кутепова, из которых главными были названы два агента ГПУ, состоявшие при советском посольстве во Франции: Владимир Янович и Лев Гельфанд, имевший звание второго секретаря посольства, причем на первого из них указывали как на фактического участника похищения. Гельфанда же, как парижского «резидента ГПУ», называли главным руководителем. Оба исчезли из Парижа. Впоследствии их имена всегда связывались с похищением генерала Кутепова как в русской зарубежной печати, так и в иностранной.

Яновичу не повезло. Как говорят, его прикончили в конце тридцатых годов во время сталинской чистки.

Жизнь Гельфанда сложилась более удачно. Племянник известного Гельфанда-Парвуса, он снова всплыл на дипломатическом горизонте, на этот раз в советском посольстве в Риме, куда правительство Сталина назначило его послом и откуда при содействии графа Чиано (муж Эдды Муссолини был министром иностранных дел Италии) и с помощью американского посольства в Риме Гельфанду с семьей удалось тайком перебраться в Соединенные Штаты. Дабы отблагодарить американскую разведку за гостеприимство, ему, несомненно, пришлось поделиться с ней кое-какими сведениями. Вряд ли американцам пришло в голову расспросить Гельфанда о его участии в похищении генерала Кутепова. Так или иначе, сразу переменяв фамилию, он благополучно занялся коммерцией. Невзирая на то что ГПУ в то время ловко истребляло своих бывших агентов (Вальтер Кривицкий, убитый в Вашингтоне, Игнац Рейсс, убитый в Лозанне, и т. д.), Гельфанду под чужой фамилией удалось спокойно прожить много лет в Нью-Йорке, пока он не умер естественной смертью, унеся с собой в могилу тайну парижского преступления.

О руководящей роли Советского правительства в похищении генерала Кутепова московская печать впервые сообщила в 1965 году. «Красная звезда» поместила заметку генерал-полковника авиации в запасе Н. Шиманова, который, желая реабилитировать бывшего чекиста С. В. Пузицкого, расстрелянного Сталиным, писал:

«Он (Пузицкий) участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова...»

О том, как произошел «арест» Кутепова, мы уже знаем (хотя и не знали раньше о роли в нем Пузицкого), но участь генерала осталась тайной. Известный врач и хирург профессор И. А. Алексинский, пациентом которого был А. П. Кутепов, утверждал, «что вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков», а следовательно, эфир или хлороформ, которым злоумышленники пытались его усыпить в автомобиле, могли оказаться смертельными.

XXXII СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ

Случившееся с Кутеповым сильно задело Антона Ивановича и по другим причинам, не только личным.

Дело в том, что помимо кутеповской существовала (как признался сам генерал Деникин) «одна интимная противобольшевистская организация», в которой среди немногих других участвовал и Деникин.

Об этой организации Антон Иванович предпочел не распространяться. Но упоминание имени С. П. Мельгунова, как одного из участников заседаний, связывает генерала с «комитетом Мельгунова», о чем сам Мельгунов рассказывал в 1955 году в серии газетных статей, озаглавленных «Загадки в деле генерала Кутепова», Сведения, сообщенные Мельгуновым об его комитете, отличались большой осторожностью, но все же они давали представление о том, что работа его, с точки зрения Советского правительства, была далеко не невинна.

«Я не имел никакого отношения к работе кутеповской организации в России,—писал Мельгунов. — Мои связи с Александром Павловичем ограничивались получением... информации, которая приходила к Кутепову через дипломатов одного лимитрофного государства, обязательством, принятым на себя Кутеповым, переправлять через рубеж определенное количество экземпляров «Борьбы за Россию» (антикоммунистический журнал, издававшийся в Париже С. П. Мельгуновым) и участием в комитете, созданном со специальной целью собирать деньги и распределять их среди организаций, активно участвующих в борьбе с большевизмом. В бюро этого комитета входили авторитетный для промышленников Гукасов, генералы А. И. Деникин и А.П.Кутепов, А. П. Марков (ближайший тогда сотрудник Милюкова), М. М. Федоров и я».

Для тех, кто давал деньги на активную борьбу с большевизмом, имена Деникина и Мельгунова являлись гарантией личной честности. «Интимная организация»имела, однако, более широкие задания, чем те, о которых сообщил Мельгунов. Факт, что и Мельгунов, и Деникин проявили себя неплохими конспираторами. Если Антон Иванович и делал по этому поводу заметки в своих личных бумагах, то он предусмотрительно их изъясил и уничтожил. То же произошло с архивом С. П. Мельгунова. Тем не менее архив дает представление о весьма значительной деятельности, которая вдруг круто и внезапно оборвалась в 1930 году.

Нет сомнения, что оборвалась она потому, что советские агенты проникли во все организации русских эмигрантов. История с Кутеповым была тому болезненным примером,

«В 30-м году, разочаровавшись в эмигрантской политике, — писал Мельгунов — мы с женой уехали в деревню и сделали фермерами».

То же произошло и с Антоном Ивановичем.

Осенью 1930 года Деникины переехали на ферму Мельгуновых недалеко от Шартра. Сергей Петрович Мельгунов любезно предложил Антону Ивановичу пользоваться своей обширной исторической библиотекой, генерала это устраивало. Но, как часто бывает, одна кухня оказалась слишком тесной для двух хозяек, да и характер Сергея Петровича, человека благородного и достойного, оказался весьма сварливым и тяжелым в домашней обстановке. Одним словом, весной 1931 года, когда Деникиным представилась возможность переехать в другое место, расставание вызвало вздох облегчения у обеих сторон, не затронув, однако, взаимного друг к другу уважения.

После похищения Кутепова люди, близкие к генералу Деникину, тревожились за его личную безопасность. Он слишком много знал:

его участие в «интимной организации»Мельгунова не могло быть тайной для большевиков, следивших за каждым шагом Кутепова, также посещавшего заседания мельгуновского комитета. Кроме того, само имя Деникина было ненавистно советской власти. Это сильно беспокоило Н. И. Астрова, и в ответ на его вопрос Антон Иванович

писал:

«Что касается безопасности... то она везде под сомнением. Бог не выдаст...»

И надежда на провидение на этот раз вполне оправдалась. Только случай уберет генерала Деникина, никогда не принимавшего мер предосторожности, от участи, постигшей Кутепова.

Преемник А. П. Кутепова генерал Евгений Карлович Миллер, в прошлом возглавлявший белое движение на Севере России, до своего вступления на новый пост занимал должность первого товарища председателя и казначея Общевоинского союза. Он был тактичным, мягким и осторожным человеком консервативных взглядов, хорошо образованным офицером Генерального штаба. Военная служба его прошла в административно-штабной работе. Для большинства членов РОВСа, участвовавших в гражданской войне на Юге России, он был совершенно чужим человеком. Они относились к нему скептически. Миллер принял наследие Кутепова против собственного желания, из чувства дол-

га. Его ближайшей целью было сохранить организацию, не дать ей развалиться. Приходилось действовать очень осторожно.

Антон Иванович познакомился с генералом Миллером только в Париже, и отношения их ограничивались случайными фразами в официальных собраниях.

Одним из таких официальных сборищ было празднование в 1937 году двадцатилетия Корниловского полка. Решено было отметить это событие двумя богослужениями: всенощной и панихидой в субботу вечером 18 сентября в церкви галлиполийцев и молебном с выносом знамен после литургии в воскресенье утром 19-го в Александро-Невском соборе и Париже на рю Дарю. В эти дни назначено было также юбилейное собрание, посвященное знаменательной годовщине, и многолюдный банкет в обществе галлиполийцев, на который почетным гостем приглашен был генерал Деникин.

Лето 1937 года он провел в местечке Мимизан (департамент Ланды) вблизи Атлантического океана. Семья еще оставалась там, наслаждаясь теплой осенью на океанском побережье. Приехав в Париж на корниловские торжества, Антон Иванович собирался пробыть в городе всего лишь несколько дней, кстати привести в порядок свою квартиру после летнего отсутствия, а затем вернуться в Мимизан, чтобы перевезти жену и дочь на зимний сезон в город.

Организатором корниловского праздника был Николай Владимирович Скоблин. Ему было тогда 45 лет. Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, с черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне приятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность; Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику, взгляд его всегда скользил по сторонам... Вступив в Добровольческую армию в чине штабс-капитана, Скоблин проделал все ее походы и закончил боевую службу при Деникине начальником Корниловской дивизии, а при Врангеле произведен был в 1920 году в генерал-майоры. Человек большой личной храбрости, Скоблин имел военные заслуги и в то же время значительные недостатки. Он отличался холодной жестокостью в обращении с пленными и населением. Честолюбие, желание возможно скорее выдвинуться и преуспеть заслоняли в нем идеологическую сторону борьбы. В полку его недолюбливали, осуждали за карьеризм и за неразборчивость в средствах. По тем же причинам недолюбливало его и непосредственное начальство. Но в суровые дни и однополчанам, и начальству приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недостатки. По инерции это отношение к Скоблину сохранилось и после гражданской войны. В памяти его бывших соратников, попавших в эмиграцию, неприятности сгладились и остались воспоминаниями о молодом и храбром офицере. Тем не менее время от времени сказывались и теневые стороны этого человека, ставя знак вопроса над его моральным обликом.

Скоблин был женат на Надежде Васильевне Плевицкой. Дочь крестьян Курской губернии, она еще девочкой убежала из родной деревни с труппой бродячего цирка. Вскоре обнаружили ее незаурядный голос и большие артистические способности. Через несколько лет они принесли ей славу, деньги и почетное звание «солистки Его Величества». Имя Плевицкой, талантливой исполнительницы народных песен, стало известно по всей Во время гражданской войны она осталась в советской зоне и выступала перед красными, у которых офицером служил ее второй муж. Вместе с ним она попала в плен осенью 1919 года в Корниловскую дивизию, которой командовал Скоблин. В 1921 году в Галлиполи Плевицкая стала его женой. На семь лет моложе Плевицкой, Скоблин, ее третий муж, всецело попал под влияние жены. Необразованная и малограмотная, она была чрезвычайно умна и обладала тем свойством талантливой актрисы, которое давало ей возможность, при желании, перевоплощаться то в беспомощную, слабую, простую, доверчивую и добрую женщину, то в существо твердое, как камень, где человеческое чувство жалости и сострадания отбрасывалось в сторону, где доминировал холодный расчет. Но это свойство ее характера обнаружилось лишь тогда, когда цель, ею намеченная, была почти достигнута, когда только благодаря чистой случайности выявилась руководящая роль Плевицкой и Скоблина в преступлении, на шумевшем на всю Европу.

Не в пример другим бывшим добровольцам, Скоблин не утруждал себя работой. Под видом агента своей жены он разъезжал с ней по разным странам с концертами. В начале двадцатых годов она еще пользовалась большим успехом, особенно во вновь образованных Прибалтийских государствах, где население знало русский язык и где была еще свежа память о ее прошлых успехах. В 1927 году она с мужем приехала в турне в Соединенные Штаты, и на русском благотворительном вечере в нью-йоркском отеле «Плаза» Сергей Васильевич Рахманинов, большой поклонник ее таланта, неожиданно для всех сел за рояль в скромной роли аккомпаниатора. Жест Рахманинова создал Плевицкой большую рекламу в Америке. Но в конце двадцатых годов в русской колонии Парижа стало известно, что концертные дела Плевицкой плохи, для супругов Скоблиных настали тяжелые дни. И вдруг все переменялось. Неизвестно откуда появились деньги. Скоблины купили двухэтажный дом в Озуар ла Ферьер, в 50 минутах езды поездом от станции Гар де л'Эст в Париже. Купили автомобиль. Неожиданное и непонятное денежное благополучие Скоблиных возбудило подозрения. Но Скоблины хорошо угощали нужных им людей, и это притупляло излишнее любопытство и сплетни. Немного стран-

ным казалось то, о чем говорил своим гостям хлебосольный хозяин, а именно, что Миллер ничего не делает, боится собственной тени, что старого штабного генерала пора заменить молодым, боевым и энергичным офицером. За интригой Скоблина скрывалось намерение пробраться к власти в Общевоинском союзе.

И как ни странно, генерал Миллер, имевший немало оснований остерегаться Скоблина, избрал его на очень ответственный пост. В РОВСе была тайная организация, носившая название «внутренней линии». С одной стороны, она занималась слежкой за собственными членами и подозрительными эмигрантами. С другой — подбором надежных сотрудников для «внешней линии», то есть для работы в СССР. В 1935 году генерал Миллер поставил Скоблина во главе «внутренней линии»... Но вскоре из пограничных с Россией государств поступили тревожные сведения. Военная разведка Финляндии дала знать Миллеру через представителей РОВСа в Гельсингфорсе, что она подозревает Скоблина в сношениях с большевиками. В русской колонии Парижа пошли слухи о связи Скоблина с советской агентурой. Обвинения против него разбирались судом чести, состоявшим из старших генералов. Но за отсутствием доказательств виновности Скоблин был реабилитирован. Тем не менее в конце 1936 года Миллер отстранил его от работы по «внутренней линии». Миллер не верил Скоблину, но таинственные причины, побуждавшие осторожного Миллера не порывать со Скоблиным, остались неизвестны.

В такой запутанной ситуации отмечались корниловские торжества, хозяином которых был Николай Владимирович Скоблин. Журнал «Часовой», «орган связи русского воинства и национально-го движения за рубежом», издававшийся в Брюсселе, сообщал, что «в следующем номере «Часового» будет отмечено это знаменательное событие».

Но следующий номер вышел с заголовком: «Злодейское похищение генерала Миллера!»

На торжественном заседании в галлиполийском собрании в центре председательского стола сидел Скоблин, справа от него — генерал Деникин, слева — генерал Миллер.

Антон Иванович уже давно не любил Скоблина и не доверял ему. Но он не знал всего того, что было известно Миллеру. Приехав в Париж почтить память генерала Корнилова, твердо решил не проявлять неприязнь к Скоблину. Искренне радовался предстоявшей встрече со многими «первопроходниками», которые вместе с ним, Корниловым и Алексеевым в темную ночь уходили из Ростова в неизвестность, в холодную снежную степь, «чтобы зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...». Радовался он встрече с дочерью генерала Корнилова, Натальей Лавровой Шапрон дю Ларре. Как и Деникин, Шапроны специально приехали в Париж. Жили они в Брюсселе, и на парижском вокзале Гар дю Нор их с почетом и цветами встретили устроитель корниловского юбилея Н. В. Скоблин и жена его, Плевицкая.

Фактически официальная часть торжества закончилась в воскресенье 19 сентября. Но некоторые из почетных гостей задержались на несколько дней с отъездом из Парижа. Шапроны возвращались в Бельгию в среду, 22 сентября, Скоблин вызвался проводить их на вокзал. Затем ему было необходимо сделать серию визитов.

Этот день Скоблин тщательно продумал и разработал не только по часам, но и по минутам. Все время он должен был быть на виду. Ему необходимо было алиби, чтобы замести следы задуманного им преступления.

В среду утром 22 сентября генерал Миллер, как обычно, вышел из своей скромной квартиры в Булони и направился в канцелярию РОВС на рю дю Колизе, 29. В руках он держал темно-коричневый портфель. Около 12 часов дня он ушел из канцелярии РОВСа, предупредив одного из помощников, генерала П. В. Кусонского, что у него деловое свидание в городе, после которого он вернется обратно. Перед уходом, однако, он дал Кусонскому неожиданное указание. Генерал Миллер просил вскрыть конверт и прочесть вложенную в него записку, если он не вернется.

Записка была следующего содержания:

«У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и улицы Раффэ, и он должен пойти со мною на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штротманом, и с господином Вернером, причисленным к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, и на всякий случай я оставляю эту записку».

Под письмом стояли подпись и дата.

С этого свидания генерал Миллер не вернулся.

По оплошности Кусонского, забывшего о письме, конверт был вскрыт только около 11 часов ночи, после того, как взволнованная отсутствием мужа жена генерала Миллера потребовала, чтобы служащие РОВСа дали знать полиции.

Записка Миллера ошеломила Кусонского и адмирала Кедрова, заместителя генерала Миллера в Общевоинском союзе. Ночной вызов на рю дю Колизе настолько встревожил жену адмирала, что она тоже приехала в канцелярию. Туда же явился один из офицеров организации, которого потом послали в гостиницу за Скоблиным. Не сообщившему, однако, о записке, оставленной Миллером. И это

оказалось большой оплошностью.

Было около часу ночи. Скоблин и Плевицкая уже легли спать. Скоблин вполне спокойно принял известие об исчезновении генерала Миллера, оделся и налегке, без шляпы, с летним черным пальто, перекинутым через руку, отправился на рю дю Колизе в такси вместе с присланным за ним офицером. Спокойно поднялся он по лестнице в канцелярию РОВСа, оставив позади в прихожей приехавшего с ним офицера и жену адмирала Кедрова.

В канцелярии на него набросились с вопросами взволнованные Кусонский и Кедров. Не подозревая о существовании изобличающего его документа, Скоблин спокойно отвечал, что не видел генерала Миллера с прошлого воскресенья. Но, когда ему предъявили записку, он изменился в лице и на мгновение потерял самообладание. Однако, поборов смятение, он продолжал настаивать, что Миллера он не видел, что в 12.30 дня он с женой обедал в русском ресторане и что это могут подтвердить свидетели. Тогда адмирал Кедров потребовал, чтобы Скоблин и присутствующие отправились в полицию. Перед уходом Кусонский и Кедров решили наедине обменяться мнениями. Оставив их вдвоем, Скоблин воспользовался минутной заминкой. Он вышел из канцелярии, прошел мимо жены Кедрова и посланного за ним офицера (который все еще не знал о записке Миллера) и первым вышел на лестницу. Когда Кусонский и Кедров появились из канцелярии РОВСа, Скоблин исчез. Его не было ни на лестнице, ни на улице...

Этой ночью его видели только в двух местах. Около четырех часов утра он появился в гараже на углу бульвара де Пресбург и Порт дэ Терн, где работал муж его сестры. Не застав его, Скоблин ушел. Ночной сторож гаража, говоривший с ним, сообщил потом полиции, что Скоблин был бледен и растрепан. Минут через пятнадцать он разбудил в Неи жену бывшего корниловского офицера, занял у нее 200 франков, сказав, что потерял свой бумажник. Пообещав вернуть свой долг на следующий же день, Скоблин ушел, и с этого момента след его навсегда был потерян.

Загадочное исчезновение генерала Миллера вызвало такую же сенсацию в печати, как и исчезновение генерала Кутепова. Оно взбудоражило весь Париж.

По распоряжению французских властей было установлено наблюдение на всех железнодорожных вокзалах, во всех морских портах и на пограничных станциях. Туда же передали описание наружности Скоблина с приказанием его задержать. Но время было упущено. Французское расследование в точности восстановило события 22 сентября 1937 года и их хронологию. В общих чертах они были повторением того, что случилось с Кутеповым.

Место, назначенное Скоблиным для свидания с Миллером, находилось в районе, где советское посольство в Париже владело несколькими домами. И кроме того, нанимало дома для своих агентов и для служащих различных миссий. В квартале от перекрестка, где рю Жасмен пересекает рю Раффэ, стоял особняк на бульваре Монтморанси. Там находилась школа для детей служащих советского посольства. Она была закрыта на время летних каникул. Из окна одного из соседних домов свидетель, знавший и Миллера, и Скоблина, видел их у входа в это пустое школьное здание. Скоблин приглашал Миллера войти. С ними был еще один человек крепкого телосложения, но он стоял спиной к свидетелю. Это происходило около 12.50 часов дня. Минут десять спустя перед входом в школу появился закрытый грузовик серого цвета. Он же с дипломатическим номером появился около четырех часов пополудня в Гавре и остановился на пристани рядом с торговым пароходом «Мария Ульянова». Автомобиль был пыльным и грязным. В будний день путешествие на автомобиле из Парижа в Гавр (расстояние в 203 километра) можно было без труда преодолеть за три часа. Из автомобиля выгрузили тяжелый на вид деревянный ящик длиной приблизительно в шесть, а шириной — в два с половиной фута. И сразу же с помощью четырех советских матросов осторожно и бережно перенесли его по трапу на пароход. Вскоре «Мария Ульянова» неожиданно для портовых властей и без обычного предупреждения развела пары, снялась с якоря и вышла в открытое море, не успев даже закончить разгрузку.

Портовый инспектор, зашедший по делам к капитану «Марии Ульяновой», сообщил потом полиции, что во время их разговора в каюту спешно вошел человек, что-то сказал капитану по-русски, после чего тот сообщил, что получил радиogramму, требующую его немедленного возвращения в Ленинград. Инспектор обратил внимание на то, что подобные требования обычно направляются к агенту пароходного общества, а не непосредственно к капитану. Сходя с парохода, он видел стоящий рядом грузовик, которого за 25 минут до этого там еще не было.

По дипломатическим номерам машины выяснилось, что грузовик был куплен советским посольством за месяц до исчезновения генерала Миллера.

На следующий вечер Эдуард Даладьё, бывший тогда министром национальной обороны французского правительства, вызвал к себе советского посла. Сообщив ему о серьезных уликах и газетном шуме, поднявшемся вокруг похищения генерала Миллера, он предложил послу потребовать, чтобы пароход «Мария Ульянова» немедленно вернулся во Францию. Но советский посол принял меры предосторожности. При содействии некоторых членов французского кабинета (Ориоля и Дармуа),

опасавшихся грандиозного политического скандала в момент обостренных отношений с Германией, он добился, чтобы просьба Даладь не была удовлетворена. А членам кабинета Ориолю (будущему президенту Франции, а тогда министру юстиции) и Марксу Дарм (министру внутренних дел) удалось на время скрыть показания французских чиновников в Гавре.

Таким образом, из-за политических соображений официальная версия расследования, замалчивав участие советского посольства в преступлении, выставляла Скоблина непосредственным виновником похищения. В расписании его дня оказался необъяснимый прорыв в полтора часа, как раз в то время, когда Миллер должен был встретиться со Скоблиным. Бегство же Скоблина явно указывало на его виновность.

Со временем выяснилось, что Скоблин был советским агентом с конца двадцатых годов. И также связан был с немецким гестапо.

Обыск в доме Скоблиных и дальнейшее расследование дела установили причастность Плевицкой к преступлению. Причем неожиданно для всех оказалось, что «семейная» Библия в зеленом переплете служила ключом для зашифрованной переписки.

Во время судебного процесса над Плевицкой среди многих других был вызван в суд для допроса и бывший поверенный в делах советского посольства в Париже Г. З. Беседовский, бежавший от большевиков в 1929 году. Под присягой он сообщил, что в свое время уже известный нам парижский агент ГПУ Владимир Янович говорил ему, что у него имеется свой «человечек» возле самого Кутепова и что человек этот «женат на певице». Помимо Беседовского многие свидетельства связывали Скоблина и Плевицкую с советской агентурой еще в то время, когда во главе РОВС стоял генерал Кутепов. Только тогда обратили внимание на странное обстоятельство: не будучи в близких отношениях с женой генерала Кутепова, Плевицкая тем не менее не отходила от нее в течение первых нескольких дней после исчезновения генерала. Под видом сочувствия горю госпожи Кутеповой эта женщина, по видимому, следила за действиями полиции в расследовании дела Кутепова.

В свою очередь Скоблин настойчиво уговаривал Антона Ивановича отправиться вместе с ним на автомобиле в Брюссель, чтобы поприсутствовать на банкете местных корниловцев.

«Поезжайте со мной, ваше превосходительство! — говорил Скоблин. — Я повезу вас в моей машине. Если хотите, можно выехать завтра, в четверг».

Антон Иванович сухо отказался от предложения. Назойливость Скоблина показалась ему на этот раз подозрительной. Скоблин отлично знал, что бывший Главнокомандующий к нему не расположен, что в течение десяти лет он избегал даже разговоров с ним. И тем не менее вот уже три дня подряд Скоблин упорно, под разными предлогами пытался навязать себя в шоферы к генералу Деникину: сначала он появился на квартире генерала в Севре. Поблагодарив его за приезд в Париж, Скоблин тут же предложил в виде ответной любезности лично отвезти Антона Ивановича в тот же день на автомобиле к семье в Мимизан. Просьба была выражена в почтительной, но настойчивой форме. Во время разговора неожиданно для Скоблина в комнату вошел преданный Деникину казак, человек рослый, сильный и широкоплечий, с которым Антон Иванович заранее сговорился, чтобы тот натер полы и привел в порядок помещение. Разговор оборвался. Скоблин откланялся и ушел. Из окна квартиры Антон Иванович заметил, что в машине Скоблина сидели два совершенно незнакомых ему субъекта... Затем последовало второе предложение доставить генерала на автомобиле согласно с его желанием или обратно к семье в Мимизан, или в Бельгию на местный корниловский банкет. И, наконец, третье предложение, сделанное в присутствии полковника Трошина и капитана Григуля, отвезти его на следующий день, 23 сентября, в Брюссель.

Только 24 сентября, узнав из газет о том, что случилось, и о бегстве Скоблина, Антон Иванович понял, насколько сам он был близок к участи, постигшей генерала Миллера, ибо неизвестно, чем бы закончился первый визит к нему Скоблина. Почему Советское правительство готово было идти на огромный риск, дабы похитить человека, фактически стоящего в стороне от активной борьбы с ним?

В своих бумагах Антон Иванович не обмолвился по этому поводу ни словом. Не пожелал он также беседовать на эту тему с осаждавшими его газетными корреспондентами, которые сухо отметили это обстоятельство замечкой: «Генерал Деникин никого не принимает». Но причин могло быть несколько. Несмотря на все изгибы судьбы, имя генерала Деникина пользовалось большим уважением в широких кругах эмиграции, к его мнению прислушивались. А отношение его к коммунизму оставалось непримиримым. Захват такого противника в принципе соответствовал желанию советской власти, ведь похищение Деникина одновременно с похищением Миллера внесло бы невероятное смятение в ряды эмиграции. Неизбежно явилось бы ощущение, что Москва и за пределами СССР распоряжается судьбой своих политических противников, как у себя дома. Но возможно, что имелась и более существенная причина: Деникин давно уже скептически относился к Скоблину и после исчезновения генерала Миллера он не допустил бы его в Общевоинском союзе на руководящие посты. Он был преградой, о которую могли разбиться честолюбивые замыслы советского агента и провокатора Скоблина. Кроме того, Деникин очень многое знал.

Но мысли Антона Ивановича о том, что с ним могло случиться меркли перед тем, что произошло... А в душе кипело невыразимо гадливое чувство отвращения к подлости человека, павшего в бездну Иуды Искарота, Азефа и других предателей, продавших свою совесть за тридцать сребреников.

До суда Плевицкая провела более 14 месяцев в предварительном заключении в женской тюрьме «Петит Рокетт». Судебный процесс над ней, привлечший внимание всей Франции, начался 5 декабря 1938 года. Одним из двух ее адвокатов был Максимилиан Максимилианович Филоненко, тот самый, который в августе 1917 года, будучи комиссаром Временного правительства при Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве и принимая участие в Корниловском мятеже, заявил потом в беседе с журналистами: «Я люблю и уважаю генерала Корнилова.., но его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой...» После захвата власти большевиками Филоненко перебрался в Париж и получил право адвокатской практики во Франции.

Представителями гражданского иска, то есть адвокатами семьи генерала Миллера, были: известный Морис Рибэ и А. Н. Стрельников, в прошлом офицер белой армии.

Генерала Деникина вызвали в суд для свидетельских показаний. Его допрос был подробно описан 10 декабря 1938 года в парижской газете «Последние новости», выходившей под редакцией профессора П. Н. Милюкова:

«Появление генерала А. И. Деникина вызывает сенсацию. С любопытством поднимаются головы, чтобы разглядеть бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Генерал медленной поступью проходит через зал и занимает свидетельское место. Свое показание он дает по-русски, через переводчика, короткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд.

На обычный вопрос о том, состоит ли свидетель в родстве или свойстве с обвиняемой, генерал А. И. Деникин отвечает: «Бог спас!»

О похищении генерала Кутепова и генерала Миллера свидетель знает «не больше других».

Председатель: Знали ли вы Скоблина?

Ген. Деникин: Знал. Скоблин с первых дней участвовал в Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Встречался в военных собраниях, но никогда не разговаривал и не здоровался.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Никогда не был знаком, не посещал ее дома, не разговаривал и даже ни на одном концерте ее не был. За несколько дней до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с ней на корниловском банкете.

Прокурор Флаш: Скоблин был у вас с визитом 22 сентября? Ген. Деникин: Скоблин, капитан Григуль и полковник Трошин приехали благодарить меня за участие в корниловском банкете. В то время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин совершить в его автомобиле путешествие в Брюссель, на корниловский праздник?

— Предлагал раньше два раза совершить поездку в его автомобиле, то было третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда... вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы его опасались или ее?

— Обоим не доверял.

Морис Рибэ напоминает суду, что генерал А. И. Деникин был начальником штаба Верховного Главнокомандующего в 1917 году.

.....
М. М. Филоненко: Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете?

Ген. Деникин: Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении?

— Убежден.

Стороны отказываются от дальнейших вопросов, и суд отпускает свидетеля».

Плевицкая ни в чем не призналась, отрицала свою вину, убеждала, что она «чиста как голубь». Но во время следствия Плевицкая совершенно запуталась в противоречиях. Алиби, заранее созданное

ею совместно со Скоблиным, окончательно провалилось, и совокупность улик против нее оказалась настолько подавляющей, что суд приговорил ее к двадцати годам каторги.

Через несколько лет она умерла в тюрьме, так и не открыв своей тайны.

В связи с этим мрачным происшествием напрашиваются три вопроса. Зачем Советскому правительству понадобился семидесятилетний старик генерал Миллер, человек тихий и бездеятельный, за семь лет пребывания которого во главе РОВС ничего не было сделано? Что случилось со Скоблиным? Почему французское правительство, явно желавшее наладить отношения с Советским Союзом, терпело на своей территории организацию, не только враждебную коммунистической Москве, но созданную для подрывной работы внутри СССР?

По вполне понятным причинам, ответы на первые два вопроса хранятся в засекреченных архивах Москвы, а на третий вопрос — в Париже. Но среди обывательских догадок наиболее правдоподобными кажутся следующие.

Осторожный генерал Миллер подозревал Скоблина в сношениях с большевиками, а также в сношениях с германским гестапо и, быть может, ждал лишь случая, чтобы иметь в своих руках достаточно веские тому доказательства. Тогда во всеоружии он мог разоблачить этого агента-provokatora. Кроме того, Е. К. Миллер мог знать через иностранные разведывательские отделения имена людей, которыми пользовались для получения сведений из СССР. В области военной разведки генерал Миллер не был новичком. Его предыдущая штабная работа проходила, между прочим, на постах русского военного агента в Брюсселе, Гааге и Риме. И эти соображения, вместе взятые, могли объяснить желание Москвы заполучить его живым, чтобы заставить дать нужные сведения.

Бесследное исчезновение Скоблина осталось неразгаданным. Однако несколько лет спустя, когда во время второй мировой войны германские войска заняли Париж, гестапо произвело обыск в канцелярии РОВСа и обнаружило весьма интересные факты. В доме 29 на рю дю Колизе некий Сергей Николаевич Третьяков, родственник основателя знаменитой Третьяковской галереи в Москве, купил три квартиры. Одну он сдавал Торгово-промышленному союзу, состоявшему из богатых в прошлом коммерсантов, не потерявших надежду восстановить со временем свои права в России. Другую квартиру Третьяков сдавал РОВСу, а в третьей, находившейся этажом выше, жил он сам. Гестапо обнаружило в помещениях РОВСа и Торгово-промышленного союза аппараты для подслушивания. Все микрофоны были соединены с квартирой Третьякова... Бывший богатый коммерсант оказался советским агентом, состоявшим на службе у большевиков уже много лет. Немцы арестовали Третьякова, увезли его в Германию, след его затерялся. Вполне возможно, что Скоблин, исчезнувший из помещения РОВСа, не бежал на улицу, а попросту, поднявшись этажом выше к Третьякову и переждав там некоторое время, скрылся. Любопытно также, что во время своего процесса Плевицкая настаивала, чтобы ее адвокат Филоненко обратился за денежной помощью к Третьякову. «Он денег должен достать! — писала из тюрьмы Плевицкая. — Денег достать можно с помощью Третьякова!»

Куда бежал Скоблин? Говорили, что в охваченную гражданской войной Испанию, в ту часть ее, где Москва воевала против генерала Франко, и что там коммунисты его прикончили, как уже ненужного человека.

XXXIII «Я НЕ ПРИЕМЛЮ НИ ПЕТЛИ, НИ ИГА»

К началу тридцатых годов книги генерала Деникина были распроданы, второго их издания не предвиделось, доход от авторского гонорара прекратился, и семейство Антона Ивановича снова попало в полосу безденежья. Генерал не имел практической жилки. В вопросах личного материального благополучия он был по-детски беспомощен. Мысль, что семья может очутиться в нищете, угнетала его. Единственным утешением (о котором, впрочем, он говорил только жене) было сознание, что не в пример многим другим он не скопил себе состояния, когда был у власти. Пришел он к ней с пустым карманом и таким же бедняком расстался с ней.

Антон Иванович решил время от времени читать публичные лекции на тему о международном положении. Эти лекции потом издавались в виде маленьких книжек-памфлетов, которые ходко распродавались и служили денежным подспорьем. Антон Иванович преследовал не только материальные цели. Ему было чем поделиться со своими соотечественниками и что им сказать. Он затрагивал принципиальные вопросы, к которым относился чрезвычайно серьезно. Осуждал споры и разногласия в разных русских организациях, осуждал появившееся самодовольное убеждение, что именно они есть «соль земли», что только им предстоит строить Россию. На это генерал с горечью говорил, что подобные мысли — наивный вздор. Прежде всего политическим кружкам эмиграции следует очиститься от грязи, успевшей на них налипнуть, а потом дать себе отчет в том, что является их подлинной задачей

и миссией.

«Мы вернемся в Россию не для того, чтобы командовать и управлять, — говорил он, — а чтобы служить России».

Двадцать семь лет своего пребывания за границей Антон Иванович жил верой, что обстоятельства в России изменятся, что ему все же удастся вернуться на родину. И хотя бы в скромной, незначительной роли снова послужить ей. Он сравнивал русскую эмиграцию, рассеянную по всем странам мира, с еврейской диаспорой: «И в еврействе существует рознь и самоедство, редко только выносимое на страницы общей печати... Но в одном там нет розни, в одном царит нерушимое, абсолютное единение — в деле защиты своей расы». И тут он печально констатировал факт, что «подобной концентрации сил в главном, в основном — в вопросе о защите российской нации — нет у нас».

Годы, предшествовавшие второй мировой войне, Деникин посвятил попытке создать такую «концентрацию сил» для защиты русских национальных интересов. Он предостерегал эмиграцию от увлечения немецким национал-социализмом, как средством борьбы с коммунизмом. Оставаясь непримиримым к советской власти, Деникин боролся против существовавшего в некоторых кругах эмиграции «пораженчества», допуская всякое чужеземное нашествие, лишь бы свергнуть большевиков.

Лекции А. И. Деникина превратились в ежегодную традицию. Его публичные выступления устраивались в переполненном до отказа парижском зале Шопена на рю Дарю и сопровождались длинными и подробными отчетами в эмигрантской печати. Чтобы дать представление о впечатлении, которое они производили на слушателей, достаточно процитировать выдержку из парижской газеты «Последние новости» о первом докладе генерала в марте 1932 года:

«С 8 часов вечера перед входом в зал Шопена на улице Дарю толпилась публика, стремясь попасть на доклад генерала А. И. Деникина «Русский вопрос на Дальнем Востоке». Публичное выступление бывшего Главнокомандующего Добровольческой армией, в течение 12 лет уклонявшегося от всякого участия в политической жизни эмиграции, явилось по содержанию своему подлинным событием, для многих неожиданным и знаменательным».

Среди лиц, пришедших на эту лекцию и перечисленных газетой, были наиболее известные и выдающиеся имена русской эмиграции, весь ее широкий политический спектр — от крайне правых до социалистов-революционеров и меньшевиков включительно. Но подавляющим большинством были участники белого движения.

Большинство зала встает и устраивает докладчику овацию... С первых же слов речь его привлекает общее внимание. Бывший Главнокомандующий призывает своих соратников «не вмешиваться в чужие распри». Ген. Деникин не только не разделяет надежд некоторых эмигрантских кругов на «японскую помощь», но открыто считает ее «вредной интересам России»... Генерал А. И. Деникин энергично, при неоднократном шумном одобрении аудитории восстает против лжепатриотов: «Участие наше на стороне захватчиков российской территории недопустимо!»... Слова генерала Деникина ошеломили неожиданностью часть аудитории (ту часть ее, которая мечтала о новой «интервенции»). Но когда ген. Деникин сошел с эстрады, весь зал встал, провожая его долгими аплодисментами...»

Убедившись на собственном опыте, что «рыцарское отношение» отсутствует в области международной политики, Деникин предостерегал своих слушателей от излишней доверчивости к «новым союзникам», от повторения ошибки, которой когда-то страдало его собственное правление.

По мере того как опасность для России со стороны Японии меркла по сравнению с воинствующей угрозой Германии, Деникин твердо и определенно ополчился в своих докладах против немецкого национал-социализма и его вождя Гитлера.

Наиболее ярким его выступлением на эту тему был доклад «Мировые события и русский вопрос», сделанный в декабре 1938 года. Он ясно формулировал точку зрения А. И. Деникина на роль русской эмиграции в случае войны между Германией и Советским Союзом:

«Наш долг кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния, где существуют свобода слова и благоприятные политические условия — явно, где их нет — прикровенно. В крайнем случае молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться».

Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, — а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному. В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — о судьбах России. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение; это только для раскочки, а потом можно будет повернуть штыки... Такого рода заявления сделали открыто два органа, претендующие на водительство русской эмиграции... Простите меня, но это уже слишком наивно. Наивно,

войдя в деловые сношения с партнером, предупреждать что вы его обманете, и наивно рассчитывать на его безусловное доверие. Не повернете вы ваших штыков, ибо, использовав вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков, быть может, даже в качестве боевой силы — заключенной в клещи своих пулеметов, — этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее Закабаления».

В том же докладе в декабре 1938 года Деникин, считавший войну с Германией неизбежной, дал разбор нескольких ситуаций, где эмиграция могла принять участие в «час войны» в «русском деле».

В главном прогнозе своем он ошибся. Ему казалось невозможным, чтобы русский народ, вооруженный во время войны, не восстал бы против коммунистической власти, поработившей его. В таком случае, считал он, место эмиграции там, в рядах армии и народа, сбросивших советскую власть, чтобы стать на защиту родины.

Считал он также, что Красная армия под ударами внешнего врага разложится и в стране наступит хаос, с повторением во втором издании, под другими именами, но в той же сущности происходившего в России в 1918 году. И в этом новом калейдоскопе гражданской смуты, так же, как и тогда, предполагал он, выделится вооруженное национальное движение, в котором сольются лучшие элементы армии и народа. И если стимулом этого движения будет «свержение советской власти и защита родины», то место эмиграции в его рядах.

Но если бы этого не случилось?

«Что делать, — ставил он вопрос, — если в случае войны народ русский и армия отложат расчеты с внутренним захватчиком и встанут единодушно против внешнего (врага)?»

На этот вопрос Деникин дал следующий ответ: «Я не могу поверить, чтобы вооруженный русский народ не восстал против своих поработителей. Но, если бы подобное случилось, мы, не меняя отнюдь своего отношения к советской власти, в этом случае, только в этом единственном, были бы бессильны вести прямую борьбу против нее. Для нас невозможно было бы морально, ни при каких обстоятельствах, прямое участие в действиях той армии, которая ныне именуется «Красной», доколе она не сбросит с себя власть коммунистов. Но и тогда наша активность, тем или другим путем, должна будет направлена не в пользу, а против внешних захватчиков».

Эта возможность, которую в 1938 году Деникин отвергал, стала реальностью через несколько лет. Не меняя своего отношения к советской власти, Деникин направил свою активность против внешнего врага, против немцев. Об этом рассказ будет дальше. Кроме того, во время войны он переместил звенья своего «двуединого» лозунга — «свержение советской власти и защита России» на «защита России и свержение большевиков».

Таким образом, эмигрантская программа генерала Деникина фактически оставалась формулой белого движения. Но призыв его к «свержению советской власти и защите России» многим казался странным противоречием. Критики Деникина указывали на то, что нельзя защищать Россию, подрывая ее силы свержением власти, так же как и нельзя свергнуть советскую власть без участия внешней силы. Словом, «или большевистская петля, или чужеземное иго». На этот упрек Антон Иванович отвечал: «Я не приемлю ни петли, ни ига!»

Деникин очень щепетильно относился к историческим документам, находившимся в его распоряжении. Он никогда не рассматривал их как свою личную собственность. Считал, что они должны со временем перейти в исторический архив российского государства, но только после его освобождения от большевиков. Беспокоясь за сохранность архива, он хотел передать его на временное хранение в какое-нибудь солидное иностранное государственное учреждение, которое на основании письменного договора гарантировало бы генералу право пользоваться им для исторических работ и в то же время строго ограничивало бы доступ к документам посторонним лицам без особого на то разрешения самого генерала Деникина. В августе 1935 года Антон Иванович подписал соглашение по этому вопросу с «Русским заграничным историческим архивом при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики» и передал ему на хранение следующие документы: имеющийся у него (не полный) архив по делам Особого совещания, то есть деникинского правительства на Юге России, материалы личного архива генерала Деникина по истории русской революции и гражданской войны (включающие 831 документ; кроме того, там были лубки и фотографии), архив (обширный, но тоже не полный) генерал-квартирмейстерской части Вооруженных Сил Юга России.

В то время когда Антон Иванович вел переговоры с чехами и фактически уже принял решение передать им хранившиеся у него бумаги, генерал Н. Н. Головин (военный историк) старался заполучить деникинский архив для Гуверовской библиотеки при Стэнфордском университете в Калифорнии. Головин был тогда агентом этой библиотеки. Он собирал для нее в Европе и переправлял в Америку русские документы, связанные с периодом гражданской войны. По-видимому, Н. Н. Головин усвоил американское искусство «продавать» свой товар, так как именно в таком духе были составлены

его письма к генералу Деникину. Не упустил он и случая очернить товар конкурентов. В данном случае товаром конкурентов был Пражский архив, и, чтобы настроить против него Антона Ивановича, Головин писал: «нет никакой гарантии против того, что чехи не передадут документы... большевикам. Чехи не постеснялись выдачи большевикам адмирала Колчака — с архивами стесняться будут меньше».

В то время «гарантия», составленная опытными юристами, казалась абсолютно надежной. Но она имела силу до тех пор, пока Чехословакия сохраняла самостоятельность. Как только эта самостоятельность исчезла, русский архив, находившийся в Праге, поставлен был под знак вопроса... Таким образом, аргумент Н. Н. Головина задним числом оказался пророческим.

В тридцатых годах Антон Иванович несколько раз ездил в лекционное турне по Югославии и Чехословакии, где кроме находившихся там русских эмигрантов его с почетом и уважением принимали и слушали представители местной администрации и интеллигенции. Ездил он и в Англию. Но, пожалуй, самой памятной для него поездкой было путешествие в 1937 году в Бухарест по приглашению румынского короля. Генерал был кавалером румынского боевого ордена Св. Михаила, полученного им за доблесть и боевые отличия, когда он командовал в конце 1916 и в начале 1917 года 8-м армейским корпусом, посланным на выручку румынам после объявления войны Германии. В день орденского праздника все кавалеры ордена Св. Михаила должны были по традиции облачаться в особые белые накидки. Не желая вводить кавалеров в лишние расходы, придворное ведомство Румынии снабдило их белыми пелеринами бесплатно, в виде подарка. Бывшему Главнокомандующему оказали большое внимание и король и румынское общество. Румынская печать отметила потом, что 7 ноября, в день, когда советский посол в Бухаресте праздновал двадцатилетие советской власти, король чествовал в своем дворце генерала Деникина.

Небольшая подробность. Белая пелерина, выданная генералу Деникину в Румынии, была переделана в феврале 1941 года в подвенечное платье для его дочери Марины.

Летние каникулы семейство Деникиных проводило в разных местах Франции. Свои впечатления от первого пребывания в Allemont Антон Иванович описал в письме к Н. И. Астрову:

«Полное одиночество, летом, впрочем, собираются к нам гости. Хороший дом, деревенская глушь, приветливый народ. Жизнь дешевле, чем в Париже, раза в полтора. Это обстоятельство позволяет вздохнуть несколько свободнее. Высота — метров, кругом горы и снежные вершины, благорасположение воздушных масс и изобилие «подножного корма» — разнообразного, в зависимости от пояса и сезона... Сейчас на нашей высоте появляются первые дары — сморчки, приятные по вкусу и по воспоминаниям о прошлом и о северной русской природе. Вам должно быть понятно, что в нашей обстановке даже простейший русский укроп перестал быть только зеленью, а стал одним из целебных средств против ностальгии...

Первый раз в жизни пришлось провести Светлый праздник в одиночестве, без заутрени, без мистики пасхальных служб, обычаев и песнопений... Одна лишь Марина, назвав гостей — деревенских девочек, беззаботно веселилась».

Ностальгия, о которой писал Антон Иванович, преследовала повсюду, где бы он ни находился. Слишком он был русским человеком, без малейшей примеси космополитизма, и работа являлась единственным средством, отвлекавшим его от тягостных мыслей. Он много читал, многое передумал.

Гражданская война в Испании вызывала в нем живейший интерес, и вполне естественно, что симпатии его были на стороне генерала Франко. Он от души желал ему победы, но категорически был против участия бывших русских добровольцев в чужой гражданской войне. Многие из них обращались к нему за советом, и, отвечая им, Антон Иванович каждый раз подчеркивал свое отрицательное отношение к подобным проектам.

Несмотря на прошлые свои столкновения с представителями французского командования, генерал Деникин полюбил Францию с ее памятниками старины, живописно-разнообразной природой. Он полюбил тех простых жителей ее, с которыми ему постоянно приходилось встречаться в повседневной жизни. Но политика французского правительства, как и всякая политика, чуждая его кодексу солдатской чести, приводила Деникина в уныние. Он не мог мириться с мыслью, что жертвы, принесенные Россией во время первой мировой войны, позабыты, что из-за желания наладить отношения с Советским Союзом прошлая «национальная» Россия вычеркнута из памяти.

В мае 1937 года комитет (состоявший из видных русских эмигрантов) по сооружению памятника русским солдатам, павшим во Франции во время войны 1914—1918 годов (и посланных туда по настоянию французского правительства), просил Деникина быть почетным гостем и произнести речь при открытии памятника на кладбище. В речи он не скрывал своих чувств: «Сегодня открытием храма-памятника мы почтили тех русских воинов, что пали с честью на французском фронте. Они, эти павшие, — символ огромных жертв, принесенных Россией и старой русской армией во имя общего некогда дела. Бывшие наши союзники не должны забывать, что к 1917 году русская армия удержива-

ла напор 187 вражеских дивизий, т. е. половину всех сил противников, действовавших на европейских и азиатских фронтах... Что даже в 1918 году, когда не стало русской армии, русский легион дрался здесь на французской земле до конца, похоронив на полях Шампани немало своих храбрцев... Не мы заключили Брест-Литовский мир... Это сделали другие... Мы не сомневаемся, что французская армия это понимает, но, когда в силу современных политических обстоятельств, эту боль стараются забыть или извратить, мы не можем не испытывать чувства горечи. Горечи за национальную Россию, горечи за уцелевших и выброшенных смутой на чужбину, горечи за павших в боях.

Спит мировая совесть. Пожелаем живым — увидеть ее пробуждение».

Об этом кладбище, позабытом бывшими союзниками, в мае 1960 года вспомнили приехавшие в Париж Никита Хрущев и Маршал Советского Союза (он же министр обороны) Родион Малиновский. Еще юношей Малиновский сам сражался в русском экспедиционном корпусе, посланном во Францию во время первой мировой войны. Вместе с Хрущевым он посетил кладбище и почтил память русских воинов, с честью павших далеко от родины.

После двенадцати лет молчания и почти отшельнической жизни А. И. Деникин, начиная с 1932 года, решил вмешаться в дела русской эмиграции. Причиной тому была угроза целостности России, надвигавшаяся на нее и с востока, и с запада. Гитлер не скрывал своих территориальных вожделений. Как и прежде, Деникин стоял вне политических группировок. Его призыв к единению эмигрантов не мог, конечно, увенчаться успехом. Но голос Деникина, настаивавшего на том, что национальные интересы России находятся в смертельной опасности, был все же многими услышан.

Касаясь этого вопроса, С. П. Мельгунов писал:

«Если допустить, что личные свойства Антона Ивановича делали его положение подчас трагическим в годы гражданской войны, то эти свойства перевоплощались в величайшее благо для русской общественности в дни нашего тяжелого эмигрантского бытия, когда от всех нас требовалось большое напряжение воли, дабы не пал дух.

Непоколебимая твердость и моральный авторитет бывшего вождя добровольцев служили как бы залогом нашей непримиримости к насилию, воцарившемуся на родине». К тому, что сказал Мельгунов, можно добавить: и непримиримости к внешним врагам России.

Начало второй мировой войны не было неожиданностью для Деникина, но он никак не ожидал, что предшествовать ей будет соглашение между Гитлером и Сталиным. «Кто первым нарушит договор?

Кто кому воткнет в спину нож?» — это было первой мыслью Антона Ивановича.

Другой неожиданностью явилось молниеносное крушение французского фронта в мае 1940 года. Но тут он понял, что, временно развязав себе руки на западе, Германия устремится на восток, уверовав, что быстро разобьет Красную армию, обезглавленную сталинской чисткой. К ней немцы приложили руку, сфабриковав документы, компрометирующие советский командный состав.

XXXIV ПОД НЕМЦАМИ

Во второй половине мая 1940 года, когда разгром французской армии стал очевиден, хаос разложения и паника охватили Францию. Обыватели массами устремились на юг и на запад, подальше от театра военных действий.

Не желая оказаться под немцами, Деникин решил выбраться из Парижа. Местечко Мимизан, на Атлантическом побережье, к северу от Биарритца, было ему знакомо. Там в 1937 году провел он со своей семьей лето. Туда, в Мимизан, Деникины и решили направить свой путь.

В самом конце мая Деникины нагрузили мешками и чемоданами автомобиль и покинули Париж. Шофер со своей дочерью сидел впереди, трое Деникиных со старым котом, неразлучным другом семьи, и с разными мелкими вещами на коленях сидели сзади. Медленно и долго двигались они по запруженным дорогам на юго-запад. Было жарко, пыльно, голодно, хотелось пить. Все гостиницы оказались набиты беженцами, и только где-то в Шаранте, одна дама-француженка, узнав Деникина, пригласила его со спутниками заехать к себе в имение, пообедать и переночевать. Наконец добрались до Мимизан.

Ланды — департамент в юго-западной Франции, между Жирандой и Нижними Пиренеями — упирается западной своей частью в Бискайский залив. По берегу тянутся бесконечные песчаные дюны. Чтобы остановить их движение, с конца 1780 года начали сажать сосны, и теперь значительная часть департамента покрыта сосновым лесом. Там, в убогой обстановке, застряли Деникины на пять лет. В Мимизан провели они всю немецкую оккупацию и расстались с этим местом лишь в июне 1945 года.

Надо сказать, что вначале Деникины устроились с комфортом в хорошем доме, который им одолжили родители одной из подруг дочери. Дом был расположен на дюне, на самом берегу, с чудным видом на океан. Но благополучие длилось недолго. Когда немцы завяли Бордо, Деникин понял, что в первую очередь будут заняты все прибрежные пункты и здания, вплоть до испанской границы. Он не хотел «встречаться» с немцами. Не дожидаясь их прихода, сразу же перебрался из дома в примитивный барак в глуши, поблизости от небольшого озера Lac de Mimizan. На этом озере он проводил много времени, занимаясь рыбной ловлей. Дом на взморье действительно сразу же был реквизирован германской армией, а затем взорван ею при сооружении укреплений Атлантической стены.

Марина Деникина пробыла в Мимизан до декабря 1940 года, затем переехала в Париж и осталась у родителей своего жениха. Венчалась она в феврале 1941 года в православной церкви в городе Бордо, но на свадьбу Антон Иванович и Ксения Васильевна не попали: единственный в сутки автобус из Мимизан в Бордо проехал мимо них, не остановившись...

Семейная жизнь дочери в ее первом замужестве не сложилась. Уже летом 1943 года она подала прошение о разводе. От этого брака родился у нее в январе 1942 года сын Михаил. С ним она была у родителей месяц в 1942 году, а потом жила с ребенком у своих родителей в Мимизан с середины лета 1943 года до марта или апреля следующего года, когда снова и окончательно вернулась в Париж.

В глуши, оторванной от внешнего мира, Ксения Васильевна решила записывать свои впечатления в дневник. Двадцать восемь тетрадей школьного формата вмещают это мрачное пятилетие.

Тетради Ксении Васильевны не являются дневником в обычном смысле этого слова. В них главным образом комментарии автора по поводу военных и политических событий. Жизнь была слишком однообразна, чтобы записывать изо дня в день то, что происходило дома. Тетради эти приходилось прятать от возможного немецкого обыска и даже зарывать в землю, поэтому в изложении много пропусков и пробелов. К сожалению, некоторые важные эпизоды из личной жизни совершенно не упомянуты, тем не менее дневники Ксении Васильевны представляют исключительный интерес благодаря талантливым наброскам быта, личных впечатлений, разговоров, настроений.

5 августа 1940 года

Поселились мы на окраине местечка, у самого леса, но далеко от моря. Квартира самая примитивная, в длинном бараке для немецких военнопленных прошлой войны; колодезь и уборная за хозяйским курятником, но электричество, слава Богу, есть... Посреди барака живут старики хозяева, а в том конце другие жильцы.

10 сентября 1940 года

Ни парижских газет, ни радио. Жизнь очень сузилась. Наш бедный аппарат раздавили в автомобиле, и немудрено: так было всего напихано в машине. Я всю дорогу сидела скрючившись, колени к подбородку, за спиной тюк с подушками, под ногами чемодан с книгами, на коленях корзина с котом. А без радио в такие времена очень плохо.

За хлебом уже надо стоять в очереди, говорят, скоро карточки будут... Жизнь глухого местечка входит в свою колею и течет тихонько, но с некоторой оглядкой, ибо параллельно начинает налаживаться жизнь завоевателя.

Сентябрь 1940 года

В воскресенье я себя чувствовала немного лучше, и Иваныч (так Ксения Васильевна иногда величала своего мужа) решил меня «вывести в шумный свет». Потихоньку поползла с ним до озера и там села у кафе под соснами пить «оператив», как он говорит. Смотрели, как местные жители играли в какую-то игру, бросали деревянный шар в три стоящие штуки (не знаю, как называются) вдоль одной из стенок дощатого угла. Иваныч говорит, что это нечто вроде наших русских «городков». Играли дяди больше уже на возрасте... и игра их очень увлекала.

27 октября 1940 года

Переехали на новую квартиру, наш старый барак уж совсем не приспособлен для зимы. Тут хоть домик каменный, хоть с отоплением тоже неважно. Зато теперь мы на большой дороге, с утра до вечера видим немцев—пешком, на вело, на мото, на легких автомобилях и на громаднейших грузовиках, да и на лошадях... Получила радио!

29 октября 1940 года

Иваныч в соседней комнате что-то стучит молотком, на мой вопрос отвечает: «Прибываю на стенку карты бывшей Франции и бывшей Европы».

27 декабря 1940 года

Пятый день стоят лютые морозы. Беда... У нас было еще кило 10 картошки —померзла...

Сколько у нас градусов в комнате — не знаю, но думаю — не больше 2—3. Я лежу одетая в 4 шерстяных шкурках, под периной, с грелкой, и руки стынут писать... Иваныч ходит как эскимос, все на себя наворотил.

30 марта 1941 года

Вчера мы съели свою последнюю коробочку сардинок, а масло из нее сберегли, чтобы заправить сегодняшнюю чечевицу. К великому возмущению кота Васьки, который всю свою жизнь считал своей кошачьей привилегией вылизывать сардиночные коробки. Бедный наш старичок научился есть серые кисловатые макароны, но при этом всегда смотрит на нас с укором... Хуже всего наше дело со штанами: не успела я вовремя мужу купить. Последние снашиваются, а пиджаков хватит.

2 мая 1941 года

Мировые события развиваются. Судьба забросила нас в глушь. Здесь живем среди маленьких людей — рабочих, крестьян, обывателей. Одиночество вдвоем. Моя болезнь приковывает меня неделями к кровати. Все друзья, знакомые и люди нашего образа мыслей далеко. Вот и решила записывать, что вижу, слышу и думаю. Благодаря TSF знаем о больших событиях мирового масштаба и имеем о них свое суждение; благодаря условиям своего нынешнего существования видим жизнь страны внизу, в самой народной толще и улавливаем настроения и реакции простых людей.

К тому, что сказано в отрывках из дневника, надо добавить следующее: с детства бегло владея немецким языком, Ксения Васильевна оказалась в Мимизан чуть ли не единственным человеком, который без посторонней помощи мог изъясняться с немецкими оккупационными властями. Вскоре молва об этом обошла всю округу, и к жене генерала Деникина приходило множество народу за содействием и помощью. Люди ценили щедрую и бескорыстную отзывчивость, с ними завязывались личные отношения, и сама не зная как, Ксения Васильевна оказалась доверенным человеком местной французской «интеллигенции» — врача, аптекаря, кюре. Эти люди слушали запретные радиопередачи из Лондона.

Они ненавидели немцев и не могли примириться с разгромом Франции. Одни прятали евреев, случайно попавших в это захолустье, другие в своем протиплении немцам шли гораздо дальше.

22 июня 1941 года, в день германского вторжения в Россию, немцы в Париже, из «предосторожности», арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых была им неизвестна или сомнительна. Аресты начались с раннего утра, когда про войну еще никто не знал. Решение это касалось как мужчин, так и женщин. Возраст, по-видимому, не играл роли. Во французской же провинции, в частности в департаменте Ландов, русских задерживали в возрасте до 50 лет, аресты (без объявления причин) начались на несколько дней раньше.

15 июня перед домом, где жили Деникины, остановился немецкий военный грузовик с тремя солдатами и унтер-офицером. Унтер-офицер потребовал от Ксении Васильевны ее бумаги, посмотрел год рождения и приказал садиться в грузовик.

Не подозревая о том, что происходит на улице у подъезда его дома, Антон Иванович работал в огороде.

Когда жена ему крикнула, что ее арестовали немцы и увозят в грузовике, генерал сначала не понял, в чем дело. «Да ты с ума сошла, — сказал он, — они, наверное, за мной...» Но это было не так.

В грузовике уже было несколько арестованных, среди них — племянница Ксении Васильевны и муж племянницы, жившие неподалеку от Мимизан. Их сына, мальчика шести лет, соседи доставили к Антону Ивановичу. Старик и мальчуган пробыли вдвоем около двух недель.

Арестованных повезли в главный город департамента и поместили в реквизированном особняке, превращенном немцами в тюрьму. Дом был в саду, вокруг сада чугунная решетка. На допрос арестованных водили в центр города в гестапо; обвинений ни в чем не предъявляли, просто продержали в тюрьме до 1 июля.

Сидя под арестом, Ксения Васильевна прислушивалась к тому, что сообщало радио, находившееся в соседнем караульном помещении, где была германская стража. Свои впечатления она набросала на клочке бумаги, а впоследствии переписала их в свой дневник.

21 июня 1941 года

По радио говорят только о «слухах» (о нападении Германии на СССР), идущих чаще всего из Швеции. Московское радио совершенно выхолостилось, даже никаких намеков нет. Корректность и абстрактность неестественные. Что думать про это нам? Огорчаться, радоваться, надеяться? Душа двойится. Конечно, вывеска мерзкая СССР, но за вывеской-то наша родина, наша Россия, наша огромная, несурзкая, непонятная, но родная и прекрасная Россия.

23 июня 1941 года

Не миновала России чаша сия! Ошиблись два анархиста. А пока что немецкие бомбы рвут на части русских людей, проклятая немецкая механика давит русские тела, и течет русская кровь... Пожалеи, Боже, наш народ, пожалеи и помоги!

6 июля 1941 года

Обращались с нами прилично и все повторяли, что мы не арестованные, а интернированные. Кормили неплохо, не хуже и не лучше, чем сейчас здесь все кормятся, но сидели мы за решеткой, охраняемые часовыми, без простыней и подушек. Допрашивали 2 раза и очень настойчиво расспрашивали, кто украинец. Так как переводчицей служила я, то в украинцы никто из нашей группы не записался. Самое интересное из этой странички моей жизни — это беседа с часовым... Все были люди старше 40 лет, большинство мастеровые из Баварии, но были и крестьяне из Бранденбурга и Шварцвальда... десяток с половиной людей, которые нас охраняли, по трое, сменяясь раз в сутки, все были народ симпатичный и добродушный и к нам относились не только хорошо, но и с явной симпатией, часто делились с нами своим пайком, угощали фруктами и пивом. Беседовали мы долго и обо всем.

Были настроенные очень воинственно, уверявшие нас, что с советской Россией они покончат в 6 недель и что из Украины, включая Дон, Кубань, Кавказ и бакинскую нефть, будет устроен протекторат на манер чешского, а в Москве будет поставлено «национальное» правительство. После разгрома России будет фюрером предложен мир еще раз, но Англия, наверное, откажется, и тогда этот злостный остров будет взят, но погибнет большинство населения. Что делать, гангрена должна быть уничтожена. И к зиме мир всюду начнет воцаряться. Новый порядок и Германия его устроит так, что впредь не будет возможности никому начать войну... Они все нас уверяли, что Россия первая напала на них, нарушив все свои договоры. Также все дружно высказывали свое презрение к Италии.

Тюремное заключение кончилось так же неожиданно, как и началось.

Волнуясь за Антона Ивановича, за шестилетнего мальчика — сына племянницы, Ксения Васильевна написала по-немецки письмо генералу в комендатуру германских войск, расположенных в районе Биарритца. Его имя она узнала от солдат, несших караульную службу. В письме этом она сообщила свою фамилию, сказала, что арестована, вины за собой не знает, что сидит в тюрьме без предъявления ей каких бы то и было обвинений. Письмо, отправленное через немецкого офицера — начальника караула, дошло по назначению и произвело, по-видимому, сильный переполох.

Немецкий генерал сразу же лично явился в тюрьму. К нему вызвали Ксению Васильевну.

«Кем вы приходите к генералу Деникину? Родственницей?» — был первый вопрос. — «Я его жена». — «Так зачем же не сказали, кто вы?» — «Я думала, что ваши власти знали, кого они арестовывают», — последовал ответ.

Немецкий генерал приказал сразу же освободить жену генерала Деникина, на что она заявила, что, являясь единственной переводчицей для остальной группы заключенных, просит отложить освобождение до того момента, когда найдут ей заместителя. «Я думаю, генерал, — закончила она, — что вы на моем месте не поступили бы иначе».

Через три дня вся группа людей, арестованных с женой генерала Деникина, была освобождена.

Причин для волнения об Антоне Ивановиче у его жены было достаточно. Ему было около семидесяти лет. За первый год немецкой оккупации он потерял в весе 25 килограммов и сильно постарел. Ум был абсолютно свеж и ясен, как прежде, но общее физическое состояние его сдавало. Оберегая хрупкое здоровье жены, которой постоянно недомогало, он старался, как только мог, помогать по дому; топил печку, пилил и колол дрова, мыл посуду — работал, иначе говоря, как истопник, прислуга и судомойка. А с наступлением весны, кроме того, копал, сажал, полыл, растил, поливал овощи в огороде. Мучали его недавно начавшиеся приступы грудной жабы.

Арест жены его ошеломил. Он чувствовал себя беспомощным и морально разбитым. Его угнетала невозможность защищать жену. Он не знал, где она, куда увезена, не знал, случайно ли она арестована.

Стряпать он умел весьма относительно, а тут без денег и без продуктов генерал должен был ухитриться прокормить мальчика и самого себя. Однако вопрос пропитания разрешился просто: каждое утро у дверей своего домика находил Антон Иванович кусок сала или яйца и всегда молоко и хлеб. Чья-то заботливая рука приносила одинокому старику и мальчику пропитание. Кто это был — осталось неизвестным. Можно предполагать, что жители Мимизан между собой решили не дать этим чужим, но полюбившимся им людям умереть с голоду.

Судьбе было угодно отплатить генералу Деникину за его прошлую верность союзникам — куском хлеба, который приносила к его порогу рука неизвестного французского крестьянина, такого же, как и Деникин, непримиримого врага германского империализма.

Арест Ксении Васильевны, ее письмо, а затем разговор с немецким генералом — все это не

прошло бесследно; немецкое «начальство» вдруг вспомнило о генерале Деникине.

Политическое управление в оккупированной Франции хорошо, конечно, знало точку зрения Антона Ивановича. Его антигерманские настроения не могли быть секретом для немцев. Недаром некоторые из докладов Деникина, написанных и изданных в виде памфлетов-брошюр: «Брест-Литовск», «Международное положение. Россия и эмиграция», «Мировые события и русский вопрос», попали впоследствии в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Книги эти по приказу немецких властей «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек».

Тем не менее немцы решили сделать попытку использовать имя А. И. Деникина в целях германской пропаганды. Как иначе можно объяснить причину визита к нему немецкого генерала?

Местная германская комендатура в Мимизан снеслась с генералом Деникиным: может ли он принять коменданта Биарритца. «Времена были такие, — говорил потом Антон Иванович, — что нужно было согласиться».

На следующий день к домику Деникина подъехал автомобиль. К Антону Ивановичу явились германский комендант Биарритца, один из штабных офицеров и переводчик. Услуги последнего не понадобились, так как Ксения Васильевна, владевшая немецким языком, взяла на себя роль переводчицы. Предлогом для визита было якобы желание «засвидетельствовать свое почтение» известному русскому генералу. А настоящей целью — предложить ему перебраться из убогой обстановки французского захолустья в Германию. Комендант сообщил генералу Деникину, что его личный архив, переданный на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге, перевезен немцами в Берлин. Собрано там также много ценных материалов из разных русских архивов, прежде разбросанных по всей Европе. Там в полном комфорте и довольствии генерал Деникин сможет продолжить свою научную работу историка. Затем, окинув беглым взглядом убогое помещение, в котором ютились Деникины, он добавил: «В Берлине, конечно, вы будете поставлены в другие, более благоприятные условия жизни».

Деникин обратился к жене: «Спроси его: это приказ или предложение?» И когда озадаченный комендант ответил, что это, разумеется, предложение, Деникин коротко отрезал: «Тогда я остаюсь здесь».

Немец понял, что дальнейший разговор бесполезен. Он встал, отдал честь, но перед уходом все же спросил: «Может быть, мы здесь можем быть вам полезны?» На что получил ответ: «Благодарю вас, мне ничего не нужно».

Попытка немцев вовлечь генерала Деникина в свою орбиту не удалась. Но попытки сближения с Деникиным не прекратились на этом. Вновь возник вопрос относительно расхищенного ими русского архива в Чехословакии. Было получено письмо от представителя германского военного архива во Франции. Письмо датировано 28 января 1942 года. Вот его текст в русском переводе с немецкого:

«В бывшем чешском министерстве внутренних дел в Праге был обнаружен принадлежавший Вашему Превосходительству «депозит». Для того, чтобы обеспечить ему более верную сохранность, архив был перевезен в хранилище военных архивов. По приказу господина начальника военных архивов я прошу у Вашего Превосходительства утверждения (согласия) на это перенесение (перевозку) и о сообщении нам условий, которыми Вы обставляете использование этого архива.

Затем я был бы весьма благодарен, если бы мог узнать местонахождение еще подобных русских архивов, так как господин начальник военных архивов придает особое значение захвату и сохранению этих редких исторических источников».

Генерал Деникин ответил на это письмо по-русски 3 февраля 1942 года:

«Господину уполномоченному начальника военного архива.

Господин майор!

По поводу письма Вашего от 28 января сообщаю:

В 1935 году я сдал свои архивы на хранение в Русский заграничный исторический архив, находившийся тогда в ведении министерства иностранных дел Чехословакии. Министерство обязалось выполнить следующие условия. Мои архивы подлежат передаче в Россию после свержения коммунистической власти и утверждения там режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности и общественной самодеятельности. Время передачи архивов российскому правительству определяется мною. В пользование этими архивами никто не может быть допущен без моего разрешения. За мною сохраняется право пользования этими архивами для моих научных работ. Архивы мои не могут быть отчуждены и переданы на временное хранение какому-либо иному учреждению».

После разгрома Германии архив оказался на территории, занятой советскими войсками, и с «согласия» правительства Бенеша был передан Советскому Союзу.

Судя по газетным сообщениям, приехавшая в Соединенные Штаты в мае 1966 года группа советских архивистов подтвердила, что бывший пражский архив находится теперь в Центральном архиве в Москве.

Общение с немцами не ограничивалось визитом и обменом письмами. Начиная с ноября 1941 года обоим Деникиным пришлось время от времени лично являться в мэрию. «Допрос» в общем сводился к установлению факта, что они не переменили местожительство. Но был и более щекотливый вопрос принудительной регистрации, за невыполнение которой грозили суровыми карами.

Немцы образовали различные комитеты для каждой народности, населяющей территорию России. В целях полицейского контроля все русские эмигранты должны были регистрироваться в одном из этих комитетов в зависимости от своего происхождения. В Париже создано было три комитета: русский, украинский и кавказский. В Германии, кроме того, образованы были Северо-Кавказский национальный комитет, Туркменское, Крымско-Татарское и ряд других управлений, среди которых красовалось управление неведомой дотоле страны — Казакии.

Во французской провинции регистрация происходила в местной мэрии или в немецкой комендатуре, которая затем переправляла бумаги в Париж для распределения по соответствующим комитетам.

Во главе парижского русского комитета — Управления по делам русской эмиграции — поставлен был немцами некий Юрий Жеребков, донской казак, долго живший в Германии, ставший членом нацистской партии. Регистрация русских была в его ведении.

Деникин наотрез отказался «регистрироваться». Как ни странно, немцы решили этот факт игнорировать и оставили упрямого старика в покое. Чем руководствовались они — осталось неизвестным. Знали, что слишком тверд человек, чтобы поддасться принуждению, или престиж его имени был так еще велик, что немцы решили избежать репрессий. Вернее всего, что в момент, когда они стремились придать своей захватнической войне против России характер «крестового похода против коммунизма» — засадить в тюрьму самого видного из всех русских противников большевизма было бы изрядной политической гафой, очевидной всем нацистам.

«Что касается меня лично, — писал впоследствии Деникин, — то, оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я считал себя всегда, считаю и ныне гражданином Российской империи, которая, как известно, включает в свои пределы и великорусские, и белорусские, малороссийские, или украинские, области, и Кавказ и прочее, и прочее, поэтому я и моя семья от регистрации отказались. Тем не менее своим друзьям и соратникам я дал категорический совет — против рожна не переть и исполнять эту формальность».

Антон Иванович тяжело переживал русские поражения в начале войны, а затем с гордостью и радостью следил за успехами.

«Как бы то ни было, — писал Деникин, — никакие ухищрения не могли умалить значение того факта, что Красная армия дерется с некоторыми пор искусно, а русский солдат самоотверженно. Одним численным превосходством объяснить успехи Красной армии было нельзя. В наших глазах это явление имело объяснение простое и естественное.

Испокон века русский человек был смышлен, талантлив и нутром любил свою родину. Испокон века русский солдат был безмерно вынослив и самоотверженно храбр. Эти свойства человеческие и воинские не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести, колхозного рабства, стахановского изнурения и подмены национального самосознания интернациональной догмой. И, когда стало очевидным для всех, что идет нашествие и завоевание, а не освобождение, что предвидится только замена одного ярма другим — народ, отложив расчеты с коммунизмом до более подходящего времени, поднялся за русскую землю так, как поднимались его предки во времена нашествий шведского, польского и наполеоновского...

Под знаком интернационала прошла бесславная финляндская кампания и разгром немцами Красной армии на путях к Москве; под лозунгом защиты Родины произошел разгром германских армий!»

«Враг изгнан из-пределов отечества, — писал Деникин в своем «послании» к добровольцам, ветеранам белого движения, 15 ноября 1944 года. — Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясших нашу родину за последние годы. Мы могли лишь следить с глубокой скорбью за страданиями нашего народа, с гордостью — за величием его подвига.

Мы испытали боль в дни поражения армии, хотя она зовется «красной», а не российской, и радость — в дни ее побед. И теперь, когда мировая война еще не окончена, мы всей душой желаем ее победного завершения, которое обеспечит страну нашу от наглых посягательств извне».

Но, гордясь достижениями и подвигами своего народа, Деникин оставался непримиримым к советской власти.

В частном письме к своему знакомому А. И. Деникин писал:

«Я лично приветствую народный подъем в деле защиты России, радуюсь победам ее над немцами, желаю окончательного их разгрома, но не перестану осуждать — дондеже есмь — большевистскую систему удушения русского народа».

Не скрывая того, что было в прошлом, что немцам так или иначе могло быть известно, и указывая на отсутствие у мужа доходов, Ксения Васильевна, по понятным причинам, предпочитала не посвящать немцев в то, что действительно могло их заинтересовать.

«В своем подневольном уединении во время немецкой оккупации, — писал впоследствии Антон Иванович, — мы с женой переводили на русский язык и распространяли среди русской эмиграции особенно откровенные излияния видных немецких деятелей в их прессе и радио».

Они действительно подобрали «махровый» материал, основанный на официальных заявлениях и речах Гитлера, Геббельса, Розенберга и других вождей нацизма, где откровенно высказывалось не только полное презрение ко всему русскому, но и решение использовать русские территории в чисто германских целях.

Освещая подлинные цели нацистов — усилия Деникина были направлены как против врага внешнего — немцев, так и против коллаборантов русского происхождения, именно тех, кого Деникин презирал и считал изменниками и кто, несмотря на очевидность, — продолжал проповедовать «крестовый поход».

Интересно отметить, что в то жуткое время, когда повсюду процветали доносы, обошлось без предателей и что материал, составленный Деникиным и его женой, не попал в руки гестапо.

А работал Деникин, кроме всего прочего, еще над сбором материалов о германских зверствах, о бесчеловечном отношении немцев к русским военнопленным, о ходе войны, о России, о зарубежье. Начал он также работать над своей незаконченной автобиографией, которую думал озаглавить «Моя жизнь» и которая после его смерти появилась в печати под заголовком «Путь русского офицера». Жена генерала, когда было возможно, вела записи в своем дневнике.

На случай немецкого обыска весь компрометирующий материал — бумаги генерала, дневники его жены — прятался не в доме, а зарывался в соседнем сарае, где многие из бумаг пожелтели от сырости, а некоторые и совсем погибли.

Несмотря на оторванность от общей жизни, сведения о немецких зверствах над евреями стали рано доходить до Деникиных. Эти сведения их глубоко возмущали. Вот отрывки из дневника Ксении Васильевны Деникиной, чьи взгляды всецело отражали точку зрения мужа. Приведенные ниже выдержки из дневника помогут окончательно рассеять существовавшее в некоторых кругах мнение о том, что генерал Деникин был якобы антисемитом.

4 июня 1942 года

«Восьмой приказ против евреев... разве это борьба, разве это подобает великой нации такое показное и мелочное издевательство!

«Вот приказ немецкого начальства, — и Ксения Васильевна цитирует: «хорошо теперь известные распоряжения касательно евреев (ношение на груди желтой шестиконечной звезды с надписью» и т. д.), глубоко оскорбительные достоинству всякого человека».

XXXV ПОД НЕМЦАМИ

В течение нескольких лет Антон Иванович страдал от воспаления предстательной железы. Наконец настал момент, когда понадобилось хирургическое вмешательство. Операция была сделана 5 декабря 1942 года в больнице в Бордо. Через неделю после операции шок от нее вызвал у Антона Ивановича первый сердечный приступ. В начале января 1943 года Антон Иванович выписался из госпиталя, и жизнь потекла по-прежнему. Ксения Васильевна продолжала вести дневник.

7 января 1943 года

Совсем непонятно, с какой стороны в нашем захолустье немцы ждут опасности, укрепляют все, что могут. Даже на церковную колокольню водрузили пулеметы, некоторые боковые дороги преградили колючими рогатками и установили в лесу пушки.

16 января 1943 года

Русские успехи продолжают. «Русские!!!» Ведь даже иностранное радио избегает этого слова. «Советские» надо говорить.

Затуманилось мировое положение до ужаса. Что решили, что думают вожди Англии и Америки? Какие уступки они принесли большевизму? И, избегнув холеры, не помрем ли все от чумы? Мучают эти мысли, тщетно перебираем все возможности. Какой исход, как он может прийти?

21 января 1943 года

Лондонский говоритель предложил нам послушать голос «оттуда». Услышали мы русский голос, с актерской дикцией и актерским пафосом возглашавший «славу» бойцам, командирам и... «нашему гениальному полководцу Сталину».

Опять, опять... Ничего не переменилось, ничего перемениться не может. Окаянная ложь, изуверская власть, страшная тень вампира, высосавшего душу России...

Неужели эта тень падает на всю Европу, на весь мир? Мы знаем, что сшиблись и дерутся насмерть две злые силы. Но, чтобы не умерла человеческая жизнь, ни одна из них не может победить. Они должны, как какие-то апокалиптические чудовища, пожрать друг друга. И на развалинах может подняться и расцвести новая жизнь. В это мы верим. Но... Господи, помоги моему неверию!

28 января 1943 года

Все хуже немцам. 6-я армия под Царицыном тает с каждым днем. Уже угрожает Харькову, а немцы все держатся в Тихорецкой и Майкопе.

В коммюнике с фронтов мелькают столь знакомые названия — Маныч, Ставрополь, Кавказская, имена донских и кубанских станиц, уже нашей кровью вписанных в историю. Кто думал, что в этих глухих местах дважды будет решаться судьба России... да и судьба всего мира.

1 июля 1943 года

Переехали на новую квартиру, в центре местечка. Немного жаль было расставаться с нашей окраиной. Привыкли к людям и к климату.

15 июля 1943 года

Вчера был национальный праздник... было объявлено в газетах считать 14 июля днем праздничным, но никаких демонстраций и проявлений не разрешается. Лондон по радио просил всех французов в знак протеста против завоевателя выйти гулять на главную улицу или площадь. Не знаю, как было в Париже и больших городах, получилась ли демонстрация, но у нас тут единственных два французских патриота, которые принарядились и выгуливали четверть часа по главной площади вокруг церкви,—это были мой муж и я.

Взят Нежин. Двигаются русские по всему фронту... Следим по карте за продвижением русского фронта. Гордимся тем, как дерется русский солдат, ибо это русский человек дерется за свою родину.

Советского народа, советского патриотизма и не может быть в природе.

В начале ноября 1943 года произошло событие, само по себе настолько интересное и сыгравшее такую большую роль в жизни, в чувствах и в мышлениях Деникиных, настолько их взбудоражившее что ему следует уделить особое внимание.

Начав с записей из дневника Ксении Васильевны, мы перейдем затем к тому, что об этом написал генерал Деникин. Ни то ни другое никогда прежде в печати не появлялось.

7 ноября 1943 года

Ну и чудеса творятся! Всего мы ожидали, только не этого! Вновь прибывшие немецкие солдаты, с лошадьми, обозом занявшие школу, заполнившие улицы местечка,—оказались наши соотечественники, прибывшие прямо из России! Набрали их немцы из военнопленных... считаются «добровольцами» но к так называемой армии Власова (РОА) отношения не *тлеют*. Они, конечно, от местного населения узнали, что тут есть русские, и приходят к нам. Приходят неловкие, несмелые, не очень знающие, как говорить с нами. Так нелепо, странно видеть этих русских людей в немецкой форме, а сказать прямо, как же это так? Понимаете ли, что врагу России служить —нельзя... Нельзя!

И мы, и они в лапах волка. Говорим обиняками, недомолвками, но, однако, они понимают: рассказывают о безвыходности положения, об ужасах плена, где из лагеря каждое утро выносили десятки трупов, как бревна, и, чтоб избегнуть этой лихой смерти,—выход был всего один. Говорят и про страшную каторжную жизнь большевизма. Но это больше старшие, седые, некоторые из них сражались в рядах нашей белой армии. А из молодых есть такие, что не находят, что было так уж плохо. Они ведь прежней жизни не знали и судить не могут. Большинство донские и кубанские казаки, но есть и сибиряки, и псковские, и астраханские, и курские, со всей России-матушки.

9 ноября 1943 года

Все встречаемся и беседуем с компатриотами. Они, большинство по крайней мере, чувствуют неловкость своего положения, многие как-то подавлены... Ставят невероятные вопросы, удивляются, что нет бедно одетых, что все так чисто живут. Ведь они еще никакой «заграницы» не видели, прямо из России их в наше местечко привезли. Очень удивлялись, что они тут на берегу океана, и когда я им на карте показала, где мы находимся, один ахнул: «На самый край нас, значит, завезли!»

Когда мы им рассказали, что тут, рядом, есть русские военнопленные в лагере, они приняли

известие очень сдержанно, даже с неловкостью. Молодой студент вздохнул: «Да вот мы одни русские, вы — другие, а они — третьи!»

«А Россия одна, и русский народ должен быть одним», — сказал им Антон Иванович.

11 ноября 1943 года

Приходят все соотечественники каждый день... очень интересуются фронтом, но свои чувства по поводу советского продвижения мало кто показывает.

Краснолицый, здоровенный черноморский моряк, оставшись последним, спросил: «А вы как соображаете, может кто-нибудь Россию победить?» «Нет, никто Россию не победит», — ответил Антон Иванович, подчеркнув слово «Россия». «И я так думаю», — сказал моряк, — «счастливо оставаться, папаша. Может, вместе отсюда в Россию поедем». «Может статься», — улыбнулся Антон Иванович, — «а может, меня пустят, а вас нет или наоборот!» «Всех пустят, чего там. Народу сколько выбили и переморили, вся страна в развалинах лежит, строить-то нужно будет? Все пригодимся. У нас руки вон какие, а у вас — голова. Всякий свое принесет». «Правильно», — обрадовался Антон Иванович, и они еще раз пожали друг другу руки.

Старик, так много боровшийся за Россию, всю жизнь только о ней думающий, и молодой парень, ушедший от злой жизни на родине, так мало грамотный... поняли друг друга.

14 ноября 1943 года

Вчера русских солдат еще прибыло. Говорят, и Бордо, и все побережье будет занято этими войсками, которые не знаю, как и назвать, «наши», когда они не «наши», немецкие, когда они не немецкие, а наймитами звать язык не поворачивается, да и по сути это неправда.

К этим ярким впечатлениям о неожиданной встрече с русскими «оттуда» Антон Иванович Деникин составил исторический очерк, документ большой силы по своей сжатости и простоте изложения о том, как некоторые из русских военнопленных сменили свою форму на германскую.

«В последнюю войну на востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории международных войн небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения оккупированных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной практикой самые ясные основы национального самосознания.

Очутившись в плену, русские с первого же дня попадали в невыносимые условия, неизмеримо худшие, нежели для пленных всех других воюющих держав. И не только в первое время, когда, может быть, трудно было организовать прием столь неожиданно большого числа людей, но и во все последние годы.

Их гнали по дорогам, не считаясь с расстоянием и человеческой возможностью, без пищи и питья. И когда кто-либо от чрезмерной усталости падал или, желая утолить невыносимую жажду, наклонялся над придорожной канавой, его приканчивала стража штыком или пулей... Их держали по многу суток под открытым небом во всякую погоду, иногда в снегу, в отгороженных колючей проволокой пространствах, в ожидании нехватавших транспортных средств. И тоже без всякой еды и, что хуже, — без воды... Ими набивали поезда, состоявшие из открытых платформ, на которых в спрессованном виде везли в стоячем положении без возможности шевельнуться по 3-4 дня. В этой дышавшей испражнениями человеческой массе среди живых стояли торчком и мертвые...

Мне рассказывал француз, вернувшийся из плена и лагерь которого находился по соседству с русским, что, когда к их расположению подъехал один из таких поездов, русские военнопленные буквально застыли, не могли двигаться. Немцы отрядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму...

Русских пленных, говорил другой француз, легко узнать по глазам; глаза у них особенные. Должно быть, от страдания и ненависти. В русских лагерях жизнь была ужасна. Многие бараки, особенно в первое время, — с прогнившими крышами. Ни одеял, ни подстилки на нарах. Грязь и зловоние. Обращались немцы с русскими пленными хуже, чем со скотом. Голод свирепствовал необычайный. В пищу давали от 100 до 200 грамм хлеба и один раз в день горячую грязную бурду с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный общий котел прямо из мешков, не только с шелухой, но и с землей. Иногда картошку заменяли жмыхом — отбросами сахарных заводов. Кормили продуктами, оставленными при отступлении большевиками, которые перед тем обливали их керосином. Эту тошнотворную дрянь ели. С отвращением и проклятием, но ели, чтобы не умереть с голоду. При этом ввиду отсутствия посуды приходилось хлебать из консервных банок, из шапок или просто пригоршнями.

Малейший протест вызывал расстрел. Бессильные люди бродили как тени. Многие доходили до такой степени истощения, что, сидя под солнечной стеной барака, не имели сил подняться, чтобы дойти до бочки с водой, чтобы утолить жажду. Немецкая стража, собирая для проверки, подымала и

подгоняла их палками.

Часто случались эпидемии дизентерии. Больным никакой помощи не оказывалось, им предоставляли медленно умирать. Каждое утро немецкие санитары в специальной одежде и масках заходили в бараки и баграми вытаскивали трупы, которые сваливали, как падаль, в общие ямы. Около каждого русского лагеря в таких «братских»могилах нашли упокоение десятки тысяч русских воинов.

Пленным всех народностей приходило на помощь их правительство и Красный Крест. Русские же ниоткуда не получали, ибо московская власть в международном Красном Кресте не состояла, и советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех пленных огульно приказало считать «дезертирами»и «предателями». Все они заочно лишались воинского звания, именовались «бывшими военнослужащими»и поступали на учет НКВД, так же, как и их семьи, которые лишались продовольственных карточек.

Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной, но и моральной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безвыходном тупике, обреченными на медленную гибель.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, обратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое жилье и человеческое отношение, многие согласились одеть немецкий мундир, тем более что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы.

Пусть, кто может, бросит в них камень...

Однажды в тот захолустный французский городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации, прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих «добровольцев», которых немцы посадили в поезд в западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Среди них были люди разного возраста — от 16 до 60 лет, разного социального положения — от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты.

Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещающее «заходить на частные квартиры», пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор — поодиночке или небольшими группами. Длилось наше общение несколько месяцев, пока батальон не перебросили на фронт, против высаживающихся англо-американцев.

Говорили обо всем: о советском житье, о красноармейских порядках, о войне, об укладе жизни в чужих странах и прежде всего, о судьбе самих посетителей. Была в ней одна общая черта, выращенная советской жизнью и условиями плена-камуфляжа. Еще перед сдачей все коммунисты и комсомольцы зарывали в окопе свои партийные и комсомольские билеты и регистрировались в качестве беспартийных. Многие офицеры, боясь особых репрессий, срывали с себя знаки офицерского достоинства и отличия и заявляли себя «бойцами». Стало известно, что семьи «без вести пропавших» продолжают получать паек, а семьи пленных преследуются, и многие, попав в плен, зарегистрировались под чужой фамилией и вымышленным местом жительства. Когда вызывали «добровольцев» — казаков, записывались казаками и ставропольцы, и нижегородцы, и плохо говорившие по-русски чувашки...

В толпе всегда мог оказаться доносчик, и потому вопросы, которые мне задавали, хотя и были часто весьма деликатными, облекались в самые безобидные формы. В этом искусстве подсоветские люди весьма преуспели... Между нами происходили разговоры вроде следующего:

— А далеко ли отсюда до испанской границы?

— Сто километров.

— И все лесом?

— Последняя треть пути безлесная.

— На границе французы?

— Нет, границу охраняют, и весьма бдительно, немцы. Один только раз кто-то, не то по простоте, не то по умыслу нарушил нейтральный тон наших бесед, задав мне вопрос:

— Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...

— Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет.

Я видел, как одернули спрашивающего. Кто-то пробасил: «Ясно». И никаких разъяснений не потребовалось.

Не было ни одной группы посетителей, не проходило ни одного дня, чтобы мне не задавали с нескрываемой скорбью сакраментальный вопрос:

— Как вы думаете, вернемся мы когда-нибудь в Россию?

Видно было, что никто уже не верит в победу немцев, и у меня перед большой картой, на которой линия фронта неизменно и быстро продвигалась на запад, толпились люди, испытывавшие, видимо, двойное чувство: подсознательной гордости своей родиной и своей армией и... страха за свою

судьбу.

Приходили ко мне и малыми группами сжившихся между собой друзей, и тогда разговор терял свой условный характер и становился совершенно откровенным и доверительным. Приходили старики—участники белого движения, которые ни в чем не изменились за 25 лет большевистского режима... Приходило много молодежи, мало по-настоящему образованной, с превратными понятиями, но развитой больше, чем было в наше время, любознательной и ищущей. Они не скрывали от меня, что состояли в комсомоле; но, видимо, при столкновении с внешним миром глаза их открывались, и коммунистическая труха спадала с них легко... Большинство уверяли, что поступили в комсомол только потому, что иначе «не было никакого выхода в жизни».

Приходили разновременно и два коммуниста. Один — офицер — пытался даже доказывать коммунистические «истины», явно зазубренные из краткого конспекта истории партии, и похваливался советской «счастливой жизнью». Но, уличенный в неправде, сознавался, что пока ее нет, но будет... Другой коммунист, более скромный, нерешительно оправдывался в своей принадлежности к партии.

Я спросил: — Скажите, чем объяснить такое обстоятельство: вам известно, что, если бы немцы узнали, что вы коммунист, вас бы немедленно расстреляли. А вы не боитесь сознаться в этом?

Молчит.

— Ну, тогда я за вас отвечу. Перед своими советскими вы не откроетесь, потому что 25 лет вас воспитывали в атмосфере доносов, провокации и предательства. А я, вы знаете, хоть и враг большевизма, но немцам вас не выдам. В этом глубокая разница психологии вашей — красной и нашей — белой.

Из длительного общения с соотечественниками в немецких мундирах я вынес совершенно определенное впечатление, что никакого пафоса борьбы с русско-германского сотрудничества среди них в огромном большинстве нет и в помине. Просто люди попали в тупик и искали выхода. В тупик между ужасными условиями концентрационных лагерей и огульной оценкой советской властью пленных как «дезертиров» и «предателей», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, по крайней мере, все они думали.

В концентрационном лагере верная смерть. Там Сталин угробит. А здесь, может, как-нибудь и выдыхаешься, говорили многие.

Но все, положительно все, испытывали страшную тоску по родине, семье и дому. Невзирая на все тяготы советской жизни, невзирая на ожидающие их кары, многие готовы были вернуться в Россию при первой возможности. Отрицательное отношение к немцам не только высказывалось у меня, в четырех стенах, но и выносилось на улицу, в кабаки, где русские люди братались с французами, запивали свое горе и громко, открыто поносили «бошей». Где полупьяный казак, заучивший несколько французских слов, показывая на свой мундир, говорил:

— Иси — алеман!

И потом, рванув за борт, показывая голую грудь:

— Иси — рюсь!

Надо сказать, что большинство чинов этого батальона были пленные 1941—1942 годов — времени поражения Красной армии и исключительно тяжелого режима концентрационных лагерей, и потому с несколько пониженной психофизикой.

В своих собеседниках я видел несчастных русских людей, зашедших в тупик, и мне было искренне жаль их. Они приходили ко мне, ища утешения. Великодушные со стороны «отца народов» я им, конечно, сулить не мог, но с полным убеждением заверял, что всякая другая русская или иностранная власть осудит, но простит. Если только... во благовремени они вырвутся из немецкого мундира...

Общей была решимость, когда приблизятся союзники, перебить своих немецких офицеров и унтер-офицеров и перейти на сторону англо-американцев. В этой решимости их укрепляло еще то обстоятельство, что в расположении русских частей сбрасывались союзными аэропланами летучки с призывом не сражаться против них и переходить на их сторону и с обещанием безнаказанности.

Когда они спрашивали меня, можно ли верить союзникам, я с полной искренностью и убеждением отвечал утвердительно, потому что мне в голову не могло прийти, что будет иначе... Большинство русских батальонов при первой же встрече сдалось англичанам и американцам».

Встречи с людьми «оттуда», разговоры и общение с ними—до глубины души потрясли Деникина. И несмотря на свое бескомпромиссно-отрицательное отношение к русским эмигрантам, коллаборировавшим с немцами, в этом новом явлении русских военнопленных в германских мундирах Деникин видел просто русских людей, попавших в великую беду, и отнесся к ним сердечно, хотя к внешней их оболочке — отрицательно. И когда через несколько лет он узнал, что этих несчастных, сдавшихся затем в плен англо-американцам, выдают силком обратно, на основании параграфа Ялтинского договора между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, то гневу и возмущению Деникина не было предела.

XXXVI РАДОСТЬ И ГОРЕ

Русский отряд в немецкой форме был переброшен к северу от Мимизан; общение с ним прекратилось. Снова для Деникина настали тусклые дни «одиначества вдвоем», и снова страницы из дневника Ксении Васильевны, как лента на экране кинематографа, включают читателя в круг их жизни.

3 февраля 1944 года

Берлин сообщает, что английская авиация бомбардировала поезд, везший англо-американских пленников, в результате более 500 из них убиты.

Конечно, такой факт мог произойти, ведь вражеская авиация, естественно, атакует все пути сообщения, но любопытно, что никто в это не верит. Первая реакция Антона Ивановича перед аппаратом была: «Сами убили, чтобы отомстить за бомбардировки».

31 марта 1944 года

Слушали грохот московских залпов по случаю взятия Очакова. Производит впечатление даже по радио. Кажется, это второй раз в истории русские берут Очаков. Полтора года тому назад во времена Екатерины Потемкин взял его у турок. Но тогда это была слава России. А теперь? Может быть, тоже, говорит мне Антон Иванович.

6 июня 1944 года

Высадились! На берегу Ла-Манша, прямо, можно сказать, в лоб немецким страшным укреплениям. То есть еще высаживаются, и парашютисты падают массами. Я слышала с 2 часов ночи, что все авионы над нами летают, и так до утра. Так что в 6 часов встала, разбудила Антона Ивановича и говорю — что-то случилось. Взались за пост и узнали, что союзная авиация и флот разносят береговые укрепления и парашютисты падают в Нормандии. Началось... В 7 часов все местные люди про это только и говорят. В 8 часов мы уже знаем, что высаживаются в нескольких местах на пляжах... Ох, только бы удалось теперь...

3 июля 1944 года

Минск обходят и с севера, и с юга. Так долго отдыхавшая тесемочка на большой русской карте теперь передвигается каждый день.

Антон Иванович, выслушав вечером московскую сводку, вооружился молотком и передвигает булавки и гвоздики.

Как они идут хорошо и как правильно маневрируют!

И как болит старое русское солдатское сердце...

2 августа 1944 года

(Ксения Васильевна вышла на улицу поговорить с соседями. Разговор, по-видимому, был длительный, ибо заканчивается заметка следующей фразой): «А у наших дверей меня с нетерпением ждал Антон Иванович, так как что-то выкипело на плите».

11 августа 1944 года

Вчера была нездорова и спала плохо. Утром позднее обыкновенного Антон Иванович разбудил меня, сказав, что американцами взят Шартр. Шартр? Но это невозможно, они же вчера были более чем за 100 километров от него! Однако пришлось сдаться на очевидность, ибо пост на всех языках подтвердил. Смелым рейдом колонна теперь достигла Шартра в 75 километрах от Парижа. Все радуются...

15 августа 1944 года

Мы стояли у нашего двора целый кучой, обсуждая события и наблюдая за возней немцев, которые все прибывали и прибывали в наше местечко. По слухам, они стягивают сюда все гарнизоны маленьких соседних деревень и далеких бункеров. Как вдруг в вечерней тишине звонко и четко раздался французский военный сигнал, который мне был знаком, так как слышала его часто из Алжира и Лондона по радио. Мы все молча смотрели в сторону приближающихся звуков, мимо нас проехал камин, нагруженный плотно стоящими черными французскими военнопленными... Один негр, в самой середине, подняв вверх инструмент, трубил весело и громко, а остальные, скаля зубы, задорно смеялись и кричали нам что-то. У откидной сходни грузовика флегматично сидели два немецких часовых и ели яблоки. Через несколько дней германская оккупация Мимизан была закончена.

22 января 1945 года

Вся мировая пресса только и говорит о советских победах...

Мы, русские, всегда знали, на что способен наш народ. Мы не удивились, но мы умилились и восхитились. И в нашем изгнании, в нашей трудной доле на чужбине почувствовали, как поднялась и наполнилась наша русская душа.

Наполнилась гордостью, но и болью, и сомнением.

Что несет России и всему миру победа? Разве это во имя величия России... разве для будущего справедливого и лучшего жития всех людей —эта победа? А не для выполнения дьявольского плана привития человечеству изуверской доктрины, которая пришла в голову одному маньяку, а воспользовался ею другой маньяк? Воспользовался для удовлетворения своего незаурядного честолюбия, своего чудовищного властолюбия и своей бесчеловечной природы. И все русское геройство, все невероятные жертвы—лишь дань этому Молоху, лишь часть этого страшного плана.

19 мая 1945 года

Поймали Розенберга. Вот кого следует выдать советам, и пусть его судят как хотят. Этот все заслужил!

5 июня 1945 года

Вот мы и в Париже. Конец пятилетней ссылке, конец огородам, лесным прогулкам и общению с людьми маленькими, но непосредственными и настоящими. Много рук я пожала со слезами и с сознанием, что вряд ли еще их встречу.

...Трудна была наша жизнь эти пять лет. Но я не жалею, и кусочек моей жизни, прошедший в случайной глуши Франции, открыл мне больше ее лицо и ее душу со всеми недостатками и достоинствами, чем предыдущие 15 лет парижской жизни.

Даже после пяти лет войны и оккупации Париж, потускневший и погрязневший, все же был прекрасен. Но для Деникина возвращение в этот город было сопряжено с большим разочарованием. Удручали его произошедшие изменения со многими из близких ему людей к концу войны и после освобождения Франции. Когда стали известны подробности того, что творилось в Аушвице, Дахау и других нацистских концлагерях,—весь мир содрогнулся от ужаса. Говорили только о германских зверствах, но о коммунистических зверствах и советских расправах с политическими врагами внутри страны предпочитали замалчивать. В этот период замалчивания Деникин, один из очень немногих, продолжал открыто клеймить и то, и другое зло.

Надо отметить, что А. И. Деникину, скончавшемуся в августе 1947 года, не были тогда известны многие факты, опубликованные впоследствии. Он не знал (ибо немцы это скрывали, а сведения и слухи не дошли до захолустья), что многие, очень многие русские эмигранты младшего поколения, жившие во Франции, активно участвовали в подпольной борьбе с фашистами и что многие приняли мученический конец в германских тюрьмах и лагерях.

Удручало Деникина появившееся во время войны и усилившееся к концу ее движение в некоторых кругах эмиграции на сближение с советской властью. Тоска по родине, победное шествие русских войск, разгром Германии — все это, взятое вместе, давало какую-то надежду на патриотический подъем внутри России, на то, что армия окажется сильнее партии, что советская власть должна будет пойти на уступки.

Деникин утверждал, и оказался прав, что все эти надежды ложны, что эта новая «ересь», прикрытая именами людей, пользовавшихся уважением среди эмиграции, приведет лишь к новому соблазну и конфузу.

Осуждал он группу видных парижских эмигрантов, принявшую приглашение посетить советское посольство в Париже. Возмущался Деникин поведением историка и политика Милюкова, который за долгую свою жизнь, пережив немало «ориентаций», под конец признал Октябрьскую революцию органической частью национальной истории и, оценивая высоко советское достижение, считал, что «народ не только принял советский режим, но примирился с его недостатками и оценил его преимущества». Чего Деникин не мог простить Милюкову — это его утверждения, что «когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней».

Цель оправдывает средства — принцип, который Деникин отрицал.

Но, осуждая некоторых общественных деятелей за их готовность идти на примирение с советской властью, за их «советскую Каноссу», Деникин признавал, что и Милюков и другие во время германской оккупации вели себя — с точки зрения русской — безупречно и с достоинством. Безупречно было также поведение писателя Бунина. Имя лауреата Нобелевской премии слишком хорошо знали в Европе, и немцам, естественно, хотелось вовлечь его в свою работу. Но попытка использовать имя Бунина в целях пропаганды кончилась так же неудачно, как и попытка использовать имя генерала Деникина. Искушение куском хлеба не удалось. Оба предпочли жить впроголодь.

В Париже к длинному перечню разочарований прибавилось еще одно, и, пожалуй, самое горькое и жестокое, — среди близких людей и соратников, членов Добровольческого союза, с кем связы-

вало не только прошлое, но и единомыслие в исповедовании белой идеи, среди этих людей Деникин почувствовал отчуждение. Они относились к нему с той же любовью, с тем же уважением, как прежде. Но это была любовь к прошлому, к героическим страницам белой борьбы и ее вождю Деникину.

Теперь же, после блестящих побед Красной армии, когда заходил разговор о непримиримости к советскому строю, некоторые из них молчали и даже находили какое-то оправдание.

У Деникина к тому времени сложилось убеждение, с которым он прожил два оставшихся года и унес с собой в могилу.

Он считал, что советская внешняя политика после конца войны, с большевистской оккупацией соседних государств, своим методом террора и порабощения, восстанавливает понемногу весь мир против СССР (и против России), что эта политика коммунистического империализма, провокационная и угрожающая в отношении к бывшим союзникам, грозит в случае военного столкновения с ними обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа. Он считал, что в случае новой войны Россия благодаря советской агрессии окажется буквально одна против всех. И потому он ожидал, если, конечно, не от эмиграции вообще, то во всяком случае от участников белого движения, что они проведут резкую грань между Россией с ее национальными интересами и советским империализмом.

«Решительно ничто жизненным интересам России не угрожало бы,—говорил он,—если бы правительство ее вело честную и действительно миролюбивую политику. Между тем большевизм толкает все державы на край пропасти, и, схваченные наконец за горло, они подымутся против него. Вот тогда страна наша действительно станет перед небывалой еще в ее истории опасностью. Тогда заговорят все недруги и советов... и России. Тогда со всех сторон начнутся посягательства на жизненные интересы России, на целостность и на само бытие ее.

Вот почему так важно, чтобы в подлинном противобольшевистском стане... установить единомыслие в одном, по крайней мере самом важном вопросе — защита России. Только тогда голос наш получит реальную возможность рассеивать эмигрантские наваждения—подкреплять внутри российские противобольшевистские силы и будить мировую совесть»,

На подобные речи многие из когда-то близких Деникину людей не отвечали, из уважения к нему не желая противоречить. Он видел в этом «умалчивание» и «неосуждение» советов, приписывал эти перемены тем же ошибочным, с его точки зрения, побуждениям ложного патриотизма... и чувствовал, что постепенно брешь, которая вдруг разверзлась между ним и его прежними единомышленниками, становилась все шире и шире.

Быть может, в это взаимное непонимание вкралось подсознательное чувство, что после пяти лет зверств, варварства, атомной энергии, вдруг и неожиданно направленной на массовое истребление неприятеля, что после всего этого призыв к гордости русской эмиграции «будить мировую совесть» — есть дело не совсем реальное...

Но если возможен был упрек в нереальности, то упрек в том что Деникин якобы призывал к войне против России, упрек, который делала ему потом противобольшевистская печать, — был несправедлив. Деникин болел душой по России. Он больше всего боялся, что коммунистическая власть в стремлении силой, обманом или «проворством рук» захватить чужое достояние дойдет до тех пределов, откуда выхода больше нет, и что тогда весь мир обрушится войной против России.

Наступившее после войны расхождение во взглядах с близкими когда-то людьми было одной из причин, побудивших Деникина решиться на отъезд в Америку. Кроме того, в Париже перестали выходить русские газеты, в которых Антон Иванович мог высказывать свои взгляды, помещать статьи. Появились новые, просоветские газеты. Во Франции 1945 года Деникину была закрыта свободная трибуна.

Еще одна причина: он глубоко переживал трагедию русских военнопленных, надевших немецкий мундир. По Ялтинскому договору союзники обязались возвратить их в Советский Союз. Соединенные Штаты были во главе всей коалиции воюющих стран Запада, и там, за океаном, Деникин хотел лично обратиться к американскому главному командованию и общественному мнению с призывом не допустить этого насилия.

Антон Иванович и Ксения Васильевна покинули Францию 21 ноября 1945 года и после краткого пребывания в Англии отправились в Америку.

7 декабря они прибыли в Нью-Йорк.

XXXVII ПРИЕЗД В АМЕРИКУ

Все хлопоты и формальности, связанные с переездом Деникиных на постоянное жительство в

Соединенные Штаты, взял на себя один из бывших офицеров Добровольческой армии. Он же предоставил своему бывшему Главнокомандующему и его супруге комнату в своей квартире и оказал им сердечное гостеприимство. Там, поблизости от Нью-Йорка, Деникины прожили до сентября 1946 года. Несмотря на квартирный кризис, им удалось найти скромное, маленькое помещение в окрестностях города и таким образом, как говорил Антон Иванович, «приобрести некоторую оседлость».

Первое известие о решении Деникина переехать в Соединенные Штаты было полной неожиданностью для американцев русского происхождения. Они узнали о нем из заметки в нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 5 декабря 1945 года, где сообщалось, что «генерал Деникин покинул Францию и выехал по иммиграционной визе в С. Штаты». Дальше корреспондент газеты добавлял, что отъезд Деникина вызвал в русском Париже много толков и даже некоторое беспокойство в связи с усилившимся советским влиянием во Франции.

9 декабря, через два дня после приезда Антона Ивановича в Америку, в той же газете была напечатана довольно обширная беседа с ним.

«Антон Иванович Деникин почти не изменился за последние пять лет, тот же твердый, стальной взгляд, все та же осторожная точность выражений. И политически его взгляды за эти годы не изменились: бывший Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России остался патриотом и антибольшевиком. Он по-прежнему с русским народом, но не с советской властью».

На вопрос: чем вызван его отъезд из Франции, А. И. Деникин ответил, что «во Франции стало душно», что нет свободной русской печати, что русские газеты выходят там под «прямым или косвенным советским контролем» и что, следовательно, ему, Деникину, там закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати.

Газетная статья, в высшей степени корректная в отношении Деникина, заканчивалась утверждением, что в Америке он найдет свободную трибуну и возможность защищать свои политические идеалы.

В дальнейшем мы увидим, насколько это предсказание сбылось.

Приезд генерала Деникина в Америку взбудоражил местных коммунистов. Против него началась систематическая травля в пробольшевистской печати. Обвиняли его в желании организовать новый крестовый поход против Советского Союза, называли черносотенцем и врагом народа. Обвиняли его в еврейских погромах на Юге России во время гражданской войны; устраивали «массовые митинги», требуя от американских иммиграционных властей немедленной высылки Деникина из Соединенных Штатов. Некоторые органы еврейской печати в Нью-Йорке, вроде «Морген журнал» и «Форвертс», тоже выступили против Деникина. В весьма нелестных выражениях по адресу генерала винули его в попустительстве погромам.

«Морген журнал» в азартном потоке своих обвинений настолько увлекся, что смешал Деникина в одну кучу с «Петлюрой, Махно и другими белогвардейскими черносотенцами».

Надо думать, что бывший социалист Петлюра (убитый в 1926 году в Париже Шаломом Шварцбардом в отместку за еврейские погромы на Украине) и особенно полуграмотный крестьянин анархист Махно, странной волей судьбы попавший после гражданской войны в эмиграцию и в 1935 году похороненный в Париже, оба были бы очень изумлены, увидев себя в компании «белогвардейских черносотенцев».

Досталось от «Морген журнал» не только Деникину, но и «Новому русскому слову». Начинаясь статья так: «В город самых бойких репортеров, в мировой центр еврейской печати, в страну, где находится, возможно, самое большое число евреев, помнящих еще украинские погромы, прибыл незаметно самый отъявленный из всех еще оставшихся в живых русских черносотенцев». Затем, отдав «должное» генералу Деникину, газета взялась за «Новое русское слово»: «Этот журналист, перед которым генерал Деникин излил свою душу, не был посланцем «отца» Коглина или Джеральда К. Смита, а представителем русской газеты «Новое русское слово», чей издатель — еврей В. И. Шимкин, главный редактор — еврей М. Е. Вейнбаум, а сотрудники тоже в большинстве евреи, включая нескольких известных русских евреев-социалистов и русско-еврейских писателей... Возможно ли, что евреи издатели и члены редакции «Нового русского слова» забыли все это и устроили столь дружеский прием генералу Деникину только потому, что он делит их вражду к Советской России?»

За долгие годы жизни в эмиграции Антон Иванович привык, конечно, к травле в коммунистической печати и потому новую версию на старые темы оставил без внимания. Но на травлю в еврейских газетах Деникин решил реагировать.

«Я узнал, что в вашей газете помещена статья, воздвигающая на меня необоснованные и оскорбительные обвинения», — писал он в редакцию как «Морген журнал», так и в редакцию «Форвертс». Сообщаю вам:

1) Никаких «тайных» задач у меня не было и нет. Вся жизнь я работал и работаю на пользу русского дела — когда-то оружием, ныне словом и пером — совершенно открыто.

2) В течение последних 25 лет я выступал против пангерманизма, потом против гитлеризма в

целом ряде моих книг и брошюр, на публичных собраниях в разных странах, в пяти европейских столицах. Книги мои попали в число запрещенных и были изъяты гестапо из магазинов и библиотек. Пять лет немецкой оккупации я прожил в глухой французской деревне под надзором немецкой комендатуры, не переставая все же распространять противонемецкие воззвания среди соотечественников.

Эта моя позиция, равно как и несправедливость обвинения меня газетой в «черносотенстве», известна всей русской эмиграции. К сожалению, неизвестна редакции вашей газеты».

Касаясь обвинения в погромах, А. И. Деникин писал, что «волна антисемитских настроений пронеслась по югу России задолго до вступления белых армий в «черту еврейской оседлости», что «командование принимало меры против еврейских погромов» и что «если бы этого не было, то судьба еврейства южной России была бы несравненно трагичнее».

После встречи в Мимизан с русскими военнопленными Деникина волновала их судьба. Личное общение с ними открыло ему ту глубокую драму, которую переживали в душе своей эти люди. Теперь же его мучила мысль, что в оккупированной союзниками Германии и Италии сидят в лагерях сотни тысяч человек, что им грозит выдача советской власти, которая с необыкновенным, зловещим упорством добывается этой репатриации. «Знала ли история, — говорил он, — подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны, где протекала вся их жизнь и где, следовательно, сосредоточились все их интересы, где остались их семьи и близкие, — не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до сумасшествия, до самоубийства...» Деникин считал, что «подобный торг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская мораль, достоинство и честь человека». Он указывал: «Все эти люди — мужчины, женщины, дети, старики — чувствуют себя на краю пропасти, перенесли такие лишения, страдания, что, если описать все, ими пережитое, получилась бы небывало жуткая книга человеческой скорби. Они стучатся, — говорил Деникин, — во все сердца, они шлют повсюду свое тревожное SOS, не переставая верить, что и за ними будет признано право на жизнь».

Молчать Деникин не мог и решил открыто выступить ходатаем перед американскими властями за невыдачу большевикам «власовцев», попавших в плен к англо-американцам. Вот выдержки из текста его письма от 31 января 1946 года генералу Эйзенхауэру:

«Ваше Превосходительство,

В газете «Таймс» я прочел описание тех ужасов, которые творятся в лагере Дахау, находящемся под американским управлением, над несчастными русскими людьми, которых называют то «власовцами» то «дезертирами и ренегатами» и которые предпочитают смерть выдаче их советской власти.

Полагая, что Вам неизвестна подлинная история этих людей, я хочу познакомить Вас с ней».

И тут генерал Деникин вкратце изложил те факты, которые, с его слов, уже цитировались в одной из предыдущих глав.

«Я встречался, — писал он, — и беседовал во время немецкой оккупации с сотнями русских солдат и офицеров, состоявших на германской службе, среди которых были люди разного возраста и социального положения — были беспартийные, были комсомольцы и коммунисты. Поэтому я хорошо знаю их тогдашние настроения. Прежде всего среди них совсем не было германофильства, они даже ненавидели немцев и, попав в среду французского населения, выражали эти свои чувства словами и мимикой так открыто и экспансивно, что французы стали относиться к ним с сочувствием и доверием.

Люди эти попали в тупик и искали выхода.

Они придумывали самые фантастические планы — то переход через испанскую границу, то переправа на лодках через Ла-Манш в Англию... Общей была решимость — при приближении союзников перебить немецкое начальство и перейти на сторону англо-американских войск или французских партизанских отрядов.

Вашему Превосходительству должно быть известно, что так именно и поступило большинство русских батальонов.

Когда война окончилась, появились в печати объявления советского генерала Голикова, заведующего репатриацией военнопленных и обещавшего, что все понято, прощено и забыто. Многие поверили, явились на сборные пункты и были отправлены в СССР. Но скоро оттуда всякими путями пришли вести о том, какая страшная доля уготована всем бывшим пленным и особенно «надевшим немецкие мундиры», этих последних ждали пытки и смерть...

Так что эти несчастные люди отлично знают, что ждет их в «советском раю», и неудивительно поэтому, что собираемые в Дахау военнопленные предпочитают искать смерти на месте, и какой смерти!.. Перерезывают себе горло маленькими бритвенными лезвиями, испытывая невероятные предсмертные муки; поджигают свои бараки и, чтобы скорее сгореть живьем, сбрасывают с себя одежду; подставляют свои груди под американские штыки, и головы под их палки — только бы не попасть в большевистский застеноч...

Я могу себе представить, какие чувства должны испытывать американские офицеры и солдаты—участники таких экзекуций...

Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются «Ялтинские параграфы», но ведь существуют еще, хотя и попираемые ныне, традиции свободных демократических народов —право убежища. Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом. Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию.

Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату и надеюсь, что голос мой будет услышан.

Генерал А. Деникин».

В отсутствие генерала Эйзенхауэра ответ пришел за подписью генерала Томаса Ханди, исполнившего обязанности начальника штаба.

Он указывал на параграфы Ялтинского договора, требующие насильственной репатриации в Советский Союз всех тех, кто 1 сентября 1939 года был гражданином СССР, находился в пределах Советского Союза и принадлежал к одной из следующих категорий:

1) был захвачен в плен в германской военной форме; 2) состоял 22 июня 1941 года (или позже) в вооруженных силах Советского Союза и не был из них уволен; 3) сотрудничал с неприятелем и добровольно оказывал ему помощь и содействие.

В заключение генерал Ханди сообщал, что американская армия обязана выполнять решение, принятое правительством Соединенных Штатов.

Ответ, по существу деловой, по форме своей был вполне корректен, но с обращением "Mister" хотя чин и прошлое звание генерала Деникина были указаны в письме, которое он отправил Эйзенхауэру. Вряд ли генерал Ханди имел хотя бы малейшее представление об истории русской гражданской войны и о личности того, кому он отвечал.

Несколько лет спустя Фишер в своей книге дал ответ на вопрос, почему тогда никто в Америке не двинул пальцем, чтобы помочь «власовцам».

Фишер правильно отметил, что в глазах Запада, который в тот момент яростно ненавидел Германию и наивно верил в возможность дружбы с советами, люди, принадлежавшие к категории «власовцев», являлись предателями. И трагедия этих несчастных заключалась именно в том, что при подобных обстоятельствах не могло быть и речи о праве убежища, когда-то гордом принципе западных демократий».

Со временем, но уже после смерти Деникина политические трения и разногласия, быстро нараставшие между Вашингтоном и Москвой, более, чем чувство справедливости, действительно открыли двери в Соединенные Штаты тем, кого еще не успели выдать советским властям.

В начале 1946 года Антон Иванович сделал в Нью-Йорке два доклада.

Первый доклад «Мировая война и русская военная эмиграция» не являлся публичным выступлением. Это было закрытое, но многолюдное собрание 21 января. Билеты на него, разосланные по особому списку, включали лишь бывших русских офицеров и участников гражданской войны, обосновавшихся в Америке. Кроме желания познакомиться известную группу лиц со своими взглядами А. И. Деникин хотел также «войти в личное общение с уцелевшими от жизненных бурь соратниками по старой армии», от которых в течение многих лет отделяли его тысячи километров и океан.

Несмотря на плачевное материальное положение Деникина, сбор с первого доклада пошел целиком в пользу Союза русских военных инвалидов во Франции.

Второй доклад (5 февраля) на тему «Пути русской эмиграции» был публичным выступлением. Это был первый заработок Антона Ивановича в Америке. Лекция принесла генералу несколько сот долларов, и дала ему краткую передышку от безденежья.

Свое двухчасовое публичное выступление А. И. Деникин закончил призывом к русской эмиграции стоять на страже национальных интересов России и все тем же призывом: «будить мировую совесть».

К началу лекции ожидалась «грандиозная массовая демонстрация». Коммунистическая печать призывала всех сочувствующих явиться на демонстрацию с протестом против «лидера погромщиков», недавно прибывшего в США генерала Деникина, который пытается мобилизовать силы реакции и поджигать третью мировую войну.

Однако к 8 часам вечера линия пикетчиков насчитывала лишь около 35 человек. Когда доклад кончился, пикетчики убрали свои плакаты и мирно разошлись по домам.

XXXVIII ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Деникин с волнением следил за ростом коммунистического влияния на всем огромном пространстве Европы и Азии. Он опасался, что американская демобилизация и разоружение создадут условия, при которых правительство Сталина поставит Соединенные Штаты и Англию перед необходимостью вместо дипломатических протестов начать вооруженную борьбу.

Подобное столкновение грозило бы русскому народу неисчислимыми бедствиями. Предотвратить столкновение казалось ему почти невозможным. И потому он решил высказать власть имущим в демократических странах те меры, которые в случае войны оградили бы страну его — Россию — о т раздела и чужеземного ига. И он решился на посылку записки-меморандума правительствам Англии и Соединенных Штатов.

В этом решении было что-то патетически нереальное. Казалось бы, чего мог добиться человек, имя которого в Соединенных Штатах (если и не окончательно позабытое) ошибочно связывалось в глазах американской читающей публики с понятием злостной реакции и обскурантизма?

И в то же время в решении Деникина было желание «служить России, бороться все за ту же «великую, единую, неделимую...». Он считал нужным довести до сведения Вашингтона и Лондона мнение тех, кто, с его точки зрения, представлял интересы не СССР, а подлинной России.

Записка генерала Деникина, озаглавленная «Русский вопрос», была отправлена 11 июня 1946 года. Разбирая в ней внутреннее положение Советского Союза, Антон Иванович говорил, что в данное время третья мировая война Советскому правительству не желательна, но что мировая революция остается конечной целью коммунизма, а потому правительство Сталина будет стремиться «взорвать мир изнутри» или по крайней мере ослабить его в такой степени, чтобы он стал легкой добычей. Деникин указывал, что Франция и Италия после морального потрясения последних лет и Испания, только что пережившая гражданскую войну, могут легко поддаться соблазну коммунизма.

И тут Антон Иванович сосредоточился на главной теме своего меморандума.

«Если западные демократии, — писал он, — спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо, чтобы противобольшевистская коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную.

Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота».

Личная жизнь Антона Ивановича постепенно входила в привычные рамки. Людей, которых он знал по своей прошлой деятельности, в Нью-Йорке было мало, всего человек пять-шесть. Из них самым близким человеком была графиня Софья Владимировна Панина, одна из выдающихся русских женщин. Она была известна на всю Россию своей культурно-общественной деятельностью и созданием Народного дома в Петербурге.

В 1901 году, когда Лев Николаевич Толстой перенес тяжелую болезнь, графиня Панина предоставила ему в полное распоряжение свое имение на Южном берегу Крыма около Гаспры. «Живя здесь в роскошном палаццо, — писал Толстой в своем дневнике, — в каких никогда не жил: фонтаны, разные поливаемые газоны в парке, мраморные лестницы и т. д. И кроме того, удивительная красота моря и гор».

Графиня Панина смотрела на свое очень большое состояние, как на средство удовлетворять духовные потребности тех, чьи материальные возможности этого не позволяли. Щедро, умно, тактично и с невероятной личной скромностью шла она навстречу культурным начинаниям своей страны.

Панина была выбрана Антоном Ивановичем одним из двух «душеприказчиков» в его завещании. Другим был полковник А. А. Колчинский, близкий родственник генерала Корнилова. Завещание это от 29 сентября 1942 года было составлено генералом во время немецкой оккупации «на случай ареста и гибели» его и жены.

Через графиню Панину и других своих старых друзей Антон Иванович быстро расширил круг знакомств с американцами русского происхождения. Их привлекали в Деникине окружавший его ореол первых легендарных походов, твердость, честность и гражданское мужество. Новым знакомым генерала запомнились глаза из-под густо нависших бровей, глаза большие, умные, с твердым, пронизывающим взглядом и в то же время с оттенком глубокой печали. Глаза человека, много пережившего.

Новые знакомые Антона Ивановича старались так или иначе помочь и наладить материальное положение генерала. Скупой на разговоры о себе, он только итожил: «У меня нет здесь экономической базы». В переводе на простой язык это означало, что у него не было ни копейки за душой.

Расширить «экономическую базу» мог его литературный труд; и с этой целью привлечен был

Николай Романович Вреден, занимавший ответственную должность в одном из больших книгоиздательских предприятий в Нью-Йорке. В юности Вреден тоже участвовал в белом движении. Он относился с большим уважением к генералу и ценил его писательский талант. Вреден сразу же заинтересовался книгой, над которой работал тогда Деникин (автобиография), и предложил Антону Ивановичу содействие в его литературных трудах и в переводе их на английский язык.

«Понемногу начинаем приспособляться к американской жизни,—писал Антон Иванович в августе 1946 года одному из своих бывших офицеров в Польше. —Обзавелись добрыми знакомыми, среди них много сохранивших традиции добровольцев, несколько первопроходников. «Бойцы вспоминают минувшие дни»... Сейчас мы в деревне, на даче, но к сентябрю, невзирая на сильнейший квартирный кризис, нам удалось найти маленькую квартирку в окрестностях Нью-Йорка. Таким образом, приобрели некоторую оседлость.

По предложению солидного издательства пишу книгу. Вернее, работаю одновременно над двумя книгами —о прошлом и о настоящем.

И я и жена похварываем. У меня —расширение аорты, начавшееся в приснопамятные парижские дни — огорчений и разочарований».

С началом весны 1946 года Деникин целые дни проводил в нью-йоркской публичной библиотеке на 42-й улице. Углубившись в чтение, с карандашом и бумагой, чтобы делать нужные пометки, сидел он за одним из больших столов в славянском отделе на втором этаже. Скромный сандвич в маленьком пакете, приготовленном дома, был единственным получасовым перерывом в усидчивой и кропотливой работе по сбору и проверке материала, касающегося военных действий на русском фронте в первую мировую войну. Это требовалось для книги, которая после смерти его вышла незаконченной под заглавием «Путь русского офицера».

Собирал он также материал для другой книги — «Вторая мировая война, Россия и зарубежье», над которой работал одновременно со своей автобиографией и которая тоже осталась незаконченной и необработанной. Материал этот, частью использованный в данной книге, никогда не был напечатан и хранится в виде рукописи в Русском архиве Колумбийского университета.

В 1953 году, через шесть лет после смерти А. И. Деникина, его незаконченная автобиография была издана на русском языке издательством имени Чехова в Нью-Йорке, Созданное на средства «Форд Фаундэшон», это издательство за краткий срок своего существования обогатило русскую мемуарную литературу многими ценными произведениями.

Свободное время Антон Иванович посвятил пересмотру и редактированию дневников своей жены, с мыслью (когда представится возможность) частично их опубликовать.

Закончил он в Америке свой ответ на труд генерала Н. Н. Головина «Российская контрреволюция» и озаглавил его «Навет на белое движение». Эта неопубликованная рукопись представляет большой интерес для всех, занимающихся изучением гражданской войны на Юге России. Она дает ответы бывшего Главнокомандующего на критику его политических и стратегических решений.

Вообще трудоспособность, энергия и творческая деятельность не покидали А. И. Деникина до самой его смерти.

Время от времени, а под конец все чаще и чаще, давала знать-болезнь сердца.

По настоянию знакомых Антон Иванович обратился в начале 1947 года за медицинским советом кроме своего русского врача в Нью-Йорке к одному доктору «из немцев».

Жизнь подходила к концу. Медленной поступью приближался он к горизонту, за которым лежала великая и неразгаданная тайна. Как верующий христианин, Антон Иванович не боялся смерти. На последнем суде он готов был с чистой совестью дать отчет во всех своих поступках, в прегрешениях вольных и невольных. Одного боялся Деникин, что не доживет до «воскресения» России, не увидит разрушения того зла, борьбе с которым он посвятил все свои силы.

К середине 1947 года грудная жаба стала для Антона Ивановича почти невыносимым мучением, и «беспричинные» схватки не давали ему покоя.

Тем не менее, чтобы избежать летней жары в Нью-Йорке, Деникины решили воспользоваться приглашением одного из своих знакомых провести у него на ферме летние месяцы в штате Мичиган.

Там 20 июля случился с Антоном Ивановичем сильнейший сердечный приступ. Его сразу перевезли в ближайший город Анарбор и поместили в больницу при Мичиганском университете. Через два-три дня он почувствовал себя немного лучше и попросил жену принести ему рукопись, чтобы продолжать работу над автобиографией. Попутно, для собственного развлечения, составлял он крестословицы.

Но дни были сочтены. Вскоре повторный сердечный приступ оборвал эту жизнь, полную борьбы и веры. И несмотря на все удары судьбы, на всю, казалось бы, безнадежность политической обстановки, генерал Деникин, как это ни странно, до последней почти минуты верил в какое-то чудо, ибо последние его слова жене были: «Вот не увижу, как Россия спасется!»

Скончался Антон Иванович 7 августа 1947 года на семьдесят пятом году жизни и после

отпевания в Успенской церкви города Детройта временно был погребен с воинскими почестями американской армии на кладбище в Детройте. Воинские почести были оказаны ему, как бывшему Главнокомандующему одной из союзных армий первой мировой войны.

Прах его сейчас покоится на русском кладбище Святого Владимира в местечке Джаксон штата Нью-Джерси. Но последним его желанием было, чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в России изменится, был перевезен на родину.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ (1992 г.)

Перед тобой читатель, первая книга о трагической судьбе русского человека, русского генерала. Об одном из тех, кто создал белое движение борьбы с большевизмом и осенил его кровавыми знаменами. Книга, возвращающая нам правду об Антоне Ивановиче Деникине — личности, уже принадлежащей истории, но тем не менее во многом для вас неизвестной, сокрытой за завесой «смутных» времен, жестоких стереотипов сталинщины и последующего умолчания.

Время дает нам право ответить наконец на вопрос: чем же были в русской истории Деникин и деникинщина?

Черная вежа в судьбе Отечества, наметившая беспощадное противостояние народов в гражданской войне? Еще несколько лет назад мы ответили бы на этот вопрос однозначно утвердительно. Сегодня же, когда рушится вся устоявшаяся система взглядов на прошлое и деяния людей прошлого, необходимо по справедливости, объективно оценить и такую сложную, противоречивую фигуру, как Антон Иванович Деникин.

Ведь пока со страниц наших учебников мы безоговорочно принимали лозунг «Все на борьбу с Деникиным», Вильям Чемберлин, двенадцать лет проведший в Советской России, считал, например, что история не только России, но и Европы была бы намного счастливее, если бы поход Деникина увенчался успехом. Суждения резко противоречат Друг другу, а где же истина?

Наверное, на историю не может быть единых и даже похожих взглядов. А истина — в правдивости известных фактов.

Книга Димитрия Леховича «Белые против красных» в первую очередь и привлекла нас тем, что на основании документов и материалов, хранящихся в зарубежных архивах, автор пытается исследовать природу такого явления, как Деникин, проанализировать его жизненный путь, взгляды, убеждения, причины крушения идей. Димитрий Лехович представляет свою версию исторических событий первой мировой войны, падения монархии, Корниловского мятежа, гражданской войны, движения донского и кубанского казачества в 1918—1920 годах. Этот взгляд сдержан, без ненужных преувеличений, восторгов и экзальтации. Лехович не идеализирует ни самого Деникина, ни деникинщину, он видит все просчеты и неудачи белого движения. И с другой стороны, — в его суждениях нет слепой ненависти к большевикам и их вождям. Главный герой книги в конечном счете — Россия, ее свершившаяся и несвершенная судьба.

Поучителен нравственный пример Деникина — человека удивительной личной скромности, покинувшего Россию нищим генералом, тогда как многие другие его сослуживцы успели награть целые состояния. Это выдающийся русский патриот, который, рискуя жизнью и благополучием своей семьи, решительно отказался служить фашистам в годы второй мировой войны. Он искренне радовался победам Красной армия над гитлеровцами, хотя всю жизнь оставался непримиримым противником большевизма.

Готовя рукопись к изданию, мы не стали корректировать авторские оценки, изложение фактов, трактовку тех или иных событий, заново воссозданных в книге. Мы оставили все так, как было у Димитрия Леховича, потому что очень многие из политических событий тех лет имеют поразительную актуальность и сегодня. Это и угроза распада России по национальным «квартирам», и разрушение армии, и потеря управления в стране, безвластие и многое другое. И мы сохранили авторскую мысль и авторскую редакцию.

Димитрий Лехович, которому сегодня 91 год, с энтузиазмом встретил нашу работу над рукописью. Однажды его книга уже вышла на английском языке в нью-йоркском издательстве «Нортон», но впервые автор предоставил право издания книги «Белые против красных» в России нам — объединению «Воскресенье». Димитрий Лехович очень хотел, чтобы с его книгой познакомились миллионы русских читателей.

Мы благодарим князя Сергея Леонидовича Урусова, также живущего в Нью-Йорке, за оказанное содействие в издании книги.

С о д е р ж а н и е

- Предисловие автора к русскому изданию его книги
От автора
I. Далекое прошлое
II. Между двумя войнами
III. Первая мировая война
IV. Год расплаты
V. Новые веяния
VI. Разложение
VII. Борьба с развалом
VIII. Ставка намечает противодействие
IX. Переходная фаза
X. "Наступила долгая ночь без сна"
XI. Дело Корнилова
XII. Дело Корнилова (продолжение)
XIII. Заключение в Быхове
XIV. Начало белого движения
XV. Первый кубанский поход
XVI. После первого похода
XVII. Второй кубанский поход
XVIII. Лето и осень 1918 года
XIX. Надежды и разочарования
XX. Широкое наступление
XXI. Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России
XXII. В тылу деникинского фронта
XXIII. Внешние сношения и внутренние нелады
XXIV. Перелом
XXV. Покушение на власть
XXVI. По наклонной плоскости
XXVII. Моральное одиночество
XXVIII. Пребывание в Англии
XXIX. Работа над "очерками"
XXX. Писательская братия
XXXI. Наблюдения со стороны
XXXII. Советские агенты
XXXIII. "Я не приемлю ни петли, ни ига"
XXXIV. Под немцами
XXXV. Под немцами
XXXVI. Радость и горе
XXXVII. Приезд в Америку
XXXVIII. Последний год
От издателя (1992 г.)